

МОУДИ

Моуди здесь
как живой.
Сердечно
рекомендую
эту книгу
каждому
христианину.

БИЛЛИ ГРЭМ

Джон Поллок

Предисловие Луиса Палау

ДЖОН ПОЛЛОК

Моуди

«БИБЛИЯ ДЛЯ ВСЕХ»

2002

J. C. Pollock

MOODY

Christian Focus, Baker Books Published as *Moody Without Sankey* in 1995 by Christian Focus Publications Ltd.

© J. C. Pollock, 1995

Основные даты жизни Моуди

- 1837: 5 февраля — рождение в Нортфилде, штат Массачусетс
- 1854: переезд в Бостон
- 1855: 21 апреля — обращение
- 1856: переезд в Чикаго
- 1858: основание воскресной школы
- 1860: прекращение занятий бизнесом. Работа на ИМКА
- 1861 — 1865: военный капеллан во время Гражданской войны
- 1862: брак с Эммой Ревелл
- 1866: президент ИМКА в Чикаго
- 1867: первая поездка в Британию
- 1870: встреча с Сэнки
- 1871: пожар в Чикаго; духовный кризис; «Пятидесятница»
- 1873 — 1875: первая британская кампания
- 1875: переезд в Нортфилд
- 1876: основание церкви на Чикаго-авеню
- 1876 — 1877: кампании в Чикаго, Нью-Йорке, Бостоне и т. д.
- 1880: основание в Нортфилде женской семинарии. Основание Нортфилдской конференции
- 1881: основание школы для мальчиков «Гора Ермон»
- 1882: послание к Кембриджскому университету
- 1883 — 1884: вторая Лондонская кампания
- 1885: помощь в основании Студенческого добровольного движения
- 1889: основание Библейского института Моуди
- 1891 — 1882: последующее служение в Британии; посещение Палестины
- 1899: последняя кампания, болезнь в Канзасе, 22 декабря — смерть в Нортфилде

Содержание

Основные даты жизни Моуди
Предисловие к юбилейному английскому изданию
Введение

Часть первая БЕЗУМЕЦ МОУДИ (1837— 1871)

- 1: Мальчик с кривыми мизинцами
- 2: Восход в Бостоне
- 3: Чикагский бизнесмен
- 4: «Мчись быстрее, не то взорвешься»
- 5: Друг детей
- 6: Барабаны в Теннесси
- 7: Служба спасения
- 8: Жестокие насмешки
- 9: Незаметный парень из Ланкашира
- 10: Сэнки на ящике из-под мыла
- 11: Пожар

Часть вторая ЧЕЛОВЕК С ЗАПАДА (1872 - 1875)

- 12: Письмо, оставшееся без ответа
- 13: Белые слоны
- 14: Северные сюрпризы
- 15: Покорение Глазго
- 16: Покорители сердец
- 17: Дорога в Лондон
- 18: Докеры и герцогини
- 19: Кульминация британской кампании

Часть третья ПЕРЕДЕЛКА АМЕРИКИ (1875 - 1881)

- 20: Нортфилдские цыплята
- 21: Всеамериканские волнения
- 22: Дилемма Моуди
- 23: Школа на холме
- 24: Оба берега реки

Часть четвертая СИЛА ХРИСТИАНСКОГО СОЮЗА (1882 - 1899)

- 25: «Данил» в Кембридже
- 26: Семена всемирного движения

- 27: Студенты-добровольцы
- 28: Мучительное рождение Библейского института
- 29: Через мрачную пропасть и морскую пучину
- 30: Несравненный Моуди
- 31: Нортфилд
- 32: Внуки
- 33: Небеса открываются

Основные источники

Об авторе

Поллок Д.

П49 Моуди: Пер. с англ. — СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 2002. — 264 с.

Книга представляет собой классическую биографию известного проповедника и миссионера Д. Л. Моуди (1837 — 1899). Читатель получает возможность проследить жизненный путь Моуди, формирование взглядов, становления неповторимого стиля его проповедей. Главным в жизни Дуайта Моуди являлось донесение Благой Вести до возможно большего количества людей. Русское издание его биографии поможет продолжателям дела благовестия.

Переводчик *О. А. Рыбакова* Редактор *Д. С. Бирюков*
Технические редакторы *Н. Н. Папаян, Д. Б. Тимофеев*
Корректор *П. И. Ярмаль*

Предисловие к юбилейному английскому изданию

В 1997 г. мы отмечаем 160-ю годовщину со дня рождения Моуди, однако до столетия со дня его смерти остается только два года. Он умер в возрасте 62 лет и 10 месяцев. За такую сравнительно краткую жизнь он преобразовал методы благовестия, привел ко Христу тысячи людей в Америке и Британии, основал учреждения, которые сохранили жизненность и силу, и оставил нам прекрасный пример христианской жизни.

В этот юбилейный год читатели могут проследить за ростом Моуди, десятилетие за десятилетием. Он никогда не переставал расти: в благодати Божьей; в видении и навыках благовествователя; как вождь и вдохновитель многих людей.

Подобно Билли Грэму, он родился в семье фермеров и отдал свое сердце Христу в юности. Моуди переехал в Бостон, чтобы работать в обувной лавке своего дяди. Здание лавки было снесено, но на стене современного дома, стоящего на ее месте, висит небольшая табличка: «Здесь находилась лавка, в которой в 1855 г. был обращен Д. Л. Моуди».

Ему еще не исполнилось двадцати, когда он уехал на запад, в Чикаго, собираясь достичь успехов в бизнесе и продолжить при этом служить Христу по мере сил. Сначала он был слишком незрел и необразован и мог лишь зазывать детей из трущоб в воскресную школу, но на третьем десятке он обнаружил свое призвание доморощенного проповедника и бросил занятия бизнесом. Он создал значительную по численности церковь искренних верующих. Он проповедовал, что Бог ненавидит не только грех, но и грешников. Несмотря на счастливый брак, семейное благополучие и талант, он мог бы так и

остаться ожесточенным проповедником, если бы не маленький обращенный вор-карманник из Англии.

Благодаря Богу, Который действовал через Генри Мурхауза, Моуди стал апостолом любви Божьей. Ему только исполнилось тридцать. Затем, в возрасте тридцати пяти, он пережил в Нью-Йорке, после Чикагского пожара, потрясающий душу опыт, показавший ему, как никогда, могущество Божье.

Ему лишь перевалило за тридцать, когда он приехал в Британию в 1873 г., никому не известный, без конкретного плана. Когда же он покидал Британию в возрасте тридцати восьми, в стране бушевало величайшее пробуждение со времен Джона Уэсли.

Когда ему перевалило за сорок, он создал великие учреждения в Нортфилде (и позже в Чикаго) и стал известен всему миру благодаря Студенческому добровольному движению, которое возникло в результате его драматического послания к Кембриджскому университету.

Я люблю Моуди, потому что он показал мне, на что способна любовь, даже перед лицом сопротивления и оскорблений. «Будьте нежны», — сказал бы он нам, как говорил о любом споре: «Разрешите его нежно». Я люблю его потому, что он заставил христиан работать вместе, независимо от ярлыков вероисповедания. Он был таким настоящим, таким человеческим, даже юмор его, как у многих представителей его поколения, проявлялся в практических розыгрышах в стиле «банановой кожуры»: не хотелось бы мне наткнуться на рассерженных пчел, когда рядом был мистер Моуди в шутливом настроении (с. 50).

Он никогда не переставал расти и отдавать. Его видение расширялось: город для Христа. Два народа для Христа. Весь мир для Христа. Его сердца росло, пока не заключило в себе все народы, всю землю, «не я, но Христос во мне».

Билли Грэма в 1950-е часто называли «Д. Л. Моуди двадцатого века». К 1990-м гг. Моуди уже стал «Билли Грэмом девятнадцатого века». Этих двух людей связывает схожее отношение к действительности — отношение, которое хорошо иллюстрирует один из эпизодов жизни Моуди. Один пожилой темнокожий проповедник сердечно пожал ему руку со словами:

— Как я рад видеть человека, которого Господь использовал, чтобы привести так много душ ко Христу!

Моуди ответил:

— Вы абсолютно правы, дядя Джон: именно человека, которого использовал Бог, — он наклонился, взял в горсть немного земли, и она просыпалась у него между пальцев, — Д. Л. Моуди был бы не больше, чем эта горстка праха, если бы его не использовал Бог.

Джон Поллок. Март 1997

Введение

Каждому христианину следовало бы прочесть «Моуди». Я прочел эту книгу, по меньшей мере, шесть раз! Невозможно, читая ее, не прийти в глубокое волнение и не испытать стремления еще больше приблизиться к Богу. Это одна из немногих книг, которые я назвал бы «обязательным чтением» для каждого христианина.

В книге этой рассказывается история жизни одного из величайших героев христианской веры. Такие книги повергают меня в трепет, потому что они показывают, как Бог может использовать и использует обыкновенных людей, подобных Д. Л. Моуди, для совершения великих дел. Обычных людей, жизнь которых отличалась следующими особенностями: личной святостью, чувством Бога, молитвами и глубоким изучением Слова Божьего, пылким стремлением спасти погибающих и решительной покорностью силе Божьей, проявлявшейся в их жизни.

Такой человек, как Д. Л. Моуди, по-прежнему оказывает на общество влияние через своих обращенных, через свои труды, свою отважную преданность авторитету Слова Божьего и личное общение с Иисусом Христом.

К сожалению, мы не так внимательно, как следовало бы, изучаем историю церкви и героев веры, действовавших в этой истории, разве не так?

Помнится, в школе я удивлялся, как некоторые учителя могут сделать нечто, столь увлекательное, как история, таким скучным! В особенности это случается с историей церкви. История церкви — это люди, обычные люди, которых Бог использовал в могуществе Своем, — люди, подобные Д. Л. Моуди. Это волнующие события, имевшие далеко идущие последствия, повлиявшие на жизнь этих людей.

Эта книга Джона Поллока - наиболее точное и подробное исследование жизни Моуди, из всех когда-либо написанных. Это история человека, который вышел из

бедной семьи с минимумом образования — и привел к покаянию два континента. Это история душевного, непритязательного гиганта, явившегося из неизвестности, чтобы работать среди оборванцев с той же непринужденностью, что и среди миллионеров, королевских особ, церковных и политических властей этого мира.

Дуайт Л. Моуди был проповедником масс. Он был идеологом миротворчества. Говорили, что Моуди в жизни своей проехал более двух миллионов километров и проповедовал Благою Весть 100 миллионам людей.

Из волнующей книги Джона Поллока мы получаем несколько ответов на вопрос, почему Бог мог использовать Моуди так потрясающе эффективно: жизнь его была на сто процентов подчинена идее обращения к Иисусу Христу как можно большего числа людей; он был человеком молитвы и глубочайшим исследователем Библии; он не сомневался в авторитете Слова Божьего; он был невероятно кроток; хотя в финансовом отношении он был весьма процветающим бизнесменом, он был свободен от власти денег; он полностью понимал значение Галатам 2:20: «И уже не я живу, но живет во мне Христос».

Бог хочет использовать вас и меня с тем же могуществом свыше, что и Д. Л. Моуди. Я верю, что, если вы прочтете эту книгу с ясным взглядом и открытым сердцем, вы осознаете свою ответственность перед Богом, свою обязанность помочь вашему поколению услышать Благою Весть и голос Божий.

Моуди жил около ста лет тому назад, но история его жизни для нас столь же значима, как и для тех, кто жил в девятнадцатом веке. Толпы большого города, так любимые Моуди, сейчас, три поколения спустя, по-прежнему с нами, в еще больших масштабах.

Неиссякающее стремление Моуди спасти погибающих должно воодушевлять нас сегодня. Его стратегия - «покори крупные города, и ты покоришь

страну» — еще более действенна сегодня, потому что основные центры влияния (средства массовой информации) сосредоточены в крупных городах.

Как вы видите, я испытываю естественный интерес к этому человеку, Д. Л. Моуди, потому что чувствую: нам, благовествователям, чрезвычайно полезен его пример. Мы пытаемся идти по его стопам, проповедуя Благоую Весть массе ныне живущих людей.

Везде, куда бы ни шел Моуди, он восхищал своих слушателей, будь то массовое собрание или личная беседа с главой государства. Университетские студенты были очарованы человеком, который из учебных заведений посещал только школу, в возрасте от 5 до 13 лет. Представители власти ощущали в нем авторитет и силу. Грубиянов с улицы буквально обезоруживало его человеческое сострадание ко всем людям.

Моуди был не просто скромным учителем Библии. Он обладал гением военного стратега. Мы, христиане, участвуем в духовной войне, и я верю, что эта книга подвигнет и наиболее образованных христиан, и самых простых верующих сражаться с большей решимостью, смелостью и верой, как велено нам делать в Ефессянам, шестая глава.

Изучая жизнь Д. Л. Моуди, я отметил три события, которые, как мне показалось, подготовили его к знаменитым международным кампаниям.

Во-первых, в феврале 1868 г. Генри Мурхауз был приглашен на кафедру в церкви Моуди. Семь вечеров он проповедовал по тексту из Иоанна 3:16: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». Вечер за вечером, Мурхауз доказывал на основании Библии, что Бог любит грешников. В частной беседе он сказал Моуди: «Учи тому, что говорит Библия, а не собственный ум, покажи людям, как любит их Бог».

Это учение подорвало веру Моуди в то, что Бог ненавидит грешников так же, как и грех. «До тех пор я и не знал, что Бог так сильно любит нас, — сказал потом Моуди, — сердце мое потеплело: я не мог сдержать слезы».

Второй случай произошел в 1870 г. на ежегодном собрании ИМКА, организации, президентом которой Моуди был в 1866 — 1869 гг. В 1870 г. Моуди, руководивший молитвенным собранием, которое проходило без энтузиазма, попросил добровольца спеть. Встал 29-летний делегат из Пенсильвании по имени Айра Дэвид Сэнки и спел «Есть источник, наполненный кровью». Голос Сэнки произвел на Моуди такое впечатление, что он пригласил его в Чикаго, чтобы помочь в кампании благовестия. Сэнки оставил свою работу на почте в Пенсильвании и присоединился к Моуди в начале 1871 г. Они стали знаменитой командой благовествователей, во славу Божью.

Третий случай произошел 8 октября 1871 г. Проповедуя в Фаруэлл-холле, Моуди попросил собрание оценить свои отношения с Господом и на следующей неделе обновить свое решение принять Христа. Повторного собрания никогда не было, потому что буквально через несколько минут начался великий Чикагский пожар, разрушивший весь город. Это происшествие произвело на Моуди такое удручающее впечатление, что он поклялся никогда больше не завершать собрания, не призвав людей тут же принять Христа как Спасителя.

Среди тысяч историй, написанных о Моуди, я на долгие годы запомнил историю о встрече юного Моуди и проповедника по имени Генри Варли, во время посещения Моуди Британских островов в 1872 г.

Эта история, запомнившаяся мне, рассказывает, что Моуди и Варли сидели на скамейке в одном из Дублинских парков, кажется, и Варли сказал:

— Моуди, мир еще не видел, что может сделать Бог через человека, полностью Ему преданного.

Это была случайная реплика, и Моуди ничего не ответил на нее, но слова эти запечатлелись в его памяти. «Мир еще не видел, что может сделать Бог через человека, полностью преданного Ему, — повторял он себе, — Варли имел в виду любого человека. Он не говорил об ученом или образованном. Просто человек. И я буду этим человеком, с помощью Духа Святого, Который во мне».

«Очи Господни обращены на праведников, и уши Его — к воплю их» (Пс.33:16).

Моуди позже говорил, что слова Варли и проповедь Чарльза Х. Сперджена (которую он тоже слышал, будучи в Британии) заставили его подумать о том, чего он раньше не осознавал: «Не Сперджен делал все это, но Бог. И, если Бог мог использовать Сперджена, почему бы Ему не использовать меня?»

Прочтя эту книгу, я думаю, вы поймете, как Бог сможет использовать и вас. Бог не ищет признанных святых, ученых или супергероев. Он хочет использовать обычных людей, как мы с вами.

Что же требуется от нас? Полная самоотдача. Пусть воскресший Господь Иисус, живущий в вас, использует вас с помощью Духа Святого, во славу Бога Отца.

«И все, что вы делаете словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря чрез Него Бога и Отца» (Кол.3:17).

Видел ли мир, что Бог может совершить, используя вас?

Луис Палау Проповедник

Часть первая

БЕЗУМЕЦ МОУДИ 1837— 1871

1: Мальчик с кривыми мизинцами

Мускулистый юноша поднялся на вершину пологого холма, чтобы в последний раз полюбоваться величественным изгибом реки Коннектикут. Ему было уже семнадцать, но глаза все равно наполнились слезами.

Тяжело было покидать Долину — может, никогда больше не вскарабкается он на вершину небольшого холма (он называл его «горой»), не посмотрит на закат солнца, красочно отражающийся в излучине реки, и на вершину Брэттлборо в резком вечернем свете.

Дуайт Лайман Моуди обернулся и снова долго смотрел на поля, леса и дома Нортфилда, где в тот мартовский день 1854 г. в низинах и тенистых местах еще сверкали пятна нерастаявшего снега. Он видел дым, поднимающийся из трубы домика с белыми оконными рамами — дома, где он родился 5 февраля 1837 г.

Нортфилд в Массачусетсе, на границе Нью-Гемпшира и Вермонта, некогда бывший фортом, отражавшим атаки индейцев, к тому времени уже превратился из примитивного поселения в поселок городского типа, типичный для Новой Англии, в нем обитала примерно тысяча душ, и дощатые домики, окруженные садиками, тянулись вдоль широкой главной улицы, облагороженной двойным рядом вязов и горных кленов; по обеим берегам Большой реки и холмам, на которых росли сосны, располагались фермы. Это было гордое собой культурное поселение, корни и интересы которого распространялись скорее к югу и к северу вдоль долины реки, чем к западу, где находился далекий Бостон.

Здесь проживали родственники Моуди вплоть до третьего и четвертого колена. Моуди и Холтоны, семья его матери, были среди пионеров, заселивших долину реки Коннектикут в семнадцатом столетии. Д. Л. Моуди был родственником дюжины достойнейших людей Новой Англии, в прошлом, настоящем и будущем, среди них — Джонатан Эдуардс, Гарриет Бичер-Стоу, Оливер Уэнделл Холмс и президент Кливленд; Франклин Делано Рузвельт, по бабке Лайман, был, как и Моуди, потомком Уильяма Холтона, одного из первых поселенцев Нортфилда (который тогда назывался Скуэзхиг) в 1672 г.

Дуайт Моуди ничего не знал об этом. Детство его, как он вспоминал его сейчас, уезжая в Бостон на поиски удачи, прошло под знаком преждевременной смерти отца.

Эдвин Моуди, каменщик, обладавший небольшой фермой в северном районе городка, был талантливым, но беспечным и ленивым малым, жена Бетси и многочисленное потомство его обожало, он пользовался популярностью среди соседей, но слишком любил виски, что не шло на пользу его больному сердцу. Он внезапно умер в мае 1841 г., когда Дуайту было четыре года; и умер банкротом. Кредитор, Ричард Колтон, вломился в дом и забрал все, что мог, в том числе большую часть мебели, лошадь с телегой и всех коров, за исключением одного теленка, которого не нашел. Старшие мальчики спрятали отцовские инструменты, а закон Массачусетса о вдовьем наследстве не позволил Колтону выгнать вдову из дома.

В следующем месяце Бетси родила близнецов, Сэма и Лиззи, они увидели свет после смерти отца, и всего детей теперь было девять, среди которых Дуайт был пятым; теперь у него было шесть братьев и две сестры.

Через четыре дня после рождения близнецов пришел срок вносить заклад за ферму, и богач Эзра Перпл с того берега реки приехал взимать плату. «Бетси еще не встала с постели после родов, — вспоминает ее брат Чарльз Холтон, — но приняла его, лежа в постели, и сказала, что

денег нет, но она заплатит ему, как только соберет их. Перпл выразил свое разочарование весьма грубыми словами, и вскоре покинул дом. Когда он спускался с холма, порвалась сбруя, и он упал — но остался невредим. Отзыв местных жителей, знавших о причине его визита к Бетси, не был доброжелательным: «Жаль, что он не сломал себе шею». Нам с Сайрусом, другим братом Бетси, удалось собрать деньги в том году — мы знали, в каком она затруднительном положении». Д. Л. Моуди, через сорок лет, отомстит Перплам за это.

Следующим несчастьем, обрушившимся на Бетси, оказалось исчезновение Исаии, старшего сына, который в пятнадцать лет стал главой семейства. Он убежал неизвестно куда и по неизвестной причине.

Волосы ее поседели, но она старалась держаться, как могла, с помощью бедной фермы — «натуральной кучи песка», как считала ее родня, и небольших заработков сыновей. В воспоминаниях Дуайта о детстве сохранился образ его матери — со строго сжатыми губами, но жизнерадостной, в сером домотканом платье, которая секла своих отпрысков без пощады, но страстно любила их всех. Она доила коров, «шила нам одежду, ткала, пряла и штопала наши носки». Она учила своих сыновей никогда не прикасаться к виски.

Она отправила их в школу, но занятия шли хаотично, потому что приходилось зарабатывать на жизнь, работая в поле, кроме того, Дуайт не отличался терпением, когда брал в руки книги. Она отправила их также в воскресную школу и в церковь — Первую приходскую, которая, как и в большинстве городов Новой Англии в начале девятнадцатого века, была унитарийской. Эверетт, служитель, был благочестивым и добрым человеком, другом вдовы, и унитарийство его было умеренным (в 1842 г. он окрестил скопом всех Моуди во имя Троицы, Которой не признавал).

Унитариянство, возникшее, как реакция на холодный, упорядоченный, преувеличенный кальвинизм пуритан, не сокрушило основ пуританской этики. Бетси Моуди была женщиной строгих правил; она учила своих отпрысков исполнять долг перед Богом и ближним и вести себя — или хотя бы пытаться — как заповедали их предки-пуритане: суббота соблюдалась неукоснительно, с захода солнца в субботу и до захода солнца в воскресенье, в это время «мы могли бегать по улице, подбрасывая в воздух шапки и давая волю своему ликованию».

Дуайта учили, что он должен быть хорошим, что он может быть хорошим, если постарается; это была религия, лишенная тепла, скучная, о которой вспоминали только в долгий выходной. Работа на ферме тоже была скучной. Дуайт любил свободные прогулки по холмам. Он обожал бегать, «и я бегал, как олень»; бороться с другими мальчишками; плавать, плескаясь в холодной воде Большой реки; он постоянно был зачинщиком, когда ребята ради шутки обращали в бегство скот индейскими боевыми кличами или забрасывали снежками ни в чем не повинных проезжающих.

К семнадцати годам он был крупным, широкоплечим юношей, мускулистым и выносливым, среднего роста — он вырос до 178 см, но имел привычку наклонять голову вперед, словно она была слишком тяжела для его тела, поэтому выглядел сутулым. Глаза у него были темно-серые, а волосы — темно-каштановые, почти черные. Губы довольно пухлые. А последний сустав каждого из мизинцев был слегка изогнут внутрь, так что его кончик упирался в соседний палец.

Мальчики зарабатывали деньги, пища стоила недорого, хворост был бесплатным, и многочисленное семейство часто наполняло дом веселым хохотом. Но Моуди терпеть не мог работать мотыгой в поле или давить зерно босыми ногами, очищая его от шелухи. Когда он вез что-либо в телеге, медленная поступь старого коня, Ринга,

сводила его с ума. Сбор хвороста в заснеженную зиму был ужасной работой, все это надоело ему невероятно. Он не хотел просить ни пенни у матери, но мечтал иметь свои собственные деньги.

Железная дорога пришла в Нортфилд, когда ему исполнилось одиннадцать. Вскоре были проведены две ветки, соединяющие Вернон и Массачусетс, а речная ветка прошла прямо через Коннектикут, почти напротив дома Моуди, и поезда, с грохотом проносящиеся по новому мосту в сторону Бостона, казались, пели о большом мире, пока молодые люди Нортфилда, как и всей сельскохозяйственной Новой Англии, не стали уезжать на восток в крупные города или на запад, на освоение новых земель. К зиме 1853 — 1854 гг. Д. Л. Моуди принял решение. Когда сошел снег, он завязал свои скромные пожитки в узелок.

Мать опечалились, старшие братья — Джордж, Эдвин и Лютер — напомнили о его двух предыдущих попытках уехать, кратких и невеселых, увенчавшихся внезапным возвращением. Но юный Дуайт их не слушал, хоть ему и не хотелось покидать родной дом. Он не сомневался, что однажды станет знаменитым.

Моуди был янки до мозга костей. В нем текла чистая англо-саксонская кровь, не менее англо-саксонская, чем названия местных городов: Уарвик, Нортгемптон, Уинчендон; но он был воспитан в духе того недоверия к Англии, которое возникло в результате войн за независимость и войн 1812 г. Если бы ему предрекли, что прославится он прежде всего в Великобритании и полюбит ее нежно, он принял бы это за неудачную шутку.

И правда, если бы кто-нибудь рассказал ему тогда, как это точно произойдет, он услышал бы в ответ сочное ругательство в стиле янки.

2: Восход в Бостоне

Сэмюэль Сократес Холтон, преуспевающий сапожник в возрасте тридцати семи лет, сидел в своей лавке на Корт-стрит, Бостон, сразу за площадью Сколли, когда, к его удивлению и тревоге, открылась дверь и вошел племянник Дуайт.

Дуайт завел разговор о том, что хотел бы получить работу в лавке Холтона в Нортфилде, еще в предыдущий День Благодарения. Холтон ничего не ответил. Позже он порасспрашивал Джорджа, старшего из бывших в доме братьев Моуди, и то, что он узнал о Дуайте, ему пришлось не по вкусу. Поэтому, через шесть месяцев увидев племянника посреди своих туфель и ботинок, он пригласил его в свой кабинет, мило поболтал о родственниках и потом, показывая, что торопится, спросил, что Дуайт собирается делать в Бостоне. Дуайт, с дрожью в голосе, ответил, что хотел бы найти работу. Дядя Сэмюэль Сократес ничего не сказал. Дядя Лемюэль, младший партнер, содержавший лавку поменьше вниз по улице, пригласил Дуайта пожить во время поиска работы в своем доме за городом, в Уинчестере.

Моуди вышел за дверь «Холтон и компания» в уверенности, что скоро дядя будет кусать себе локти оттого, что упустил такого великолепного сотрудника.

Он поднимался и спускался по изогнутым улочкам Бостона, теснящимся на естественном полуострове, заходил в лавки и учреждения. Население Бостона быстро росло; приток ирландцев, начавшийся после неурожая картофеля, не ослабевал, и, если многие иммигранты двигались дальше на запад или не умели читать и писать, всегда находилось столько ищущих работу, что дважды заполнялась каждая вакансия.

Уверенность Моуди постепенно таяла. «Когда мне отвечали грубо, их обращение приводило меня в уныние. Но, когда кто-то говорил: “Я тебя понимаю. Мне хотелось

бы помочь тебе, но я не могу. Скоро у тебя все будет хорошо!» — я уходил счастливый, чувствуя облегчение». Вечером в Уинчестере он смотрел в глаза дяди Лемюэля и тети Марии смело и прямо.

Но к концу второго дня Моуди был уже в отчаянии. «Это чувство... что ты никому не нужен. Никогда не забуду эти мрачные дни. О, какая печаль, какое одиночество». Он заходил в доки и пытался наняться на судно. Надоедал на почте, хоть и знал, что почта из Нортфилда приходит только раз в день, пока не получил письмо — от маленькой Лиззи, двенадцати лет, предупреждающей его о карманниках; тогда он вывернул свои пустые карманы и отправился обратно к дяде Лемюэлю, произнеся тут же позабытую детскую клятву: «Боже, если Ты дашь мне какую-нибудь работу, я буду служить Тебе и любить Тебя».

Моуди расстроено сказал Лемюэлю:

— Я поеду в Нью-Йорк!

Лемюэль почувствовал, что гордость юноши поубавилась.

— Попроси у дяди работу, прямым текстом, — сказал он.

Дуайт не соглашался:

— Он прекрасно знает, что мне нужно.

— Иди и попроси!

Лемюэль оказался прав. Поскромневший Дуайт приблизился к дяде С. С., как называли в семье Сэмюэля Сократеса; дядя посмотрел на него молча, пристально.

— Дуайт, — наконец сказал он, — я боюсь, что, если ты будешь тут работать, ты скоро сам захочешь управлять лавкой. Так вот, мои люди здесь делают то, что я хочу...

Он прочел племяннику наставление, поставил определенные условия и предложил подумать до начала следующей недели.

Дуайт заявил:

— Я не хочу ждать до понедельника. Я согласен.

Моуди был искренне благодарен дяде за это. Двадцать четыре года спустя, когда Сэмюэль Сократес был «в великой нужде», он обратился к знаменитому племяннику, и Моуди написал ему: «Вы дали мне работу и добрый совет и я вспоминаю тот час как поворотный момент моей жизни и я чувствую себя в долгу перед вами и никогда не смогу расплатиться так что деньги которые я посылаю вам не одолжение а часть того что должен вам я...»

На следующей неделе Дуайт старательно писал письмо домой: «Я не жеву теперь у дяди СС я жеву в городе мы с Кэлвином собираемся поселиться вместе мало по малу это последнее слово написано неправильно я знаю...» Почерк его был читабельным лишь изредка («если ты можешь прочитав это ты способнее меня»), и писал он так, как говорил, на диалекте долины реки Коннектикут; кроме того, он унаследовал от матери привычку никогда не пользоваться знаками препинания — слова падали на бумагу так же, как при разговоре срывались с его губ.

Спал он в помещении над лавкой. «У меня есть комната наверху на третьем этаже и я могу открыть окно и там 3 больших здания полных девушек самых симпатичных в городе они трещат как папугаи». Ел он в харчевне, где было «двадцать пять служащих и несколько девушек мы хорошо проводим время».

Он решил вступить в то, что он называл «христианской сациацией», Молодежную христианскую ассоциацию Бостона, основанную тремя годами раньше, первую ИМКА в Соединенных Штатах, которая лишь на неделю была моложе старейшей ИМКА Северной Америки, в Монреале.

За доллар в месяц у него было теперь место, где он мог проводить свободное время «и я могу читать все книги какие хочу свободно... у них милое помещение и симпатичные люди из Бостона читают им лекции за бесплатно, а они задают вопросы».

Моуди посетил некоторые из этих лекций, быстро обнаружив, что, если он собирался стать хорошим служащим, то должен был не только читать книги, но и учиться у тех, кто знает больше. Почти несомненно, ему случалось смеяться вместе с Оливером Уэнделлом Холмсом, который любил читать лекции. Он мог слышать, как декламирует Лонгфеллоу, или как Джон Лотроп Мотли читает страницы из своей объемистой рукописи о становлении Датской республики. В окрестностях Бостона в 1854 г. кипела интеллектуальная жизнь. В любой день Моуди мог продать обувь Эмерсону или Лоуэллу, Дана или Уиттиеру, или Джулии Уард Хоу, или образованным юным бостонцам, Генри и Уильяму Джеймсу, и Филлипсу Бруксу.

Случались и волнующие происшествия: случайный взрыв на Главной улице, ужасный пожар на верфи Сарджента; а в особенности мятеж, который произошел, когда аболиционисты попытались помешать выдаче в Южные Штаты беглого раба, Бернса. Финал этой драмы можно было наблюдать с шаткого козырька над лавкой Холтона. «Я поднялся на второй этаж прямо над нами и там были все из 35 разных компаний Джео Бинс и я сам поднялся туда о коло 10 часов и там мы сидели до 3 дня когда они его взяли о коло 2 с половиной поднялись такие стоны и свист как вы никогда ни слышали я весь перегрелся на сонце в лавку пришел полицейский когда очищал улицу и сказал нам спустится но мы были на верху чтобы он не достал нас и он с нова сказал нам спустится но мы не стали такчто он ушел вот и все».

В редкие часы отдыха Моуди любил прогулки на открытом воздухе, летом гулял в центре или спускался по длинным сходням к «Ваннам Брамэна», водоему возле Честнат-стрит, где можно было поплавать в соленой воде, а потом вдоволь — насколько позволят финансы — наесться темных мятных леденцов и пончиков с яблоками. Когда приходила зима, он участвовал в катании на санях, или же

смотрел, как богатые мальчики катаются на своих салазках с отточенными полозьями. Любил он и подражаться. «У меня была дурная привычка ругаться. Как только мне случалось разозлиться, я тут же произносил ругательство», — а потом наступал и черед кулаков.

Больше всего ему нравилось проказничать. «Я был полон животной жизни, целый день я был заперт в лавке, и ночью спал там же, поэтому мне нужна была какая-нибудь отдушина, и обычно по ночам я лежал без сна, придумывая, какую бы еще шутку сыграть с кем-нибудь. Моей главной жертвой был сапожник, работавший в лавке. Однако, он был итальянец, и, хотя я ему нравился, нрав у него был такой свирепый, что подшучивание над ним чуть не стоило мне жизни. Однажды я помогал одной леди примерить дорогую пару туфель, а он перешивал пуговицы, и так разозлился на один из моих розыгрышей, что схватил нож и разрезал туфлю пополам. В другой раз — и это была последняя шутка, которую я с ним сыграл, — он с ножом в руках бросился на меня, и я несколько минут от него убежал, как только мог».

Еще одним развлечением была тетя Трифена, вторая жена Сэмюэля Сократеса. Дядя С. С. женился на мисс Элизабет Клэпп, а после ее смерти — на ее сестре Трифене. Клэппы ему понравились; когда в 1857 г. умерла и Трифена, он женился на младшей сестре, Джорджане. Трифена была веселой женщиной, обычно она подметала лавку. «Ей хотелось поговорить и я понимал это потому что она проводила в лавке около двух часов и все время говорила так быстро как только язык у нее шевелился так что я не мог ни слова панять из этого».

Моуди не жалел о том, что оставил работу на ферме ради ремесла продавца; вместо того чтобы сражаться с неразумными сорняками, он убеждал людей, очаровывал их и покорял их волю, заставляя покупать больше или более дорогую обувь. Он старался перещеголять всех остальных служащих. И деньги у него были, хоть и

небольшие. Немного он посылал матери, хоть и без особой доброты писал ей в середине лета: «Я не отдам весь заработок, чтобы остаться ни с чем я ни когда не был так доволен собой у меня сейчас все идет как по маслу».

Он мог не признаваться в этом, но он был одинок. «Я хотел бы чтобы вы мне писали чаще, — упрекал он брата Джорджа, — по какой такой причине я не получил письма сегодня утром я не понимаю... Я хотел бы съездить домой в этом году если бы мог оставить, но все напрасно немогу больше писать такчто пока ваш Дуайт Л. Моуди А ДЖО скажи мне какой урожай зерна в этом году и картошки».

«Я хожу на собрания в «Маунт Вернон Ортадкс» я не знаю как это пишется но ты понимаешь». Бетси действительно поняла.

Сэмюэль Сократес не был унитарием. И он заставил Дуайта пообещать, помимо прочего, что он будет ходить в церковь «Маунт Вернон» и воскресную школу, принадлежавшие к числу ортодоксальных, то есть веривших в Троицу, приходов. Сделал он это не из вредности, но искренне стремясь уберечь племянника от заблуждений.

Для Дуайта церковь была церковью, как бы она ни называлась, и он привычно возвратился к обязательной скуке посещений воскресной школы. Директор воскресной школы Пэлмер знаменит по двум причинам: у него был брат Рэй, написавший в возрасте 21 года «Моя вера обращена к Тебе», а потом и много других гимнов; вторых же, после нескольких минут беседы после школьного воскресного собрания, он отправил Д. Л. Моуди в класс Эдуарда Кимбелла. Если бы он выбрал менее красноречивого, менее чувствительного или даже более взрослого преподавателя, история могла бы сложиться иначе.

Моуди проследовал за Пэлмером в класс, где уже шло занятие, и увидел поразительно высокого мужчину лет тридцати, работающего продавцом в магазине тканей Мак-

Джилври. Кимбелл приветливо улыбнулся новоприбывшему, вручил ему Библию, велел сесть и продолжил занятие по Евангелию от Иоанна. Моуди начал поспешно листать книгу Бытие. «Краем глаза мальчики увидели это, — вспоминает Кимбелл, — и, заметив, что он ничего не знает, стали хитро, понимающе поглядывать друг на друга, но неприязни в этих взглядах не было. Я бросил на ребят один лишь беглый взгляд упрека. Потом я мягко протянул Моуди свою собственную книгу, открытую на нужном месте, и взял себе ту, что была у него». Моуди сказал себе, что будет «держаться поближе к парню, который поменялся с ним книгами».

Сэмюэль Сократес смутно намекнул диаконам, что невежество Дуайта — вина Бетси, что семья не читала Писание. Он не был прав. Тяжелая семейная Библия была «единственной книгой в доме после смерти отца, и она учила нас по этой книге». Но неосторожным маленьким Моуди дотрагиваться до нее не позволялось, а во время чтения вслух Дуайт обычно грезил с открытыми глазами.

Первое посещение службы в церкви «Маунт Вернон» тоже не произвело на Моуди большого впечатления. Он сидел сзади, на галерке. Великолепие нового органа он не оценил, так как не обладал музыкальным слухом. Во время же длинной проповеди пастора Керка, которого годы спустя он назовет «одним из наиболее красноречивых людей, что я когда-либо встречал в своей жизни», Моуди крепко заснул.

Эдуард Норрис Керк был пастором необычной церкви, которая «образовалась» только двенадцать лет тому назад, когда часть жителей Бостона, недовольных исключительной строгостью учения церкви на Парк-стрит, в нескольких метрах к юго-западу, но не приемлющих и прелести свободомыслия «Королевской часовни», в нескольких метрах к юго-востоку. Проповеди Керка были умны и достаточно пылки, призваны не навязать людям доктрину, но тронуть их сердца. Здесь не было места

холодному морализаторству и этическим догмам, которое провозглашал Эверетт с нортфилдской кафедры. Керк много говорил о греховном и недостойном роде человеческом, который не способен достичь идеала, даже если захочет. Он часто возвещал весть об Иисусе Христе, Который, говорил он, умер за всех людей и воскрес из мертвых (Эверетт при этом бы поморщился), который жил, чтобы стать другом тех, кто верит в Него. Керк изрекал ужасные предостережения тем, кто отказывается от великого дела спасения, и стегал словесно молодых людей, которые не осмеливались или не хотели принять крест и стать учениками Христа.

В течение следующих одиннадцати месяцев уроки Кимбелла и проповеди Керка проникали в сознание Моуди по мере того, как он постепенно становился одним из лучших продавцов обуви у Холтона («Я заработал не меньше других в прошлую субботу... я работаю ни хуже их всех»), а также плавал, гулял, катался на санях или ездил верхом.

Впервые услышав призывы Керка, он отбросил их в сторону: «Я думал, что я буду ждать до самой смерти, и тогда стану христианином.

Я думал, если бы у меня была чахотка или какая-нибудь хроническая болезнь, у меня была бы масса времени для этого, а сейчас пока я буду наслаждаться всеми радостями этого мира». К началу 1855 г., когда в Бостоне были снегопады и река Чарльз замерзла, коллеги Моуди видели перед собой того же веселого, жизнерадостного, пылкого молодого человека, всего лишь восемнадцати лет; но, незаметно для него самого, в нем уже началась внутренняя борьба.

Керк постоянно подчеркивал, что необходимо сделать духовный выбор, сознательно подчинить свою волю воле Другого, что важна вера, ведущая к жизни в служении; Моуди чувствовал, что Керк прав, но сопротивлялся. Он не был способен опровергнуть это

учение и старался избегать этой темы. Сорок лет спустя он скажет: «Когда я пришел к Иисусу Христу, мне пришлось выстоять в ужасной битве, чтобы подчинить свою волю воле Божьей».

В апреле церковь «Маунт Вернон» пережила пробуждение — это слово используется как синоним «миссионерской кампании», а также в более широком смысле спонтанного духовного движения.

В разгар пробуждения, 21 апреля 1855 г., в субботу, Эдуард Кимбелл вышел из своей квартиры в «Американском доме», решившись «поговорить с Моуди о его душе и о Христе. Я двинулся вниз в город, по направлению к обувной лавке Холтона. Когда я почти дошел туда, я начал сомневаться, надо ли мне заходить туда в разгар рабочего дня. Я подумал, что, может быть, мое появление смутит мальчика, потом, когда я уйду, другие служащие станут спрашивать, кто это был, и, когда узнают, станут смеяться над Моуди, говорить, что я приходил его воспитывать. Размышляя таким образом, я незаметно подошел к лавке. Обнаружив, что стою перед дверью, я решительно вошел, чтобы разом покончить с сомнениями».

Он нашел Моуди в дальней части лавки, тот заворачивал туфли в бумагу и раскладывал по полкам. «Я подошел к нему и положил руку ему на плечо, и, когда шагнул вперед, наступил на обувную коробку». Глядя Моуди в глаза, он высказал свою просьбу, которая, как потом ему казалось, прозвучала неубедительно. Он не мог даже вспомнить точных слов, но «я попросил его прийти ко Христу, Который любит его и хочет получить его любовь в ответ». В глазах Кимбелла стояли слезы.

«Мне показалось, — вспоминает Кимбелл, — что молодой человек уже готов был к тому свету, который ему открылся, потому что в тот момент, тут же, на задворках обувной лавки в Бостоне» Моуди «отдал себя и свою жизнь Христу».

Кимбелл пробыл в лавке всего лишь несколько минут.

На следующее утро, в воскресенье, когда лавка была закрыта, Моуди вышел из своей комнаты наверху. «Мне казалось, что старое доброе солнце светит ярче, чем когда-либо — казалось, оно улыбается мне; я шел по Главной улице Бостона и слышал пение птиц, и думал, что все они поют Для меня. Вы знаете, я чувствовал любовь к этим птицам. Я никогда раньше не обращал на них внимания. Мне казалось, что я люблю все творение. Я не испытывал горьких чувств ни к кому из людей и был готов принять всех их в свое сердце».

Первая мысль Моуди была о его семье, матери, братьях и сестрах, в особенности о младшем брате Сэмюэле, к которому он был очень привязан. «Тогда я начал молиться за них. Я никогда не молился за них раньше».

Он послал домой не только деньги, но и обувь, которую мог приобрести без наценки, и множество непрошенных советов по разным поводам; теперь он хотел, чтоб и они испытали это новое, поразительное чувство радости и умиротворения. «Я думал, что могу рассказать им, что Бог сделал для меня. Я думал, достаточно только объяснить — и они все увидят свет».

Довольно скоро он навестил родной дом (помогал сажать картофель и арбузы в конце мая) и попытался рассказать, что произошло. Родные непонимающе смотрели на него — словно не могли сообразить, к чему он клонит. Бетси проворчала, что останется в унитарянстве до самой смерти.

Не поняли его и в Бостоне. В приходской церкви «Маунт Вернон» полноправным членом считался только тот, кто пройдет устный экзамен на духовную искренность перед пастором и диаконами. К сожалению, Кимбелл, не подумав, вызвал Моуди слишком рано, и он стоял перед вопрошающими, дрожа и нервничая, даже присутствие

Кимбелла его не успокаивало. «Очень ободряющим тоном» ему задавали вопросы: «Вы родились свыше? Вы чувствуете себя грешником? Вы чувствуете, что ваше прощение зависит от Христа?».

Моуди, который способен был переболтать тетю Трифену, словно язык проглотил. Он был совершенно беспомощен и не мог передать словами то чувство близости ко Христу, что наполнило его жизнь. Он хмурился и бормотал: «Да», «Нет», «Конечно», в то время как служители переводили все это на соответствующий доктрине язык; наконец, председатель спросил:

— Мистер Моуди, что такого сделал для нас — для вас — Христос, что заставляет нас любить Его?

— Не знаю. Я думаю, Христос много чего для нас сделал. Но не могу вспомнить ничего конкретно.

Они не приняли его и хотели приставить к нему двух диаконов, чтобы учить его. Моуди хотел учиться — его расстроило то, что коллега-служащий побил его явно шаткими доказательствами того, что Христос не воскресал из мертвых; но он решил держаться подальше от комитета: «Вы все равно должны стараться привести человека к вере». Только в следующем году, в марте 1856 г., он появился снова и был принят, хотя, как говорит Кимбелл, «прогресс был не так уж велик».

Достойнейшие мужи церкви «Маунт Вернон» не проявили проницательности, но Кимбелл защищает их: хотя Моуди больше не ругался и Библия из «самой темной и сухой книги на свете» стала его излюбленным чтением, ничто еще в нем не говорило о том, что однажды все они будут у его ног.

В девятнадцать лет Моуди решил, что Бостон ему надоел. Его созвездие талантов, его деловые круги с давно сложившимися традициями, его строгие правила и чопорные манеры и строгое разделение общественных слоев — все это давило на юношу.

Еще в октябре 1855 г. он написал своему дяде Кэлвину Холтону, который отправился на Запад, чтобы заняться фермерством в районе Чикаго. Весной 1856 г. его кузен Фрэнк присоединился к разношерстной толпе жителей Востока и иммигрантов, откликнувшихся на популярный клич: «На Запад, молодежь, чтобы расти вместе со страной!»

В сентябре Моуди покинул Бостон.

3: Чикагский бизнесмен

Он не собирался уезжать так рано.

Теперь Моуди, вместе с другим старшим братом, Лютером, управлял недавно открывшейся лавкой Холтона дальше по Корт-стрит. Более того, мать его начинала плакать, когда он заговаривал о путешествии дальше на запад, и он хотел со временем уговорить ее. Потом он поссорился с дядей.

Причина ссоры неясна. Матери Моуди просто написал: «Дядя СС против моего отъезда», хотя в другом письме он добавляет: «Меня просто выгнали из Бостона». С младшим братом Уорреном он более откровенен: «Я надеюсь никто не будет переходить тебе дорогу как они перешли мне и разрушать твои планы». Возможно, Сэмюэль Сократес отказал Моуди в повышении. Скорее же всего, он потребовал подписать обещание, что Моуди не уедет на запад, а когда тот не согласился, уволил его; это объясняет тот факт, что у Моуди были с собой деньги только на дорогу в Чикаго и на жизнь, пока он не найдет себе работу, что было еще одной причиной не наносить прощального визита в Нортфилд. Как бы то ни было, «я решил, что чем быстрее я уберусь подальше от него [С. С.] тем лучше... мне нравится Бостон у меня тут есть хорошие друзья но пока я тут располагался тут было не очень приятно».

Он купил транзитный билет от Бостона до Чикаго за пять долларов и выехал из депо на Каузвей-стрит по Фитчбургской железной дороге в 4 часа дня в понедельник, 15 сентября 1856 г.

Когда стемнело, поезд проезжал мимо Кина, примерно в тридцати километрах от Нортфилда, и Дуайт почувствовал легкие угрызения совести от того, что мать его ложилась спать, не ведая об отбытии его на запад. Поезд катился на север, дымя, в вагоны залетала сажа, пропитывая воздух, наполненный вонью горящего в лампах масла; реку Коннектикут они пересекли у водопада Беллоус. В самом начале вторника поезд остановился в Рутланде, Вермонт, и Моуди провел ночь на вокзале. Утром он добрался до озера Чемплейн, затем весь день двигался на запад до Огденсбурга-на-Эри, там следующей ночью сел на озерный пароход, потом — на медленный канадский поезд до Уинсора возле Детройта, где расписание паромов не позволило ему повидать брата Исаию, блудного сына, который вернулся домой после тринадцати лет отсутствия, был прощен и теперь работал в Детройте.

Центральный мичиганский экспресс вез Моуди через прерии, пока вечером в четверг, 18 сентября, отставая от расписания, не въехал по длинной эстакаде, возвышающейся над грязным озером Мичиган, в то, что жители Чикаго называли «лучшим депо в стране». Так Моуди, взволнованный и радостный, прибыл в «этой прославленный западный город... мой западный дом», в тысячах километров от его родины.

Две леди, которые были так добры к нему во время путешествия, поехали дальше, «и тогда я почувствовал, что Христос — единственный друг, Который был у меня в Чикаго».

Веселый дядя Кэлвин Холтон из Депплена, что в нескольких километрах от города, уже обеспечил для Моуди место продавца в обувном магазине Чарльза и

Огастаса Уисволлов, выходцев из Массачусетса, на Лейк-стрит.

В следующую среду юрист по фамилии Кинг ввел на молитвенное собрание «Плимутской» приходской церкви молодого приезжего, «у которого был исключительно довольный вид. У него были полные, румяные щеки, приятная улыбка и привлекающий внимание взгляд, и вскоре он стал всеобщим любимцем, несмотря на ограниченность образования, — он приехал из Бостона». Моуди был в восторге. «Как только я появился там у меня тут же возникло много друзей... После собрания они переходят ко мне и кажется так рады меня видеть словно я им брат родной».

Чикаго сразу ему понравился. «Это очень славный город гораздо лучше, чем Бостон». В этот центр Запада под парусами, на парходах и по железной дороге вливались все новые и новые иммигранты и промышленники с Востока, сюда прибывали железо и лес с Великих озер, сырье для бумаги и зерно — из прерий. Бойни и кожевенные мастерские наполняли Чикаго зловонием, заводы и фабрики дымили, озеро Мичиган было покрыто грязью. Никого это не волновало: чем дальше на запад продвигалась граница, тем больше рос Чикаго.

«Улицы тут проложены прямые и широкие, — писал домой Моуди. Можно смотреть вперед и видеть насколько хватает глаз и попытаться обойти весь город, но почти невозможно дойти до его конца». Застройка была тут не столь тесной, как в Бостоне, и это к счастью, потому что большинство домов были деревянными, а Моуди уже потерял счет пожарам, которые наблюдал или о которых слышал.

Ритм здешней жизни пришелся ему по вкусу. Он слышал замечательные истории о людях, которые десять лет назад приехали сюда нищими, а теперь «стоят от десяти до пятидесяти тысяч долларов». И Моуди, воспитанный в Новой Англии, был потрясен, увидев

воскресения в Чикаго: «Вы не представляете как чувствуешь себя в таком городе таком грешном что магазины открыты по субботам очен многие из них». Он никогда не стал горожанином в полной мере; сердце его оставалось в деревне: «Вы не знаете как мне приятно получать письма от друзей ведь я тут в этом далеком далеком городе совсем один мне нравится вспоминать очень часто о моем любимом доме и юных днях».

Он был счастлив. Набрал вес, обладал великолепным аппетитом, по-прежнему неустанно шутил в той неуклюжей манере, которая его поколению казалась забавной. «Сапожник, работавший у Уисволлов, был странным стариканом, — с наслаждением рассказывал Моуди в возрасте сорока шести, — как большинство этих сапожников, и, хотя он очень хорошо ко мне относился и мы были большими друзьями, я все время подшучивал над ним». Излюбленной шуткой было надрезать кожаное сидение низкого стульчика сапожника и подставить под него сосуд с водой. Моуди краем глаза следил за тем, как сапожник возвращается, садится — и подпрыгивает с криком; он протирал сидение, снова садился — и снова подпрыгивал, пока не обнаруживал злую шутку.

Моуди усовершенствовался в ремесле продавца и был уже способен продать туфли даже тем, кому они не нужны. «Его амбиции заставляли его копить деньги, — вспоминает Чарльз Уисволл, — он был очень аккуратен и экономен». Это был активный работник, полный энтузиазма, и, когда Уисволлы начали организовывать и уличные продажи, они поручили ему встречать поезда с иммигрантами, и, ошарашивая их наивными улыбками и туманными речами, убеждать покупать сапоги. Его задачей, как и задачей всех в Чикаго, было быстро разбогатеть: «Обычно я молился Богу о сотне тысяч долларов». «Я могу делать деньги здесь быстрее чем в Б., — писал он матери, со свойственным янки преувеличением, — ... я занимаю одну из лутших

должностей в городе... я очень хорошо сделал что переехал сюда».

Через год у него уже обнаружили привычки будущего миллионера — вкладывать накопления в земли, которые можно выгодно продать, давать в долг под большие проценты, тщательно продумывать, как увеличить доходы и капитал. Он радовался своей вере как чудесной помощи в достижении личного благосостояния и материального успеха. «Скажу я тебе, — писал он брату Джорджу, — здесь самое место делать деньги... и это не все... я наслаждаюсь Религией больше чем когда либо в жизни... чем дальше тем приятнее мне жить».

Чикаго уже тогда славился своей дикостью, этой толстой шкурой обреталась религиозность. Большинство жителей происходило из строгих восточных семей, где ценились духовность и мораль, поэтому любое несчастье или затруднение приводили к всплеску религиозного рвения; дух города вовсе не был эгоцентричным или циничным.

6 января 1857 г. Моуди написал: «В этом городе наблюдается большое пробуждение религии я хожу на собрание каждый вечер О как мне нравится кажется что сам Бог присутствует здесь». Примерно через год произойдет подобное и более длительное движение, вызванное финансовой паникой на Уолл-стрит и приведшее к началу молитвенных собраний во многих американских городах и к пробуждению 1859 г. в Великобритании. Знаменитый мэр Чикаго, демократ Уэнтворт по прозвищу «Длинный Джон», прокомментировал его так: «Результаты текущего религиозного движения отразились на всех слоях общества».

Пробуждение начала 1857 г. заставило Моуди отказаться от своего легкомысленного отношения к религии, как, в первую очередь, к помощи на пути к богатству.

Он арендовал четыре места в Плимутской церкви и приглашал туда молодых людей из магазина Уисволлов или соседних, а иногда даже и случайных прохожих. После обеда по воскресеньям он посещал трущобы вместе с архитектором по имени Дж. Б. Стиллсон, который был немного старше его, считавшего Моуди «молодым человеком с благородными намерениями, простым нравом и не очень хорошим образованием. Мы стали работать вместе, распространяя религиозные брошюры среди моряков в барах, в гостиницах и среди сотен бедняков, живущих в трущобах».

Моуди пытался внести свой вклад в жизнь Плимутской церкви, выступая на молитвенном собрании, но опытные прихожане «пожимали плечами, когда я поднимался с места». Они сказали Моуди, что он не в ладах с грамматикой, и попросили дядю Кэлвина наказать ему молчать. Моуди принял это ко вниманию. В то время он стал уже большим любителем проповедей, слушал их утром, днем и вечером. У него были места в Плимуте, заходил он и в Методистскую епископальную церковь, и к пресвитерианскому служителю, Паттерсону; а в Первой баптистской церкви обратил внимание на одну тринадцатилетнюю девочку. Они не были представлены друг другу, но лицо ее он запомнил. Ее звали Эмма, и социальное положение ее было заметно выше.

Было и множество других девушек. Он писал в Нортфилд маленькой сестренке Лиззи: «Когда я ехал к дяде Кэлу я увидел много симпатичных юных леди тут просто множество леди... Я и раньше думал что они тут есть но их тут просто множество но они не такие как люди в доброй старой Новой англии сейчас я думаю чтобы жениться мне предется приехать домой чтобы ты мне подобрала жену».

К концу 1857 г. Моуди ушел от Уисволлов на место коммивояжера и сборщика долгов в крупном торговом доме оптовых продаж обуви, принадлежавшему Ч. Х.

Хендерсону. Брат Дуайта Лютер, на время приехавший в Чикаго, «думал что очень глупо мне уходить от Уисволлов но мне предложили место где я мог заработать в пять раз больше и если здоровье и *Бог* помогут мне я приуспею лучше здесь в Чикаго чем даже думал».

Новая работа понравилась ему «больше чем что-либо что я когда-то делал это просто постоянное удовольствие». Он ездил по всему Иллинойсу, и в конце февраля побывал на юге штата, где были очень красивые виды, но население вызывало презрительное отношение: «Люди тут просто как язычники они все курят жуют табак ругаются пьют играют и воруют они распушены невежды жалкие люди здесь не хватает янки думаю я». Большинство из его клиентов жили возле железной дороги. Иногда ему приходилось нанимать лошадь и двуколку, чтобы пересечь прерии, и (во всяком случае, он пытался убедить в этом Джорджа) «я тут въехал на лошади в болото и думал все но ее голова высунулась на ружу я даже не ожидал ее вытащить но получилась у меня все волосы встали дыбом посылаю тебе локон сам убедишься».

Он стал «жирным, как свинья», и в двадцать один год выглядел вполне внушительно, когда не забывал распрямить плечи и поднять голову, у него также начала расти борода, подчеркнувшая подбородок и производящая впечатление на проштрафившихся владельцев магазинов. Когда миновала морозная зима, Хендерсон стал посылать его в еще более дальние поездки. «Я большую часть времени путешествую это очень приятно путешествовать в это время года по прерии можно видеть волков и оленьих детенышей их тут как в августе кузнечиков я был в Миссури недавно и в Айове Висконсине Индиане в Мичигане был не часто если поеду зайду к Исаии но раньше января не будет времени к вам приехать я теперь ребята очень занят это самый крупный бизнес по эту сторону от Н Йорка и такой сезон занятой мы вертимся как можем».

Служа у Уисволлов, он спал в подсобке. Теперь он жил в прекрасной гостинице на Мичиган-авеню, который содержала миссис Хьюберт Филлипс для состоятельных бакалавров. Среди них был Леви Лейтер, ставший потом миллионером, тестем лорда Керзона, вице-короля Индии и Британского зарубежного атташе. Моуди обычно говорил, что тот побил бы всех, кроме Маршалла Филда.

Во время отпуска, находясь в Чикаго, Моуди стал искать возможность христианской деятельности, которой он мог бы посвятить свободное время и свою энергию.

Матушка Филлипс, член Первой баптистской церкви, предложила попытать счастья в их воскресной школе, на Уэллс-стрит, в северной, бедной части города. Однажды воскресным утром Моуди и другой постоялец гостиницы перешли на ту сторону реки и добрались до пересечения Уэллс-стрит с Чикаго-авеню. Моуди спросил у директора школы, не найдется ли для него работы, «но не думаю, что он просил поручить ему класс, — вспоминает доктор Рой из Плимутской церкви, — в те дни он говорил, что не способен преподавать».

Директор, не зная, к чему это приведет, случайно сказал Моуди, что можно было бы ходить по улицам и созывать мальчиков в воскресную школу.

4: «Мчись быстрее, не то взорвешься»

Воскресным утром оборванец по имени Джимми Секстон играл на улице с тремя или четырьмя другими мальчишками. «К нам приблизился крупный юноша лет двадцати. Он был одет в дорогой серый костюм — коротко стриженный, мускулистый, с непринужденными, хоть и немного неуклюжими движениями, он походил на наездника или, вообще, на спортсмена».

— Ребята, не хотите ли пойти со мной в воскресную школу? — спросил Моуди «дружески и фамильярно».

— А пикник будет?

— Пойдем со мной — и увидите.

Они отправились вслед за Моуди по дворам и аллеям, пока, мокрый от пота и ликующий, он не доставил на Уэллс-стрит не менее восемнадцати оборванцев, большинство из них были босы. «Это было счастливейшее из воскресений, — сказал Моуди, — я обнаружил, в чем состоит мое призвание». Он в течение двух лет «пытался обнаружить, что должен делать, пока наконец не выяснил этого. Если я не мог учить их, я мог хотя бы приводить их туда, где были люди, способные учить».

На следующей неделе он вычислил ту же самую компанию, нашел и других ребят. «Мы тут же стали близкими друзьями, — вспоминает Секстон в письме от 1892 г. — Несмотря на то что внешне он казался грубоватым и в чем-то незрелым, оказалось, что это очень приятный в общении человек, с прекрасным чувством юмора, разговорчивый и остроумный, хоть иногда ему и трудно было подбирать слова; он был простым, непритязательным и добрым, с очаровательными манерами, личность настолько привлекательная и интересная, что мы немедленно отдали свои сердца этому незнакомцу, который стал для нас новообретенным другом. Его искренность и откровенность позволяли нам верить в его преданность, и вскоре он позволил нам понять, что мы с ним на равных. Даже наши мальчишеские выходки его не раздражали, а забавляли».

«Созыв учеников», как называл это Моуди, для баптисткой школы, привел к опозданиям на занятия «Методистского епископального молодежного класса», куда он вступил, несмотря на недовольство плимутских диаконов, которые трепетно относились к разграничениям между церквями. Занятия класса посещал также один из наиболее богатых и преуспевающих людей города, Джон В. Фаруэлл, когда-то прибывший в Чикаго с подвой сена и четырьмя долларами в кармане, а теперь, всего лишь в тридцать три года, владевший крупнейшим магазином;

позже его вытеснил из бизнеса бывший партнер Маршалл Филд, но он до конца жизни остался почетным горожанином.

Фаруэлл сначала пренебрежительно относился к юному Моуди, пока не понял суть ситуации, «и тогда пробудилось с невероятной силой мое критическое отношение к себе: почему же я не делаю чего-либо для других, как этот молодой человек?» В результате между ними возникла крепкая дружба.

Однажды в воскресенье Моуди встретил на Уэллс-стрит новую учительницу для девочек, юную леди, симпатичную и элегантную, лицо ее он помнил давно. Он потребовал представить себя. И вскоре уже нанес визит в дом на Вашингтон-стрит — дом судостроителя Флеминга Х. Ревелла, недавно эмигрировавшего из Англии. Эмме Ревелл было всего лишь пятнадцать, и выглядела она соответственно, но была в ней некая спокойная зрелость, она очень обаятельно улыбалась и, что кажется невероятным, вовсе не считала своего нового приятеля грубым, незрелым или неуклюжим.

Когда Хендерсон снова послал Моуди за город, оборванцы перестали ходить в школу. «Нам, мальчишкам, школа на Уэллс-стрит не нравилась», уроки там были скучны, «и, так как пикника в ближайшее время не ожидалось, мы перестали туда ходить».

Зрелище бесконечных трущоб северной стороны действовало на Моуди угнетающе. Только приехав в Чикаго, он оптимистично писал домой: «Редко увидишь тут нищего и очень мало воруют». Теперь он придерживался другого мнения, так как видел убожество и грязь изнанки большого города: смесь несчастных немецких и ирландских иммигрантов, или же приезжих из различных районов Америки, ринувшихся на запад в поисках богатства, но не выдержавших яростной конкуренции или разрушительного действия виски, теперь ютившихся в лачугах и хибарах района, известного под

названием «Пески». Изначально «Песками» называлось скопление хибар на побережье озера Мичиган, но в 1857 г. «Длинный Джон» Уэнтворт безжалостно снес его («проявление варварства под вывеской высокой нравственности»).

Теперь «Песками» назывались хибары на северной стороне. Их нищета, а также то, что взрослые не ходили в церковь, а дети — в воскресную школу, было потрясением для Моуди. Путешествуя через прерии на поезде или на пони, сражаясь за наиболее выгодную продажу обуви Хендерсона упрямым владельцам магазинов, он постоянно думал о Джимми Секстоне, Томе Стивенсе и других, еще более диких мальчишках, об их бедности и невежестве, об их неспособности соблюдать формальности школы на Уэллс-стрит или другой, под названием «Северная звезда».

Вернувшись в Чикаго в начале осени 1858 г., Моуди и его друг, архитектор Стиллсон, отыскивали брошенный грузовой фургон на Нортстейт-стрит. Моуди нашел Джимми Секстона и его компанию и «пригласил нас помочь ему организовать новую воскресную школу. Мы должны были стать его компаньонами, или, так сказать, сотрудниками, то есть, как выразился один из мальчиков, работать “единой командой”. Идея стать хозяевами чего-либо и чем-то управлять была слишком привлекательной для наших юных амбиций, чтобы мы могли перед ней устоять».

Стиллсон привел еще одного молодого бизнесмена, Картера, у которого был приятный голос, он мог вести хор и спеть вступительную песнь, вроде недавно написанной «Поднимайся, ради Иисуса», хотя немного было гимнов, которые обитатели «Песков» могли бы разучить и запомнить.

После обеда в следующее воскресенье любой, кто проходил по соответствующему участку Нортстейт-стрит, мог услышать необычный шум: крики, вопли, стуки, момент молчания, священный гимн, спетый приятным

баритоном, растворившемся в нестройном хоре. Мужской голос (но это был не Моуди) говорил две или три минуты, после чего бормотание и шушуканье показывало, что только еще одна песня может помочь сохранить порядок.

Прошло несколько воскресений, ребята приглашали своих товарищей испытать новые ощущения, бока старого фургона ходили ходуном, и об этом услышал юрист Кинг. Кинг подумал, что «Моуди нужно более подходящее помещение для обучения мальчиков, поэтому я сказал ему, что на Мичиган-стрит есть небольшой заброшенный дом», потом эта улица стала называться Иллинойс-стрит. В прошлом это был бар «Мэншн-хауз», один из первых в Чикаго, теперь же здание было пусто и полно крыс. Моуди стал использовать большой зал и подсобку.

Один из чикагских служащих, Дж. С. Сэведж, вспоминает, как Моуди «выходил на улицу с кнутом и пряником и завоевывал расположение детей», это был юный и напористый «богатый дядюшка», карманы которого топорщились от запасов сахара, которым он привлекал в школу. «Его все любили, — говорит Кинг, — потому что он очень интересовался их жизнью. Никто не забудет приятной улыбки и сердечного рукопожатия, которые были его отличительными чертами».

Воскресные собрания становились все шумнее, так как количество ребят возрастало. По вечерам на неделе Моуди, когда был в Чикаго, иногда собирал небольшие вечеринки, в ноябре он пригласил Сэведжа на «службу» в честь дня Благодарения. «В доме не было газа, и он попробовал осветить его с помощью нескольких свечей, но в большей части помещения царил мрак. Я обнаружил его со свечкой в одной руке и Библией в другой, на коленях его сидел ребенок, которого он пытался учить. Всего ребят было двадцать пять — тридцать, и они показывали не более раскаяния, чем большинство оборванцев Чикаго».

Моуди мешали его постоянные поездки, потому что Хендерсон оплачивал его возвращение в Чикаго только раз

в месяц, и три воскресенья в месяц он находился далеко от Чикаго. Теперь он был уже членом церкви Северной стороны, прихода «Новая Англия», который собирался в небольшом деревянном доме возле реки, и был инициатором неудачной попытки создать воскресную школу в «Песках». Однажды члены церкви обратили внимание на «живого, активного молодого человека с пронизательным взглядом, который пришел на молитвенное собрание. Иногда он что-то говорил, очень кратко, иногда молился. В его голосе — как бы это сказать? — было электричество». Одним из обративших на него внимание был полковник Хэммонд, директор «Железной дороги Чикаго, Берлингтона и Квинси».

Работая на Хендерсона, Моуди приходилось большей частью путешествовать по этой дороге. Моуди смело попросил у Хэммонда дать ему пропуск на бесплатный проезд — это была первая просьба, обращенная к человеку, который скоро будет много средств вкладывать в дело христианства. Хэммонд спросил совета у другого члена церкви, доктора Блэтчфорда, и тот рекомендовал ему согласиться.

Утром следующего воскресенья Блэтчфорд ехал по срочному вызову вдоль Пайн-стрит, недалеко от «Песков». «Мне показалось, что я увидел этого человека, Моуди, поэтому остановил коня. Он был на расстоянии примерно полутора кварталов от меня. Я увидел, как он вошел в дом, и вскоре вышел оттуда, окруженный детьми, с ними были также, наверное, чьи-то мать и отец, а потом он направился к следующему дому... Придя в церковь, я сказал полковнику Хэммонду: "Ваш пропуск — доброе дело"».

К началу декабря 1858 г., когда температура в Чикаго упала ниже нуля, в жизни Моуди, казалось, начиналась постоянная весна. Он уделял все свободное время мальчикам. Его работодатель, Хендерсон, «самый верный друг из всех, после того, как я уехал из дома», все больше доверял ему, принимал «большой интерес в моем

благосостоянии как будто я ему был сын родной», и намекал, что Моуди станет его преемником.

И еще была Эмма. Ее младший брат. Флеминг Х. Ревелл-младший, которому тогда было девять, обычно ютился за печкой в эти зимние вечера «и слушал, что говорил этот молодой человек, приходивший навестить мою сестру — это была очень демократичная компания, и очень демократичное ухаживание, потому что, насколько помню, он никогда не приходил один. Вокруг маленькой печурки всегда сидел кружок молодых людей, возможно потому, что там было три девушки».

Эмма Ревелл родилась в Лондоне 5 июля 1843 г. Ее отец, Флеминг Хьюитт Ревелл, был французом, гугенотом, приехавшим в Англию, женившимся на английской девушке и основавшим судостроительное предприятие. Позже болезнь и финансовые затруднения заставили его повторно эмигрировать в Чикаго в 1849 г., вместе с женой и дочерьми Анной, Эммой и Сарой. Четвертую дочь, Мэри, бывшую еще младенцем, пришлось оставить на попечение сестры миссис Ревелл, сын же их родился уже в Америке.

Хотя Ревелл никогда не был очень богат и юная Эмма зарабатывала себе на жизнь ремеслом учительницы, дом на Вашингтон-стрит, недалеко от жилища Моуди на Мичиган-авеню, был культурным, гостеприимным и весьма английским.

Эмма Ревелл была полной противоположностью Моуди. Моуди был пышущим здоровьем, полным силы и энергии экстравертом. Эмма уже тогда страдала от астмы и головных болей, была застенчива и тиха. Его шутки отличались неумностью, ее юмор был глубоким и тонким. «Не было людей, более непохожих друг на друга, — уже после их смерти вспоминает их младший сын Пол. — Он был импульсивен, разговорчив, он доминировал в компании, вел себя неформально, и был очень мало воспитан в то время, когда они встретились. Она была полна условностей, консервативна, хорошо образованна,

много читала, обладала разборчивым вкусом и до высшей степени была склонна к самокритике».

Она занялась воспитанием Моуди. Но так и не убедила его вставлять в письма знаки препинания — у него не было на это времени. Он размашисто царапал пером по странице, предоставляя читателю право догадываться, где заканчивается продолжение, потому что заглавных букв он тоже не употреблял. Правописание хромало до конца его жизни, как и многих деревенских самоучек, миллионеров, политиков и военных того периода. Позже Моуди мог писать правильно — если помнил об этом, но в записках и письмах коллегам и родственникам он продолжал писать, как слышал (все эти «канечно» и «кравать» можно найти и в письме к матери, написанном в 1879 г., в возрасте сорока двух лет). Один друг-англичанин спросил Моуди, почему он нечасто пишет своей рукой.

— Из-за правописания, — ответил Моуди. — Но я постепенно преодолеваю трудности. Я всегда уверен в первой и последней букве слова, но вот посередине могут быть взлеты и падения.

Именно так и выглядят его письма.

Они смотрятся очень живо в оригинале, но без пунктуации в напечатанном виде читать их затруднительно; и правописание его, если не передавать его в фонетической транскрипции новоанглийского акцента, имеет вид неграмотного. Я облегчу участь читателя и буду обычно (но не всегда) включать в текст писем необходимые знаки препинания и исправлять написание слов.

Расширение кругозора Моуди и постепенное сглаживание острых углов его характера — по большей части заслуга Эммы Ревелл. Еще два года должно пройти до их помолвки, когда ей исполнится семнадцать, и еще два — до свадьбы. «Восхищение, с которым относился к ней отец, было так же безгранично, как и его любовь, — пишет Пол. — До самого дня своей смерти, я думаю, он не

переставал удивляться двум вещам: как смог использовать его Бог, несмотря на все его недостатки, и как он чудесным образом заслужил любовь женщины, настолько его превосходившей».

В последнюю неделю 1858 г. внезапно умер Хендерсон.

Он умер, не оставив завещания, фирма была реорганизована и перешла к его вдове. Моуди не стал ей помогать, хотя «мне было бы выгодно остаться в новой фирме». Он занял похожую должность в магазине «Бьюэл, Хилл и Грэнджер»; через год миссис Хендерсон и ее дочь попросили его помочь им, заняв вакантное место администратора значительного частного поместья, собрать долги и раскрутить дело. «Я сказал им, что слишком молод, чтобы принять руководство таким предприятием, но они настаивали... Я почувствовал себя польщенным».

Незаметно деловая жизнь интересовала его все меньше и меньше.

Воскресная школа росла. Число учащихся неустанно увеличивалось, и, согласно Фаруэллу, в ней царили шум и хаос. Юрист Кинг узнал, что заброшенный бар стал слишком тесен. «На меня такое впечатление произвел его [Моуди] великий труд, а также искренность и преданность делу, что я решил сделать на свой скромный лад что-либо в том же направлении». Кинг привел Моуди к «Длинному Джону» Уэнтворту, которого «я очень хорошо знал», и, хоть Уэнтворт уже не был мэром, влияния его оказалось достаточно, чтобы школе дали позволение использовать без арендной платы зал возле Нортмаркет-холл.

Это был «большой мрачный зал на втором этаже, с потемневшими стенами и потолком, голый и неприглядный». На первом этаже располагалась пожарная часть; и иногда в последующие годы школьные занятия прерывались топотом ног бегущих пожарных, ржанием лошадей, звоном колокола и шумом мотора, от которого работала помпа.

По субботним вечерам в Нортмаркет-холле устраивало танцы немецкое общество, они сваливали в угол стулья, знамена и прочие аксессуары, принадлежащие школе, и оставляли на полу груды окурков, пепла, пробок от пивных бутылок и бумажек. Моуди не мог нанимать работников в воскресенье. Вместо этого он вставал в шесть утра, даже если накануне поздно возвращался из поездки, отправлялся в зал, и один, или вместе с Джимми Секстоном, которому это было поручено, проводил часы, убирая пивные пробки, подметая пыль, отчищая пол. «Это была невероятно грязная и неприятная работа, — вспоминает Секстон. — Я никогда не делал ничего подобного с тех пор, но тогда я был частью механизма, и чувствовал себя вознагражденным за свой труд, если получал одобрение или похвалу от мистера Моуди».

Оставив Джимми, Моуди потом бросался на улицы, чтобы «созывать учеников, а также новых мальчиков и девочек» (теперь приходили и девочки; возможно, несколько девочек приходили с самого начала). Если родители мальчика или девочки не хотели их отпускать, он убеждал их; если он обнаруживал, что они не могут оправиться от ночной пьянки, то сам умывал и одевал их детей.

В два часа начиналась служба. В течение нескольких месяцев таланта Моуди и его помощников не хватало на то, чтобы разделить эту ватагу на классы; день проходил в совместной славной импровизации, состоявшей из кратких речей, гимнов и хорового пения. «Пение было отдушиной для них, — вспоминает один из первых учителей, — и я никогда такого пения не слышал. У мальчиков, продававших газеты на улице, были необыкновенно разработанные легкие, да и другие от них не отставали».

Когда были сформированы классы, Моуди попросил своих друзей стать учителями. Одному он сказал, перед звонком на урок:

— Я хочу, чтобы ты позаботился об этих агнцах.

— Агнцах? Я бы сказал, волчатах.

Число учащихся быстро возросло до шестисот. Моуди назначил банкира Исаака Берча директором школы, потом директором стал Джон Фаруэлл, но сам Моуди оставался основной движущей силой. «Я жду, что прекрасно проведу время, когда вернусь домой, — писал он одному из братьев из поездки в 1859 г., — потому что я уже довольно долго в пути, а ребята так радуются, когда я возвращаюсь. Я думаю, у меня самая большая школа здесь на Западе, по крайней мере, по эту сторону от Нью-Йорка». Он ошибался. Школа Джона Уэйнамейкера в Филадельфии была больше.

Кто-то сказал, что школа Моуди напоминает ему один «из тех паромов на Миссисипи, которые должны мчаться быстро, иначе взорвутся». Это описывает и самого Моуди. «Я очень спешу, — царапал он в письме домой, — я так спешу сегодня вечером что вы должны меня простить что не пишу больше я спешу».

Моуди считал, что не способен выступать публично, пока, вспоминает Эмма, не случилось так, что однажды вечером на небольшом детском собрании «он оказался без выступающего и был вынужден сам коротко говорить. Постепенно он привык выступать перед аудиторией». Его пугала гладкость и длина проповедей того времени.

Рассказать мальчикам и девочкам историю или две о героях Библии, так, словно они живут в соседнем квартале, оказалось проще, чем он думал, и, как только он нарушил молчание, плотину прорвало; он не мог не использовать возможность выразить ту любовь и благодарность Христу, что кипела у него внутри, благо рядом не было ни одного служителя, потому что в их присутствии у Моуди отнимался язык.

Во время деловых поездок он обнаруживал места, где не было воскресной школы. Одна маленькая девочка, мисс Уорнер, выйдя из бакалейной лавки в городе Уоррен, увидела двух мужчин. Один из них проповедовал,

взобравшись на ящик на углу, перед ним уже стояла группа зачарованных ребятишек. «Поезд на Чикаго уже отправлялся. Второй мужчина за спиной оратора тянул его сзади за пальто и уговаривал поторопиться, чтобы успеть на поезд. Им удалось догнать последний вагон».

Моуди не мог проповедовать взрослым, но мог кое-что сделать и для них. Он делал это в непринужденной чикагской манере, Эмма еще только начала воспитывать его.

В конце 1859 г. он объявил, что действительно хочет посетить Норт-филд. «Вам кажется, что я не смогу приехать домой, — писал он Джорджу в ноябре, — но я приеду бес сомнения может в январе точно». Он приехал в январе 1860 г., предупредив, что унитарии Нортфилда скоро узнают, что «нет ничего лучше веры в Иисуса Христа».

Дядя Зебулон Аллен, зять Бетси, прочувствовал силу этого заявления. «Мой племянник Дуайт безумен, как мартовский заяц. Приехал сюда из Чикаго вчера вечером с кратким визитом. Я не видел его, пока он заявился ко мне во двор сегодня утром. Вы знаете, какая холодина была, и физиономия у него была красная, как кумач. Не успел я поздороваться, он закричал мне:

— Доброе утро, дядя Зебулон! Что вы собираетесь сегодня сделать для Христа?

Конечно, я вздрогнул, наконец мне удалось выдавить:

— Заходи, Дуайт, поговорим об этом.

— Нет, мне некогда, но я хочу, чтобы ты подумал об этом, — развернулся и унесся вверх по холму со скоростью молнии. Говорю вам, сумасшедший».

Другой эпизод, случившийся в прерии весной 1860 г., не столь зрелищный.

Уильям Рейнольдс, банкир из Пеории, Иллинойс, ехал в поезде, «когда вошел и сел напротив меня крепкий жизнерадостный незнакомец». Они начали беседовать, как обычно делают пассажиры в Америке. Незнакомец

выглянул в окно и посмотрел на живописные места, мимо которых они проезжали.

— Вы никогда не думаете о том, что Отец наш Небесный сотворил такой прекрасный мир?

— Да, в самом деле.

— Вы христианин?

— Нет.

Оба знали, что это значило; жители американской границы 1860 г. почти все произошли из благочестивых семей, где матери читали детям Библию, держа их на коленях, а странствующие проповедники призывали село к покаянию и вере, чтобы потом уйти в соседнее село.

— Вы не христианин? Но вы должны стать христианином тут же. Я схожу на следующей остановке. Если мы сейчас станем тут на колени, я помолюсь о том, чтобы Бог сделал вас христианином.

Они преклонили колени. Незнакомец помолился. Поезд подкатился к остановке, и незнакомец выбежал наружу, воскликнув:

— Помните, друг: пришло время принять Христа!

Рейнольдс выскочил на маленькую платформу вагона и закричал вслед:

— Скажите мне, кто вы?

— Меня зовут Моуди.

Рейнольдс навел справки, и, будучи в Чикаго, однажды вечером зашел в бывший бар, где проводились малые собрания, «и первое, что я увидел, был мужчина, стоящий в окружении нескольких свечей, держащий на руках негритенка и пытающийся прочесть ему историю блудного сына».

Банкир стал пылким почитателем Моуди. Друзьям, озадаченным его внезапным обращением, Рейнольдс обычно рассказывал о разговоре в поезде. Потом он снова приехал в Чикаго, как Моуди писал Джорджу, «чтобы отвезти меня в деревни и говорить с детьми. И я поехал, и хорошо провел время. Я пришлю вам заметку из газеты».

У Моуди было время для организации встреч в Пеории, потому что теперь он работал не на полную ставку, уверенный, что его энергия и ловкость обеспечат ему вполне достойный заработок, не худший, чем при постоянных разъездах. Он не собирался оставлять бизнес. Его будущее было ему ясно: заработать денег бизнесом, и накопленный капитал использовать в благотворительных целях.

Но вот в июньский день 1860 г. один из преподавателей школы Норт-маркет-холл, «бледный и тощий молодой человек» вошел в офис Моуди в «Бьюэлл, Хилл и Грэнджер» и «дрожа, упал на какие-то ящики».

5: Друг детей

— Что случилось? — спросил Моуди.

— У меня опять началось кровохаркание. Доктор говорит, что мне нельзя жить на озере Мичиган, я должен возвращаться в штат Нью-Йорк. Мне кажется, я умираю.

Он дрожал и выглядел таким расстроенным, что Моуди спросил:

— В чем проблема? Ты ведь не боишься смерти, разве не так?

— Нет, сэр. Я не боюсь. Но я волнуюсь за свой класс.

Моуди знал этот класс, девочки от двенадцати до шестнадцати лет, «самые легкомысленные. Они продолжали хихикать на занятиях, все время смеялись и шалили». Однажды ему пришлось заменить больного преподавателя, и «они смеялись мне прямо в лицо. Мне захотелось открыть дверь и сказать им, чтобы уходили и не возвращались».

Учитель повторил:

— Я волнуюсь за свой класс. У меня ничего не получилось. Ни она из них не пришла к Иисусу. И у меня нет сил, чтобы сделать что-либо сейчас. Мне кажется, я

принес этим девочкам больше вреда, чем пользы. Ни одна не была обращена.

Моуди удивился. «Я никогда раньше не слышал таких речей». В школьных вопросах его волновала лишь посещаемость: он радовался, когда приходили все, когда зал был забит шумной ребятней, и печалился, когда количество их уменьшалось. Но он не думал, что кто-то из маленьких дикарей может переживать что-либо лично и глубоко, как взрослые; он не воспринимал их как личностей.

После паузы Моуди сказал:

— Давай ты наведишь своих учениц и поговоришь с ними о том, что чувствуешь. Я поеду с тобой на извозчике, если хочешь.

Он помог учителю выйти на улицу и поймал извозчика, они поехали в трущобы. Подъехали к дому одной из девочек. Учитель позвал ее и мягко сказал:

— Я приехал, чтобы попросить тебя прийти к Спасителю.

Он рассказал, что умирает и должен уехать из Чикаго, объяснил, почему она должна поверить во Христа; девочка слушала с раскрытыми глазами. И тогда, говорил Моуди, «он помолился так, как я никогда еще не слышал», и девочка, вся в слезах, обещала «решить все раз и навсегда прямо сейчас».

Двое мужчин поехали к дому другой девочки. Учитель снова повторил тот же разговор. После трех или четырех посещений силы его были на исходе. Моуди отвез его домой.

Через десять дней «он пришел ко мне в магазин, и лицо его буквально светилось: “Последняя девочка из моего класса пришла ко Христу. Жизненно важный для них вопрос улажен. Они приняли Спасителя. Мое дело сделано, теперь я могу ехать домой”».

— Не уезжай сегодня. Подожди до завтра, собери вместе весь класс. Пригласи их на чаепитие вечером.

Потом Моуди говорил, что, если бы он знал, как подействует на него эта встреча, он не стал бы туда приходить. Все девочки пришли, учитель говорил с ними и читал Библию, они попытались спеть гимн расставания. Учитель попросил Бога дать девочкам глубокую веру. Моуди помолился. «Когда я поднялся с колен, одна из девочек стала молиться за их умирающего учителя».

Пораженный, Моуди слушал неловкую, спотыкающуюся молитву трущобной девчонки, которую всегда считал пустоголовой болтушкой. Другая попросила у Бога силы, чтобы обращать в веру других. Одна за другой девочки молились. Когда Моуди слушал эти незатейливые, пылкие выражения благодарности, эти искренние просьбы, сотни тысяч золотых долларов его мечты, стремления создать коммерческую империю, вдруг показались ему преходящими, тленными, нелепыми. Лучше провести годы так, как умирающий учитель провел десять дней.

На следующий вечер, «когда солнце заходило над западными прериями», Моуди приехал на Южный Мичиганский вокзал, чтобы проводить друга. Без предварительной договоренности пришли и все девочки. Они спели гимн, и, «когда вагоны выехали из депо, мы увидели его бледную руку, показывающую на небеса, словно на место нашей будущей встречи».

Многие из этих девочек стали преданными помощницами Моуди в воскресной школе. В начале 1920-х гг., когда Уилл Моуди рассказывал об этом эпизоде на служении в Калифорнии, «женщина средних лет подошла и сказала: “Мистер Моуди, я хотела бы с вами встретиться. Моя мать была одной из этих девочек”».

Что же касается Д. Л. Моуди, то этот «замечательный июньский вечер» поставил перед ним проблему, разрешать которую он будет три месяца. Подобно Матфею, он почувствовал призыв покинуть бизнес. Он не хотел этого. «Я сопротивлялся. Это была ужасная битва. Но, о! Сколько раз потом я благодарил за это Бога».

Отказаться от престижного положения в городе, где богатство было единственным критерием известности, отложить свадьбу и быть способным предложить Эмме очень скромное существование, отказаться от всех радостей заключения коммерческих сделок, от власти, которая приходит с деньгами, — на все это ему понадобилось три месяца.

И осенью 1860 г. настал день, когда Дж. В. Фаруэлл обнаружил, что Моуди оставил свое место в «Бьюэлл, Хилл и Грэнджер», оставил богатую гостиницу миссис Филлипс и поселился на диване в одной из комнат, которыми пользовалась ИМКА в Методистском церковном комплексе. Он ел в дешевых столовых или же питался сыром и крекерами, так как решил экономить свои сбережения, чтобы хватало на школу. «Я сказал себе: “Я буду жить на сбережения. Если они закончатся и я не обнаружу средств к существованию, я восприму это как знак, что надо вернуться к бизнесу”». В следующем году, когда Моуди был принят на постоянную работу в ИМКА, служащий, который зафиксировал решение Совета управляющих, написал: «...принимается на должность за плату_долла

ров». Пустое место так никогда и не было заполнено. Фаруэлл говорит: «Я требовал от него принять заработную плату, но он отказался», потому что это ограничило бы его свободу. Может быть, потом ему придется отказываться и от большего, но в 1860 г. это было гениальное решение, которое давало ему моральное право просить о пожертвованиях на дела миссии.

«Нет! — комментирует Флеминг Х. Ревелл в письме от 1917 г. — Мистер Моуди так и не принял заработной платы после того, как отказался от бизнеса, приносящего ему не меньше 5000 долларов. В первый год после этого шага его доход составил 150 долларов. Проверка на истинность веры».

Близкий друг, Дж. Х. Харвуд, подводит итоги: «То, что молодой человек, полный здоровых инстинктов и интереса к повседневной жизни, был способен отказаться во имя Христа от завоевания мира и ничего в этом мире не желать, невозможно объяснить исключительно естественными причинами».

Теперь Моуди неустанно посвящал себя и все свои физические возможности воскресной школе. Нортмаркет-холл мог вместить тысячу двести человек; он должен был наполниться.

Карманы его, как обычно, были полны сладостей. Он мог вручить приз, например, белочку в клетке, ученику, который привел больше всего новых рекрутов. Ему всегда удавалось сделать так, что дети держали свое слово и ходили в школу. «Если я по какой-то причине не сдерживала обещание, — вспоминает одна из девочек, — я обычно обходила школу дальней дорогой, чтобы не встретиться с мистером Моуди. Когда я почти уже была дома, я вдруг видела перед собой его, с протянутой ко мне рукой и печальным взглядом, он говорил мне:

— Дженни, отчего же ты не пришла? Мне не хватало тебя в воскресной школе. Я надеюсь, ты не заболела? У тебя дома все в порядке? Ты ведь не станешь меня разочаровывать в следующий раз, не правда ли? Мне будет так грустно, если тебя не будет».

Он мобилизовал своих друзей на систематическое посещение трущоб. «Обычно мы брали с собой талоны на хлеб, — писал Дж. Б. Стиллсон, — и немного денег, чтобы помочь больным, вдовам и сиротам, а также мы договорились с несколькими врачами, чтобы те бесплатно посещали бедных и больных и сидели с ними по ночам».

Моуди был самым настойчивым. На верхнем этаже над магазином на Норткларк-стрит жило шестеро детей, которые, по воспоминаниям нижних жильцов, были «непослушными и голодными, отец же их (гигантского роста) обычно был пьян и жестоко бил свою миниатюрную

жену, которая содержала семью как могла, стирая и моя полы. Мистер Моуди приходил снова и снова, пытаясь обратить отца-пьяницу. Почти каждый день он приносил им корзины с едой, фруктами, углем или хворостом».

С виски он боролся постоянно, что Бетси понравилось бы, хоть, наверно, она немало вздыхала, узнавая о рвении Дуайта-благовестователя. В одном из трущобных домов, в отсутствии отца, Моуди обнаружил, по словам Фаруэлла, «не только детей, но и кувшин с виски. Он забрал и то, и другое: детей отвел в воскресную школу, а виски вылил на дорогу». Когда он пришел в следующий раз, возмущенный отец проревел:

— Это ты вылил мое виски? — схватил Моуди за грудки и потащил на улицу со словами:

— Сейчас я с тобой разделаюсь!

— Я вылил виски ради вас и вашей семьи. Позвольте мне помолиться перед тем, как вы со мной разделаетесь.

Искренняя молитва Моуди не была похожа на то благочестивое пустословие, которое этот мужчина ожидал услышать от проповедника. Он устыдился и пробормотал:

— Так и быть, забирай детей, не буду тебя бить.

Моуди без устали тратил время и энергию. Одна маленькая девочка — эта история была на устах у всего Чикаго — обещала Моуди, что пригласит его домой, чтобы он попросил у мамы отпустить ее в школу; сначала, сказала девочка, она должна сделать одно дело, так не подождет ли ее добрый джентльмен на углу.

Добрый джентльмен ждал не меньше трех часов, но напрасно. Через несколько дней он встретил эту девочку. Она побежала. Он за ней. Она перепрыгивала через заборы, Моуди следовал за ней, прыгая через ступеньки, перебегая улицу перед упряжками, пугая старушек и собак, пока она не вбежала в аллею, потом — в какой-то бар и наверх, в спальню. Моуди не отставал. Она забилась под кровать. Задыхающийся Моуди вытащил ее оттуда. «И, вытащив

эту маленькую девочку из-под кровати, — как сказал один из его друзей, — он целое семейство вытащил на небеса».

Из-за соблюдения весьма экстравагантной диеты под глазами у Моуди появились синяки, и тогда Джон Фаруэлл подарил своему двадцатитрехлетнему другу маленького пегого индейского пони. И вскоре Моуди уже ехал на нем по улицам, с корзиной апельсинов или хохочущей ребятней сзади, или с целым хвостом ребят постарше, по очереди едущих по грязи на самодельных салазках, рискующих, что Моуди, с внезапным смехом, выпустит веревку. Именно на этом пони впервые увидел его Д. У. Уиттл, только что приехавший из долины Коннектикута, а потом ставший одним из ближайших его сподвижников и друзей. «Я проходил по Кларк-стрит, и кто-то из прохожих сказал: “Вон едет Безумец Моуди”. Я обернулся и увидел молодого человека на маленьком пони, брюки его были заправлены в сапоги, на голове сидела шляпа».

Пони оказал громадную помощь в наборе рекрутов. Через семнадцать лет Моуди скажет: «Некоторые из наиболее активных людей Чикаго были когда-то босоногими мальчишками, подобранными в переулках и на пустырях». Тот же самый принцип беззастенчивого подкупа с наилучшими намерениями царил и в Нормаркет-холле. Клара Гоулди вспоминает, как «дети всегда находили у подножья лестницы пакет с орехами, попкорном, яблоками и пряниками, с апельсином наверху, и это был неплохой побуждающий стимул. Всегда в запасе была целая большая корзина таких пакетов».

Случались и конфликты. Был один мальчик, ужасно мешавший учителю и прерывавший занятия в соседних классах. Наконец Моуди сказал Фаруэллу:

— Я собираюсь спуститься с этим мальчишкой вниз в полицейский участок и высечь его, и, когда вы все увидите, что я пошел туда, пусть все встанут и поют гимны как можно громче, пока я не вернусь.

Фаруэлл так и поступил, «и, когда мистер Моуди вернулся, он был весь красный после такого религиозного упражнения. Через месяц этот мальчик стал христианином и очень помогал своему учителю», а через много лет он активно участвовал в чикагской кампании Моуди 1876 г.

Вскоре вокруг личности самозваного детского проповедника стали возникать разнообразные слухи: что, якобы, когда ирландские мальчишки побили окна в Холле и стали бить на улицах учеников, Моуди позвал римского католического епископа, знаменитого Джеймса Даггана, и они, католик и протестант, молились вместе; что, когда отцы-алкоголики набросились на него с дубинками, он смотрел себе под ноги, стараясь сдерживать свой воинственный нрав и тяжелые кулаки, и оставаться под ударами кротким, как агнец.

Один мальчик, который попросил Моуди поговорить с его родителями, оказался сыном владельца питейного заведения. Моуди, «никогда в жизни не был в баре. Я подходил к двери и отступал несколько раз. Я говорил себе: “Я не могу туда идти. Люди подумают, что я хожу пить”». Наконец, он оглянулся вокруг, не увидел поблизости ни одного диакона, и вошел. «Отец был за стойкой бара, и, когда я подошел к нему и сказал, зачем я пришел, он ответил: “Нам тут не нужны лицемерные пустословы”, и я вышел оттуда еще быстрее, чем вошел. Потом я зашел снова, и он снова меня прогнал. Наконец, я вошел в третий раз, и этот человек не был еще пьян, и не был безумен, но он сказал, что предпочел бы видеть своих сыновей пьяницами, а дочерей — блудницами, чем христианами».

Обнаружив, что этот мужчина издает дешевое атеистическое издание, Моуди прочел «Век разума» Тома Пейна, взамен обещания прочесть Новый Завет.

Однажды воскресным утром Моуди сказал:

— Мне хотелось бы пригласить вас со мной в церковь.

— Я не был в церкви восемнадцать лет, — он яростно потер стакан для джина, который протирал. — Нет, я не пойду. Но, если хотите, можете устроить церковь здесь.

Моуди был шокирован: *«Церковь в баре?»* Но другого пути к сердцу этого человека он не видел. Боясь, что диаконы его не одобряют, Моуди выбрал время, когда они будут собственно в церкви. Владелец бара сказал:

— Я хочу, чтобы вы поняли, молодой человек, вам не придется все время проповедовать.

— Что вы имеете в виду?

— Мне захочется что-нибудь сказать, мои друзья захотят что-нибудь сказать. Мы не дадим вам проповедовать все время. Нам захочется высказаться тоже.

Атеистам было выделено сорок пять минут, Моуди — пятнадцать («На самом деле, я не думаю, что смог бы проповедовать дольше пятнадцати минут»), и под давлением нечестивых, жаждущих сокрушить его, он был вынужден переместиться в большую комнату дальше по улице. Для поддержки он взял с собой одного из лучших мальчиков, слишком маленького для своего возраста, но Моуди чувствовал себя «очень напуганным. Я дрожал с головы до ног».

«Они начали забрасывать меня вопросами, но я сказал:

— Нет, сэр. Вы собирались проповедовать сорок пять минут».

И они стали это делать, пока Моуди не почувствовал, что его «тошнит от неверия». Тогда он сказал:

— Давайте помолимся.

Они протестовали. Он встал на колени. Они свистели, смеялись, а он молился вслух. Он призвал на помощь подкрепление, и интуиция его не подвела: маленький мальчик произвел на них впечатление, «когда он умоляющим голосом просил Бога простить этих людей за то, что они так плохо высказывались о Его любимом Сыне». Это была мелодраматичная сцена, но атеисты, в

молчании, начали расходиться. Старый владелец бара сказал:

— Если вы этому их учите там, ладно, забирайте моего.

Итак, школа росла. Когда Моуди занимался бизнесом, ему казалось, что он «занимается детьми один час в неделю, а остальное время с ними занимается дьявол». Теперь силы были уравновешены. «Этой зимой я провожу встречи в моей школе каждый вечер, — писал он домой, — это отнимает все мое время».

Глядя с возвышения благодарным взглядом на свою немытую паству, приветствуя в Холле тысячу оборванцев-учащихся, катаясь на пони по трущобным улочкам или убеждая упрямых родителей, Моуди не сомневался, что нашел дело своей жизни — он посвятит годы служению трущобам Чикаго и вырастит не одно поколение детей.

6: Барабаны в Теннесси

Авраам Линкольн, президент страны, посетил Чикаго в воскресенье, 25 ноября 1860 г. Фаруэлл, чей краткий политический экскурс произвел на Линкольна впечатление, пригласил президента в школу Моуди, и тот согласился, при условии, что не нужно будет произносить речей. Он был на утренней службе в епископальной церкви Святого Иакова и пораньше закончил ленч, когда Фаруэлл послал за ним.

Под оглушительные приветственные возгласы Линкольн сел и прослушал вступительные гимны и молитвы. Затем он поднялся и собирался уйти. Тогда непослушный Моуди объявил:

— Мистер Линкольн пришел к нам при условии, чтобы *мы не просили его произносить речь*. Но, если он все же захочет сказать пару слов на прощание, мы слушаем его очень внимательно.

Линкольн медленно вышел в центр зала. Там он остановился, оглянулся вокруг и сказал:

— Когда-то я был таким же бедняком, как каждый мальчик в этой школе, а теперь я — президент Соединенных Штатов, и, если вы будете внимательно слушать то, чему вас тут учат, может быть, кто-нибудь из вас тоже станет президентом.

После этого визита, а также потому, что он прибыл из Бостона — города, о котором Линкольн говорил: «Чикаго был основным зачинщиком войны в этой стране после Бостона», — для Моуди не могло существовать двух мнений: он был от всей души за объединение и упразднение рабства, считал южан всего лишь бунтовщиками-рабовладельцами, и Гражданская война для него являлась однозначным конфликтом добра и зла; в период между 1861 и 1865 гг. он, вероятно, презрительно фыркал, слышав о высокой духовности в рядах южан.

Когда Линкольн призвал добровольцев в форт Самтер, под его знамена вступило семьдесят пять учащихся школы Моуди; Джимми Секстон дослужился до полковника. Сначала Моуди оставался в стороне, потому что не мог покинуть свою Миссию; кроме того, он обладал неким врожденным личным пацифизмом («Я чувствовал, что не могу взять в руки винтовку и застрелить другого человека. В этом отношении я квакер»), что, однако, не уменьшило его ревностного отношения к вербовке.

Когда разразилась война, в нескольких километрах к югу от Чикаго, там, где теперь находится Институт технологии Иллинойса, вырос военный городок из палаток, барачков, плацев и складов оружия, предназначенный для сбора и тренировок добровольческой армии Северо-Запада, он получил название «лагерь Дуглас». Моуди и Бенджамин Франклин Джэйкобс, молодой агент по недвижимости, работавший в воскресной школе Нортстар, были откомандированы для проведения религиозных мероприятий в лагере комитетом новой, небольшой и

весьма активной организации, которая еще не приобрела в Чикаго большого влияния: Ассоциация Молодых Христиан (ИМКА). Пока ее деятельность состояла лишь в проведении ежедневного молитвенного собрания в полдень в помещении Ассоциации в комплексе Методистской епископальной церкви. Когда в мае 1861 г. Моуди был принят в ее ряды как «библиотекарь, с правом действия в роли агента организации и городского миссионера», все эти громкие слова означали только, что «все, что он делал, было официально».

В лагере Дуглас Моуди и его друзья стали регулярно проводить службы, и пожалы тот обильный урожай, о котором мечтали. Почва была плодородной. Война дала проявиться всем основным положительным и отрицательным качествам американского характера. Парни, спокойно выросшие под кровом ферм или кузниц, внезапно оказались в суровой действительности барачников, со всеми ее волнениями и затруднениями, и все искушения, против которых предостерегали их в деревянных или дощатых домиках благочестивые матушки, вращались вокруг них в атмосфере мужской грубости и мальчишеской простоты.

«С самого начала интерес к этим собраниям был велик, — рассказывает в сухом отчете ИМКА. — Чтобы удовлетворить потребности в молитвенниках, пришлось выпустить издание тиражом в 3500 экземпляров в типографии Союза воскресных школ. Был расширен Армейский комитет Ассоциации... Интерес к полевым собраниям все возрастал, пока не пришлось проводить по восемь — десять собраний каждый вечер, и сотни людей пришли ко Христу». Каждый вечер Моуди возвращался из лагеря с охапкой игральных карт, сданных раскаявшимися, которые, что забавно, он тщательно хранил в специальном уголке помещения ИМКА.

«Все это захватывает меня», — писал он матери в июне. Она жаловалась, что он редко пишет. «О нет, мама,

— отвечал он, — я думаю о вас так же часто как раньше но если бы я мог увидеть тебя я бы рассказал как Господь благословляет меня в моих трудах и я думаю ты сказала бы мне: Да благословит тебя Бог, продолжай... Я сейчас занят как никогда в жизни», ибо он продолжал приводить новичков в воскресную школу.

В лагере Дуглас, особенно когда начали приходиться списки погибших и раненых и война перестала походить на пикник, Моуди остро ощутил, как священна жизнь каждого человека; каждый был важен; любой из этих веселых парней завтра мог превратиться в холодный труп, лежащий посреди южных лесов или пшеничных полей, и каждый нуждался в даре вечной жизни и уверенности, что обладает этим даром.

Перед ним возникла также проблема личного характера: он не мог полагаться только на проповеди Джэйкобса и других, которые умели проповедовать; как писала Эмма, «когда его звали к солдатам, он чувствовал, что должен рассказать им любой ценой о способности Христа *спасти*». Моуди пришлось побороть свою застенчивость, обращаясь к людям своего возраста и старше; он не мог пренебречь желанием «говорить с вами о моем Спасителе, Который кажется мне таким близким — о, во что превратилась бы жизнь, если бы не было Христа!»

Неудачи больше не смущали Моуди. Дэниэль Мак-Уильямс, молодой бухгалтер, пресвитерианин, присутствовал на скромном обеде, который дал летом 1861 г. Рейнольдс из Пеории, чтобы служители и миряне могли встретиться с его другом-попутчиком. Основным впечатлением, о котором вспоминает Мак-Уильямс, было «искреннее желание Моуди вести людей ко Спасителю и жажда к изучению Библии, потому что в течение всего обеда мистер Моуди цитировал стихи и просил служителей объяснить ему: что значит этот стих?»

Фаруэлл назвал лагерь Дуглас «детским садом тренировки» Моуди. Он быстро стал известен. Осенью он

отправился по приглашению капеллана Иллинойского полка, скрывавшего свое происхождение под славным названием «Зуавов», посетить их лагерь в Элизабеттоуне, Кентукки, недалеко от места рождения Линкольна. Полковая газета сообщила, что «активный служитель из ИМКА, Чикаго... трудился неустанно день и ночь, раздавая книги, газеты, брошюры, молитвенники и т. д.», затем следовала фраза, более правильная с точки зрения содержания, чем с точки зрения грамматики: «Его совет и пример убеждает и обращает». В ходе Гражданской войны было много импровизаций и нерукоположенный капеллан никого бы не удивил; но Эмма вспоминает, что «друзья Моуди из Чикаго попросили его не вступать в армию капелланом, как хотели некоторые солдаты, потому что он мог больше сделать для солдат, будучи свободным, чем ограничивая свою деятельность одним полком».

Чикаго был подавлен этой странной и печальной братоубийственной войной и полон страха за сыновей и возлюбленных, траурный креп свисал с дверей, а искалеченные солдаты отчаянно искали работу; работы не было, но некоторым удавалось наживаться на войне и богатеть; и этот Чикаго относился к Моуди с великим уважением и восхищением.

Он все время трудился, в городе или в лагере. «У меня есть 500 — 800 человек, — писал он любимому брату Сэмюэлю печальным январским днем 1862 г., — которые зависят от меня ежедневно и все время приходят новые. Я держу оседланую лошадь чтобы ездить и искать несчастных и у меня есть человек чтобы ждать людей каторые приходят в мой офис. Мой штаб в помещеннях Ассоциации Молодых Христиан и еще я только собрал денег чтобы построить чисовню для солдат в лагере в 3 милях от города. Я провожу собрание там каждый день и 2 в городе так что видиш 3 собрания каждый день и говорить с ранеными и это еще не все я должен ездить загород

каждую неделю покупать хворост и привозить для несчастных и еще уголь пшеницу еду и зерно...»

Что касается проповедей, «у меня нет и 5 минут в день на подготовку и я говорю что придется... я не отвечаю на письма — нет времени — я возвращаюсь каждый вечер в 11 — 12 и встаю на рассвете... Мне хотелось бы чтобы ты был здесь как-нибудь с 1 до 3 и посмотрел как люди ломятся в мой офис».

Моуди, рассказывая об этом в письме, хотел объяснить, почему он плохо отвечает на послания из дома, мы же видим из этого рассказа, каким он был за несколько недель до двадцать пятого дня рождения: деловитым и пылким, но склонным к опасному мнению, которое чуть не погубит его через несколько лет: что благочестие проявляется прежде всего в неустанной деятельности. «Ходи в церковь, сколько можешь; проводи столько молитвенных собраний, сколько хватит сил». Однако никто не стал бы спорить с его девизом: «Делай все, что можешь, чтобы мир стал лучше. Делай все, что можешь, для Христа, и другие будут счастливы».

Добровольные, полуимпровизированные службы, призванные способствовать утешению, духовному благополучию и вере солдат Федеральной армии, наконец были упорядочены и образовался Христианский комитет Соединенных Штатов, частная, но официально утвержденная организация, представлявшая из себя нечто среднее между Красным крестом, Военно-торговой службой ВМС, ВВС и сухопутных войск, и вспомогательным подразделением капелланов. Фаруэлл стал президентом Северо-западного отделения. Моуди, что было неизбежно, часто делегировали на фронт (расходы оплачивались, но жалование он не получал).

В феврале 1862 г., когда еще неизвестный Грант прославился, захватив форт Донельсон на Камберленде в Теннесси, что привело к возникновению термина «безоговорочная капитуляция», Моуди выезжал из Чикаго

для работы с ранеными. «Вы не знаете как грубо обращаются с этими несчастными. Я был на поле боя до того, как они похоронили мертвых, и было ужасно видеть как мертвецы лежат вокруг и некому похоронить их». Не успел он вернуться домой, как был немедленно снова отправлен на помощь раненым.

В следующем месяце Грант провел ужасное сражение при Шилохе, известное также как Питтсбургский десант, которое закончилось частичным поражением, но конфедераты отступили. Из Чикаго срочно запросили целый эшелон дополнительных врачей, медсестер и студентов-медиков, собранный ИМКА для Христианского комитета. Как вспоминает один из студентов-медиков, «вечером в этом эшелоне мистер Моуди вел молитвенное собрание в одном конце вагона, а в другом конце вагона компания мужчин играла в карты».

Раздробленные конечности, гангрена, ампутации, часто без хлороформа, смерти, которых можно было бы избежать, если бы медицинская наука и гигиена были более развиты, обострили до предела ощущение человеческой нужды, всегда свойственное Моуди, его уверенность в том, что надо срочно решать судьбу человека в вечности, его нетерпеливое желание получить честный ответ на вопрос, который он всегда задавал в присутствии смерти: «Вы христианин?»

«Когда мы спускались вниз по Теннесси, на борту было четыреста пятьдесят раненых. Многие — смертельно». Моуди и его товарищи «решили не позволить ни одному человеку умереть, не услышав о Христе и небесах — мы говорили им о Христе, словно давали воды попить». Моуди наткнулся на юношу, умирающего от шока и потери крови. Он напоил несчастного бренди с водой, надеясь, что тот на время придет в себя.

Раненый, лежащий рядом, сказал, что они приятели, старые друзья, из одного города, вместе записались в армию, и умирающий — единственный сын вдовы. Моуди

знал, что мать «наверное, захочет получить весточку от сына, и я спросил, христианка ли она. Он сказал:

— Да, она верующая».

Моуди периодически звал юношу по имени, и наконец глаза его открылись. Моуди дал ему еще один глоток бренди с водой:

— Уильям, ты знаешь, где ты?

— О да, — прошептал раненый, — я еду домой к маме.

— Доктор сказал, что ты умрешь. Ты не хочешь передать что-нибудь своей матери?

— Скажите маме... что... я умер, веря во Христа.

Сердце Моуди екнуло — «мне показалось, что я нахожусь у небесных врат». Он спросил:

— Что-нибудь еще?

Юноша закрыл глаза:

— Да, скажите маме и сестре... что мы, конечно, встретимся... на небесах.

Это был подлинный голос старого американского духа, полный благочестия и глубокой любви к дому, голос, обращенный к человеку, который еще не знал, что призван провозгласить старые твердые принципы в новом веке.

Эмма Ревелл, влюбившаяся в преуспевающего торговца обувью, внезапно оказалась невестой детского проповедника и собиралась выйти замуж за Илию на колеснице, не зная, чем все это закончится.

Они поженились в Чикаго во вторник 28 августа 1862 г., и отправились «в мой свадебный тур», как назвал это Моуди.

В июне он побывал в Нортфилде, по которому так часто тосковало его сердце. «Тоска по дому» была постоянной темой его писем: «Скажи маме что она не знает как хорошо получать письма от матери... Она никогда не жила в разлуке со своей матерью и не может знать как это здорово». Он всегда был щедр по отношению к семье, даже не по средствам, и очень беспокоился о них.

Он жаждал «видеть мою мать и всех моих братьев и сестер обращенными к Богу». «Очень приятное пребывание» в Нортфил-де вместо отдыха превратилось в выездную миссию, наделавшую такого шума, что около двадцати пяти человек пришло провожать его на станцию. Два его брата начали вести молитвенные собрания, но предубеждение Бетси возросло, потому что Дуайт собирался жениться на англичанке, к тому же баптистке.

Они поселились в крохотном домике на Северной стороне (Чикаго был разделен на престижную Южную сторону, к югу от реки Чикаго, и трущобную Северную), где Эмма продолжила потихоньку приручать Моуди, превращая его в того человека, каким он мог бы стать по ее мнению. Она была «прежде всего практична и любила порядок». Она выбросила те патентованные рубашки, которыми он так гордился, потому что их можно было не стирать неделями. Ей пока не удалось заставить его питаться регулярно и полноценно. Ей по-прежнему было не справиться с ежедневным каскадом невероятных событий, которые превращали каждый день в приключение.

Однако ей удалось добиться изменений, которые происходили так мягко и незаметно, что он мог сказать в конце жизни: «Она была единственным человеком, который никогда не старался меня ни от чего удержать и всегда с симпатией относился к моим новым предприятиям».

Сэмюэль Моуди, болезненный и симпатичный брат Моуди, интересовавшийся политикой и культурой и лишь улыбающийся, когда Моуди говорил с ним о религии, приехал к ним осенью 1862 г., собираясь найти работу в Чикаго. «Дуайта нет дома с утра до вечера, — писал он. — Он не находит времени даже на еду. Здесь есть лагерь Дуглас (там народа около 17 000), и он там проводит собрания каждый вечер — надо только побывать там и послушать, как поют солдаты, когда их собирается по 300

— 400 человек, представители почти всех штатов. Среди них и пленные бунтовщики». Это были люди из форта Донельсон. Моуди почувствовал себя уязвленным, когда они отказались петь по молитвенникам со звездно-полосатыми обложками. А Фаруэлл «никогда не видел его в таком возбуждении», как когда был раскрыт знаменитый заговор поджога Чикаго.

Эмма говорит, что он был на фронте девять раз. В январе 1863 г. он был под обстрелом, когда находился среди раненых в кровавой битве на Мерфрисборо или Стоун-ривер, когда Розенкранс прорывался к Нашвиллу. Он видел, как умирающие обретают покой, слушая его проповеди, и в нем крепло желание, чтобы люди немедленно обрели уверенность в несомненном спасении. Моуди пожинал плоды на хорошо засеянном поле, ибо лишь очень немногие из участников Гражданской войны не получили основ христианского учения; но он не питал иллюзий, так как «дурная природа» человека лишь ожесточалась под влиянием сражений и жизни в бараках.

— Капеллан, помогите мне умереть, — прошептал раненный под Мерфрисборо, было это рано утром. — Я всю жизнь сопротивлялся Христу. Моя мать молилась, а я всегда пренебрегал ее молитвами.

Моуди, держа в руках Библию, стал повторять обетования Писания одно за другим, «но он не воспринимал их, и я уже почти отчаялся». Тогда Моуди стал читать историю Никодима из Евангелия от Иоанна. «Когда я читал ее, взгляд его обратился ко мне, и мне казалось, он жадно впитывает каждое слово».

Акцент янки звучал умиротворяюще: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесены быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».

Солдат протянул слабую руку:

— *Что* это? Это правда? Я хочу, чтобы вы еще раз это прочитали... Это хорошо! Прочитайте же *снова!*

Когда Моуди прочел отрывок в третий раз, он увидел в тусклом свете, что на лице человека «озабоченное выражение сменилось спокойной улыбкой». На следующее утро санитар у пустой лежанки сказал Моуди, что солдат умер, тихо бормоча слова обетования.

Моуди, который быстро учился, если предмет волновал его сердце, вскоре говорил с ранеными так, «словно его всю жизнь специально учили обращаться к больным». Он выступал в госпиталях, раздавал выздоравливающим журналы и игры. К четвертому году войны Моуди, бывший в 1861-м еще любителем, превратился в опытного, хоть и доморощенного проповедника. «Я собирал мой Четвертый корпус, — писал генерал-майор Оливер Отис Хоуард о тех весенних днях 1864 г. в Теннесси, когда Шерман собирал добровольцев для кампании в Атланте для марша к морю, — две дивизии уже прибыли и располагались в Кливленде и окрестностях. Солдаты готовились к началу кампании, которая обещала быть тяжелой и кровавой, и я подумал, что сильные проповеди нам будут очень полезны. Моуди слушали громадные массы народа. Он рассказывал им, как солдат может отдать свое сердце Богу. Его проповеди были конкретны и эффективны, и масса людей отвечала на них обещанием принять Христа».

Один из пехотинцев 96-го Иллинойского полка «пошел однажды вечером на собрание, и на меня произвела большое впечатление его искренность. Я в то время не был христианином, хоть и подумывал, что неплохо было бы начать кампанию в Атланте, сражаясь не только за родную страну, но и за Христа. На следующее утро или вскоре после того, я пошел в свою палатку и открыл маленький экземпляр Нового Завета, который мне дали, и тогда я начал читать, молиться и начал свой путь в Царство Христово. Через несколько дней я испытал радость спасения. Я всегда считал мистера Моуди своим духовным отцом».

Моуди не участвовал в марше по Джорджии и не был свидетелем того, как люди Корса удержали форт Алтуна, хоть это и стало темой одной из наиболее знаменитых песен тандема «Моуди и Сэнки».

Великие дела творились в Чикаго.

7: Служба спасения

Осенью 1862 г. Нортмаркет-холл сильно пострадал от пожара, несмотря на помпу на первом этаже. Примерно на год воскресная школа Моуди переселилась в более ветхий Кинзи-холл. Посещаемость упала. Школу нужно было восстанавливать.

Моуди не переставал измышлять все новые и новые трюки, чтобы привлекать новых детей. Он собрал двенадцать — пятнадцать ужасно оборванных мальчишек, имена которых красноречиво свидетельствовали об их положении: Смайкс, Мэдден мясник, Дарби сапожник, Джеки Свечка, Блэк Печная Труба, — и пообещал купить каждому костюм, если они будут ходить в школу каждое воскресенье до Рождества. Он организовал их в класс под руководством Фаруэлла. Все, кроме двоих, заслужили свои костюмы, и Фаруэлл стал называть эту неформальную компанию «гвардейцами Моуди». Моуди сфотографировал ребят до и после получения костюмов и распространил фотографии, подписав под первой: «Стоит ли?», а под второй — «Стоит!» На самом деле, стоило: тринадцать лет спустя служащий железной дороги сказал одному из коллег Моуди: «Видите самого жуткого оборванца из всех? Теперь это ваш покорный слуга, член церкви и работник воскресной школы». Но Моуди начал сомневаться в эффективности подкупа: его Общество по социальным нуждам слишком часто обманывали. «Я пришел к выводу, что неправильно держать в одной руке буханку хлеба, а в другой — Благую Весть». Помощь несчастным и обездоленным отнимала у Моуди столько же времени, что

и само христианское служение; и он терпеть не мог тех, кто проповедовал небесное блаженство и ничего не делал, чтобы покончить с земной нищетой.

Знаменитые пикники в его воскресной школе скорее помогали ему выплеснуть собственную энергию, чем служили сознательным средством привлечения детей. Он «любил соревнования и конкурсы», — рассказывали его сыновья; Фаруэлл пришел на такое мероприятие только однажды, потому что, как он выразился, «физические усилия, необходимые, чтобы догнать мистера Моуди, слишком велики для меня». «Немногие из участников этих пикников могли сравниться с ним в беге, прыжках и прочих спортивных упражнениях», — вспоминает другой помощник, и Моуди нравилось проявлять свои способности. Он обычно хватал тяжелую кадучку с яблоками и бегал с ней, разбрасывая часть яблок, которые хватали мальчики помладше, в то время как остальные пытались догнать его, чтобы получить оставшуюся часть.

Подшутить над Моуди значило отплатить ему его собственной монетой. Однажды учителя захотели искупаться в озере, которое находилось в красивом уединенном месте, но, чтобы туда добраться, надо было пройти по грязи. Один молодой денди стал кривиться при ее виде. «Мистер Моуди предложил с хитрой улыбкой: “Мистер С., забирайтесь мне на спину, я перенесу вас”. Мы были на самой середине трясины, когда мистер С., в своем белом костюме и брюках цвета лаванды, был сброшен в грязь, и пришлось ему самостоятельно добираться до твердой земли».

До конца своей жизни Моуди обожал жестокие шутки. Как пишет Пол Моуди: «Он был самым мягкосердечным на свете человеком, но при этом любил посмеяться над чем-то, что не казалось таким уж забавным жертве шутки». И, когда юный Пол (в то время Моуди было уже почти шестьдесят) однажды наткнулся на гнездо разъяренных пчел, «ужаснее, чем жала этих созданий, мне

показался вид моего отца, который буквально по земле катался от хохота, однако на безопасном расстоянии». Была все-таки крупица истины в старой семейной поговорке: «Ни один из Моуди не смеется, пока кровь не прольется».

26 декабря 1863 г. Эмма писала Сэму: «Здание воскресной школы почти достроено, его уже штукатурят, и мы надеемся, что через несколько недель оно будет готово. Нам оно очень нужно, потому что холл приходит в упадок с каждым воскресеньем. Когда закончится строительство, будет славное собрание, потому что несколько выдающихся служителей из разных городов обещали приехать и проповедовать нам...»

Новое здание, которое сначала принадлежало школе Миссии, было воздвигнуто на Иллинойс-стрит между улицами Ласалль и Уэллс, в двух кварталах от Кинзи, на 24 000 долларов, собранных по подписке Фаруэллом и многими другими, с участием учеников и их родителей. Оно открылось в самом начале 1864 г., «кирпичное здание странного вида», отдаленно напоминающее церковь. «Дома сжимали его с обеих сторон так, что, казалось, оно едва там поместилось. Оно выглядело так, словно его старались построить как можно проще, чтобы никакого бедняка не отпугнул его внешний вид». Справа от входа висела табличка: «Скитальцы и бедняки, добро пожаловать в этот дом Божий», и объявление: «Места бесплатно». Внутри стены были покрыты библейскими текстами, «тщательно выписанными на свитках и табличках», на задней стене красовалась надпись: «Бог есть любовь». Войдя, «вы видели классы, где стулья стояли кругом, стул учителя был отмечен шелковым знаменем с номером класса и стихом из Писания. Знамена были разных цветов, их древка прикреплялись к спинке стула так, чтобы они стояли прямо. Когда в окна светило солнце, эти яркие разноцветные знамена и счастливые розовощекие лица ребят, их окружающих, представляли собой прекрасное

зрелище». Сомнительно, однако, что лица трущобных детей были розовощекими.

Войдя в двери, можно было видеть два библейских класса, разделенные стеклянной перегородкой, которая убиралась, чтобы получить холл пошире. Наверху другая стеклянная перегородка намечала место для младшего класса или помещения для гостей, откуда они могли наблюдать за происходящим внизу, в то время как директор (теперь Моуди занимал эту должность) объяснял свою систему и указывал на учителей. Вверху была также маленькая библиотека, где он проводил беседы.

По обеим сторонам шла галерея. Чарльз Мортон, двадцатилетний отставник, потерявший правую руку при Уильямсбурге и много пивший, чтобы заглушить боль, однажды в воскресенье празднично бродил с приятелями, когда увидел это здание. «Люди: мужчины, женщины и дети, — заходили туда, как к себе домой, и мы тоже зашли посмотреть». Им сказали:

— Проходите на галерею, молодые люди.

Они оказались на попечении учителя, у которого были «слишком длинные волосы и слишком короткие брюки, к тому же он нервничал. Он говорил очень громко, и скоро я увидел, что он сам не очень хорошо знает урок. Ребята захотели уйти, но я сказал: “Давайте досидим до конца”». Чарльз Мортон никогда не забудет, какое впечатление произвело на него пение «Вы знакомы с каким-нибудь босоногим мальчиком?», а также неумелого школьного хора, передающего самую атмосферу Миссии Моуди:

*Приведите его, здесь есть место для всех,
Здесь есть пища, и кров, и доброта;
И мы не захлопнем дверь ни перед кем,
Кто беден и верит в Христа,
Так ведите сюда всех детей.*

Мортон смотрел на поющих, «я обратил внимание, что большинство мальчиков и девочек выглядели бедно,

многие были босы, учителя же в основном были хорошо одеты и отличались от учеников, и я сказал себе: “Вряд ли это делается ради денег. Вряд ли им платят много за то, что они присматривают за детьми”. Тогда я решил прийти сюда снова, и пришел. Вскоре я вложил свою руку в руку Иисуса Христа, и там она до сих пор».

Фаруэлл однажды спросил одного маленького мальчика, почему он каждую неделю ходит в школу на Иллинойс-стрит, за пять километров от дома, когда возле его дома есть другая воскресная школа. Мальчик ответил: «Потому что тут нас любят».

Когда весной 1864 г. Моуди уехал на юг перед кампанией Шермана в Атланте, его Миссия в Чикаго не только отпраздновала новоселье, но перед ней начали открываться пугающие перспективы.

Во времена Нортмаркет-холла взрослые собирались вечерами на неделе в бывшем баре, и там, по словам Эммы, «много душ родилось от Бога». Моуди призывал обращенных вступать в городские церкви, но «некоторые из самых бедных неуютно чувствовали себя в более красивых зданиях». Когда у Миссии появился постоянный дом и там стали каждый вечер проводиться собрания, они захотели, чтобы Миссия стала их церковью. «Созыв» новой церкви не был ни необычным, ни сложным делом по обычаям конгрегационализма. Но Моуди колебался. Его Миссия была не конгрегационалистской, а объединенной, формально связанной с ИМКА. Он постоянно говорил: «Если бы я знал, что хоть одна капля сектантской крови течет в моих венах, я вскрыл бы их, чтобы она вытекла».

Обращенные настаивали. Они хотели иметь церковь на Иллинойс-стрит, иначе они чувствовали себя заблудшими и голодными овцами.

Моуди уступил. Уже летом начали проводиться вечерние воскресные службы. В конце 1864 г., 20 декабря, «было созвано собрание наиболее заинтересованных в движении лиц», как сообщает официальный «Устав церкви

на Иллинойс-стрит», напечатанный в 1867 г., «и было выражено единогласное мнение сформировать церковь. Все согласились с тем, что это должна быть церковь, не принадлежащая ни к одной из деноминаций. Таким образом, все проголосовали за независимую церковь». Были наспех составлены документы для предоставления Совету по вопросам церкви Чикаго. Моуди и двое друзей написали несложное заявление о доктрине и организационные статьи, основанные на конгрегационалистских обычаях. По просьбе Эммы было допущено крещение взрослых и детей.

Моуди пригласил студентов Богословской семинарии Чикаго (конгрегационалистской), чтобы они выступали с кафедры, пока, как вспоминает Фаруэлл, «не случилось так, что один из них не пришел, и тогда я сказал, что это — воля Провидения: Моуди должен проповедовать сам. Наконец, он согласился, с тех пор его хотели слушать каждое воскресенье». Студенты проповедовали по утрам; Моуди — по вечерам; оказалось, что формальная проповедь весьма непохожа на импровизированные выступления перед детьми или воинами. «В те времена проповедь была для него тяжким трудом, — вспоминает один из чикагских служителей. — Однажды я вошел к нему в комнату, когда он готовился к проповеди. Он сбросил с себя пиджак и сражался с Библией и симфонией, пот градом катился по лицу». (Возможно, это было в июле 1864, когда он писал: «Я набрал 10 кг этим летом — я такой толстый, что очень сильно потею в эту жару»).

Семинария хотела упорядочить положение Моуди в церкви и предложила рукоположить его как конгрегационалистского служителя, несмотря на его грамматику и все прочее. Тогда он мог бы сам совершать обряды.

— Что вы думаете о моем рукоположении? — спросил он своего друга по служению Дж. С. Ф. Сэведжа.

— Не надо, — ответил Сэведж. — Если вы будете рукоположены, вы ничем не будете отличаться от всех нас. Сейчас вы — проповедующий мирянин, и это преимущество. Вы на верном пути, не покидайте его.

Моуди отказался от предложения конгрегационалистов. В 1865 г. он поступил студентом в только что образованную Баптистскую богословскую семинарию. Сколько лекций он посетил, остается тайной, но он не закончил ее и не был рукоположен. Если бы он стал служителем какой-то конкретной деноминации, то не смог бы, в условиях того времени, получать поддержку от служителей других деноминаций, а именно в широкой поддержке и заключался отчасти секрет его успеха. Как комментировал это Фаруэлл: «Он обладал большей силой как мирянин, и, как такового его охотно принимали на собраниях, доставлявших ему удовольствие».

Разумеется, ни Шотландская, ни Английская церковь не стали бы с ним тогда сотрудничать. Он не оказал бы такого влияния на Британию и Америку и не вошел бы в историю.

Моуди оставался пастором-мирянином до 1866 г., когда рукоположенный молодой человек сменил его на должности пастора, за Моуди же осталась должность директора и реальный контроль над церковью.

Учреждение Независимой церкви на Иллинойс-стрит означало, что Миссия Моуди была уже не просто влиятельной воскресной школой, но некой спасательной станцией посреди путей греха. С церковной точки зрения, она могла бы послужить основой для создания новой деноминации, к которому в последующие годы Моуди будут призывать, но он откажется; или же «внецерковного» движения, подобного «Плимутскому братству». На это Моуди тоже не пошел. На этой почве Моуди развил те методы, которые потом будут привлекать десятки тысяч человек на собрания в Лондоне, Филадельфии, Нью-Йорке,

которые для Моуди были расширенным вариантом Иллинойс-стрит.

Нет никаких свидетельств о том, носил ли он белый шарфик священника, но над собой и своим образом он работал, проповеди его звучали авторитетно, были пронзительны и настолько «попахивали серой», что даже Эмма признается, что содрогалась, слушая его описание ужасов Божьего суда. Будучи детским служителем, Моуди не сталкивался еще лицом к лицу с деградацией тех, кого он пытался спасти; он мог заметить ее только неявно. Теперь же, будучи служителем всех возрастов, он неизбежно познакомился с худшими сторонами человеческой природы и прореагировал на это типично для проповедников-миссионеров того времени. «Я проповедовал, что Бог ненавидит грешников; что Он заносит над их головами обоюдоострый меч и готов обезглавить их».

Поведение Д. Л. Моуди было противоречивым. На кафедре он живописал гнев Божий, в лучшей традиции древних проповедников. В частной жизни он оставался искренним, нежным, полным радости и любви. Уоттс Де Гольер, диакон церкви на Иллинойс-стрит, рассказывает, что в доме Моуди «нередко можно было слышать взрывы веселого смеха, чаще всего по причине шутки хозяина, а иногда кто-то пытался подшутить над ним. Прекрасно помню установленное им правило: тот, кто не повесит шляпу или пальто на вешалку, будет потом искать их во дворе. И вскоре после этого я старательно копался во дворе в куче одежды, пытаясь обнаружить свое имущество. Не могу сказать, что те, кто был занят этим рядом со мной, думали и говорили в тот момент исключительно о вопросах веры, но она настолько пронизывала все окружающее, что смягчала и облагораживала все остальное».

Тем временем, 24 октября 1864 г., родился первый ребенок, девочка, которую называли Эмма Рейнольдс. «Оба

мизинца у нее кривые, как у меня, — сообщал Моуди матери в декабре, — все говорят, что она похожа на меня, но я должен сказать, что не вижу сходства». Эмма сходство видела. К тому же, со временем оно возрастало. «Она такая шалунья, — говорит она о двухлетней дочери. — Можно подумать, что это второй Д. Л. Моуди в детстве».

Когда ребенку не было еще шести месяцев, Эмма-старшая временно оставила его на попечение миссис Ревелл и сопровождала Моуди в армию Гранта в момент завершения Гражданской войны. Они были на базе Сити Пойнт, возле Гэмптона, когда туда рекой текли раненные в последних боях в Виргинии. Моуди рассказывал, что в числе первых вступил во взятый Ричмонд, проповедуя раненым воинам обеих сторон, освобожденным рабам и федералам, вызволенным из ужасной тюрьмы Либби.

8: Жестокие насмешки

Демобилизованные солдаты устремились в Чикаго. Город стремился заработать на восстановлении. Моуди погрузился еще глубже в работу ИМКА, которая вскоре станет ему дорога, как зеница ока.

На дневных собраниях он был всем знаком, несмотря на то, что менял форму бакенбардов три или четыре раза, словно пытаясь походить на героев последней войны, пока наконец не остановился на короткой, закругленной бородке, в начале семидесятых ставшей длиннее и превратившейся в густую кудрявую поросль, с которой познакомилась Великобритания. «Коренастый и проворный, этот человек, как Симон Петр, стоял у дверей и пожимал руки всем входящим», — так описывает его один из студентов. Один приехавший из деревни мальчик, поступивший в коммерческую школу, чувствовал себя «таким несчастным, одиноким и тоскующим по дому в большом городе, среди массы людей, которые беспокойно сновали вокруг и не обращали на меня внимания. Даже в

гостинице, где я жил, никто меня не замечал. Одиноким и отчаявшимся, я зашел на дневное собрание. И никогда не забуду, как мистер Моуди первый пожал мне руку и стал меня расспрашивать».

Они пели. Потом читали Писание. Молитвы были импровизированными, «длинных речей и молитв не позволялось» — это был глоток свежего воздуха, который Моуди влил в обширные поля американской и британской религии. Отовсюду из города и окрестностей поступали просьбы, чтобы к ним приехал Джэйкобс, Моуди, майор Уиттл и другие известные служители. Слушая трогательную молитву матери, сын которой поддался соблазнам большого города, Моуди мог плакать, не стесняясь; в нем всегда было что-то от впечатлительного ребенка, который постоянно был готов и плакать, и смеяться. «Д. Л. Моуди так искренен, агрессивен и настолько не обращает внимания ни на какие условности в своей работе, что иногда шокирует людей, придающих этим условностям большое значение. Иногда же он их смешит, заставляя неподобающим образом хохотать прямо на молитвенном собрании».

Моуди и его друзья из ИМКА не были ханжами; они отправили в законодательный орган штата петицию об учреждении Совета по здравоохранению; они учредили комитет по расследованию нарушений воскресного закона о спиртном. Но установки шахматной доски пришлось ждать до следующей декады. Велась деятельность по помощи «клиентам» в разрешении проблем небес и ада, веры и неверия. Кроме того, они требовали действий. «Я хочу, чтобы у веры были ноги, и она бежала», — говорил обычно Моуди. ИМКА в Чикаго издавала и распространяла брошюры и газету на четырех страницах; занималась благотворительностью, помогала при эпидемии холеры, Моуди снова и снова рисковал при этом жизнью. Было у них и неофициальное бюро по поиску блудных сынов в чикагской клоаке.

В 1866 г. одному видному бизнесмену, который оказывал Ассоциации Чикаго большую поддержку, было предложено место ее президента.

— Мы уже говорили об устройении работы миссии, — сказал он. — Нам нужен человек, который все свое время будет уделять святым целям и вере в Бога, только тогда этот проект увенчается успехом. Я предлагаю Дуайта Л. Моуди на пост президента, и Джона В. Фаруэлла — на пост вице-президента.

Некоторые говорили: «Многие в церкви считают Моуди чересчур радикальным». Но все-таки, в возрасте двадцати девяти, он стал президентом.

Не медля ни мгновения, «Моуди вышел на боевую тропу, собирая пожертвования», — так описывали энергию, с которой Моуди выпрашивал средства у богатых и влиятельных людей города; он любил выжимать у богачей деньги на предприятия, которые, как он выражался, «пойдут во благо». Каждый вкладчик вносил свою долю и предполагалось, что через десять лет он будет вознагражден из ренты, которую ИМКА предполагала получать, сдавая под офисы часть нового великолепного здания, остальная часть прибыли должна была пойти на городскую благотворительность.

Сайрус Холл Мак-Кормик, пресвитерианин, изобретатель комбайна для сбора урожая, произведшего революцию в фермерском деле и принесшего ему огромное состояние, обещал не менее 10 000 долларов, и за месяц было собрана сумма в 199 000 долларов, самые большие вклады сделали Фаруэлл, Мак-Кормик и Джордж Армор. Мак-Кормик вспоминал 1866 г., как время, когда он «убедился в большой ценности мистера Моуди». Четыре Моуди часто приглашали в дом миллионера, и современник описывает «сходство в характерах этих двух людей. Оба были очень искренни и откровенны, оба вершили свою карьеру широкими мазками... Оба были яркими, жизнерадостными людьми».

Когда-то в конце шестидесятых годов (точный год неизвестен) Моуди ворвался в кабинет чикагского служащего Харши с запечатанным конвертом в руках.

— Открой его! Открой! — кричал он. — Там чек на 2000 долларов!

— Откуда ты знаешь? Ты его видел?

— Нет. Но я просил о нем Господа, и знаю, что он там! Я пришел к тебе на другой конец города специально, чтобы ты убедился, как я верю в силу молитвы!

Юный У. Т. Харша, «стоял рядом с отцом, когда он открывал конверт. В самом деле, там был чек на 2000 долларов, выписанный на мистера Моуди и подписанный Сайрусом Х. Мак-Кормиком».

Моуди сбивчиво изложил свою историю. Он пришел к миллионеру:

— Послушайте, Мак-Кормик, школе Миссии ужасно нужны деньги!

— Да вы меня просто осаждаете в последнее время. Я же вам давал денег не так давно.

— Мне нужна тысяча.

— Тысяча! После всего того, что я давал вам в последнее время? — однако он пошел наверх выписывать чек.

— И тогда, — продолжал Моуди, я подумал про себя: «Почему же я не попросил две тысячи?» Прямо там, в передней, я упал на колени и попросил о двух тысячах. Мистер Мак-Кормик спустился вниз с запечатанным конвертом. Я поблагодарил его и помчался к вам. Разве не подтверждает это мою веру?

Пожилый мистер Харша так поразился всему этому, что спросил у Мак-Кормика:

— Вы помните, по каким соображениям вы выписали чек на сумму в два раза больше?

— Я помню, что поднялся наверх, сел за стол и взял чековую книжку. Я написал: «Д. Л. Моуди», — а потом подумал о благородной работе, которую он делает в нашем

городе, и какой он замечательный парень. Наконец я решил выписать чек на 2000 долларов.

Много позже молодой Харша расспрашивал Моуди об этом эпизоде. Моуди ответил:

— Бог дал мне деньги в тот день, потому что они мне были нужны. И Он всегда давал мне денег, если они были мне нужны. Но случалось, что я просил у Него денег, когда мне только казалось, что я в них нуждаюсь, и тогда Он отвечал: «Нет, Моуди, выкручивайся сам, как умеешь. Тебе пойдут на пользу небольшие затруднения».

Что бы ни думал о Моуди Мак-Кормик, уважение к Моуди, царившее в Чикаго военного времени, постепенно рассеялось. «Часто его самым жестоким образом высмеивали, гнали и преследовали, — вспоминает Де Гольер. — Его манера выражаться, его внешность, его методы работы были объектом насмешек и шуток, из уст в уста ходили самые жестокие замечания о нем».

Журналист Фредерик Фрэнсис Кук, тогда работавший в «Чикаго трибьюн», с сожалением писал о «юношеской экстравагантности Моуди», из-за которой «признанные деятели кафедры, особенно в высших и более формальных слоях, считали, что он принижает религию. Городское же население судило о нем со стандартной общественной точки зрения и не любило его вмешательства... Ах, каким навязчивым был он в то время!.. Всегда в действии, он останавливал незнакомых людей, чтобы расспросить о состоянии их души; и, пока изумленная или растерянная жертва подыскивала подходящие для такой ошеломляющей ситуации слова, он уже бежал прочь, ища еще кого-нибудь, «подходящего для спасения».

«“Вы христианин?” — с этими словами он обращался ко всем мужчинам, женщинам и детям Чикаго, — пишет дочь Фаруэлла Эбби, тогда только что закончившая школу и бывшая такой же преданной поклонницей Моуди, как и ее отец. — Он кричал об этом с возвышения, шептал вам

это на ухо в узком переулке, подсаживался к вам за стол во время обеда, приставал на улице — короче, повсюду».

В эти годы он принял обет не проводить ни дня, не поговорив с кем-нибудь о Христе. «Увидев человека, прислонившегося к фонарному столбу, я подошел к нему и спросил:

— Вы христианин?

Мужчина разразился ругательствами и сказал, что это не мое дело». Потом мужчина этот сказал одному общему знакомому, что его еще никто никогда так не оскорблял. Но три месяца спустя, после полуночи в двери Моуди постучали. «Там стоял этот незнакомец, с которым я заговорил у фонаря», он признался, что с тех пор не знал покоя:

— Скажите, пожалуйста, что мне делать, чтобы спастись.

Моуди ничто не смущало. Один пресвитерианин по имени Потуйн как-то шел по Уэллс-стрит, «а прямо передо мной шел высокий мощный малый, когда мистер Моуди, идущий навстречу, остановил его вопросом: “Вы христианин?” Парень разозлился и дал бы Моуди в зубы, если бы я сзади не удержал его». Работа сотрудников «Трибьюн» была прервана, когда Моуди, зашедший, чтобы поместить в газете объявление ИМКА, внезапно спросил:

— Есть ли среди вас Христос?

Среди внезапного молчания один шотландец среднего возраста медленно вынул трубку изо рта и ответил:

— Нет, мистер Моуди. Только что был тут, но вышел поболтать с приятелем за углом. Он расстроится, что вы его не застали. Может, подождете?

В таких случаях Моуди никогда не смеялся. И никак не проявлял своей любви к шуткам. «Банальное богохульство его не задевало». Уильям Рейнольдс сказал Уиттлу через несколько лет, что, «когда я бывал с Моуди наедине, он часто плакал из-за оскорблений тех, кто не

понимал его и противился ему», однако, он «настроился быть кротким... если не быть кротким, ничего не получится».

Все, даже его жена, уговаривали Фаруэлла:

— Почему бы тебе не поговорить с ним, он ведь приносит больше вреда, чем пользы, так набрасываясь на людей?

Когда Фаруэлл попробовал это сделать, Моуди ответил:

— Ты мне не начальник. Мой начальник — Бог.

Моуди забрасывали язвительными вопросами на рынке, над ним глумились у здания суда. Молодой доктор, стоящий в стороне, был поражен «бесстрашным поведением» проповедника, и спросил у соседа, кто это. Сосед «взглянул на него с хитрой усмешкой и сказал: “Разве вы не знаете? Это же Моуди!”»

Моуди изматывал себя до предела. «Мне хотелось бы, чтобы ты научился регулярно питаться», — увещевала его миссис Фаруэлл. Эмма, вероятно, говорила то же самое. Он не обращал на это внимания. Позже он заявлял: «Мне почти тридцать, я старше, чем был раньше». В стремлении привести город ко Христу его спасала кротость — готовность слушать, учиться, экспериментировать; а также здравый смысл, хоть он и не всегда прислушивался к голосу последнего; а еще Эмма. Одна страсть владела Моуди — «чтобы все были спасены». Его не волновало, что будет потом, лишь бы обращенные стали обращать других. «Я жил в Чикаго, зная *одну-единственную* истину и думая, что только она одна важна, и не обращал внимания на все связанные с ней истины, пока не воздвиг вокруг себя стену предрассудков».

Трудно было представить себе, что через несколько лет Безумец Моуди завоеует уважение Глэдстоуна и президента Гранта, привязанность английского лорда-канцлера, благодарность принцессы Уэльской и внимание

миллионов самых разных людей Британии и Соединенных Штатов.

9: Незаметный парень из Ланкашира

Если бы не астма Эммы, Моуди мог бы послужить иллюстрацией к словам Шекспира:

...чем яростней огонь, тем он скорее догорит...

Кто сильнее напрягается, тот выдыхается быстрее.

В перерывах между периодами своей головокружительной скачки Моуди задумал посетить Англию. Он осознавал пробелы в своем интеллектуальном и духовном воспитании, понимал, что в Чикаго никогда не сможет отдохнуть от непрерывной борьбы, и хотел встретиться в Англии с тремя людьми. Джордж Уилльямс, лондонский продавец тканей, был основателем ИМКА. Джордж Мюллер из Бристоля был пожилым немцем, который, молясь и не имея ни пенни, ухитрялся собирать деньги на содержание большого сиротского приюта и многочисленных заморских миссий (а ему было девяносто три года). Чарльз Хэддон Сперджен был старше Моуди всего на три года, но уже прославился как проповедник; подобно Моуди, это был уроженец деревни, практически самоучка, такой же жизнерадостный и крепкий. Проповеди Сперджена в Скинии Метрополитен, его баптистской церкви в южной части Лондона, пользовались всемирной славой; присущий им разговорный тон, наличие поучительных историй, чувство юмора и четкая передача идей Писания вызывали у Моуди зависть: «Я прочел все его проповеди, какие смог достать».

Однако из желания Моуди съездить в Англию ничего бы не получилось, если бы в начале зимы 1866 — 1867 гг. у Эммы не случился такой тяжелый приступ астмы, что доктор порекомендовал ей морское путешествие; каким-то образом Моуди нашли деньги. Миссис Ревелл обещала

присмотреть за маленькой Эммой. 24 февраля 1867 г. Д. Л. Моуди, которому только что исполнилось тридцать, и его двадцатичетырехлетняя жена отплыли из Нью-Йорка на пароходе под названием «Город Вашингтон», который «считался очень хорошим судном».

Эмме путешествие понравилось, но, как она писала зятю, «мистер Моуди страдал от морской болезни с того момента, как мы отплыли от берега, и до самого прибытия в Ливерпуль, то есть две недели». Она была единственной леди в шестнадцати пассажирских каютах, и ей уделяли «очень много внимания», хотя «весьма разнузданная компания» пассажиров «без зазрения совести пила шампанское и вино, играла в карты и даже на деньги, что меня поразило и шокировало».

Достигнув берегов Англии, измученный Моуди заявил, что «одного водного путешествия мне хватит на всю жизнь», и изрек одно из наиболее известных пророчеств девятнадцатого века: «Я не думаю, что еще когда-либо приеду в эту страну».

Они сошли на берег в воскресенье. Моуди отправился слушать проповеди. Эмма удовлетворилась посещением воскресной школы, «которая показалась мне довольно скучной и формальной, да и помещение было мрачным и темным». На следующий день они отправились из Ливерпуля в Лондон на поезде, «который гораздо быстрее, чем в Америке, едет со скоростью 60 — 80 км в час, и вагоны не останавливаются, чтобы набрать воды, но берут ее из чего-то вроде скважины на ходу».

В Эвстоне они наняли кэб «на очень большие расстояния», проехали через Сити и трущобы Ист-энда, где босоногие мальчишки бегали по улицам, гораздо более мрачным, чем в Чикаго, пока не добрались в Поплар. Дядя Эммы был почтмейстером и жил в доме номер три по Пенни-филдс, недалеко от Вест-индского дока, и здесь Эмма после восемнадцатилетнего перерыва встретила свою сестру Мэри.

Обстановка, в которой оказались Моуди в момент приезда в Англию, была не из лучших, кроме того, большую часть недели шел дождь или снег. Первые впечатления оказались неблагоприятными, и это при том, что Эмма родилась в Лондоне. Моуди писал матери: «Мне не нравится эта старая страна, в отличие от нашей, не могу передать, как я рад, что родился и вырос в Америке». Ему не хватало американской непринужденности, он думал, что «жить здесь ужасно». Эмме казалось, что Сити покрыт сажей, как Питтсбург, Английский банк весь обветшал, а собор Святого Петра — «громадное здание, которое показалось мне более подходящим для любых других представлений, но не церковных служб».

В следующее воскресенье они пошли в Скинию Метрополитен. Билетов у них не было, но они пробрались на галерку. Моуди поразился при виде собрания почти пяти тысяч человек, и, когда Сперджен «поднялся на возвышение, я радовался, что вижу его, и мое страстное желание исполнилось после стольких лет». «Он вел себя очень просто, — описывала проповедь Эмма, — и вообще он выглядел очень просто, но безраздельно владел вниманием всей аудитории... А потом они так пели... Столько голосов, так гармонично сливавшихся, — это было очень величественно». Моуди хотелось проповедовать так же и слышать в своей церкви такое же пение.

Моуди в обязательном порядке посетил Бристоль, чтобы соприкоснуться с верой Мюллера. В Лондоне он встретил Джорджа Уилльямса, который пригласил его на ежегодный завтрак первой ИМКА на Элдерсгейт-стрит, Моуди посоветовал им вести ежедневное молитвенное собрание в полдень, по чикагскому образцу; обычай этот продолжался до первой мировой войны.

При посредничестве Фредерика Хартли, секретаря Союза воскресных школ, бывавшего на Иллинойс-стрит, Моуди приняли несколько светских приглашений. Один из

членов парламента провел их на заседание Палаты общин; Эмма осмотрела тюрьму Ньюгейт и банк. Весной Лондон казался привлекательнее, «местами просто прекрасен, особенно парки и скверы». К началу мая Эмме «больше понравились англичане, чем по приезде. Мне они уже не кажутся такими сдержанными, как раньше, хоть они и не так свободны и открыты, как американцы». Моуди наслаждался ощущением внимания к себе. Епископальная церковь в Чикаго не хотела иметь с ним ничего общего, или ругала; в Английской церкви священники и прихожане, напротив, приняли его хорошо. Его принимали евангельские христиане, англикане и нонконформисты. Его искренность, откровенность и порыв заставили одну религиозную газету написать, что, никому не известный, он быстро «завоевал симпатии большинства христианской братии».

Май в викторианскую эпоху был посвящен «майским собраниям», некоей четкой последовательности праздников всех миссий и благотворительных учреждений. Моуди хотел, в типичном стиле американского путешественника, «сделать» как можно больше всего, он даже увлек Эмму в Дублин, и еще севернее, в Эдинбург, который, как ни странно, в первый же краткий визит показался ей очень родным, и она нашла «прелестными» его кривые улочки, лестницы и старинные каменные дома. В Лондоне Моуди выступил на майском собрании Союза воскресных школ и на собрании евангельских христиан в Эксетер-холле в Стрэнде. Его избрали для произнесения хвалебной речи, обращенной к председателю, лорду Шафтсбери, великому филантропу. В подходящий момент вице-председатель объявил:

— Мы рады приветствовать нашего американского кузена, его преподобие мистера Моуди из Чикаго...

Моуди поднялся. Он посмотрел на скучные ряды верующих, на дам в шляпках и кринолинах, на мужчин с бакенбардами и в традиционных черных костюмах; все они

клевали носом под монотонные речи в этот теплый майский день, все они смотрели на американца как на жителя колоний, неполноценного англичанина с вульгарным акцентом.

Моуди сказал:

— Вице-председатель сделал две ошибки.

Аудитория проснулась.

— Во-первых, я не «преподобие мистер Моуди», а просто Дуайт Л. Моуди, работник воскресной школы. Во-вторых, я не ваш американский кузен. Благодаря благодати Божьей, я ваш брат, которому интересны вы и то, что Отец наш делает для Своих детей. А теперь о благодарности «благородному графу». Я не понимаю, почему мы должны быть ему более благодарны, чем он нам...

Аудитория ахнула. Лорд Шафтсбери, человек совершенно не напыщенный и с прекрасным чувством юмора, был в восторге. Эмма про себя заметила, что надо будет упрекнуть Моуди — действительно, пять лет спустя он уже не позволял себе таких вольностей.

Атмосфера была слишком душной. И он старался сделать ее свежее. Молодой служащий таможни, Том Бонд Бишоп, который скоро будет участвовать в основании Особой миссии детского служения, «слышал тогда мистера Моуди впервые... Я прекрасно помню, как он растормошил публику», призвав ее покончить с бесцветными катехизисами и нудным заучиванием стихов, и стараться привести детей к вере во Христа как в Друга.

С обоими Моуди случались в Британии странные происшествия. Эмма, когда путешествовала на поезде в одиночестве, зашла как-то в купе, которое показалось ей пустым, только в углу кто-то забыл охапку старого тряпья. Поезд тронулся. Из тряпья послышался мужской голос:

— Вы знаете, что я сделал бы с моими женами, если бы был Генрихом Восьмым?

Мужчина приблизился к ней и уставился на нее нехорошим взглядом. В шестидесятые годы

девятнадцатого века в поездах еще не было коридоров. До следующей остановки оставалось двадцать минут.

Эмма, всегда сохранявшая спокойствие, сказала лишь:

— Нет, расскажите мне.

Маньяк начал рассказывать леденящие душу подробности, недвусмысленно намекая, что хотел бы испробовать на ней свои теории. Когда он сделал паузу, чтобы насладиться произведенным эффектом, она тут же сказала, что знает лучший способ экзекуции, и каждый раз, когда он предлагал какой-нибудь ужас, она в ответ говорила о чем-то еще более ужасном, и таким образом занимала его беседой до следующей остановки, на которой благополучно выбежала из купе.

Приключения Моуди были менее мрачными. Генри Варли, почти его ровесник, мясник из западного Лондона, ставший проповедником Плимутского братства, говорил на собраниях с такой энергией, что послушать его приходило несколько сотен людей. «Я посетил этого человека, пытаюсь обнаружить секрет его успеха. После ужина мы поймали пролетку, и, пока она катилась, подпрыгивая, по каменной лондонской мостовой, он сказал:

— Теперь, брат, давайте помолимся об успехе этого собрания», — и встал на колени прямо на ходящем ходуном полу, среди ключев сена. Моуди никогда не пытался молиться на полу пролетки: «не очень-то удобно было молиться, когда она катилась по улице». Потом он наблюдал службу, на которой (хотя, возможно, позже в Америке он приукрасил историю) «семьдесят мясников собрались вокруг этого Божьего человека, проливая слезы», и он понял, что секрет Варли заключается в молитве.

Варли пригласил его выступить в других залах Братства. Находясь в Дублине, после службы Моуди слышал сзади на уровне плеча голос:

— Я — Арри Мурхауз. Я приеду проповедовать к вам в Чикаго.

Моуди обернулся и увидел невзрачного, безбородого человечка. «Он казался совсем мальчишкой, не старше семнадцати». Не понимая еще, что эта встреча станет одной из важнейших в его жизни, Моуди скрыл свое недоверие доброй улыбкой.

— Я — 'Арри Мурхауз, — повторил человечек. — Я приеду проповедовать в Америку. Когда вы туда возвращаетесь?

Моуди сказал, что еще не знает, подумав про себя, что, если бы и знал, не сказал бы.

Он уже слышал о Гарри Мурхаузе, парне из ланкаширской клоаки, обращенном карманнике, Мальчике-проповеднике. Моуди не поверил, что этот юнец способен проповедовать. Вскоре Моуди забыл о нем.

После десятидневной поездки во Францию в июне для посещения выставки (во время нее Моуди учредил скромное ежедневное молитвенное собрание в «Ла Салль Эвангелик») чета вернулась в Англию для прощального приема. Астма Эммы прошла. Они скучали по Америке и маленькой Эмме. Моуди говорил, что ему приходилось подпрыгивать, «чтобы избавиться от тоски по дому, и насвистывать, чтобы сохранять присутствие духа». Даже две недели морской болезни на волнах спокойного летнего океана казались не такой уж высокой платой за возвращение.

По возвращении в Чикаго первой радостью Моуди оказался подаренный им дом. «Мистер Фаруэлл строит мне дом, — писал Моуди из Лондона брату Джорджу. — Он примерно в трех кварталах от моего теперешнего жилья. Я не знаю, кирпичный он будет или каменный — мне не говорили». Фаруэлл, который вкладывал сбережения в недвижимость, решил поселить Моуди в один из своих домов без арендной платы и пригласил общих друзей помочь ему с меблировкой. Когда путешественники

вернулись в Чикаго, их отвезли в симпатичный дом на Стейт-стрит; гордостью обстановки были портреты четы Моуди, бесплатно написанные Дж. П. А. Хили, самым модным американским портретистом того времени, который был жителем Чикаго и римским католиком.

Другой радостью стало открытие нового помещения ИМКА на Мэдисон-стрит, в самом центре делового города, что свидетельствовало о престиже и состоятельности организации. Архитектурный проект был сделан У. У. Бойингтоном, автором Оперы Кросби, отелей «Шерман» и «Гранд Пасифик», нескольких городских церквей и новой системы фонтанов. Здание справедливо могло считаться первым в мире из возведенных ИМКА, и масштаб его просто ошеломлял. Пять этажей, мраморный фасад, на первом этаже — крупнейший в Чикаго зал, пять магазинов, выходящих на улицу, библиотека, читальный зал, лектории, гимнастический зал, спальня помещения на сорок два места, и — ирония судьбы, если принимать во внимание судьбу, которая скоро постигнет здание, — свободные офисы, сданные в аренду службам пожарной охраны, охраны порядка и здравоохранения. ИМКА собиралась назвать здание Моуди-холл. На церемонии открытия 29 сентября 1867 г. Моуди заявил о своем намерении назвать холл в честь Фаруэлла. «Это единственная ошибка, — как галантно выразился Фаруэлл, — которую мистер Моуди совершил во всем этом предприятии».

Открытие Фаруэлл-холла увенчало достижения Моуди в Чикаго. Он был выдающимся, хоть и критикуемым, горожанином. Корреспонденту одной из религиозных газет он в ту пору показался ниже ростом, чем на самом деле был, и вовсе не таким уж необразованным: «Мистер Моуди значительно ниже среднего роста и склонен к полноте. Когда он выходит на возвышение быстрым, нервным шагом делового человека, вы обращаете внимание на его круглое, грубоватое,

добродушное и честное лицо, скрывающее вечно занятой ум... Когда Моуди говорит, все его слушают, даже те, кому он не нравится. Его замечания кратки, практичны и язвительны, его призывы всегда впечатляют, а иногда трогают до слез. Он напорист, и замечания его всегда делаются в воинственном тоне...»

Неожиданно пришло письмо от Гарри Мурхауза, где говорилось, что он прибыл в Нью-Йорк и хотел бы проповедовать в Чикаго, если Моуди не против. Известие вызвало у Моуди раздражение. Он ответил запиской: «Если будете на Западе, свяжитесь со мной», — «я подумал, что никогда больше не услышу о нем».

Гарри Мурхауз, которому было двадцать семь лет, успел побывать за решеткой еще до двадцати одного, когда в одной из уличных миссий он услышал проповедь одного шахтера и бывшего игрока о блудном сыне. Мурхауз испытал постепенное преображение: ему пришлось носить грубые перчатки, чтобы не шарить по чужим карманам. Он стал уважаемым аукционщиком, женился на подруге детства и перебрался в маленький коттедж на задворках Манчестера, чтобы все свое время посвятить проповедям — самозабвенным проповедям.

Этот порывистый, хрупкий, самокритичный человек, пылкое сознание долга которого уравнивалось прекрасным чувством юмора и способностью подавлять любые проявления претенциозности или ханжества, много думал о Моуди во время пересечения Атлантики. Его первое впечатление от Нью-Йорка странным образом походило на впечатление Моуди от Лондона. Мурхауз подумал, что это ужасное место. «Каждый считает себя лучше других, и ни от кого культурного слова не дождешься». Кроме того, жизнь здесь была дороже. «Десять шиллингов за то, чтобы отвести мой багаж в гостиницу, когда тут ехать пять минут; пятьдесят центов, или два шиллинга, за стрижку...» Вскоре он стал постояльцем богатого квакера Уильяма Кимбера, который

писал: «Я провел с ним много часов над грамматикой Мюррея и т. д., чтобы он мог исправить грамматические ошибки, несколько портившие впечатление от его прекрасного благовестия».

Моуди ничего об этом не знал. К Новому году он думал, что больше не услышит об этом необычном типе. У него скоро возникли иные заботы.

7 января 1868 г., незадолго до полудня, в Фаруэлл-холле, где не просохла еще свежая краска, случился пожар. Никакая полиция и пожарные не смогли спасти здание в этом городе сильных ветров. Члены церкви, пожарные и прохожие спасли мебель, документы, около пятисот книг. Молодой постоялец, Дэвид Боррелл, впоследствии ставший знаменитым проповедником, выбежал из здания с чемоданом на плече, улица была полна дыма, трещал огонь, звонили пожарные колокола, среди всего этого он слышал голос:

— Бросай это!

Он увидел Моуди:

— Боррелл, бросай все это, помоги мне. Мы проведем молитвенное собрание в Методистской церкви.

Полуденное собрание состоялось. «Люди плакали так, словно сгорел их собственный дом», — вспоминает очевидец. После обеда секретарь и специальный комитет «обежали всех торговцев города, собирая пожертвования: “Наш зал сгорел, сэр. Спасти его невозможно. Нам нужен новый. Дайте денег, чтобы мы начали строить тут же”». Еще до того, как пепел остыл, были собраны тысячи долларов. Но сумма была недостаточной; три месяца спустя Мак-Кормик получил послание от Моуди, «пытающегося свести концы с концами, чтобы восстановить наш зал».

Через несколько недель после пожара Моуди, к своему раздражению, снова услышал о Мурхаузе, который собирался приехать в Чикаго и проповедовать.

Когда Моуди нацарапал ему записку: «Если будете на Западе, свяжитесь со мной», — он надеялся, что «это поставит его на место». Мурхауз в ответ сообщил дату и время своего приезда.

Прочитав послание, Моуди нетерпеливо вздохнул. Этот человек не мог проповедовать; к тому же, в день его приезда Моуди должен был уехать в Сент-Луис на «Конвенцию христиан Миссури». Он попросил Эмму принять Мурхауза и велел диаконам:

— Испытайте его; если у него ничего не получится, я заберу его у вас, когда вернусь.

Потом он сел на поезд и уехал в Сент-Луис.

Моуди часто приглашали на собрания северо-запада, призванные объединить служителей и мирян разных деноминаций или политических взглядов. Люди, которые работали в «Христианском комитете» и теперь пытались поддержать то братание, которое возникло в военное время, знали Моуди из Чикаго как человека, способного подстегнуть вялых верующих, заставить их забыть о разногласиях и вместе броситься в атаку на неверие, отступничество и равнодушие, быстро растущие в мире, поглощенном материальными заботами. В Миссури его избрали председателем, и он произнес сильную речь: «Мы можем поднять этот штат и удержать его для Христа», — сказал он, пользуясь политическим сравнением в тот год президентских выборов. «Церковь похоронила свою мощь, теперь надо снова пробудить ее».

За всем этим нетрудно было забыть о Мурхаузе.

Семнадцатилетний Флеминг Ревелл, живущий вместе с сестрой и зятем, увидел его первым. Ревелл ожидал встретить «длиннобородого, внушительного и солидного мужчину». «Я открыл дверь и увидел невысокого, незаметного юного англичанина. Он сказал:

— Я — 'Арри Мурхауз.

— Что, сэр?

— Я — 'Арри Мурхауз. Это дом мистера Моуди?

Мы пригласили его войти».

Тем же вечером ему устроили проверочное слушание на немногочисленном собрании на Иллинойс-стрит. «Мы просто не знали, что нам с ним делать. Он говорил не так, как все, кого мы до сих пор слышали. Казалось, что его послание отличается от всех прочих. Диаконы посоветовались после завершения собрания, во время пения гимна, и решили объявить, что 'Арри Мурхауз, как он себя называл, будет проповедовать и следующим вечером».

Моуди вернулся в субботу и спросил Эмму о Мурхаузе.

— Он очень нравится людям, — ответила она. — Он проповедует не совсем так, как ты. Он учит, что Бог *любит* грешников.

Моуди нетерпеливо вздохнул и «заключил, что, если он проповедует не так, как я, значит, он мне не понравится. Я относился к нему с предубеждением».

— Он неправ, — сказал Моуди.

Эмма ответила:

— Я думаю, когда ты услышишь его, ты с ним согласишься, потому что он подкрепляет Библией все, о чем говорит.

В воскресенье утром на Иллинойс-стрит Моуди заметил, что собравшиеся принесли с собой Библии. Он никогда не говорил людям на скамьях брать с собой Библии. «Было непривычно видеть людей с Библиями и слышать шорох страниц».

Мурхауз объявил текст: «Иоанна 3:16: “Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную”». Вместо того, чтобы разделять определенный текст на первое, второе и третье, как обычно делали служители, Мурхауз, заметил Моуди, «отправился по Библии от Бытия до Откровения, доказывая, что Бог любит грешников, и, прежде чем он добрался до конца, две или три моих проповеди были уничтожены». Учение Моуди о

том, что Бог ненавидит грешников так же, как грех, обратилось в прах. «До тех пор я и не знал, что Бог так сильно любит нас. Сердце мое потеплело: я не мог сдерживать слезы». Флеминг Ревелл всю свою жизнь помнил вид Моуди, впитывающего каждое слово в это воскресное утро 8 февраля 1868 г., и что «в воскресенье вечером маленький Гарри Мурхауз, переминающийся с ноги на ногу, казался неуклюжим, но вы забывали обо всем, когда слышали послание, срывающееся с его уст». Текст был тот же. Тема любви Бога к миру вновь была прослежена от Бытия до Откровения, но уже другим путем, это была даже не проповедь как таковая, но цепочка взаимосвязанных текстов или отрывков, с кратким комментарием в виде так называемого «библейского чтения».

В конце Моуди вскочил:

— Мистер Мурхауз будет проповедовать на этой неделе каждый вечер. Приходите все. Приводите друзей.

И вечер за вечером Мурхауз объявлял: «Ибо так возлюбил Бог мир...», и снова проводил слушателей по страницам Библии:

— Друзья мои, я уже неделю пытаюсь рассказать вам, как сильно Бог любит вас, но моего бедного языка недостаточно для этого...

Снаружи, в морозном февральском воздухе, жизнь Чикаго продолжалась. Богачи обедали и пили вино, нищие теснились вокруг дымящихся печурок, моряки с обледенелых кораблей распутничали, пили и дрались. На Иллинойс-стрит, среди толпы благочестивых горожан и немногих новичков-иммигрантов, распускался свежий, роскошный цветок духовной любви. И, когда Д. Л. Моуди изменил свое миропонимание, с этих пор став апостолом любви Божьей, его внутренние противоречия разрешились.

В доме на Стейт-стрит, где в вестибюле висел портрет кисти Хили, Мурхауз, со своей скромностью, забавными высказываниями и ланкаширским акцентом, тоже стал всеобщим любимцем. Моуди брал у него уроки

любви и изучения Писания. Мурхауз учил его читать и исследовать Библию.

Моуди всегда относился к Библии как к учебнику, который может быть духовным оружием. Он пока еще практически не знал, да и не скоро узнает, о проблемах и спорах, связанных с толкованием, потому что они не проникли еще даже в богословские круги Чикаго. Для него Библия была в буквальном смысле Словом Божиим. Но он относился к ней как собранию древних, хорошо известных текстов, из которых можно было извлекать темы бесед и проповедей, а также вставлять фразы в разговор. Он забавным образом не знал многого из того, чему учит Библия. Мурхауз сказал ему, что он не знает своей Библии, показал, как рассматривать ее в совокупности, как проследживать и развивать темы, объяснил, что «души спасает Слово Божье, а не наш комментарий к нему»; предупредил, что надо быть готовым брать из Писания больше, чем вносить своего. Моуди начал вставать, когда семейство еще спало (он не нуждался в продолжительном сне), зажигал в кабинете масляную лампу и проводил час или больше над своей громадной Библией, царапая заметки на полях.

Гарри Мурхауз был членом Плимутского братства. Моуди никогда не пренебрегал их влиянием и охотно покупал их комментарии. Здравый смысл уберег его от вымышленных теорий и спекулятивных аллегорий, которые мешали им позволить Писанию истолковывать само себя, не был он склонен и к сепаратистским или раскольническим тенденциям некоторых из них, «желающих тихонько есть свой пирог в углу», как он выразился об этом. Его отношения с Плимутским братством показали его способность использовать сильные стороны движения, не становясь его рабом.

Флеминг Ревелл писал: «Д. Л. Моуди обладал большой силой и раньше, но не такой, как после того дня, когда дорогой Гарри Мурхауз вошел в нашу жизнь и

изменил сам характер учения и проповеди в нашей церкви». Джон Мильтон Хичкок, ставший одним из ближайших помощников Моуди, слышал его вскоре после этого, летом 1868 г. Он написал об этом, что «самое впечатляющее, мощное, запоминающееся, патетическое и действенное воззвание, которое он когда-либо произносил раньше, было лишь тенью его теперешних выступлений».

Обращаясь к Конвенции воскресных школ штата Иллинойс в Дю Куэн тем же летом, Моуди сказал: «Будьте добры — завоевывайте любовью. Если сердце человека полно любви, он преуспеет вернее, чем обладая здравым смыслом».

10: Сэнки на ящике из-под мыла

1870 — 1871 годы оказались решающими. Появился Сэнки; Моуди нашел единственный верный путь из многих, по которым пытался путешествовать одновременно; и он обрел невиданную силу для исполнения своей миссии, положив конец эпохе «безумца».

Моуди всегда осознавал силу пения. Сам он, как позже писал сотрудничавший с ним певец Джордж Стеббинс, «имел о тональностях и длительностях не большее представление, чем ребенок. Это был один из тех несчастных, что лишены слуха и чувства гармонии, поэтому он не мог ни отличить одну мелодию от другой, ни петь в унисон с другими». Однако это не мешало ему производить шум подобный «органной трубе, которая ревет в неподходящем месте».

Гимн мог произвести на него сильное впечатление. Да, в самом деле, как обнаружила его невестка, если он просил сыграть «Благодатную скалу», а она играла «Янки-дудль» медленно и печально, у него на глазах выступали слезы; однако и сольное пение духовной музыки, и общий порыв собрания, объединившегося в хвалебном хоре,

могли глубоко тронуть его, и не только благодаря словам. Он видел также, что пение способствует религиозному настрою и производит впечатление, в особенности на неграмотных бедняков, и, с подозрением относясь к ораториям и считая оперу дьявольской, как многие пуритане, пение гимнов он расценивал как духовное оружие. «А теперь пойте! — кричал он. — Здесь надо спеть. Пойте все».

— Почему вы заставляете их петь? — спросил его однажды Роберт Уэйдэнселл, один из лидеров ИМКА.

Моуди ответил:

— Уэйдэнселл, они могут забыть то, что я говорю, но, если они выучат «О, Спаситель, благодать...» и будут петь, у них хотя бы будут на устах эти слова, и с ними — Благая Весть.

В шестидесятые годы Моуди неосознанно искал человека, который мог бы стать организатором пения. Иногда он работал с Филипом Филлипсом, который был постарше его и прославился как «странствующий певец», но Филлипс не жил в Чикаго. Летом 1869 г. Моуди встретился с уроженцем Пенсильвании, примерно своим ровесником, по имени Филип Пол Блосс, который, по мнению их общего друга Д. У. Уиттла, «кристаллизовал представление Моуди о значении пения для благовестия».

Следовало ожидать, что Блосс, который написал уже много мелодий и текстов, а также сам вдохновенно пел, станет тем, кем стал для Моуди Сэнки. Он обосновался в Чикаго в 1865 г., выступал с концертами и давал уроки в городах Северо-Запада, но они не встречались. «Подумать только, — говорил Моуди расстроено в 1869 г., — такой певец, как Блосс, был рядом с нами последние четыре года, а мы его не знали». Это был приятный, жизнерадостный мужчина с прекрасными манерами, высказывания которого отличались «остротой и разнообразием». Он умел писать гимны, понятные детям и безграмотным.

Блисс стал помогать Моуди проводить воскресные вечера, когда был в Чикаго. В мае 1870 г., услышав рассказ майора Уиттла об обороне Алтуны во время кампании в Атланте, когда Шерман просигнализировал свое знаменитое послание: «Держите форт, я уже иду», — Блисс написал слова и музыку гимна, который покорит Британию и Америку. Но в июле он стал работать хормейстером в Первой приходской церкви и был потерян для Иллинойс-стрит.

В том же июле Моуди участвовал в Международном съезде ИМКА (который по очереди проводился в Канаде и Соединенных Штатах) в Индианаполисе, Индиана¹. Там он встретился с двадцатидевятилетним делегатом из Пенсильвании по имени Айра Дэвид Сэнки.

Моуди объявили, что он будет вести раннее молитвенное собрание в семь утра. Сэнки, который одевался очень тщательно, опоздал; каждый волосок его курчавых бакенбардов был в порядке, когда он сел недалеко от входа. Неистовый делегат молился. Сосед Сэнки, служитель-пресвитерианин из того же графства, прошептал:

— Поют тут ужасно. Мне хотелось бы, чтобы ты спел, когда этот человек закончит молиться, если это когда-нибудь произойдет.

Когда молитва завершилась, Сэнки начал петь «Ручьем святая кровь течет». Люди начали подпевать, после чего собрание пошло живее.

¹ Моуди в Индианаполисе собирался изменить весь характер Североамериканской ИМКА, он думал, что было бы неплохо слить ИМКА и Христианский женский союз молодежи в одну, преимущественно невикторианскую молодежную организацию. Международный президиум осадил его. «Мистера Моуди жестоко раскритиковал мистер Брейнерд, Брейнерд просто отшел в сторону такую возможность, не долго думая, потому что в этих вопросах члены президиума были консерваторами» (Роберт Уэйдэнселл).

Пресвитерианин представил Сэнки и Моуди друг другу. Моуди, в своей обыкновенной манере, мгновенно завладел его вниманием.

— Откуда вы? Вы женаты? Чем вы занимаетесь?

— Нью-Касл, Пенсильвания. Женат, двое детей. Служу на правительственной службе, отставник.

— Вам надо все это бросить.

Сэнки вспоминает: «Я стоял, пораженный, не понимая, почему человек хочет, чтобы я оставил хорошую должность:

— Но зачем? — воскликнул я.

— Чтобы переехать в Чикаго и помогать мне в работе».

В ответ на протест Сэнки, не желающего бросать свою работу, Моуди заявил:

— Вы должны. Я вас восемь лет ищу.

Сэнки сделал Моуди одолжение, согласившись кратко помолиться с ним, «однако я вовсе не собирался оставлять свою работу». Однако он думал о пении другого делегата, услышанном за день или два до этого, оно было «откровением для меня, такой чудесной мощью обладал простой гимн благовестил в устах певца, вложившего в исполнение все сердце и душу. Я никогда не забуду, как большое собрание было поражено величественным накалом его голоса. Его стиль пения совершенно отличался от того, что я обычно слышал в церквях. Каждое слово можно было прекрасно различить даже в отдаленных уголках помещения». Под влиянием этого гимна у Сэнки возникло «сильное желание, чтобы однажды я смог таким же образом использовать свой собственный голос». Он не ожидал, что желание его исполнится так скоро и так буквально.

На следующий день он получил записку с просьбой о встрече на углу. Мимо проходили заводские рабочие, спешившие домой. Моуди велел Сэнки забраться на ящик из-под мыла, что не очень подходило к щеголеватому

облику молодого человека. Сэнки пригладил бакенбарды, поправил галстук и почти в шутливом настроении залез на ящик. Он спел военный гимн. Моуди наблюдал, как на звук голоса Сэнки собирается толпа; она стала еще многочисленнее, когда Моуди начал говорить, и Сэнки увидел, как «люди слушали молча, когда с уст Моуди срывались слова, поразительно мощные и быстрые». Через двадцать пять минут Моуди сказал, что они продолжают в здании Оперы, арендованном для проведения съезда. Сэнки и его друзья вели толпу, «шагая по улице с пением гимна “Встретимся ли мы с тобою”». Люди с обеденной посудой шли за нами по пятам, вместо того, чтобы отправляться домой. Здание Оперы было забито до предела. Моуди прежде всего позаботился о том, чтобы всем труженикам хватило мест. Вторая его речь была такой же захватывающей, как и та, что он произнес на улице».

Сэнки уехал из Индианаполиса в растерянности: «Предполагаю, что я молился об одном, а он — о другом. Однако ему хватило шести месяцев, чтобы заставить меня бросить работу».

Айра Дэвид Сэнки родился 28 августа 1840 г. в селении под названием Эдинбург в Западной Пенсильвании и жил с 1857 г. в соседнем городе Нью-Касл; забавно, что всемирная известность пришла к ним в шотландском Эдинбурге, а Ньюкасл-на-Тайне стал местом рождения сборника гимнов Моуди и Сэнки. Сэнки был сыном президента банка и сенатора штата, от его внешности всегда оставалось впечатление лоска, свойственного сенаторам и банкирам; он «весьма любил сюртуки и шелковые шляпы, — пишет Пол Моуди, — составляя таким образом заметный контраст по сравнению с неформальным видом моего отца». Сэнки был «очень веселым человеком», получал удовольствие от шуточек и тщательно разработанных комических проделок; он мог выкидывать номера, когда находился под влиянием Моуди, но, в то время как Моуди и в пожилом возрасте хулиганил

с непосредственностью школьника, Сэнки был явно более добродушным. Сэнки жил на грани с роскошью, Моуди не удалось бы стать роскошным, даже если бы он старался.

Сэнки принадлежал к методистской церкви. Он работал директором воскресной школы, помогал в основании местной ИМКА, руководил церковным хором. Во время своей кратковременной службы в армии во время Гражданской войны он был обязан жизнью своему голосу: он стоял ночью на посту и начал петь любимый гимн. Снайпер-конфедерат, уже взявший его на прицел, был так тронут пением, что опустил винтовку. Сэнки никогда профессионально не развивал свой баритон; он пел в церкви, на собраниях воскресной школы, в местных церквях на западе Пенсильвании и на востоке Огайо.

Вернувшись в Нью-Касл после встречи с Моуди в Индианаполисе, он обсудил происшествие с женой Фанни, дочерью другого сенатора штата. Она была членом хора Сэнки, вышла за него замуж в 1863 г., была, подобно своему мужу, очень хороша собой и, подобно Эмме Моуди, застенчива и скромна. Было бы слишком просить ее смириться с прекращением гражданской карьеры мужа и отправиться вместе с ним помогать какому-то служителю работать в чикагских трущобах с возможными рейдами в другие города.

В начале 1871 г. Сэнки согласился попробовать неделю поработать с Моуди. В конце этой недели он уволился со службы, но Фанни с собой брать не стал, а разместился в комнатах для одиноких в восстановленном Фаруэлл-холле. «Так мы начали работать вместе, посещать бедных и нуждающихся из небольшой паствы Моуди, петь и молиться за несчастных, говорить и петь на дневных молитвенных собраниях».

Прибытие Сэнки прошло незамеченным. «Этого человека мы почти не знали, — замечает Джон Хичкок, — и его присутствие в наших музыкальных кругах не рассматривалось как великая помощь».

11: Пожар

Моуди, когда к нему присоединился Сэнки, был в затруднительном положении.

После встречи с Мурхаузом он стал апостолом любви и в частной жизни, и в общественных выступлениях, и умел извлекать воду премудрости из источника Слова Божьего. Но на распутьях он не был уверен в выборе. Послевоенная Америка постепенно срывалась с якоря моральных устоев, на севере процветало поклонение деньгам, на юге — горечь и разочарование; Британия погрязла в пороке, замаскированном под ханжество, и была раздираема противоречиями между духовными потребностями и действиями служителей, которые никак не хотели соприкоснуться; среди всего этого наш герой пребывал в нерешительности.

Он мог оставаться прежде всего работником воскресной школы. Моуди, будущий епископ Дж. Х. Винсент и бизнесмен Б. Ф. Джэйкобс, все трое — тридцатилетние жители Чикаго, образовали триумвират, руководивший воскресными школами северо-запада Америки. Моуди в 1869 г. стал президентом Иллинойской конвенции в Блумингтоне. Его школа прославилась, и он держал бразды правления в руках: «Это человек, который делает большую часть трудной работы сам и руководит работой других. Лентяи его не любят, а он не любит их... Его успех в значительной степени объясняется его *личными* заслугами».

Он мог оставаться в первую очередь городским миссионером, американским Уильямом Бутом. Это удачное сравнение прозвучало, когда он обратил на себя внимание Великого национального собрания в церкви Марбл в Нью-Йорке в 1868 г. Некоторые старейшины протестовали: «Как, ставить мистера Моуди на одну доску с доктором Джоном Холлом и Генри Уардом Бичером!» В

конце дня выступил Моуди. «Он тут же привлек к себе внимание, и мне казалось, что в течение часа можно было услышать, как муха пролетит. Мне показалось, что он становился все более значительной фигурой... Речь мистера Моуди “О том, как завоевывать массы”, была для нас откровением. Он рассказывал о своей работе просто и проникновенно».

ИМКА широко его использовала. Он прославился как активный член Ассоциации.

Был и еще один путь — в сторону конгресса. В 1868 г., когда проходили выборы, он вел христианский съезд в Ливенуорте, тогдашней столице молодого штата Канзас. Его вызвала к себе группа политиков.

— Послушайте, мистер Моуди, вы должны стать членом конгресса.

— Мое служение выше!

Они были раздосадованы. Один политик воскликнул:

— Какой странный человек! Подумать только! Он вполне мог бы работать в конгрессе, мы выбрали бы его губернатором.

А для губернатора Д. Л. Моуди не было бы невозможным, наработав навыки управления, командования и выступлений, однажды стать и президентом страны.

Воскресные школы, городские миссии, ИМКА: он благовествовал везде. Он не был и не собирался становиться странствующим проповедником. Он любил делать быстрые вылазки в города Иллинойса, Мичигана, Висконсина или еще дальше, ради пробуждения в какой-нибудь церкви или ИМКА, но принадлежал он Чикаго. Все остальное было второстепенно. Чикаго вдвойне стал его домом, после того, как 25 марта 1869 г. родился Уильям Ревелл Моуди. Здесь он мог радоваться жизни. Здесь стояла громадная лошадь-качалка маленькой Эммы, сделанная в знак благодарности человеком, которому

Моуди помог. Здесь была последняя новинка, ванная, где Моуди мог принимать холодные ванны зимой и летом.

Нежная любящая жена и двое детей: никакого смысла становиться странствующим проповедником.

Этот колеблющийся, но активный и вездесущий человек имел лишь один крупный недостаток. Конечно, недостаток этот не был ужасным; один журналист, ехавший вместе с ним в поезде, написал, что «Д. Л. Моуди со всем своим подлинным благочестием иногда *невыносимо* смешон». Он обладал сердцем, полным доброты и сострадания, и под незаметным давлением Эммы становился все более вежливым, учился соблюдать формальности, провожать дам на их места, говорить «пожалуйста», «спасибо», «очень приятно». Несмотря на свой порывистый нрав (с близкими людьми он мог быть резким, даже бесцеремонным), он редко отвечал на сознательные провокации, подшучивания, колкости. «Я думаю, раз Иисус Христос мог есть на вечере с Иудой Искариотом, я тоже должен пожать тебе руку», — сказал он одному человеку, постоянно провоцировавшему его, когда тот протянул ему руку. Однажды Моуди спустил с лестницы на Иллинойс-стрит кого-то, кто жестоко его оскорбил или, может быть, сделал грязный намек об Эмме. Через пять минут Моуди публично извинился, ни слова не сказав об оскорблении.

Самым большим недостатком Моуди было насилие другого рода, страстное желание превратить Чикаго в Царство Христово одним волевым усилием, примером может послужить хотя бы история о его двухстах новогодних визитах, рассказанная Хичкоком, который был вместе с ним в компании еще двух служителей церкви. Они поспешно отправились в путь в наемном экипаже прямо после завтрака со Стейт-стрит. «Поровнявшись с домом одного из прихожан, он выпрыгивал из экипажа, мчался впереди нас вверх по лестнице, врвался в комнату и представлялся:

— Вы меня знаете: я — Моуди; это диакон Де Гольер, это диакон Тэйн, это брат Хичкок. У вас все хорошо? Вы ходите в церковь и воскресную школу? У вас есть уголь на зиму? Давайте помолимся.

Мы падали на колени, Моуди произносил молитву из пятнадцати — двадцати слов с искренними, нежными, душевными пожеланиями Божьего благословения для главы семьи, его жены и каждого ребенка. Потом он вскакивал на ноги и кидался вон, вниз по лестнице, не обращая внимания на сердечные прощания, прыгал в экипаж, и мы ехали в следующее по списку место; вся операция занимала около полутора минут.

Вскоре лошади вымотались, потому что Моуди требовал ехать быстро, поэтому мы оставили экипаж и пошли дальше пешком. Один за другим компаньоны Моуди обессиливали от беготни вверх и вниз по лестницам и через улицы, а также от быстрого коленопреклонения и вставания с колен; последний из двухсот визитов неугомонный пастор сделал один, а после этого подвига возвратился домой в превосходном настроении, без каких-либо признаков усталости, смеясь над покинувшими его измученными компаньонами».

Такая неистовость была признаком высокого внутреннего напряжения. Еще одной страстью Моуди было собирать толпы. Каждое воскресенье, по вечерам, к неудовольствию прочих служителей, Моуди проповедовал в восстановленном Фаруэлл-холле при свете его двухсот газовых рожков, в окружении фресок на библейские темы, и хвастался тем, что «аудитория составляла 1200 — 1800 человек», в основном это была молодежь. Если зал был полон, Моуди «радовался, видя, что столько народа приходит ко мне». Если же посещаемость падала, падало и его настроение. Еще одной его особенностью, которая усиливалась свойственной ему от природы любовью к приключениям, была неугомонность, которая заставила его вместе с Винсентом и Филипом Филлипсом совершить

весной 1871 г. поездку в Калифорнию по новой Тихоокеанской железной дороге, через дикие земли Запада, где на поезд могли напасть индейцы, через пустыню и горы, чтобы провести съезд воскресных школ в этом диком месте, на побережье, где, по наблюдениям Моуди, властью обладали золото, скачки, табак и ром.

На другой чаше весов лежали моменты жестокого разочарования, если верить ничем не подтвержденному свидетельству брата Б. Ф. Джэйкобса по имени Уилл. Джэйкобс утверждал (в 1911 г.), что Моуди вбежал в их офис «очень холодным днем, зимой 1870 — 1871 гг», без пальто, в одном поношенном жакете. «Я молча слушал его, и вот что сказал мистер Моуди:

— Джэйкобс, я не знаю, мне просто хочется бросить все это... У моей жены и детей сегодня утром не было ни кусочка пищи и ни доллара, чтобы купить поесть. Джэйкобс, я не беспокоился бы о самом себе... Но, о! — его крупное тело вздрогнуло. — Как это тяжело для мужчины — оставить дома жену и детей без крошки хлеба!»

Моуди никогда не вспоминал этот момент упадка духа — или не признавался в нем; кроме того, той зимой у Моуди по-прежнему жил и столовался Флеминг Ревелл, получавший хорошие деньги в типографии. Неужели и он обходился без завтрака?

Нет сомнений, однако, что в этот период его жизни в душе Моуди была пустота и он сам себе в этом не признавался.

Его утомляло множество административных обязанностей. ИМКА превратилась в пчелиный улей, Моуди же был в нем королевой-пчелой. Велась кампания по распространению брошюр, «я старался делать это для людей, которые не ходили в церковь», каждую неделю они раздавали миллион листовок, «и я не могу вам даже описать, сколько от них было пользы». Создавались фонды, Мак-Кормик выделил еще 2000 долларов на

покупку органа для Фаруэлл-холла («без него пение звучит ужасно»), была организована команда «обремененных», которые в барах, в гостиницах и просто на улицах созывали всех на службы в Фаруэлл-холл. Каждую неделю, по уверениям Моуди, в помещения ИМКА приходило 1500 новых молодых людей, и около 5000 человек в год находили себе применение — но обычно цифры Моуди отличаются преувеличениями, свойственными жителям его родины. Все это влекло за собой массу бумажной работы. «Я был членом десяти — двенадцати комитетов. У меня были полны руки работы. Если бы кто-нибудь пришел ко мне поговорить о своей душе, я ответил бы ему:

— Некогда, мне надо на заседание».

Моуди знал, что должен выбрать раз и навсегда: быть ему организатором общественно-религиозной деятельности или проповедником. Более того, к началу 1871 г. он ощущал, но притворялся, что не ощущает, что «Бог призывал меня к более высокому служению: идти и нести Благоую Весть всем народам земли, а не сидеть в Чикаго. Я сопротивлялся этому».

Вместо этого он превращался в медь звенящую (на кимвал он явно не походил), и не потому, что делал мало доброго, да и в Библии после встречи с Мурхаузом он вполне разбирался. Но его внутреннее напряжение, неосознанный бунт, неясность целей и недостаток душевной гармонии приводили к тому, что его речи и проповеди больше не походили на речи святого Павла, «в явлении духа и силы».

На это обратили внимание две христианки.

Сара Энн Кук недавно эмигрировала из Англии — еще одно английское влияние на того, кому суждено в будущем так повлиять на Англию, — это была женщина из Букингемшира, всего на десять лет старше

Моуди, но обычно он называл ее «Тетушкой»: Моуди всегда относился к ней как к старшей. Муж ее занимался производством консервов, а она была неработающей

методисткой, очень порядочной женщиной, «постоянно ходила на разнообразные религиозные собрания», возможно, ей немного не хватало чувства юмора, но она делала много добрых дел и предостерегала беспечных о гневе Божьем.

На открытом собрании в июне 1871 г. «я почувствовала себя обремененной тревогой о мистере Моуди, Господь должен был дать ему крещение огнем и Духом». Со своей подругой, вдовой миссис Хоксхерст она села в первом ряду, и, пока Моуди проповедовал, обе женщины молились.

— Мы молились о вас, — сказали они ему потом.

Моуди ошетинился:

— Почему бы вам не помолиться о людях?

— Потому что именно вам нужна сила Духа.

— Мне нужна сила? — Моуди фыркнул.

Но он не мог от этого отделаться. «Потом мы использовали каждую возможность, чтобы напомнить ему об этом». Они преследовали его как Небесные гончие; он вспоминал о них в слезах, и, чтобы их не показывать, он смеялся; сначала он не был «особо убежден в том, что он нуждается в Духе», но их неустанная забота «заставила меня призадуматься. Я попросил их прийти поговорить со мной, и они излили свои сердца в молитве о том, чтобы Дух Святой исполнил меня. И душа моя ощутила великую жажду. Я не понимал, что это. Я заплакал, как никогда в жизни не плакал. Я действительно чувствовал, что не смогу жить, если не получу эту силу для служения».

Но сила не была дана — потому что он сам себе не признавался в том, что призван идти по всей земле.

В сентябре он пригласил тетюшку Кук и миссис Хоксхерст молиться вместе с ним по пятницам в его комнате в Фаруэлл-холле. Они молились вслух по очереди. В пятницу 6 октября «страдания мистера Моуди достигли такой силы, что он начал кататься по полу, рыдая и стеная, моля Бога крестить его Духом Святым и огнем».

Катание по полу в молитве так непохоже на Моуди, что можно даже усомниться в свидетельстве Тетушки, взятом из ее письма к С. Б. Шоу двадцать восемь лет спустя, если бы не надежные слова Д. У. Уиттла, близкого друга Моуди, о том, что в то время последний «постоянно терзался и взывал к Богу, моля о силе. Он все время хотел, чтобы кто-нибудь помолился вместе с ним, удалялся на полдня для молитвы, и стонал, и плакал, прося у Бога крещения Духом».

Небеса оставались сухими и безучастными в то бабье лето. День за днем продолжалась сушь и сильный ветер. Прерия и город высохли, как пакля, как сердце Моуди. Моуди скакал и взывал, словно пророки Ваала, но никто не отвечал ему. Ибо Моуди не собирался возлагать себя на жертвенник, не хотел отказываться от решения остаться в Чикаго. Как мог он оставить родное сердцу здание Миссии на Иллинойс-стрит? А превосходный памятник его организаторскому рвению, Фаруэлл-холл, с его двумястами газовых рожков, поразительной акустикой, местами на 2500 человек, замечательным органом? Ничто не могло заставить его покинуть два эти здания. Тот неустанный, негромкий голос, велящий идти и проповедовать Благоую Весть всем народам, не мог исходить с небес.

В пятницу 6 октября Моуди «взывал к Богу о крещении огнем».

Вечером в воскресенье 8 октября Фаруэлл-холл был забит народом. Моуди говорил великолепно. Сэнки, сидя за своим небольшим органом, начал петь «Сегодня Спаситель зовет». Он добрался до третьей строфы, «...и смерть близка», когда «голос мой заглушил громкий шум моторов пожарных машин, проезжавших мимо холла, и звон колоколов, среди которых выделялся глубокий тоскливый бой большого городского колокола, с колокольни старого здания суда, совсем рядом — он бил общую тревогу. С улицы доносились звуки ужасного

смятения, и мистер Моуди решил завершить собрание тут же, потому что люди начали волноваться».

Моуди и Сэнки вышли через заднюю дверь — и увидели на юго-западе ярко-красное зарево. Как раз оттуда дул ветер в сторону центра. Они разделились, Сэнки — оказывать помощь, Моуди — на ту сторону реки, чтобы подбодрить Эмму и детей. Пока он добирался до дома, ветер усилился почти до урагана, небо превратилось в фейерверк, искры летели повсюду, дом за домом начинали полыхать. Первые слова Моуди, обращенные к Эмме, были: «Город обречен».

К полуночи Чикаго превратился в ад ревущего пламени, рушащихся зданий, дикого ржания перепуганных лошадей, криков пожарных и погорельцев. Сэнки поспешил обратно в Фаруэлл-холл — «несколько раз мне приходилось стряхивать с пиджака угли» — и успел собрать кое-какое имущество, прежде чем гордость ИМКА снова запылала. Он побежал в сторону озер.

В квартале, где жил Моуди, была видимость безопасности, но среди ночи полиция стала будить спящих и призывать их к эвакуации. Моуди не было дома, он пошел на Иллинойс-стрит, где его секретарша Кэтрин Эбботт помогала спасти из офиса ценные вещи. Он вернулся домой как раз тогда, когда пламя поглотило церковь Миссии и всю улицу. Эмма разбудила детей.

— Если вы не будете плакать и кричать, — сказала она, — я покажу вам зрелище, которое вы никогда не забудете.

Она надела на них по две пары одежды и подвела к окнам в гостиной первого этажа.

Пока Моуди поспешно собирали вещи, маленькая Эмма подошла к парадной двери. Городские мародеры бегали, как сумасшедшие, ища, чем поживиться в брошенных домах. Какой-то оборванец увидел хорошо одетую маленькую девочку и поманил ее. Она хотела уже

подбежать к нему, но ее платье защемило дверью, иначе она пропала бы.

Пламя перекинулось на соседний квартал. Моуди договорился с соседом, у которого была лошадь и повозка, чтобы тот взял детей с собой и провез через охваченные паникой улицы к их друзьям, в безопасный северный пригород, потом засунул в несессер Библии и несколько ценных вещей. Эмма попросила его спасти портрет кисти Хили.

— Взять мой собственный портрет! — засмеялся он. — Хорошенькая шутка! Предположим, встречу я друзей, которые в том же положении, что и мы; они мне говорят: «Привет, Моуди, рады, что ты спасся. Что это такое ты прижимаешь так нежно к груди?» А я отвечаю: «О, это мой портрет!»

К портрету он не притронулся. Его сняли мародеры. Один из них аккуратно вырезал полотно из рамы и передал Эмме.

Покидая Стейт-стрит, Моуди сделали все, что смогли.

— Мистер Моуди, спасите мою куклу! — крикнула одна маленькая девочка из окна или двери горящего дома. Он отнес девочку в безопасное место. Наконец, измученные, они добрались до дома сестры Эммы Сары Холден и ее мужа-юриста в безопасном западном пригороде.

Огонь бушевал весь следующий день. Тысячи бездомных устремились прочь из города, воры грабили, были объявлены законы военного времени, дома взрывали, чтобы остановить огонь. Двадцать четыре часа Моуди и Эмма не знали, удалось ли спастись их детям. Волосы Эммы начали сесть. Они не знали также, спасся ли Сэнки.

Сэнки провел ночь у озера с узелком своих драгоценных пожитков, а большую часть понедельника — на лодке, совершенно один. Вечером «я вернулся в сгоревший район. Фаруэлл-холл был уничтожен, как и все здания в этой части города. Мостовая была усеяна

горячими кирпичами и телеграфными проводами, обгоревшими и скрученными». Железная дорога функционировала, и он сел на поезд в Пенсильванию. «Когда мы выезжали из города, казалось, что все вокруг пылает; со всех сторон видно было пламя, гуляющее по прерии, и воздух был полон дыма».

К среде огонь утих. Чикаго лежал обезжизненный. Из соседних штатов поступала кое-как организованная помощь.

Через две недели Моуди привел свою семью, как вспоминает младшая Эмма, «на развалины дома. Отец бродил по развалинам с тростью. Единственной ценной вещью, которую он нашел, была моя железная игрушечная печка в прекрасном состоянии».

Нью-Йорк, 24 ноября 1871

Уважаемый сэръ,

Вы наверняка знаете, как плачевно обстоят сейчас дела в Чикаго, касаемо духовной жизни. Пятьдесят церквей и миссий сгорело, тысячам мужчин, женщин и детей некуда пойти в воскресенье. Временные нужды людей неплохо удовлетворяются, но для восстановления церквей и миссий нет средств. Уцелевшие церкви ничего не могут сделать. Состоятельные люди либо обанкротились, либо сильно пострадали и не могут выделить денег ни на что, кроме своих собственных предприятий. Моя воскресная школа и Независимая церковь на Северной стороне тоже погибли. Тысяча детей и их родители ждут, что я построю новое здание. У меня нет земных сбережений, и я взываю к тем, кому небезразлично дело Бога и есть средства, чтобы нам помочь. Я планирую собрать 50 000 долларов и воздвигнуть Скинию, чтобы разместить там семь или восемь сгоревших миссий. Для этой цели я приехал в Нью-Йорк с недолгим визитом. Через очень небольшое время на Северную сторону вернется 50 000 механиков и представителей других профессий. Уже восстанавливают

питейные заведения, некоторые из них уже работают. Театры помогают театрам... Кто же поможет нам?.. С уважением,

Д. Л. Моуди

На его призывы щедро откликнулись в Филадельфии Джордж Х. Стюарт и Джон Уэйнамейкер; в прибрежном городе Массачусетсе кто-то познакомил его с богатыми соседями; в Нью-Йорке — Моуди терпеть этого не мог: «Сердце мое не участвует в этом попрошайничестве. Я не мог думать об этом. Я все время молил Бога наполнить меня Духом».

И молитвы его оставались без ответа, потому что он сопротивлялся воле Божьей. Фаруэлл-холл и зал на Иллинойс-стрит лежали в руинах, десять — двенадцать комитетов распались, и Моуди не мог заставить себя вынести все тяготы реорганизации. Но был ли он готов идти по всему миру с Благой Вестью? «Нет», — говорил Моуди. Все цепи, связывавшие его с Чикаго, распались; все, кроме одной — воли самого Моуди.

Но он молил о силе. Он бродил по улицам Нью-Йорка по ночам, страдая, моля о Пятидесятнице.

И вот при свете дня шел он по одной из самых оживленных улиц города — Бродвею или Пятой авеню, он не запомнил — среди многочисленных толп и вереницы кэбов и карет, под шум и крики, когда порвалась последняя цепь. Он сдался спокойно, без борьбы. И тут же ощущение присутствия Бога переполнило его душу. «Всемогущий Бог показался мне очень близким. Я почувствовал, что должен побыть один». Он поспешил в дом знакомого, жившего неподалеку, передал свою визитку и отказался от приглашения «зайти и пообедать». «Я хочу побыть один. Отведите меня в комнату, где я мог бы уединиться».

Хозяин дома выполнил просьбу. Моуди запер дверь и сел на диван. Комната, казалось, светилась от присутствия Бога. Он упал на пол, душа его купалась в божественном.

Об этом Причастии, об этой вершине преображения, «я могу только сказать, что Бог явился мне, и я так сильно ощутил Его любовь, что молил Его убрать руку Свою». Все тревоги ума уступили место умиротворению, все противоречия разрешились. Та страсть, с которой Моуди сокрушал врата ада и боролся с миром, плотью и дьяволом, растаяла и переплавилась, он стал кроток, как младенец, полностью зависим от силы, намного превосходящей его собственную. Не ему было выбирать путь, не гордость его должна была править его волей. Сухие и мертвые дни остались в прошлом. «Я все время качал и носил воду. Теперь меня несет река». Часы на соседней церкви пробили четверть, половину, три четверти, час, следующий час.

Безумец Моуди стал Моуди человеком Божиим.

Часть вторая

ЧЕЛОВЕК С ЗАПАДА 1872 —1875

12: Письмо, оставшееся без ответа

Лондон, воскресенье, лето 1872 г. Дворецкий шел так быстро, как только позволяло ему достоинство, мимо Вестминстерского аббатства и здания парламента, вверх по почти пустынной улице, от Айтхолл до Даунинг-стрит. Он не стал поворачивать налево к дому премьер-министра, мистера Глэдстоуна, но отправился по Ричмондской террасе к реке, на которой тогда еще не было набережной.

Дворецкий вошел по ступенькам в дом номер пять, снял шляпу, переоделся и ждал с нетерпением, пока не послышались шаги его молодых хозяев, мистера и миссис Хогг, возвратившихся из церкви. Он поднялся наверх, вежливо кашлянул и сказал:

— Извините меня, сэр, но сегодня в часовне Челси проповедовал замечательный джентльмен из Америки. Очень сильная проповедь. Он может быть очень полезен для нашего народа, сэр.

— А как его звали, Эдвардс?

— Мистер Моуди из Чикаго, если я правильно расслышал, сэр.

— Моуди? Тот человек, чью воскресную школу я посещал во время нашего медового месяца прошлым летом, незадолго до того ужасного пожара?

— Наверное, он, сэр. Он снова будет проповедовать сегодня вечером, отпустите меня, пожалуйста, послушать, сэр.

Квинтин Хогг тоже пошел послушать. Уроженец старого Итона, двадцатисемилетний сын барона, совладелец сахарного завода, спортсмен, он проводил много времени среди беспризорников из двориков и

переулков Чэринг-кросса, где он учредил «Школу для оборванцев» и приют, с помощью своего дворецкого, кучера и пары старых друзей. Школа эта стала потом Лондонским политехническим. Это был британский вариант человека типа Моуди, если бы Моуди не бросил занятия бизнесом. У Хогга и Моуди было много общего: Хогг тоже любил оборванцев, был напрочь лишен всякого представления о социальных барьерах (что для Англии семидесятых годов было редкостью) и приводил к себе домой беспризорников через парадный вход; отличался он также любовью к шуткам и розыгрышам.

В тот вечер он с наслаждением слушал Моуди. «Он говорил очень сильно, — писал Хогг сотруднику из Школы для оборванцев, достопочтенному Тому Пелхэму, — и я рад был видеть, что он остановился в отеле, потому что мог предложить ему стать моим гостем. В понедельник мы закрыли школу, и я пригласил мальчиков к себе на чаепитие и послушать Моуди в часовне Челси. Они пришли, и все были более или менее тронуты. Одиннадцать признались мне, что обрели тем вечером умиротворение. На следующий вечер я спросил, кто хочет прийти еще, в часовню пришло пятьдесят ребят, и мы провели специальную службу в школе для них. Я сидел, пока не выгорел весь газ, и молился с каждым по отдельности...»

Довольно странно было вообще то, что Моуди проповедовал. «Я поехал в Лондон в 1872 г. просто для того, чтобы несколько месяцев отдохнуть и познакомиться с английскими христианами. Я решил не работать, если это только будет возможно». Перед этим Моуди вернулся в Чикаго в ноябре 1871 г. с небольшой суммой в 3000 долларов и построил скромную Скинию из сосновых досок, она стала первым зданием в разрушенной части города. Он вызвал к себе Сэнки и к Рождеству открыл этот центр помощи и благовестия. Его помощники ночевали прямо там (им приходилось затыкать своими сапогами

щели, из которых дул ледяной сквозняк), а Эмма с детьми жила у своей сестры.

Молодой человек, участвовавший в ночном служении 31 декабря, рассказывает о своих впечатлениях: «Представьте себе: вокруг разруха. Полночь, середина зимы, кругом покосившиеся стены и обрушенные крыши, до ближайшего жилья — 45 минут ходьбы. Десять градусов ниже нуля, ясное небо, полная луна, кругом все тихо. Наконец, я добрался до Скинии Моуди, построенной среди руин. В ней помещалось 1400 человек, и она была почти полна. Мистер Моуди как раз заканчивал свое обращение. Потом говорил другой проповедник, но его громогласность не произвела такого впечатления, как спокойное поведение Моуди. Потом Сэнки сыграл на органе и очень приятным голосом спел один из своих гимнов. Мистер Моуди завершил встречу, сказав, что уже несколько минут первого. Он призвал всех помолиться про себя. Потом нарушил полное молчание, пожелав всем счастливого Нового года».

Моуди понимал, что должен воссоздать свою Миссию, но не участвовать больше в работе комитетов. Чикаго больше его не удерживал. Он должен был стать проповедником; и, вероятно, думал, с чего начать. В январе он съездил на восток. В Бруклине случайная реплика привела к серии собраний в новой часовне одной знаменитой церкви, после которых богатый мирянин Моррис К. Джессап захотел, чтобы Моуди постоянно работал с ним в Нью-Йорке. «Чем больше я наблюдаю за мистером Моуди, тем больше он мне нравится, — писал Джессап Фаруэллу 17 января 1872 г. — Я верю, что Бог использует его для великих дел. Мы с Моуди говорили о работе с массами народа, и он очень ободрил меня... Моуди — человек, который нужен здесь... Мне хотелось бы взять все расходы на себя».

Но Моуди собирался покинуть Чикаго не для того, чтобы бросить якорь в Нью-Йорке.

Моуди съездили в Нортфилд. Лучшее описание Д. Л. Моуди в этот период передышки на гребне славы сделано нортфилдским ребенком, Эвой Стеббинс Кэллендер, которая видела его воскресным утром в приходской церкви Троицы:

«Когда началась служба, в первые ряды сел крупный мужчина с приятным лицом и леди. Мама шепнула мне, что это мистер и миссис Моуди из Чикаго. Я слышала о чикагском пожаре и подумала, не сгорел ли их дом. Наверное, да, потому что на миссис Моуди была очень красивая шляпка, такая плоская и треугольная, с маленькими черными перышками и черными бархатными ленточками, но сама шляпка была из соломы, белой соломы — а это необычный материал для зимней шляпки, так что ее зимняя шляпка, наверное, сгорела. Наш старый служитель спустился с кафедры и сердечно поприветствовал мистера Моуди, а хор в это время пел второй гимн. Потом мистер Моуди резко поднялся, взошел на кафедру, снял свое пальто и небрежно швырнул его на скамью. Быстро обернувшись, он сказал:

— Если откроют окна, мы споем еще, номер...

Казалось, он совершенно забыл, что этим утром пели второй гимн. Он казался необычным».

Проповеди обычно казались Эве скучными, вдобавок ерзать во время них ей запрещалось. «Когда мистер Моуди начал говорить, я обнаружила, к своему удивлению, что понимаю его, и мне это понравилось. Он рассказывал истории — это было воскресенье — истории, от которых люди не могли не засмеяться, и другие, от которых мог заплакать и взрослый. Я бы тоже заплакала, но была слишком занята — я смотрела на этого энергичного проповедника, который помогал себе руками и ногами, расхаживая по узкому возвышению. Нет, он не проповедовал, он разговаривал с нами самым простым языком, иногда — на повышенных тонах, когда он обличал злодея, но он все время удерживал внимание

слушателей. Я очень хорошо помню, как в один момент, чтобы выделить какое-то замечание, он с силой ударил по подушечке на скамейке у кафедры. В воздух тут же поднялось облако пыли, и мне показалось, что взлетело еще маленькое перышко...»

Летом Чикаго быстро возродился из пепла, Скиния работала хорошо, и Моуди покинул Эмму, чтобы навестить Британские острова.² Он посещал съезды и конференции, иногда выступал, вместительные карманы его шотландского твидового пиджака были всегда набиты заметками и примерами для проповедей, которые он выкачивал из британских друзей. Возле Дублина один богатый «плимутский брат» открыл двери своего дома для встречи верующих, и там Моуди снова встретил «Мясника» Варли. Собралось еще около двадцати ревностных, и все вместе они провели ночь в молитве. Утром Моуди и Варли, сонные, но довольные, гуляли в тенистом и ухоженном саду Бьюли, когда Варли сделал случайное замечание, внезапно вдохновившее Моуди. Это была непредумышленная, случайная фраза, о которой Варли вспомнил лишь годы спустя:

— Моуди, мир еще не видел, что может сделать Бог через человека, полностью Ему преданного.

Фраза эта поразила Моуди. Тогда он ничего не сказал в ответ, но впитал в себя эти слова, осмыслил их, день и ночь вспоминал: «Мир еще не видел, что может сделать Бог через человека, полностью Ему преданного... Человека! Варли имел в виду любого человека. Он не говорил об ученом или образованном. Просто *человек*. И я буду этим человеком, с помощью Духа Святого, Который во мне». Вернувшись в Лондон, он вспомнил замечание Варли в галерее Скинии Метрополитен, слушая проповедь Сперджена, и у него возникла мысль о том, «чего я раньше

² Забавная путаница в хронологии в книге «Д. Л. Моуди» У. Р. Моуди (1930) привела к мнению, что Моуди был в Британии в 1870 г. Однако рассказанный здесь эпизод относится к 1872 г.

никогда не осознавал. Не Сперджен делал все это, но Бог. И, если Бог мог использовать Сперджена, почему бы Ему не использовать меня?»

Именно тогда визит в Британию отклонился от намеченного плана.

Служитель-конгрегационалист убедил Моуди проповедовать на площади Эрандел, недалеко от тюрьмы Пентонвилль, в районе для людей среднего и низкого достатка. Он был в нерешительности, но при виде самодовольного и сонного спокойствия прихожан согласился.

Неизвестная ему женщина, послушав его, поспешила к младшей сестре, худенькой девочке, прикованной к постели, Марианне Эдлард, и рассказала новость о проповеди мистера Моуди из Америки. Марианна воскликнула:

— Я знаю, что это значит! Бог услышал мои молитвы!

Она достала из-под подушки мятую и пожелтевшую газетную вырезку, и они вместе вновь просмотрели рассказ о деятельности тогда еще неизвестного американца в трущобах Чикаго, который когда-то заставил Марианну молиться день за днем: «О Господи, пошли этого человека нашей церкви!»

Вечером этого дня, когда Моуди вышел на кафедру, его слушали сосредоточенно и настороженно, и казалось, что каждое слово заряжало аудиторию энергией. Завершая собрание, он спросил, кто хотел бы, «чтобы сила Божья изменила его жизнь через веру в Иисуса Христа как личного Спасителя», и попросил тех, кто «хочет стать христианами», встать, чтобы он мог помолиться о них. Встали все, кто был в часовне. Удивленный, Моуди подумал, что имело место непонимание, и велел людям сесть. Он пояснил, что понимает под «стать христианином», и попросил тех, кто хочет этого, перейти в соседний зал. Пораженный, он наблюдал, как мужчины,

женщины и дети в спокойствии направляются к двери. Соседнее помещение было превращено в зал собрания, пришлось принести туда еще стульев.

На этом втором собрании Моуди был более внимателен к своим словам, и в основном говорил о вере и покаянии. Когда он в третий раз задал вопрос, опять встали все присутствующие. Он велел им назавтра встретиться со своим служителем, который сидел тут же, не менее ошеломленный, чем Моуди. Утром Моуди должен был уехать из Лондона. Во вторник ему телеграфировали, что в понедельник на собрание к служителю пришло еще больше народа, чем присутствовало в воскресенье. Тогда он вернулся в Лондон и выступал всю эту и следующую неделю. «В церковь вступило четыреста человек, — писал пятьдесят три года спустя служитель-баптист из Сомерсета, Джеймс Спрант, — и, слава Божьей благодати, я был среди них».

После этого опыта Моуди не мог отказаться от краткой миссии для англиканской часовни Челси, где и услышал его дворецкий Квинтина Хогга. Хогг даже отложил свой отпуск в Шотландии, отправил на отдых жену с ребенком, который станет в будущем лордом-канцлером Хэйлшемом, а сам старался максимально использовать влияние Моуди на уличных мальчишек и бродяг.

Через несколько дней Моуди зашел в отель, где жил его друг, известный проповедник-пресвитерианин Кайлер из Бруклина.

— Они хотят, чтобы я приехал к ним и проповедовал в Англии, — сказал Моуди.

— Давай. Англичане — лучшие слушатели проповедей во всем мире.

— Я съезжу домой, возьму с собой кого-нибудь для пения, вернусь и проведу эксперимент.

Вероятно, Генри Бьюли сказал в Дублине, что поможет с деньгами, во всяком случае, так понял его

Моуди. Катберт Бэйнбридж, богатый пожилой мирянин-методист из Ньюкасла-на-Тайне, обещал финансовую поддержку. А самое важное приглашение пришло после возвращения Моуди в Америку — от Уильяма Пеннфатера, выдающегося евангельского христианина, из тех англикан, что еще отказывались от епископальных званий, человека святого поведения, обладающего властью, прозорливостью и энергией, приход которого в церкви Святого Иуды в Майлдмее был известен далеко за пределами Лондона. Пеннфатер держал руку на пульсе веры в Британии и, как пишет его близкий друг и биограф, «был глубоко убежден, что мистер Моуди был человеком, которому Бог уготовил великие дела». Пеннфатеру было всего пятьдесят семь, но он был болен. В середине августа 1872 г. он снова прислал из-за границы, из Шварцвальда, куда поехал на лечение, «приглашение для мистера Моуди, в котором говорилось, что в Лондоне и везде, где он пожелает благовествовать, для него открыты все двери и теплый прием обеспечен».

Моуди не ответил, что было в американском стиле.

И тогда человек, который был всегда не только проповедником, но решительным, умелым организатором, повел себя чрезвычайно странно. Из-за нетипичного для Моуди бездействия величайшее религиозное пробуждение Британии со времен Уэсли началось почти случайно — так, что даже трудно объяснить его успех с точки зрения человеческой логики.

Зимой — весной 1872 — 1873 гг. Моуди ясно объявил в Чикаго, что уезжает. «Я сделал все, что мог, — писал Фаруэлл, — чтобы убедить его остаться и поднимать из руин наши религиозные учреждения после пожара, но безрезультатно». Он основал фонд для строительства третьего Фаруэлл-холла, призвал к временному переезду Скинии, обеспечил место на углу Ла-Салль-стрит и Чикаго-авеню, который с тех пор стал ассоциироваться с его именем, и начал работы по строительству. В душе он был уже за океаном.

— Я мечтаю, — говорил он на большом собрании Второй пресвитерианской церкви весной 1872 г., — о великих делах для Бога. Вернуть Ему Британию и завоевать десять тысяч душ!

— Вы собираетесь проповедовать несчастным беднякам? — спросила Тетушка Кук.

— Да, и несчастным богачам тоже!

Из Великобритании вестей не было. Кажется, Моуди вообразил, что три человека, принадлежащие к разным церквям, живущие далеко друг от друга и, вероятно, не знакомые друг с другом: Бьюли, Бэйнбридж и Пеннфатер, которому он даже не позаботился ответить, — организуют для него тур благовестия. Отвечать ему было, наверное, лень. Как деревенский житель, он верил, что планы могут осуществляться и без ответов на корреспонденцию.

Пришло еще письмо — от Джорджа Беннетта, молодого аптекаря из кафедрального города Йорка, основателя местной ИМКА. Они встречались за завтраком в Лидсе, и он написал, что, если Моуди снова будет в Британии, не выступит ли он в Йорке? Моуди опять же не ответил, но продолжал готовиться к визиту в Британию.

Сэнки, перебравшийся в Чикаго с семьей, и Дж. Х. Харвуд, официальный пастор, должны были присматривать за Скинией те полгода, что Моуди собирался провести за границей. Тогда знаменитый, а теперь забытый Филип Филлипс был приглашен в поездку как певец: он хорошо знал Британию и только недавно вернулся с фестиваля духовных песен. Филлипс отказался; он организовывал турне по Тихоокеанскому побережью. Действительно, Филлипс сделал даже Сэнки «очень заманчивое предложение, предложив большое жалование и оплату всех расходов, если я поеду с ним как помощник». Для Сэнки, для которого деньги много значили, это было серьезное искушение; но он решил остаться со Скинией Моуди, пожертвовав, как тогда казалось, несомненным заработком и возможной известностью.

Моуди обратился к Блиссу. Блисс с сожалением отказался, так как не мог себе позволить отказаться от профессиональных выступлений, он должен был содержать семью. Оставался только Сэнки, хоть и был он любителем. Моуди обещал Сэнки гарантированное жалование в сто долларов в месяц.

Кроме письма от юного Беннетта из Йорка, вестей из Британии по-прежнему не было. У Моуди была возможность списаться с Морганом и Скоттом, религиозными издателями из Лондона. Через них он послал Беннетту неформальное послание. Беннетт снова написал Моуди в конце весны и получил осторожный ответ, что «он собирается приехать, взяв с собой кого-нибудь для пения и, если я действительно этого хочу, можно начать с Йорка». Моуди думал о более влиятельных спонсорах, чем этот мелкий ремесленник из Йорка; конечно, они много ждали от этой кампании, и, основываясь на этих ожиданиях, он заказал билеты на пароход для себя, Эммы, маленькой Эммы (которой было восемь с половиной лет), Уилли (ему только что исполнилось четыре), и также для Сэнки и Фанни (их дети остались с бабушкой и дедушкой).

Из Англии по-прежнему не приходило ни писем, ни денег; и не удивительно.

Когда они уезжали из Чикаго, Джон Фаруэлл принес Моуди в дар пятьсот долларов. Моуди взял пятьдесят и попросил его потратить остальные, словно с момента их отъезда из Америки кто-то оплачивал все расходы. За пятьдесят долларов они добрались до побережья. «Город Париж» отплыл 7 июня. Из Нью-Йорка Моуди пришлось телеграфировать Фаруэллу и попросить выслать четыреста пятьдесят долларов, так как без них вся компания осталась бы на берегу. С последней почтой из Англии опять ничего не пришло. Письмо от настойчивого Беннетта, который обещал все устроить в Йорке, если Моуди конкретно выразит свои пожелания и «укажет, когда он собирается

приехать», не застало Моуди и было послано ему вдогонку.³

При пересечении Атлантики Моуди, как обычно, страдал от морской болезни. Из Нью-Йорка он предупредил о своем прибытии Мурхауза, который 17 июня пришел в Ливерпульский порт и сообщил всем, что Пеннфатер умер в апреле, Бэйнбридж — в марте, а Бьюли, наверное, забыл о своем обещании. Не было никакой организации, никакого комитета и никаких средств.

Американцы были в 5000 км от дома. Моуди обратился к Сэнки:

— Бог закрыл перед нами двери. Мы не будем открывать их сами. Если Он откроет дверь, мы войдем. Если нет — вернемся в Америку.

Они отправились в Северо-западный отель. Детей уложили спать, а Моуди и Сэнки стали вместе с Мурхаузом обсуждать ситуацию, и тогда Моуди вспомнил о приглашении в Йорк, к которому отнесся так легкомысленно.

— Есть только этот путь, — сказал он.

На следующее утро в среду 18 июня 1873 г. Джордж Беннетт, который после туманного ответа и последующего молчания Моуди не рассказывал о проекте никому, кроме одного доктора из дома для умалишенных, в ужасе прочел телеграмму от секретаря ливерпульской ИМКА: *Моуди здесь вы готовьтесь.*

³ Это опровергает часто повторяемую легенду о том, что Моуди нашел нераспечатанное письмо от Беннетта в кармане после прибытия в Ливерпуль. Беннетт изложил весь ход событий в письме к У. Р. Моуди от 12 марта 1900 г. после того, как прочел неточный рассказ об этом в наспех написанном «Жизнеописании Дуайта Л. Моуди». Отрывки из этого письма никогда ранее не публиковались.

13: Белые слоны

«Не сомневаюсь, что, если бы я знал, что меня ждет в Англии, я бы испугался». Так писал Моуди два года спустя.

Он прождал в Ливерпуле ответа из Йорка всю среду 18 июня 1873 г. Судовладелец Ричард Хоутон, интересующийся деятельностью ИМКА, пригласил Моуди переночевать у него, а Сэнки поместил в своем Манчестерском коттедже Мурхауз. Потом Моуди поехали в Лондон и в Лейтонстоун в Эссексе, в дом сестры Мэри, теперь — миссис Элфред Шарп, где утром в пятницу получили телеграмму от Беннетта, пересланную из Ливерпуля: *Пожалуйста сообщите дату приезда в Йорк.* Моуди, покачавший головой при виде такой замедленной реакции, телеграфировал в ответ: *Буду в Йорке сегодня вечером в десять тчк. Ничего не организуйте пока не приеду.*

Он поехал на север один. Сойдя с поезда, он сказал Беннетту:

— А далеко тут до Манчестера? Может, мне там провести собрания сначала?

— 100 — 110 км. Но вы не можете ехать туда сейчас. Вы должны отужинать со мной, переночевать, потом мы все обсудим.

Пока они шли от городских ворот до лавки аптекаря на Ньюбридж-стрит, Беннетт выглядел озадаченным, что позабавило Моуди. Во время ужина Моуди принял решение:

— Каждый делает, что умеет, поэтому я предлагаю, чтобы мы завтра, в субботу, подготовили собрание в воскресенье. Телеграфируйте мистеру Мурхаузу, пусть он пришлет сюда Сэнки.

Беннетт рассказывает: «Мы все спланировали, объявления должны были быть напечатаны на следующий день, и, зная, что он устал, я отвел его в спальню. Я

извинился за то, что полог кровати был поднят — у нас не было времени привести спальню в порядок. Мистер Моуди ответил:

— Не думаю, что Господь Иисус спал на кровати с пологом. То, что было хорошо для Него, подходит и для меня».

Днем в субботу приехал Сэнки и застал Моуди одного и в хорошем расположении духа:

— Мы тут, Сэнки, как пара белых слонов! Беннетт пошел по городу, искать, где нам выступить. Он похож на человека, который купил себе белого слона и теперь не знает, что с ним делать.

Беннетт вернулся, разочарованный. Служители отнеслись к его идее с подозрением: «Американцы? И что они делают в Йорке? Причем тут ИМКА? Разве кто-нибудь слыхивал про кампании благовестия в середине лета?» Ему удалось арендовать большое и уродливое здание Хлебной биржи на вторую половину дня, а на утро конгрегационалистские диаконы, скрепя сердце, предложили свою кафедру в часовне Салем, потому что их новый служитель отсутствовал. Молодые люди прочесывали город, чтобы сообщить заинтересованным о встрече «христианских работников»; были напечатаны подробные афиши.

Это первое воскресное утро лишь чуточку растопило лед — собрание было равнодушным и выдавшим виды: торговцы в сдержанных черных костюмах, их объемистые жены и многочисленные дети; несколько солдат из казарм, горстка прачек, работники железной дороги. После обеда, когда американцы шли вместе с Беннеттом к Хлебной бирже, Моуди зашел в здание ИМКА и набрал полные руки Библий.

— Сэнки, возьми тоже побольше Библий.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Беннетт.

— О, у вас еще волосы встанут дыбом на голове, прежде чем я разберусь окончательно с Йорком!

В Хлебной бирже ждало около восьмисот человек, вмещала она больше. Моуди быстро раздал Библии, в каждой лежала закладка со ссылкой на стих, и приказал:

— Читайте стих, когда я назову вашу ссылку!

Получилась «несколько импровизированная, но весьма полезная лекция по Библии на тему: “Бог есть любовь”», как пишет об этом «Йоркшир Газетт» в кратком разделе «Миссионерская работа», между объявлением о банкете и сообщением о слушании в суде дела о местном Дотбой-холле. Заметка эта привлекла внимание общественности.

Всю неделю казалось, что «духовная атмосфера собраний нулевая, и результаты очень малы». Так думал Беннетт. Однако поверхностное равнодушие скрывало процессы, шедшие в сердцах людей, для которых посещение часовни было прежде всего эмблемой респектабельности. Сэнки мог научить их новым, вдохновляющим песням, совершенно не похожим на те, что считались подходящими для богослужения; и даже самые пуритане с трудом могли удержаться от мычания мелодии «Держите форт» во время выполнения каждодневных дел. Когда американец-чародей садился за свою фисгармонию и пел, каждое его слово возносило слушателей в неведомые миры, и за каждым лежало христианское учение, которое они молча, внутри себя, принимали; и, если при этом слезы не катились у них по лицу, ничего удивительного — такое уж было время!

Неформальные проповеди Моуди сначала шокировали, потом начинали заинтриговывать. Его слушатели обратили внимание, что он вовсе не пытался принизить регулярное служение, напротив, он был знаменит тем, что «предпочитает проповедовать в часовнях, таким образом используя то, что уже существует, чтобы начать новые виды деятельности — работу в залах и т. д.". Находясь в цепях условностей, они чувствовали, что на сердце у них становилось тепло, когда он подчеркивал,

что религия — это дружба: «Тем, которые приняли Его... дал власть быть чадами Божиими». Обратите внимание, *Его*. Не учение, не символ веры, не миф, но *Личность*. Они обратили внимание на ту смесь почтения и чувства, с которой он говорил обычно о *Господе Иисусе*.

Параллельно Моуди начал полуденные молитвенные собрания в «маленьком плохо освещенном помещении» ИМКА в Фисгейте. «Я очень отчетливо помню мистера Моуди, который ведет собрание, — писал один из друзей Беннетта, будучи уже пожилым, — даже не понимая, что он засекает семя, из которого взрастет богатый урожай».

В следующую среду, 2 июля, подводное течение вырвалось на поверхность. Моуди говорил в веслианской часовне в самом центре старого города, об «искуплении драгоценной кровью Христа». Беннетт писал: «Сила Духа Святого проявилась во всей полноте, и все здание, партер и галерея, было полно страждущих душ. Пожилой пресвитер часовни казался онемевшим от изумления, он мог только плакать от радости». В тот вечер они были в последний раз приглашены в веслианскую часовню, затем перебрались к югу от Оузы на Прайори-стрит, возле городской стены, в новую баптистскую часовню, темно-коричневые стены которой уже блистали свежей краской, а фасад, имитирующий убранство ранних церквей, был ярок и чист.

Моуди проповедовал там утром предыдущего воскресенья, второго из проведенных в Йорке. Молодой и неопытный служитель, Фредерик Бротертон Мейер, с которым Беннетт советовался о телеграмме Моуди, не понимал, что же такого может сделать этот проповедник, чего он не может сделать сам. Он знал учение, умел читать проповеди и вообще был весьма достойным молодым человеком; однако он пригласил Моуди на кафедру легким наклоном своего классического профиля. Его не тронула история об умирающем учителе воскресной школы из Чикаго. Но женщина, которая преподавала старшим девочкам, была так ею взволнована, что пропустила обед

ради молитвы. Когда учителя собрались на чаепитие, Мейер спросил ее:

— Ну что, мисс Лайнс, как прошел у вас день?

— О, я рассказала эту историю моим девочкам, и мне кажется, что все они отдали сердца Богу!

Это потрясло Мейера, который теперь вечер за вечером наблюдал, как до отказа заполнялась его умеренных размеров часовня: «ризница, коридор, ступеньки, ведущие к кафедре, — все было забито!» В приемной служителя каждый вечер теснились жители Йорка, жаждущие облегчить душу.

Уже в конце своей жизни, будучи ведущим представителем неконформистской церкви Лондона, бывшим президентом Национального совета свободных церквей, социальным реформатором, проповедником, автором семидесяти книг, разошедшихся, согласно «Национальному биографическому словарю», в пяти миллионах экземпляров, Ф. Б. Мейер говорил о миссии в Йорке: «Для меня это было рождением нового представления о служении, новых методов работы, нового вдохновения и надежды... Я вырос в благочестивой семье. Я занимался бизнесом, я закончил колледж, но ничего не знал об обращении, о том, как собирать грешников вокруг Христа, и всем, абсолютно всем в жизни я обязан той приемной, где впервые увидел людей, сердца которых были разбиты сознанием собственной греховности. Я научился психологии души. Я узнал, как вести людей к Богу».

Пробуждение оставалось ограниченным отдельными приходами, рассеянным, церкви не объединялись, все волнения затронули лишь «кучку диссидентов». Один или два священника из государственной церкви выразили на словах одобрение действиями Моуди и Сэнки, но ее официальное руководство, занятое ежедневными богослужениями в Минстере, не знало об их существовании. Если бы добрый архиепископ Томсон,

«народный архиепископ», узнал, что менее чем через два года его «старший брат» из Кентербери напишет длинное письмо о Моуди лорду-канцлеру, он бы поразился.

Миссис Сэнки уже присоединилась к мужу. Эмма с детьми прибыли 4 июля, за день до ее тридцатого дня рождения, их принял доктор Хитчинс из «Приюта друзей», частной психиатрической больницы. Он позволял детям играть с безобидными помешанными, что весьма беспокоило Эмму. Когда среди ночи послышался крик Уилли и в постели его не оказалось, были организованы отчаянные поиски по всему дому, пока мальчика не обнаружили под собственной кроватью: он упал с нее во сне, вскрикнул, перевернулся на другой бок, закатившись при этом под кровать, и снова крепко уснул.

Моуди и Сэнки тосковали по дому. Моуди умолял Фаруэлла рассказывать ему все подробности о работе ИМКА и чикагской Миссии. Сэнки жаловался, что солнце не заходит в положенное время; во всяком случае, так казалось человеку, привыкшему к широте Рима и работавшему в середине лета на широте Эдмонта или Лабрадора.

Сэнки беспокоился из-за приглашения в Сандерленд. Один баптистский служитель, бывший моряк по имени Артур Риз, хотел, чтобы проповедники приехали к нему, но сомневался, хорошо ли примут неизвестного солиста в северном судостроительном центре, где прихожанам нонконформистской церкви было свойственно шотландское подозрительное отношение к музыке во время службы.

Когда Сэнки сходил с поезда, он был сплошным комком нервов. Его тут же отвели в заднюю комнату при лавке мясника, где жена мясника с гордостью продемонстрировала ветхую фисгармонию, на которой за шесть лет до того играл великий Филип Филлипс. Инструмент был расстроен, из лавки доносился запах мяса и крови.

Сэнки спел. Риз сидел, зачарованный.

Сэнки вернулся в Йорк, проповедники вернулись в Сандерленд 19 июля и обнаружили, что Риз хитро обошел местные предрассудки с помощью объявления, что мистер Моуди будет проповедовать, а «мистер Сэнки сплет Благую Весть». Кампания в Сандерленде (Моуди использовал терминологию Гражданской войны, как и Билли Грэм через семьдесят лет будет пользоваться выражением Эйзенхауэра «крестовый поход») не увенчалась успехом. Через пять недель Эмма отметила в своем дневнике, что у нее «было чувство, будто один служитель делал все, чтобы помешать благословию остальных».

Однако методисты убедили Ньюкасл-на-Тайне, в двадцати километрах к северо-западу, послушать американцев. Везжая в этот крупный угольный центр и порт 25 августа, Моуди решил оставаться там, пока не победит все предубеждения.

В конце сентября в Ньюкасле-на-Тайне проездом побывал Джон Кэйрнс, шотландский проповедник из Объединенных пресвитериан из Беруика-на-Твиде, блестящий богослов лет пятидесяти, который преподавал также в Эдинбурге.

Он написал своей сестре: «В церкви мистера Лейтча собралась большая толпа. В собрании, которое открыли мы с мистером Лейтчем, самым замечательным моментом было пение мистера Сэнки под аккомпанемент фисгармонии, под руководством мистера Моуди, американского джентльмена, который работает в Ньюкасле уже пять недель. Пение было весьма впечатляющим, собрание подхватывало припев хором, что производило сильный эффект. Обращение мистера Моуди было совершенно в стиле янки, но отличалось искренностью и тоже произвело большое впечатление. Он говорил о благодати Божьей, и в речи его было много удачных, немного гротескных мест. Иногда аудитория просто

забывала обо всем, влекомая этим двойным порывом пения и слов, а после завершения собрания многие, впервые тронутые службой, хотели поговорить с нами». Он добавил, что движение распространилось по всему Ньюкаслу и окрестностям, и он обсуждал его с многими знакомыми, «которые все тепло отзывались о его результатах».

Моуди и Сэнки, вырвавшись из провинциального Йорка, начали обращать крупнейший город севера Англии.

Кампания в Ньюкасле-на-Тайне началась среди представителей среднего класса, регулярно посещавших церковь. Постепенно она стала распространяться «вверх» и «вниз». Богатые торговцы, владельцы судов и шахт начали ходить в церковь, привлеченные рекомендацией местного члена парламента, который в своем издании «Ньюкасл Кроникл» славил «чудесный феномен религиозности», целенаправленность Моуди, его неприязнь к сектантству и в особенности то, что «на этих собраниях никогда не слышно звона денег». Простые работяги, отупевшие и изнуренные от долгих часов работы под землей и плохого питания, жители трущоб, вечно вдыхавшие воздух, полный угольной пыли, «массы», которые хотел завоевать Моуди, держались в стороне — пока он не попробовал устроить собрание матерей. Однажды ребенок на руках какой-то простой женщины расплакался, к неудовольствию аудитории, которая своими упреками довела до слез и мать. Тогда Моуди, в отличие от другого проповедника, который, почти в стиле двадцатого века, отказался продолжать проповедь, пока ребенка не унесут, своевременно объявил, что хочет организовать собрание для матерей, куда будут допущены только женщины с детьми на руках. Поддерживавшие его нежные леди (а в семидесятые годы разграничение между «женщинами» и «леди» было очень четким) отправились, как вспоминает Эмма, «на самые грязные и нищие улицы, созывая их обитательниц вместе с детьми в церковь. Какой там стоял

визг!.. Но бедные женщины слушали мистера Моуди со слезами на глазах, и мистер Сэнки с мистером Моуди прекрасно провели собрание». Все возрастающее количество посещающих привело к возникновению спроса на копии гимнов, которые исполнял Сэнки, особенно «Мимо проходил Иисус из Назарета», прочувствованной баллады об исцелении слепого Вартимея, написанной одним американцем из Нью-Джерси десять лет назад, — она потрясала даже тех слушателей, которых не трогали проповеди Моуди. Радостные, возбуждающие или сентиментальные гимны Бласса тоже пользовались популярностью. Как сказал Сэнки, только теперь «мы начали осознавать, какой чудесной силой обладали эти песни благовестия». Люди хотели петь их в кругу семьи, дома вокруг пианино, но единственный в Англии экземпляр нот и текстов находился в записной книжке Сэнки.

Он написал английским издателям сборника Филипа Филлипса, который использовали на собраниях, и предложил подборку песен, чтобы они бесплатно напечатали ее в качестве приложения. Издатели отказались, таким образом выбросив целое состояние. Моуди договорился с другим издателем, Ричардом Коупом Морганом (издательство «Морган и Скотт», чей еженедельник «Кристиан» был близким другом проповедников), о выпуске шестнадцатистраничной подборки из репертуара Сэнки.

16 сентября появилось в продаже первое, краткое издание «Духовных песен», с нотами по шесть пенсов, только слова — за один пенни, его использовали вместе со сборником Филлипса.

Моуди и Сэнки ворвались в затхлую атмосферу нонконформистских церквей северо-востока Англии, как свежий ветер, хоть церковные деятели и держались поодаль от этих нерукоположенных и неизвестных проповедников. Другие гости из Америки, которых

спонсировали нонконформисты, приезжали и уезжали, и их забывали, как сон. Почему же Моуди и Сэнки должны чем-то отличаться? Они собирались перебраться в Дарлингтон на девять дней в середине октября, приняли приглашение в Бишоп Окленд, где находился дворец епископа Дарема, после этого могли уделить пару дней нескольким маленьким городкам на Тиз или Тайне. Почти прошли два-три из тех шести месяцев, которые Моуди выделил на работу в Британии, и, несмотря на многочисленные приглашения в разные районы страны, казалось, что миссия провалилась.

В один прекрасный день, осенью, ситуация изменилась.

Листья с деревьев уже осыпались, когда Моуди отвечал на вопросы в одной из часовен ньюкаслского пригорода Уолкера, и к нему подошел священник, представившийся как «его преподобие Джон Келман, служитель Независимой Шотландской церкви из Лейта, порт Эдинбург».

Келман предложил поразительную вещь:

— Приезжайте в Эдинбург, — сказал он, — я и мои друзья из Независимой и Официальной церкви сформируем комитет. Мы подготовим почву, и я считаю, что все пресвитеры поддержат вас, и вы покорите Шотландию. Вы нужны Шотландии.

Моуди растерялся. Эдинбург, северные Афины, где его недостаток образованности покажется просто чудовищным? Там был бы на своем месте талантливый богослов-пресвитерианин, талантливый, вьедливый, строгий ученый. Его же поток историй и неформальное учение могут просто шокировать или вызвать раздражение. Что же касается Сэнки, большинство шотландцев считало чуть ли не богохульством, когда во время богослужения пели «людские» гимны, а не метрические переложения псалмов. Моуди неуверенно предложил сначала поехать в Данди. Келман настаивал категорично:

— *Сначала* Эдинбург. Так вы покорите весь народ.

Моуди не сразу дал ответ. Это был решающий момент, первая возможность работать в столичном городе, при поддержке специального комитета. Ведущие религиозные деятели Эдинбурга, утверждал Келман, поддержат его. Моуди подумал, что это всего лишь частное мнение.

Приняв это предложение, он рисковал: его могли осмеять, тогда двери Британии навсегда оказались бы закрыты.

14: Северные сюрпризы

Моуди и Сэнки прибыли в Эдинбург, показавшийся Эмме самым красивым городом на свете, штормливым, мрачным вечером в субботу 22 ноября 1873 г., и со станции Уэйверли поехали на извозчике в гостиницу. Сэнки поехали на ужин к старому автору гимнов Горациусу Бонару, Моуди же остались с профессором Уилльямом Блэйки, другом Ливингстона. «Д. Л. ужасно хрипит», — записала Эмма в своем дневнике. Доктор определил тонзиллит.

Видные пресвитериане, в основном члены Независимой церкви, рисковали своим добрым именем, приглашая неведомого, нерукоположенного американца, поэтому шесть недель у них ушло на предварительные совещания. «Я только что получил письмо от одного известного здесь служителя, — сказал один шотландец Эмме в начале ноября, — и они с большим энтузиазмом относятся к приезду мистера Моуди».

В первый день, 23 ноября, несмотря на редкость вечерних богослужений в Шотландии 1873 г., воскресная тишина Принсес-стрит была нарушена топотом многих ног, грохотом нескольких карет, пренебрегших соблюдением субботы, не говоря уже о людях, приехавших на поезде и заплативших двойную плату, чем руководство

железной дороги пытались заглушить голос совести, связанный с нарушением заповеди.

Комитет был склонен строить дикие предположения о подсадных утках, но в тот первый вечер Сэнки увидел самый большой в городе зал «плотно забитым до последнего уголка; даже коридоры, лестницы и вход был полон народа, и еще около двух тысяч человек не поместилось». Сэнки нервничал. Он слышал краем уха критические замечания по поводу исполнения им «людских» гимнов, а также по поводу «свистульки», как они обозвали его маленький американский орган. Кроме того, после первых слов председателя, объявившего, что Моуди плохо себя чувствует и прийти не может, раздался вздох разочарования.

Сэнки хватило здравого смысла начать с пения знакомого публике 99-го псалма. Когда он запел «Мимо проходил Иисус из Назарета», «глубокая тишина, мгновенно установившаяся среди многочисленной аудитории, сразу же убедила меня, что даже “людские гимны”, если их спеть в молитвенном настроении, тоже могут быть использованы Богом для привлечения внимания и передачи истин Благой Вести, и жителей старой доброй Шотландии это касается не меньше, чем других». Произнес речь Джеймс Худ Уилсон из Независимой церкви Баркли, которого Моуди назвал как-то человеком любви, силы и военной точности. Сэнки продолжил пением «Держите форт», и, к его удовольствию, собрание охотно подхватило припев.

Моуди провел день, впрыскивая в горло недавно изобретенное лекарство, так как профессор (сэр) Александр Симпсон «привез с собой лекарство в виде спрея, медицина уже вступила в эру микробиологии». Он также слушал профессора Блэйки, который посвящал его в тайны этой земли, которая облечена была впечатляющим покровом благочестия и хороших манер, но любовь в ней вытеснялась законом, радость и религия были не в ладу, и

большинство людей считало уверенность в своем спасении богохульством, говоря, что, хоть Христос и умер, никто не может знать, предопределен ли он к спасению. В этой атмосфере сурового, пугающего кальвинизма Библия обладала меньшей властью, чем Вестминстерское исповедание. В промышленных районах было все больше «заблудших», которые никогда не ходили в церковь; университет и богословские школы были полны сомнений. Страна была ослаблена расколом: он произошел тридцать лет назад и оставил после себя наследие соперничества, недоверия, ссор. Движения, направленные на объединение, либо Официальной церкви с Независимой, либо Независимой — со старейшими раскольниками, Объединенными пресвитерианами, приводили лишь к усугублению проблем.

Затем Блэйки рассказал о тех, кто, подобно ему самому, Худу Уилсону, Келману, профессору Чартерису, тосковал о божественном дуновении. Пробуждение 1859 г. в Ольстере и Соединенных Штатах немногим повлияло на шотландские графства, хотя все их странности могли многому научить тех, кто сумел бы их понять. Теперь же, через четырнадцать лет, пожилой, святой жизни Р. С. Кэндлиш, незадолго до своей смерти той самой осенью, произнес пророчество о великом благословении, которым не надо будет пренебрегать, хоть оно и придет странным образом.

Новое лекарство позволило Моуди в следующий же вечер посетить собрание в церкви Баркли, приехав куда, проповедники обнаружили, что «свистулька» осталась в концертном зале. Один из членов комитета поймал извозчика и помчался в ночь, а через двадцать минут снаружи послышался крик и грохот — кэб не вписался в поворот, и член комитета вывалился на булыжную мостовую вместе со «свистулькой».

Сэнки печально качал головой. Ремонт отнял бы целый день, а петь без «свистульки» он не мог. Моуди

услышал, как один шотландец сказал другому, что «похоже, все идет к разрушению любых шаблонов совместной работы проповедников». Третьим вечером кампания началась.

«Церковь была полностью забита, — писал Худ Уилсон через неделю, — негде было встать. Ряд людей уверовал — причем от некоторых мы этого никак не ожидали. Каждый вечер... приходили самые разные люди со всех концов города. Многие приехали из области — служители, но и не только. Я был очень взволнован и надеялся на благословение. Нас ждало очень хлопотное время».

В тридцать шесть лет Моуди стал знаменит.

Поразительным был основной тон этих фантастических семи недель. Моуди поражался, что изысканные шотландцы слушали его поток речи с «нечеткой дикцией, без остановок, без точек и запятых» (Симпсон говорил, Моуди произносил слово «Иерусалим» так, словно в нем два слога), терпели его акцент янки, прощали, что иногда он сознательно заставлял их смеяться в церкви. Аудитория была охвачена радостью: это был не внезапный перелом, как в Йорке, но постепенное просветление, подобное восходу весеннего солнца среди мрачного ноября; люди воспринимали поразительный факт: Бог любит грешников, раньше они думали, что Он любит только святых.

«Один молодой человек, — говорил им Моуди, — сказал мне прошлым вечером, что он — слишком большой грешник, чтобы надеяться на спасение. Но ведь именно ради таких людей пришел Христос! “Он принимает грешников и ест с ними”. Это единственное, в чем фарисеи могли обвинить Христа, — что Он принимает плохих людей. Он именно таких людей и хочет принять. Все, что вам нужно, — это доказать себе, что вы — грешник, а я докажу, что у вас есть Спаситель. И чем больший вы грешник, тем больше вы нуждаетесь в Спасителе. Вы

говорите, ваше сердце ожесточено. Тогда, конечно же, нужен Христос, чтобы смягчить его. Вы не можете сделать это сами. Чем более ожесточено ваше сердце, тем больше вы нуждаетесь во Христе. Чем вы чернее, тем больше вам нужен Спаситель. Если грех возвышается перед вами, как черная гора, помните, что кровь Иисуса Христа смывает все грехи. Нет греха слишком большого или слишком ужасного, нет таких испорченных и подлых людей, чтобы кровь Христа не могла омыть их. Поэтому я проповедую вам снова старую Благоую Весть: “Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее”. Адам совершил грехопадение, и его *ошибка* вызвала любовь Бога. Именно его грехопадение, его промах позволил выявить эту любовь. Один мой друг из Манчестера был в Чикаго несколько лет назад...» — и Моуди рассказывал очередную историю.

Слушатели ушам своим не верили. Это казалось так просто. «Шотландские проповедники, — замечал мирянин, подписавшийся “Наблюдатель”, в колонке писем читателей “Скотсмена”, — в течение пятидесяти лет лишь заново повторяли учение, которое — для меня, по крайней мере, казалось неразрешимой головоломкой. Наши проповедники совершенно искренне убеждали нас, что мы — объект божественного гнева», что прощения можно добиться только поверив «в сложную богословскую головоломку...» «Наблюдатель» просил священников поучиться у двух чужестранцев, которые приехали, чтобы «петь и декламировать о благодати и всепрощении Бога... Отбросьте эту сложную систему».

Речи Моуди казались короткими для того времени, когда проповеди могли длиться час и больше, часто он прерывал их для безмолвной молитвы и пения Сэнки. Он «не пытался вызвать в слушателях возбуждение и не гнался за сенсациями», — с удовольствием заметил один из профессоров-богословов Эдинбурга; не было «нечленораздельных стонов, он не падал ниц, не впадал в

экстаз, как во время предыдущих пробуждений». Он требовал принятия решения. Моуди не разделял колебаний кальвинистов, которые боялись призывать людей к решительному последнему шагу из-за веры в предопределение, он никогда не произносил этого слова:

— Я проповедую Благоую Весть для *всех!* — кричал он.

Моуди, говорит Блэйки, подчеркивал, что «христианское учение — это не просто чувство, но подчинение *всей* природы человека личному, живому Христу». Таким образом, как и в Чикаго, помещение для вопросов и обсуждений после собрания было очень важным местом для благовестия. Для Эдинбурга это не было ново. В самом деле, секретарь Миссии в Карабберклов, бывшей для трущоб Эдинбурга тем же, что Иллинойс-стрит — для Чикаго, утверждал, что Моуди перенял эту идею во время своего визита в 1867 г., но немногие делали так. Служители боялись, что общение либо может превратиться в психологическое насилие над людьми, либо приведет к возникновению неуравновешенного и произвольного учения, либо даже станет смутным подражанием римско-католической исповеди. Но страхи скоро прошли. «Дэйли Ньюз» сообщила, что служители «обнаружили, как их затруднения испаряются при личном соприкосновении с делом», и Моуди обнаружил, что скамьи в церкви или помещении прихода, использовавшемся для беседы после служения, усеяны фигурами в черных пасторских одеяниях, — открыв Библии, они самоотверженно отвечали на вопросы. Моуди призывал своих «работников с людьми», как он их называл, к «*терпеливому и внимательному* рассмотрению каждого случая, не надо спешить от одного человека к другому.

Ждите, убеждайте их словом Божиим, и думайте, о! думайте о том, что такое завоевать душу для Христа, не

жалейте потратить все время на одного человека». Он был уже далек от неугомонных порывов Чикаго.

Комната для вопросов привлекла представителей всех слоев Эдинбурга, особенно молодежь: студентов-медиков из университета, сыновей генералов или юристов с обширных площадей в стиле георгианской эпохи, грубых малых из переулков старого города, которые выделялись своей необразованностью. Для работы с ними Моуди отрядил студентов-богословов из Нового колледжа Независимой церкви: так он встретил Генри Драммонда.

Моуди и Драммонд были совершенно не похожи друг на друга, ибо двадцатидвухлетний Драммонд, будущий автор «Естественного закона в духовном мире», обладал мощным и пытливым умом, был чрезвычайно образован, прекрасно разбирался в естественных науках и богословии, был воспитан, рафинирован, немного денди, превосходный спортсмен; со спокойным характером и, как выразился его товарищ, «опасным чувством юмора». Душа Драммонда потянулась к Моуди, который тут же признал в нем замечательного руководителя, а также «кроткого, самоотверженного и приятного друга». Каждый вечер Драммонда видели выходящим на улицу в клубящийся туман, в черно-зеленом клетчатом пледе на плечах, рука об руку с каким-нибудь юношей, которому он помогал.

К середине декабря весь Эдинбург пробудился, пораженный. «Если, — заметил профессор Чартерис, — кто-нибудь сказал бы нам, что наш напыщенный город поразит до глубины души пара чужестранцев, мы не поверили бы в такую сказку».

Моуди и Сэнки поднесли спичку к хорошо высушенному хворосту шотландской религии. Они сделали и больше. Чартерис продолжает: «Если бы кто-нибудь сказал нам, что раскол, который проявляется не только в церковных кругах, но и в общественной жизни и в дружеских отношениях, исчезнет из-за появления двух проповедников, причем не рукоположенных, которых мы

не привыкли высоко ценить, сама эта идея показалась бы совершенно абсурдной».

Этот «самый благословенный и драгоценный результат» позволил Моуди занять важное место в истории Шотландии. Наконец-то, после долгих лет блужданий, Шотландия поняла, что путь к единству лежит через служение, и то, чего не добиться спорами, может быть почти незаметно достигнуто посредством совместной преданности христианскому делу. До первого крупного воссоединения осталось двадцать шесть лет, до великого, хоть и неполного воссоединения 1929 г. — пятьдесят пять; но уже тогда Блэйки мог сказать: «Кажется, мы поднялись над своими привычными конфессиональными границами», — а через год, как сказал один человек из Эдинбурга своим лондонским братьям: «В богословии мы слышем дикобразами, но в последнее время многие колючки убраны, и отношения между разными службами и деноминациями очень теплые, таких я никогда еще не видел».

И это еще не все. Сухой и консервативный Эдинбург перенял у Моуди и Сэнки то, чего не мог перенять от своих соотечественников. Комитет начал проводить дневное молитвенное собрание перед служением. Моуди прослушал несколько молитв, длинных, изобилующих цитатами из Писания, ученых, смутно-противоречивых, сложных и неопределенных, — а потом ударил кулаком по столу.

— Знаете, друзья, молитвы некоторых людей надо бы обрезать по краям и поджечь в середине!

Один шотландец замечает: «В те времена только он мог сделать такое и остаться в живых!» Личные достижения Сэнки были еще более необычны. Сначала он просто в воздухе чуял неодобрение по поводу своей «свистульки», а однажды вечером посредине песни с галереи раздался женский крик:

— Выпустите меня! Выпустите меня! Что бы подумал обо всем этом Джон Нокс?!

Позже в тот же вечер он выступал в переполненной церкви в Толбуте, и, «только я начал петь, услышал тот же голос:

— Выпустите меня!.. "

К 22 декабря Блэйки мог написать: «Совершенно изумительно видеть, как полностью исчезло всякое недоверие к “свистулке” мистера Сэнки». Никто не радовался больше, чем ветеран Горациус Бонар, гимны которого «Наполни мою жизнь», «Я слышал, как голос Иисуса сказал», «Выходи трудиться» и многие другие, были запрещены старейшинами его собственного прихода.

В предыдущие десятилетия сборники гимнов в Шотландской церкви практически не использовали. Шотландцы не приняли Бонара, отвергли бессмертную органную музыку Баха и Генделя как светскую и развлекательную. И, что поразительно, — они покорились «свистулке» Сэнки и «трогательному пафосу» его голоса! Гимны, которые он сделал популярными (сам он с момента приезда в Эдинбург сочинил только один, на слова Бонара, «это была первая написанная мной песня благовестия»), теперь можно было слышать повсюду.

К новому, 1874, году вести о происходящем в Эдинбурге прокатились по Шотландии, как снежный ком.

«Призыв к молитве», подписанный ведущими служителями и мирянами Эдинбурга, был отправлен каждому служителю каждой из церковных деноминаций Шотландии. На специально собранные 2000 фунтов копия еженедельника «Кристиан» с особым репортажем была послана каждому служителю Британских островов. В высокогорные деревушки и низинные селения поспешили очевидцы.

В деревне Фирг-оф-Кпайд, что в окрестностях Инверкипа, жил молодой работник железной дороги по имени Джон Мак-Нейл. «Тихая маленькая деревушка;

небольшая спокойная Независимая церковь; тихие стандартные богослужения. Никаких волнений — откуда! И вдруг — такой всплеск! Наш служитель побывал в Эдинбурге; он услышал американского проповедника по имени Моуди и певца по имени Сэнки, и, если ему поверить, они воспламенили весь Эдинбург! Пошло пробуждение — что бы это ни значило. Его последствия отразились на выступлении нашего служителя, его молитвы и проповеди. Мы, молодежь, начали потихоньку беседовать друг с другом об очень важных вещах; мы начали искать, и нашли».

Служитель созвал народ на «собрание для свидетельства, вечером в воскресенье; неслыханная вещь в нашей тихой деревушке. Люди были сильно взволнованы; толпились у дверей». Мак-Нейл и двое других парней вставали по очереди. «Они запинались, заикались, но все сказали. Они приняли Христа как Спасителя и собирались теперь жить для Него». Все трое остались преданными христианами, Мак-Нейл стал выдающимся проповедником.

Инверкип был одним из множества приходов и городков, воспламенившихся от Духа. Моуди и Сэнки засыпали приглашениями. Они смогли на день, 12 января, съездить в Бериик-на-Твиде, где, две недели спустя, Джон Кэйрнс все еще «был занят с утра до ночи, разговаривая с людьми, которые хотели посещать наши собрания, кто был взволнован и хотел принять личное обращение. Хлебная биржа была полна, толпы собирались каждый вечер... На наши дневные собрания приходило от ста пятидесяти до двухсот человек... Это была трудная работа, но я никогда не сблизился так с людьми. Я никогда не испытывал ничего и наполовину столь чудесного».

15: Покорение Глазго

Внезапная известность сделала Сэнки более опрометчивым, а его походку — более беспечной. Жена

его оставалась такой же скромницей, «очень милой и дружелюбной». Она ждала прибытия двоих детей из Америки и — хотя об этом, конечно, говорилось негромко и не в присутствии чужих — небольшого пополнения иного рода.

Эмма просто не заметила славы, а Моуди, сознающий, что он — лишь инструмент высшей силы, слишком много думал о ценности человеческих душ вокруг себя, чтобы возгордиться. К тому же он был слишком занят. Ему едва удавалось выкроить минуту, чтобы нацарапать письмо на Иллинойс-стрит: «Я часто скучаю когда думаю о вас всех но скоро я вернусь к вам недели пролетают как дни когда я занят».

После трех недель пребывания в Данди, они прибыли в Глазго 7 февраля 1874 г. Специальный Объединенный евангельский комитет старательно готовился, репетировали массовые хоры, ежедневно проводилась сотня молитвенных собраний, билеты на выступления Моуди распространялись среди приходских служителей, чтобы избежать беспорядочной давки, крупные промышленные города и окрестные деревни были в волнении, которое подпитывалось сообщениями о том, что после отъезда проповедников посещаемость вечерних служений в Эдинбурге не упала.

Теперь Моуди был уже не белым слоном в неподготовленной спальне неизвестного аптекаря на Ньюбридж-стрит, а почетным гостем ведущего служителя, Эндрю Бонара, младшего брата Горациуса, превосходного преподавателя Библии, который появился на сцене как раз вовремя, потому что Моуди после шести месяцев проповедей и в виду неограниченности своего будущего пребывания в Британии, уже чувствовал себя иссякающим. Моуди исчерпал свои богатые ресурсы библейских знаний и откровений.

— Идите сюда и присоединитесь к нам, — кричал он обычно, когда его друг входил в «Лайндок-плейс», — мы собираемся покопаться в Скале.

Одному американцу он потом сказал, что Бонар был одним из двух британцев, оказавших ему очень большую помощь.

Это был счастливый дом, с отдельной комнатой для детей, единственным его недостатком, как и во всех подобных британских домах, было отсутствие приличной ванны. Сидячая ванна у огня, которую служанка наполняла горячей водой из чанов, вполне устраивала Эмму. Но для человека, которому хотелось окунуться в холодную воду (в феврале), это был неподходящий вариант; кроме того, он был одного диаметра с ванной!

Кампания началась в девять утра в воскресенье 8 февраля в Сити-холле, перед тремя тысячами учителей воскресной школы.

Один из них, Дэвид Расселл, в старости вспоминал, как, после пения 99-го псалма и молитвы Эндрю Бонара, Сэнки объявил, что споет «Я так рад, что Иисус меня любит», песню Бласса для воскресной школы, в особой редакции, с припевом; Расселлу, как и большинству присутствующих, она была незнакома. «Я никогда не слышал такого великолепного пения. Замечательный проникновенный голос, радостное лицо певца и почти детская простота слов меня захватили, у меня по лицу потекли слезы. Мне было неудобно, что кто-нибудь заметит мою слабость, но вскоре я увидел слезы и на других лицах. Мистер Моуди не нуждался в представлении... На возвышении за ним находились многие ведущие служители и миряне города. То, как мистер Моуди сжимал Библию в правой руке, красноречиво говорило, как он держится за нее и как она владеет им. Несколько минут я думал, что он мне не нравится. Американский акцент и то, что показалось мне тогда недостатком почтительности и достоинства,

оскорбили мою чувствительную шотландскую натуру, но патетическая история, которую он рассказал совершенно неподражаемо, привлекла меня, и я отдал ему свое сердце. Это было великое, вдохновляющее собрание, и я думаю, что именно в то утро мистер Моуди покорил Глазго».

Моуди не пришлось «прокладывать себе дорогу». Его несло на гребне волны. Неделю за неделей, пока зима превращалась в весну, продолжались собрания: в церквях, в Сити-холле, наконец, во Дворце Киббл, громадном стеклянном выставочном комплексе, известном под названием «Стеклянного дворца». Люди прибывали: пешком, верхом, на поезде, в каретах и кэбах; из корабельных доков, с мельниц, из мрачных многоквартирных домов Горбалса, где свирепые ветры, пропитанные сажей, дули над неприветливыми улицами; из роскошных особняков с близлежащего Хиллхеда; очень много было представителей среднего класса, в домах у которых на пианино лежали сборники «Духовных песен». «Люди были взволнованы все, и симпатизирующие, и сопротивляющиеся, — заметила Джейн Маккиннон, жена судовладельца, приехавшая из Кэмпбел-тоуна в Кинтайре. — Это было на устах у всех, и все должны были определиться со своей позицией, решить, “за” они или “против”. Это был тот случай, когда сразу видно, кто есть кто».

Моуди ворвался в Глазго, по-прежнему, скорее коренастый, чем толстый, рядом с ним решительно шагал Сэнки. «Можно устать от одного лишь перечисления всех их усилий», — замечает одна из газет в самый разгар кампании. Первым мероприятием дня было грандиозное молитвенное собрание в полдень, длившееся час. «С часа до двух — индивидуальные беседы; с четырех до пяти — чтение Библии, на котором присутствовало от 1200 до 1500 человек; с семи до восьми тридцати — собрание благовестия, в конце которого задавали вопросы; с девяти до десяти — молодежное собрание». Утром в воскресенье

проводилось дополнительное собрание в Сити-холле и проповедь в какой-нибудь еще церкви, время с двенадцати тридцати до пяти было свободно. «У него было много сил, и он расходовал их, не жалея, — комментирует один из шотландских друзей, — но люди думали, что силы эти неограничены». Один день в неделю был выходным, обычно суббота.

Чтения Библии и молодежные собрания были в равной степени замечательны. Первое, проходившее в четыре часа дня, было менее посещаемым, потому что служащие, владельцы магазинов, рабочие и их жены были заняты повседневным трудом. «Все сгрудились вокруг одного человека, людям было интересно, — пишет Джейн Маккиннон. — Три или четыре служителя — на самой кафедре, другие — на лестнице, мистер Сэнки с хором — на возвышении для руководителя хора, и каждый сантиметр, где можно было сесть или стать, был занят». Чтения Библии в стиле Моуди — Мурхауза убеждали людей, что они весьма слабо знакомы со своей Главной Книгой.

Простое обучение по типу воскресной школы для взрослых заполнило пустоту, которая присутствовала посреди изливавшейся с кафедры экзегетики. Служители вынуждены были подавить свою гордость и ввести методы Моуди; в 1900 г. сэр Джордж Эдам Смит, исследователь Библии, мог написать: «Мы в Шотландии обязаны мистеру Моуди возрождением библейских классов». На собраниях молодежи, в самом конце трудового дня, Моуди показывал лучшее, на что был способен. Собрание во вторник, 24 февраля, стало известно в Шотландии как «Вечер ста одного».

Пока Моуди еще проповедовал в Сити-холле, в церкви Эдвин-плейс, «набитой от пола до потолка», пятеро студентов из Эдинбурга, возглавляемые Генри Драммондом, выступали «с краткими и торжественными воззваниями». Худ Уилсон как раз говорил на тему:

«Почему не сегодня вечером?», и в этот момент вошел Моуди. Когда Худ Уилсон договорил, Моуди негромко сказал:

— Те, кто *уверен*, что они — христиане, встаньте, пожалуйста!.. Сядьте опять! Я хочу, чтобы вы освободили эти передние ряды. Все, кто хочет принять Христа как Спасителя, выйдите, пожалуйста, вперед, чтобы мы могли помолиться о вас. Давайте склоним головы, пока они выходят.

В напряженной тишине началось активное движение. «Со всех концов помещения начал стекаться народ». Моуди, подняв глаза наверх, помолился вслух, и один из эдинбургских студентов, Джеймс Сталкер, «почувствовал всепроникающую божественную силу, я помню, что отвернулся и закрыл лицо руками, не в силах больше выносить это зрелище». Первые ряды наполнились. Моуди очистил следующий ряд, и следующий.

Потом сосчитали, что вперед вышел сто один человек. «Друзья-христиане продолжили беседовать со страждущими примерно до двенадцати». В конце один молодой человек, который, по его словам, «уже давно искал Христа», уходил, «не получив облегчения; подошел мистер Моуди и мягко взял меня за руку. Он взглянул на меня — я сказал бы, что его взгляд просто впился в мои глаза — и спросил, готов ли я принять Христа прямо сейчас. Я не мог произнести ни слова, но сердце мое сказало: “Да”».

Вернувшись в свою гостиницу, пять студентов из Эдинбурга просидели до утра, «обсуждая замечательную сцену, свидетелями которой только что были», и Генри Драммонд потом каждому из них подарил красивое издание Нового Завета, на которых все они расписались; своей собственной книжкой он пользовался в последующие годы столько, что она «истерлась до дыр». Один из работников церкви в Глазго, Уильям Оатс, сохранил список с именами и адресами всей сотни

новообращенных и поддерживал с большинством из них связь долгие годы. «Устоят ли в вере эти молодые люди? Seriously ли принятое ими решение?» Почти через полвека он утверждал, что большинство устояло; он встречал этих людей, активных христианских работников, в Глазго, Лондоне, Австралии. Большая часть из этих ста человек непосредственно после того вечера несколько месяцев усердно работала со своими ровесниками из всех слоев общества. Кампания Моуди, как люди уже стали замечать, была настолько духовно зажигательной, что пламень сохранялся еще долго после отъезда проповедников.

«Последние три месяца мне все время приходится отказываться от денег. В Эдинбурге для меня хотели собрать фонд в две-три тысячи фунтов но я не позволил я сказал им что не возьму». Так писал Моуди своему близкому другу Уиттлу в Чикаго 7 марта 1874 г.

Любой неподвзятый наблюдатель увидел бы, что Моуди «не поддавался искушениям, которые часто оказывались пагубными для его коллег. Он не позволил своим доброжелательным, но неразумным поклонникам холить и лелеять себя». В газетах появлялись письма, в которых уверялось, что вся кампания — славный розыгрыш, организованный в корыстных целях американским шоуменом Барнумом. «Конечно здесь у меня много врагов, — писал Моуди Фаруэллу, — для которых я спекулирующий янки». Он отказался от сборов для уплаты расходов кампании и велел комитету собирать необходимые суммы частным образом; в Шотландии он иногда принимал частные дары «для своего личного пользования», помимо оказанного гостеприимства и оплаты расходов, но многое из полученного отправлял в Америку, чтобы обеспечить Уиттла и Блисса средствами для американского тура, подобного кампании Моуди и Сэнки. «Если вам не хватает веры полагайтесь на силу моей, — убеждал он Уиттла. — Разве у Бога нашего не больше денег чем у Часовой компании и разве Он не хочет

чтобы мы верили Ему?» Кошельки жителей Глазго были раскрыты; шотландцы, которые слынут чрезвычайно жадными, давали немало фунтов стерлингов. Тридцатилетний производитель химической продукции Кэмпбелл Уайт, у отца которого было прекрасное поместье в Овертоуне, спрашивал у Моуди, как ему использовать свое растущее состояние; молодой фабрикант железных изделий Джон Колвилл задал тот же вопрос. Моуди достаточно было указать пальцем в каком-то направлении, чтобы туда потекли деньги. Куда же указать? Он беседовал с многими на верфях, складах и заводах, и знал, что бедняки Чикаго редко приходят на его основные выступления: система продажи билетов не давала им такой возможности. Он видел безработицу и бродяжничество, достигшие крайней степени. Он знал, что в трущобах правит виски.

Моуди обратил внимание Уайта, Колвилла и им подобных на нужды бедноты Глазго.

Дело было не только в деньгах. Моуди постоянно говорил, что каждый человек должен иметь постоянную работу. В результате последовал всплеск деятельности, духовной и социальной, в старых и новых начинаниях. Объединенный евангельский комитет, который затем стал Евангельской ассоциацией Глазго, начал свою долгую и славную деятельность в области благовестия и благотворительности: приюты для бедных детей, работа по борьбе с пьянством, «недели на свежем воздухе», учреждения для детей-калек, Христианский институт Глазго, палатка на Глазго-грин, где по воскресеньям молодые люди собирали «безработных и отбросы общества всякого рода... голодных и оборванных отверженных», чтобы угостить их бесплатным завтраком (пусть это был лишь чай с хлебом) и провести богослужение. «Воскресный обед для бедных детей» был организован вскоре после того, в сотрудничестве с одним уже существующим агентством; нашлось постоянное

помещение, где к 1918 г. бесплатное питание стали получать пять с половиной миллионов взрослых и детей.

С экономической точки зрения это не было улучшением, скорее регрессом, как поспешили заметить социалисты в конце века, когда возникли столкновения между лордом Овертоуном (которым стал Кэмпбелл Уайт) и Кейром Харди. Моуди и его друзья в 1874 г. не могли постичь настоящих причин бедности, современные экономические теории тогда еще не существовали. Более того, они считали, что, если сердце человека очистится, он сможет подняться над самыми тяжелыми условиями существования.

Ради беспризорников Глазго, несчастных сирот родителей-алкоголиков, «сотен юных жизней, скованных грехом», Моуди сделал щедрый подарок недавно сформированному Уильямом Квэррьером «Сиротским приютам Шотландии». Куда бы он ни отправился, «мистер Моуди всегда уделял большое внимание молодежным христианским организациям, и в разгар движения всегда выделял очень большие средства на их основание и расходы». Свидетельству сэра Джона Эдама Смита можно доверять, потому что он не был в близких отношениях с Моуди, хотя придерживался других богословских взглядов, и работал в Глазго пятнадцать лет. В 1898 г. он подвел итоги влияния Моуди на Шотландию, выделив основные моменты: «Мы забыли, как часто мистер Моуди напоминал нам о гражданском долге верующих. Перечитайте его речи и обращения того времени, и вы поймете, что в семидесятые годы среди нас не было проповедника более практичного, обращавшего большее внимание на общественные нужды».

Моуди нисколько не тронули «некоторые очень обидные письма» в прессе Глазго. «Враг тщательно подготовился», — замечала Эмма. Помимо шуток и оскорблений, авторы писем либо утверждали, что «американские братья явно подсиживают местных

служителей», либо жаловались, что «кальвинизм забыт и брошен».

В начале весны Моуди заметил, что отношение к нему переменилось, в особенности со стороны приезжих из высокогорных районов. Эта перемена отразилась на некоторых письмах из громадного количества почты, получаемой им самим и Худом Уилсоном, почта которого превратилась «в настоящее море писем, они не только толстым слоем покрывали большой круглый стол посреди комнаты, но лежали также повсюду на стульях и полках». Оба знали о памфлете, автор которого, влиятельный проповедник из Высокогорья Джон Кеннеди из Дингвалла, проклинал их. Памфлет этот распространяли экстремальные кальвинисты и крайние консерваторы из дальних, малонаселенных районов Шотландских гор, на севере и западе. Брошюра «Гипер-евангелизм: “новая Благая Весть”, хоть и мощно распространяемая» утверждала, что «данное движение совершенно пренебрегает суверенным авторитетом и силой Бога», что его чрезмерное внимание к вере мешает работе Духа Святого и отрицает «чрезвычайную духовную немощь душ, мертвых в преступлениях и грехе». Доктор Кеннеди критиковал систему вопросов и ответов, пение «мирских» гимнов, использование органной музыки («которое не соответствует Писанию, поэтому все, подписавшие Вероисповедание, единогласно выступают против нее») и утверждал, что молитвенные собрания превратились в «погоню за сенсациями».

Ожидалось, что сторонники «высокого» кальвинизма предпримут такую же атаку. Моуди сказал, что он сам нашел бы в своей работе еще больше недостатков. Однако памфлет не мог являться причиной отравы, постепенно ставшей витать в воздухе.

Джон Кеннеди, выдающийся проповедник, пророчествовал с кельтским рвением, был эрудитом, которого невероятно уважали простые горцы, знатоком

Шекспира, поэзии и пуританского богословия, — и авторитетом по игре в крикет. Он был обаятелен, много путешествовал, недавно вернулся из Америки. Представители Независимой церкви и пресвитериане из разных церквей, которые присоединились к Моуди, казались Кеннеди предателями кальвинизма. Не удовлетворившись памфлетом, он искал и других средств для прекращения движения, и тогда на глаза ему попало письмо одного знакомого из Чикаго. Кеннеди был искренним христианином, но распространил копии письма, не проверив подлинности содержащейся в нем информации.

Прошло несколько недель, прежде чем Моуди увидел копию письма и понял причину косых взглядов, пожиманий плечами и полунамеков.

Длинное письмо от Джона Маккея, юриста-пресвитерианина из Чикаго, эмигранта из Шотландских гор, содержало вполне правомочную, хоть и с далеко идущими выводами, критику ИМКА и учения Моуди. «...Очевидно, он хочет постепенно подорвать основы, на которые опираются шотландцы...» Но основная часть письма была совсем иного рода, и Моуди в изумлении переворачивал страницы: «...Мистер Моуди приехал в Чикаго бедняком... Он обратился в офис благочестивого и богатого торговца (который сейчас является моим клиентом) и попросил, как друга и христианина, дать ему место в офисе, так как он не хотел соприкасаться с нечестивыми и безбожниками... Мистер Моуди был красноречив и громко заявлял о своей христианской вере, таким образом войдя в доверие владельца предприятия. Его работодатель в это время с кем-то судился... обнаружилось, что другая сторона оказалась в курсе его секретов. Подозрения пали на святого мистера Моуди... оказалось, что он виновен... Моуди упорно все отрицал... Бесспорные улики... он во всем признался и был уволен... Вскоре после этого он публично объявил, что оставляет все

мирские дела и хочет полностью посвятить себя работе для Господа. Энергичный и неунывающий, он скоро...» и т. д. и т. п.

7 мая Моуди написал из Глазго Фаруэллу: «Несколько часов назад я узнал о письме из Чикаго к одному шотландскому доктору богословия в котором я выставлен как дурной человек». Он просил Фаруэлла попросить молодого Хендерсона (теперешнюю главу фирмы, племянника благодетеля Моуди) написать письмо, «с выражением доверия ко мне... Если я сделал что-то не по-христиански когда работал с Хендерсоном я этого не помню... Я был молод и может быть делал что-то такое чего бы не сделал сейчас, но мне горько думать, что кто-то в их доме может обвинить меня в том, в чем обвиняют меня в этом письме... Здесь никто меня не знает, и, если мои друзья из Чикаго не вступятся за меня, те, кто против моих проповедей и пробуждения в этой стране, сделают все, чтобы помешать мне. Я хотел бы, чтобы вы тут же написали мне».

Формальный запрос «о тщательном расследовании справедливости или ложности этих обвинений» поступил к Фаруэллу от Келмана, председателя Шотландского комитета: «Если информация, указанная в данном письме, необоснованна, пожалуйста, телеграфируйте об этом и пошлите мне более подробное письмо почтой». Келман предвидел, что Кеннеди постарается очернить Моуди на ближайшей Генеральной ассамблее Независимой церкви.

Фаруэллу нетрудно было собрать подписи тридцати пяти служителей Чикаго для подтверждения «христианского характера деятельности» мистера Моуди, о чем он и телеграфировал в Эдинбург. Хендерсон писал: «В течение пятнадцати лет, с тех пор, как мистер Моуди покинул нашу фирму, я следил за ним, помогал ему и верил в него». Он сказал Фаруэллу, что разговор, на котором Маккей основывает свои обвинения, «был призван поднять Моуди в его глазах, и только намеренное

искажение истины могло позволить использовать его в подобных целях».

Фаруэлл потребовал опровержения, и, так как «упрямый шотландец» не стал ничего опровергать, стал угрожать Маккею судебным разбирательством. Моуди отказался преследовать Маккея в судебном порядке. Фаруэлл был разочарован. «Я думал, было бы богоугодным делом заставить его заплатить 5000 долларов — 10 000 за его клевету, и потратить эти деньги на благовестие в том районе Шотландии, где живет мистер Кеннеди!»

Кеннеди не смог уничтожить кампанию в Глазго. В один из ее последних дней в «Стеклоном дворце» собралась масса обращенных, в основном молодежь до двадцати пяти лет и представители образованных слоев. В последнее воскресенье Большая западная дорога в течение трех часов была черной от идущих по ней мужчин и женщин, разного достатка и общественного положения, в основном пеших, потому что «с транспортом по воскресеньям были проблемы». В ярком вечернем солнце шотландского мая Моуди проповедовал в Ботаническом саду, стоя на передке кареты, перед толпой, которую оценили в 20 000 — 30 000 человек. Точной цифры никто не знает, вероятно, там было где-нибудь тысяч пятнадцать, и, хотя ветра не было, и тем, кто стоял далеко, Моуди не было слышно, пение произвело на всех неизгладимое впечатление. В то время, когда к массовым собраниям еще не привыкли, подобное зрелище казалось поразительным.

16: Покорители сердец

Однажды утром, в среду 20 мая 1874 г. американцы, «утомленные от неустанных трудов», отправились на вокзал на Куин-стрит без шумихи и пышных проводов. Прежде чем отправиться в трудную поездку на север, им предстояло еще два дня собраний в Эдинбурге, поэтому мужчины «искали уединения и отдыха, что на британской

железной дороге можно получить только в купе первого класса»; жены с детьми на время короткого путешествия были посажены в вагон второго или третьего класса, поэтому купе было полностью в распоряжении проповедников.

Сэнки приобрел в лавке «Менсиз» за пенни еженедельник «Кристиан Эйдж», который специализировался на американских проповедях, и, пока поезд набирал ход и, гремя, катился по пригородам Глазго, усердно пролистал его, но не нашел ничего интересного, кроме проповеди Генри Уарда Бичера. Он выглянул в окно, на печальные терриконы и трубы. Моуди был погружен в письма из Чикаго. Они уже подъезжали к Эдинбургу, когда Сэнки снова взял в руки газету и стал рассеянно просматривать объявления. «Продается: симпатичная железная церковь (с отделкой и т. п.)... Чай «Амброзиал» — лучший из чаев... Пианино Шелфорда, от двадцати гиней В РАССРОЧКУ... Электричество — это жизнь: патентованная гальваническая цепь Пульвермахера... Публикации Ходдера и Стаутона...» Он просмотрел список важной литературы: «Новый комментарий доктора Уэлдона... Новый труд преподобного Пэкстона Худа... “Тысяча ростков” Генри Уарда Бичера... Новый сборник гимнов для воскресной школы». Он взглянул на колонку рядом, на соседней странице, и увидел стихотворение без указания автора «Заблудшая овца». Оно было напечатано довольно крупным шрифтом, прямо над проповедью Бичера, но Сэнки как-то не обратил на него внимания в первый раз. Он внимательно прочел стихи.

— Слушай, Моуди. Тут есть стихотворение, из которого вышел бы славный гимн благовестил — если бы найти мелодию.

Моуди оторвал взгляд от письма:

— Читай, Сэнки.

Сэнки прочел, «со всей выразительностью и энергией, на какую был способен. Когда я закончил чтение,

я посмотрел на моего друга Моуди, чтобы понять, какое впечатление оно на него произвело, но обнаружил, что он не слышал ни слова, так как был поглощен письмом. Мою досаду легче вообразить, чем описать». Сэнки вложил текст стихотворения в свою записную книжку. Во время дневного и вечернего собраний в Эдинбурге ему на ум бессознательно пришла пара музыкальных фраз. На следующий день они участвовали в собрании в актовом зале Независимой церкви, на тему «Пастырь Добрый». Выступило несколько служителей, потом председательствовавший Моуди, потом — седоволосый Горациус

Бонар, кратко, но выразительно побеседовавший о «Пастырской работе Христа» и произведший глубокое впечатление на симпатизирующую ему аудиторию. Моуди, стоявший за кафедрой, обернулся к Сэнки, сидевшему за фисгармонией:

— У тебя есть подходящее к случаю соло, чтобы завершить собрание?

У Сэнки не было подходящего соло. «Встревоженный», он отказался от мысли спеть метрическое переложение 22-го псалма, потому что его уже дважды пели на этом собрании, к тому же, не получилось бы соло: «Я знал, что каждый шотландец в собрании присоединится ко мне... Тогда я услышал голос, говорящий мне: “Спой гимн, который ты нашел в поезде!” Я подумал, что это невозможно: ведь для этого гимна еще не было написано музыки. Время шло. Моуди ждал. Аудитория волновалась. Опять пришла мысль: “Спой этот гимн!”»

Я поставил маленькую вырезку из газеты на орган перед собой и от всего сердца помолился, прося у Бога помочь мне спеть это так, чтобы люди услышали и поняли. Я дотронулся до клавиатуры, взял ля-бемоль-мажор и запел:

В долине сто тучных паслися овец:

*Кругом их была тишина,
И Пастырь за ними смотрел, как Отец;
Но вот заблудилась одна:
Осталась без пастырских нежных забот.
Вдали от охраны родимых ворот.*

*Девяносто девять, Спаситель, с Тобой,
Все овцы, не видно одной.
Но Пастырь промолвил: “Овечки Мне жаль,
За нею отправлюсь Я вдаль.
Хочу Я овцу дорогую спасти,
Хоть трудной дорогой придется идти!”*

Закончив петь первую строфу, я порадовался, что добрался до ее конца, но побоялся, что мне не удастся точно воспроизвести мелодию при пении следующих строф. Я снова воззвал к Господу, моля о помощи в этот момент испытания, и Он дал мне силы воспроизвести ту же мелодию, нота в ноту, до конца гимна».

Импровизированная мелодия, чем-то напоминающая марш для волынки, пронизанная ароматом шотландской пустоши, леса и тумана, постепенно крепчала и к пятой строке набирала силы, чтобы потом снова затихнуть, намекая на отдохновение, и каждый человек в собрании своими глазами видел Доброго Пастуха, покидающего девяносто девять овец, идущего по крутым тропам, пересекающего глубокие воды, пробирающегося сквозь дремучую чашу на склонах терзаемых бурей гор, чтобы найти одну-единственную заблудшую овцу, «больную, беспомощную и готовую к смерти». Потом в голосе Сэнки задрожала нота триумфа:

*И глас тот покрыл и смятенье, и гром,
И к райским проникнул вратам:
«Ликуйте, овца найдена Пастухом!
Принес Я заблудшую к вам».
И ангелы вторили Божьим словам,*

И песнь их неслася по всем небесам.

Сэнки вспоминает: «Когда музыка закончилась, все собрание вздохнуло в один голос». Моуди, тронутый до слез, бросился к Сэнки и схватил газетную вырезку:

— Сэнки, где ты взял этот гимн? Я никогда не слышал ничего подобного!

Сэнки, весь в слезах, как и половина аудитории — в викторианскую эпоху слезы были самой распространенной реакцией на эмоциональное волнение — торжественно отвечал:

— Мистер Моуди, этот самый гимн я вчера прочел вам в поезде, а вы меня не слушали.⁴

Скоро «Девяносто девять» пела вся Шотландия. Через некоторое время Сэнки получил от одной женщины записку с благодарностью за то, что он положил на музыку стихотворение ее покойной сестры. Стихи эти были написаны в 1868 г. Элизабет Клефэйн, дочерью Эндрю Клефэйна, бывшего шерифом Файфа, в возрасте тридцати восьми лет; умерла она в следующем году. Она осталась в детстве сиротой, имела двух сестер и брата Джорджа, шалопая, которого отправили в Канаду «с поручением» — этот метод временно удалять из семьи «паршивых овец», поручая им дела, требующие поездки в колонии, был в то время популярен. Джордж пьяным упал на проселочной дороге в мае 1851 г., неподалеку от Фергуса, Онтарио, и был найден умирающим на следующее утро. Элизабет нравилось думать, что в последние часы своей жизни эта «заблудшая овца», ее брат, «обрела прощение и мир через Иисуса».

⁴ Позже Сэмюэль Чэдуик рассказывал как-то гостям за обедом, около 1925 г., что слышал, как Моуди напевает «Девяносто девять» под аккомпанемент колес поезда. Тогда Чэдуик спел мелодию, подчеркивая этот ритм: *парам — парам, парам — парам*. Вероятно, мелодия зародилась в сознании Сэнки еще в купе, когда он читал стихи.

Когда, шестнадцать лет спустя, кузен попросил ее написать стихотворение для «детского часа», Элизабет вспомнила свою печаль и надежду и написала пять строф. Стихотворение перепечатавали из одной газеты в другую, но оно оставалось неизвестным, пока его не обнаружил Сэнки. Другой написанный ею гимн, «Под крестом Иисуса», тоже дошел до нас благодаря мелодии Сэнки, написанной в доме доктора Барнардо в Истэнде, во время лондонской кампании 1875 г.

«Девяносто девять» — не лучшее, но самое известное произведение Сэнки, его можно найти во всех сборниках гимнов, в том числе в «Английском сборнике гимнов». Гимны эти буквально пропитали Англию, а потом и Америку, семидесятых годов и позже. Они распространились по всему миру. За первые пятьдесят лет своего существования «Духовные песни» и их американский аналог, «Песни благовестия», разошлись тиражом в пятьдесят и восемьдесят миллионов экземпляров. Если оценивать величие людей в зависимости от их влияния на окружающих, непосредственного или косвенного, то Сэнки был великим человеком. Считается, что количество людей, слушавших пение Сэнки после 1875 г., превосходит количество слушателей исполнения произведений Баха за все девятнадцатое столетие.

Музыка и музыканты, прототипом которых был Сэнки, теперь высмеиваются. Имя его смешивают с грязью.

В двадцатом веке мнение о нем составляли на основании сборника гимнов и композиций, а не пения, как должно было бы быть по справедливости. Сэнки в основном был певцом, сочинительство и аранжировка для него были второстепенной деятельностью. Для него мелодия была всем. Он не получил специального образования и не умел составлять хоровые произведения, он привык аккомпанировать себе на простейшем инструменте, мало интересовался аранжировкой, музыка

его была простой, стилизованной, основанной главным образом на трех главных аккордах: тоника, доминанта, субдоминанта. Она отражала свойственную эпохе любовь к звучности, то был зенит английской музыки.

Однако многие глубоко лиричные песни Сэнки и Моуди гораздо более важны, чем кажется на первый взгляд; если изменить аранжировку, уху знатока они кажутся принадлежащими к поздневикторианской эпохе. «Благодать, этот чарующий звук», «Ты покинул Свой престол», «Пусть берет, кто хочет» — хорошая музыка для собраний, а голос, по тембру близкий к голосу Сэнки, может придать лучшему из произведений Блисса, «Муж скорбей», пафос не менее яркий, чем свойственный «Behold and see» Генделя.

Говорят, что «Песни благовестия» — «фольклорные» гимны, что Сэнки был Стивеном Фостером священной музыки. Он не использовал народные мотивы сознательно. Но Сэнки, Блисс, Брэдбери и другие были так близки к простому народу, что могли выразить их чувства. «Большинство из них по своему строению так похожи на шотландские и ирландские песни, — пишет один журналист из Глазго, — что нашим людям, знакомым с подобной музыкой, иногда трудно осознать, что мы слышим священную песню... Разве могли эти простые песни не найти такого непосредственного и чудесного отклика в шотландских сердцах?»

Большая часть песен Сэнки начинается с сольного пения, припев для хорового пения обычно таков, что его могла запомнить неграмотная масса слушателей. Для пения на приходских собраниях он обычно использовал официальный сборник гимнов: в Шотландии — метрические псалмы, в Англии — Уоттса, или Уэсли с гимнами Евангельского пробуждения, или недавно созданные гимны Лайта и Хэвергэйла. Популярность сольных песен привела к тому, что их начали петь хором, к чему они не были предназначены. Если это пыталось

сделать небольшое собрание, впечатление ослабевало. Музыка Сэнки должна исполняться соло — или большими хорами. «Даже критически настроенный музыкант, — писала лондонская музыкальная газета в 1875 г., — согласится с их величием — это не то величие, что мы наблюдаем на Фестивале Генделя, но эти песни производят большое впечатление, так как они естественны, спонтанны и полны энтузиазма. Простота слов и отсутствие сложных фигур и оборотов в музыке производит впечатление на поющих; и почти детский напев потрясает, когда поет десять тысяч человек».

Однако следующие поколения запомнят Сэнки и будут судить о нем по исполнению его гимнов любителями на домашних расстроенных пианино.

Как и все композиторы, Сэнки и Блисс писали больше плохой музыки, чем хорошей. Большинство композиторов неудачные вещи никому не показывают, но авторы гимнов благовестия не могли этого делать — народ подхватывал и неудачные гимны, и они распространялись еще до того, как возникала возможность отделить зерно от сора. Часто популярность песни была вызвана факторами, никак не связанными с музыкой; гимны оценивали по произведенному ими впечатлению, которое могло быть вызвано временной общественной ситуацией.

Задачи написания песен были узкими: Сэнки называл это «проповедью и обучением в песне». «Мне хотелось бы, чтобы люди различали, — сказал он однажды, — что одни гимны должны обучать, а другие, такие, как “Воскликни Богу, вся земля!” и “О Спаситель! Благодать...”, — это гимны, с помощью которых все собрание может восхвалять Бога». В гимне для обучения, появившемся из музыки для воскресной школы в Америке в шестидесятые годы, жизненно важными были слова. Сэнки «поет слова, донося полностью их значение и выразительность. Музыка — дело второстепенное, темп и ударение постоянно меняются, чтобы *соответствовать словам*». Сэнки был таким же

талантливым проповедником, как и Моуди, и пение было его естественным методом: «Я пел с детства, музыка буквально переполняла меня и текла из меня». Сэнки пел, как Моуди проповедовал: чтобы донести до людей простые истины, вызвать отклик. Профессиональные музыканты, которые заявляли, что он опошил музыку и превратил ее из изящного искусства лишь в средство достижения цели, по сути дела, вообще отрицали использование искусства в религиозных целях; тот факт, что вкус его был не лучше, чем у его современников, не имеет значения.

Сэнки был моден. Возникла масса подражателей, и не все из них были искренни. Они старались возбудить эмоции аудитории, исторгнуть у нее слезу, заменяя хорошую проповедь плохой музыкой. Потомство будет судить о Сэнки по его подражателям или третьеразрядным исполнителям его песен. Но впечатление, которое он произвел на Британию и Америку, можно было бы понять только видя его лично как человека, певца и проповедника.

Как человек он был «ухоженным, приятным, солнечным»; «вел себя очень дружелюбно»; он легче шел на контакт, чем Моуди, был более терпеливым, менее резким; веселым, глубоко духовным и очень человеческим — всегда с легким оттенком абсурда в поведении.

— Сэнки, — сказал ему как-то Моуди вечером, когда они сидели за ужином в английском отеле и Сэнки только принимался за свое любимое блюдо — бифштекс с поджаренным луком, — Сэнки, ты собираешься сегодня вечером говорить со страждущими?

— Конечно.

— Тогда оставь в покое этот лук!

Пауза.

— Ну ладно! Лучок-то я люблю, но приводить души ко Христу люблю тоже, так что лук может и подождать.

Его непрофессиональный баритон, умеренный по диапазону, немного грубоватый, но глубокий, сочный и с некоей «сладостью», столь ценимой современниками,

обладал, по словам Хичкока из Чикаго, «неописуемой красотой, которая, вкупе с его приятными манерами, редко не проникала в самые глубины сердец слушателей». Именно эта проникновенность, способность пробуждать духовную тоску, смягчать предубеждение, подчинять волю слушателей была отличительной особенностью Сэнки. «Он покорял сердца всех, богатых и бедных», — писала одна англичанка. Невозможно объяснить это исключительно красотой голоса; возможно, если бы он выступал с концертами, он не производил бы такого впечатления. Нельзя и считать это каким-то фокусом. Сэнки, как и Моуди, боялся сознательно играть на чувствах. Вероятно, иногда он нагнетал эмоциональное волнение, потому что граница между молитвенным экстазом и душевным возбуждением очень тонка, но задачей его было учить, утешать, привлекать слушателей к Богу.

Он прежде всего был проповедником и, как истинный служитель, считал себя лишь средством для достижения божественных целей. «Мистер Моуди только что обратился с впечатляющей речью, — писал один шотландец, профессиональный певец, — и, когда он закончил, по собранию прокатился вздох, словно люди освободились от напряжения. Мистер Сэнки занял свое место за маленькой фисгармонией, взял несколько аккордов и сказал: “Девяносто девять”. Пока он пел, не раздалось ни звука. Люди забыли о том, что он поет, — он рассказывал старую историю по-новому, с новым очарованием. Она захватывала. Когда он произнес последние слова, мистер Моуди поднял руку, и все головы и сердца склонились перед Богом, заблудшие овцы собрались в овине». «Мистер Сэнки поет с таким убеждением, что души принимают Иисуса между двумя нотами, — пишет жительница Эдинбурга. — Когда вы слышите, как он поет “Девяносто девять”, вы чувствуете, что истина — здесь, в этом углу, под галереей, за колонной, скрывающей лицо поющего от слушателя, что

рука Иисуса прямо сейчас ищет нас и собирает заблудших, чтобы вернуть их в овин».

17: Дорога в Лондон

Все лето 1874 г. над Шотландией пылало пробуждение. «Все эти годы, — поэтически восклицает Джон Мак-Нейл полвека спустя, — в сердце моем до сих пор теплится свет этого славного времени. Я обрел тогда свою душу и своего Спасителя. Мне хочется воззвать к тем, кто жив еще из того поколения; напомнить им о том могущественном преображении и перевороте, когда по всей стране души людей склонились перед Господом, как созревшие колосья — перед ветром жатвы!»

Моуди, используя другое сравнение, говорил, что он всего лишь тряс деревья: плоды уже давно созрели, благодаря преданности церковей истинному учению. Достаточно было начать трясти, чтобы повеяло духом жатвы: в самом деле, «даже из районов, которые они не посещали, приходили сообщения о больших результатах». Генри Драммонд и другие студенты были посланы — случайно, но эффективно — в те места Шотландии, на посещение которых у американцев не было времени, а также в Северную Англию, где они уже были, и местные служители начали передавать огненную эстафету. Эндрю Мюррей, возвратившийся в Шотландию из Южной Африки через несколько лет после визита Моуди, обратил внимание на «явное влияние работы мистера Моуди. Люди готовы общаться, относятся друг к другу с большей теплотой... Вообще религиозное настроение в Шотландии стало возвышеннее, ярче и заметнее».

В начале августа 1874 г. Сэнки отправился на юг, чтобы встретиться с Фанни, новорожденным ребенком Айрой и двумя старшими детьми, только что прибывшими из Америки. Моуди же работал на севере Шотландии с конца мая по начало сентября, до двенадцатой годовщины

своей свадьбы, которую семейство отпраздновало на природе, в путешествии вместе с детьми на пароходе по Лох-Несс и Каледонскому каналу (где даже Моуди не могло укачать), в Олбане он произнес проповедь. На следующий день они проплывали мимо великолепных островов. Поздно вечером, проехав в карете шестьдесят пять километров, «очень, очень уставшие, Уилли заснул, Эмма [младшая] тоже сонная», они прибыли в дом Питера и Джейн Маккиннон в Кэмпбеллтауне.

Теперь, когда Маккинноны заполучили Моуди «в свой собственный дом, чтобы познакомиться с ним и поговорить о жизни», Джейн стала записывать все, что он делал и говорил. Она сразу полюбила десятилетнюю Эмму, потому что та напоминала ей о собственной умершей дочери; это был первый шаг к той дружбе Джейн с миссис Моуди, которая позволила последней называть Джейн своим лучшим другом по обе стороны Атлантики. Питер Маккиннон, один из совладельцев Британо-индийской паровой компании, стал для Моуди «в большей степени отцом, чем кто-либо из людей, встречавшихся мне на жизненном пути».

Из истории миссии в Кэмпбеллтауне Джейн сохранила прежде всего небольшие происшествия и детали: как Моуди, вернувшись с собрания одним ветреным вечером, рассказывал, что «газ ужасно гудел, и мне тоже пришлось реветь во весь голос, между нами началась настоящая битва, но думаю, что я победил»; как церковный сторож все время открывал дверь, которую Моуди закрывал, потому что ему мешал сквозняк, и тогда Моуди запер дверь на ключ и ключ положил в карман; как он проверял работу вентиляции в церкви, прежде чем выступать в ней; «он во все вникал, даже в мельчайшие детали». Она обратила внимание на его привычку все решать самому: «Вы просто слушайте меня и делайте, что я вам говорю». И на его импровизации во время проповеди: «Он говорил, что никогда не знает, даже за несколько

минут до начала, что собирается сделать... Я думаю, он спрашивал наставления свыше на каждом шагу, и получал его».

Джейн Маккиннон подружилась с семейством Моуди. «Мне нравилось в мистере Моуди сочетание игривости и серьезности... С ним было восхитительно проводить досуг; он такой простой, непритязательный и милый, так сердечно играет с детьми, так забавляется с теми, кому это нравится. Он просто брызжет весельем». Он играл в крокет, помогал ребятам ловить крабов на пляже, и, когда они ходили все гулять по холмам, «мы прекрасно провели время, бегали, играли, ели, забавлялись».

Что касается Эммы, «было достаточно одного дня, чтобы понять, каким источником силы и утешения она является для мужа. Чем больше я наблюдала за ней после того, тем больше убеждалась, что пользой, которую приносит мистер Моуди, он в значительной степени обязан ей, не только из-за той работы, которую она выполняла для него, вроде работы с перепиской, но и из-за ее характера. Ее независимость мышления... его спокойствие, такая тихая реакция на его импульсивность, ее кротость». Когда на него обрушивались многочисленные телеграммы с просьбой посетить разные места, он говорил:

— Куда мне поехать? Я действительно не знаю, — а Эмма обычно не торопила его.

— Решишь — скажи мне, и я отвечу.

«Бесценная, никогда не жалующаяся миссис Моуди, — Джейн явно не хватало существующих прилагательных для ее описания, — такая терпеливая, ясная, спокойная, кроткая; редко можно встретить столько положительных качеств в одной женщине». Но последнее слово было за Эммой. В ту самую неделю, за два дня до отъезда из Шотландии после завершения этих замечательных девяти месяцев, она писала из дома Маккиннонов матери в Чикаго: «Мистер Моуди с каждым днем все милее и

очаровательнее. Это просто золото, а не муж. Я *очень счастлива*».

Моуди перебрались в Ирландию на пять недель и встретились с Сэнки в Белфасте, где повторилось то же, что и в Глазго. В воспоминаниях Моуди о Белфасте великое соседствует со смешным: от громадной аудитории воскресным утром в Темплтон-парке, где Моуди проповедовал с платформы, воздвигнутой на крыши двух вагонов, — до мерзкой обезьяны, жившей у людей, оказавших им гостеприимство, которой прекрасно удавалось вывести из себя миссис Моуди. Однажды вечером она залезла на люстру над столом в гостиной и оттуда прыгнула Эмме на голову: «Это был один из немногих случаев, когда я слышала, как она кричит», — вспоминала ее дочь.

Моуди пренебрег советом не ездить в Дублин, где большинство было приверженцами римской католической церкви. Дублин был столицей охваченного волнениями острова, и на первое же собрание пришла масса народа. Прогресс, по сравнению с Эдинбургом, шел медленно, но результаты превзошли то, что было в Шотландии. Сразу же Моуди и Сэнки получили поддержку епископальной церкви, в том числе нескольких епископов недавно отделенной от государства Ирландской церкви. Моуди поразил ирландцев тем, что не стал нападать на католицизм, поэтому ничто не помешало им ходить его слушать. Кампания стала главной темой разговоров в городе, до Эммы доносились обрывки разговоров типа:

— Мне лично больше нравится мистер Сэнки. А вы которого предпочитаете, мадам?

Пара комиков в Мюзик-холле стала подшучивать над Моуди и Сэнки. На галерке засвистели. Кто-то встал и запел «Держите форт», комикам пришлось бежать от гнева аудитории.

Корреспондент газеты «Таймс» в Дублине, который в ноябре 1874 г. впервые пригласил Моуди и Сэнки на

завтрак в Лондоне, писал, что миссия оказалась «наиболее замечательной из когда-либо проводившихся в Ирландии», и добавил, что «по характеру она совершенно отличается от других и обладает той жизненностью, которой обычно недостает». Он в особенности отметил «отсутствие каких бы то ни было усилий обратить внимание на себя, но скорее попытку избежать этого», а также «почтительный и проникновенный характер богослужений». Среди тысяч людей, услышавших проповедников, был юный Джордж Бернард Шоу. Пять месяцев спустя, читая о лондонской кампании, он написал письмо в «Паблик Опиньон», называя ее открытой для всех, любопытной, новой и экспериментаторской, что же до обращенных, то наблюдалась «тенденция превращения их в очень ответственных членов общества». Письмо было напечатано 3 апреля 1875 г.; таким образом, по прихоти истории, Моуди послужил причиной первой публикации Бернарда Шоу.

Кампания завершилась грандиозным Съездом христиан Ирландии. Железнодорожные компании привозили в «Выставочный зал» служителей и мирян из разных районов страны за сниженную плату. Зал «по обоим сторонам покрывали вьющиеся растения, а в центре было два прекрасных фонтана». Опять мир удивился подавлению сектантских озлобленных чувств: «Впервые все эти служители встретились на более широкой сцене, чем их собственные церкви». В организации комитета чувствовалось влияние Моуди: служители, прибывшие издалека, размещались с представителями других деноминаций.

В Дублине было обращено несколько тысяч человек, но самую прелестную историю рассказывал один молодой американец двадцати пяти лет, который попросил у Дублинской ИМКА найти ему жилье и был сопровожден в соседний дом. Мужчина, открывший дверь, покачал

головой: они больше не брали постояльцев. Член ИМКА сказал:

— Вы должны принять его: он из Америки.

— О, вы из Америки? Тогда входите. Для вас, конечно, найдется местечко.

Когда в конце недели американец попросил счет, хозяйка ответила, что счета не будет; он настаивал, тогда она заявила, что лучшее, что он может сделать для нее, — это остаться еще на неделю бесплатно. Он не соглашался. Тогда она воскликнула:

— Наш дом был домом пьяницы. Под влиянием одного из вас, американцев, Д. Л. Моуди, мой муж уверовал, и мой дом теперь — дом христианина. Мы можем сделать очень немного, чтобы выразить свою признательность, и надеемся, что вы не лишите нас такого удовольствия.

В конце ноября американцы пересекли Ирландское море, «круиз прошел очень гладко, была лишь совсем небольшая бортовая качка». Джейн Маккиннон наблюдала, как лицо Моуди принимает зеленый оттенок. «Нехорошо, конечно, с моей стороны, но меня позабавила возможность видеть его подавленным и не владеющим ситуацией». Манчестер, Шеффилд, Бирмингем; и, прежде всего, непроизнесенный вопрос: удастся ли Моуди покорить Лондон?

В Манчестере шел дождь: в этом городе Моуди впервые выступил в 1873 г. в какой-то маленькой часовенке на задворках, теперь он выступал в Альберт-холле. Маленький 'Арри Мурхауз, помогающий своему старому другу, возрадовался тому, что «успех не заставил его возгордиться. Он использует свои десять талантов. Я использую свой один, и мы вместе славим Господа за все».

Рождество они провели в пригороде Северного Лондона, где находилась Эмма, потому что маленький Уилли заболел. Она писала 22 декабря: «Мне кажется, я сама в большей степени ребенок, чем кто-либо из детей,

потому что почувствовала: если бы его не было со мной на Рождество, мне бы пришлось потрудиться, чтобы одолеть тоску по дому». Когда он снова оставил семью, те «все вместе заболели гриппом» и возвратились в Бурнмаут.

Новый год в Шеффилде: «Уровень религиозного чувства в городе высок, — сообщала газета Английской церкви “Рекорд”, — выше, чем когда-либо». В холодном январе 1875 г. — Бирмингем, где об успехах можно было судить по песенке, слова которой продавали у обочин и на рыночной площади:

*Ах, весь город обезумел, ну и кутерьма,
Эти Моуди и Сэнки всех свели с ума:
Как богатых, так и бедных, и хороших, и плохих,
Если разум к ним вернется, будем рады мы за них.*

После ежевечернего служения в Бингли-холле, по словам обращенного, вспоминающего эти события через пятьдесят три года, «толпы народа собирались тут и там, на галерее и внизу, вокруг работников миссии, и в тревоге расспрашивали о пути к спасению, исповедовались в грехах и делились сомнениями». Как заметил один англиканский священник: «Такая возможность для наставления душ дается лишь раз в жизни».

Несколько дней отдыха в Бурнмауте, потом в феврале — Ливерпуль, где местный комитет воздвиг громадный деревянный зал. Ливерпуль был покрыт снегом. Здесь Моуди испытал ужасное предчувствие опасности, которое заставило его принимать такие меры предосторожности, что он начал сам подумывать, не перетрутился ли, — пока однажды вечером полиция не сообщила ему, что они только что поймали беглого сумасшедшего, след от которого вел к конфедератам, имевшего намерение убить проповедника-янки.

Покидая город, Моуди обычно призывал молодого Генри Хэммонда телеграммой, «посланной в большой спешке», чтобы вместе с ним провести последние дни, а

потом Генри продолжал работу, а Моуди двигался дальше, с каждой неделей подбираясь все ближе к Лондону — огромному, критически настроенному Лондону, который будет не только слушать его проповеди, но и читать их, напечатанными в газетах и искаженными в памфлетах.

Британия пела. Из Ливерпуля Моуди написал Уиттлу по поводу Бласса: «Я наслаждаюсь его музыкой. Не думаю, что на земле есть кто-нибудь, равный ему; ему от Бога дано делать то, что он делает; его гимны уже поют во всем мире, мы используем их для великой работы в этой стране. Чтобы вы знали, как они здесь нравятся, то мы продаем книжку за пенни в количестве 250 000 штук в месяц, они разошлись по всей Великобритании; и Бог использует их так же, как использовал гимны Уэсли в те времена. Вели Блассу хранить их все, да благословит его Бог, я молюсь за него искренне».

В августе доктор Дэйл из конгрегационалистской церкви на Каррзлейн, богослов, проповедник, политик, почувствовал себя озадаченным. Он ожидал пробуждения, так как все шло к тому в последние два или три года, но «я, конечно, не предполагал», что оно произойдет благодаря «двум чужакам-американцам». Глядя на внимательные лица из громадной толпы в Бингли-холле, состоящей из «самых разнообразных людей: молодых и старых, богатых и бедных, потомственных торговцев, владельцев заводов, купцов, юных леди, только что закончивших школу, грубых мальчишек, которые о голубях и собаках знают больше, чем о книгах, и изысканных женщин... Я просто не понимал всего этого».

Он сказал Моуди:

— Это явно работа Бога, потому что я не вижу связи между вами и тем, что вам удается.

Моуди засмеялся и ответил:

— Мне было бы очень жаль, если бы это было не так.

Озадачены были многие. Даже те, кто объяснял эту грандиозную волну силой молитвы, породившей ее,

дивились, что очагом землетрясения оказался именно этот человек, притом американец.

Отчасти секрет был в манере проповедей Моуди. «Полная естественность, — говорил об этом Дэйл. — Он говорит совершенно непринужденно и прямолинейно, словно болтает с несколькими близкими друзьями у камина».

В те времена, когда английские проповеди были весьма напыщены, а Сперджен, самый популярный из проповедников, нагромождал предложение на предложение и метафору на метафору, Моуди просто-напросто болтал «с тринадцатью тысячами, как с тринадцатью», о том, что подсказывала ему Библия. Она оживала и становилась актуальной. Даниил в львином рву доставал часы, чтобы проверить, не настало ли время молиться. Богохульники перед потоком «вечерами судачили на углу у бакалейной лавки: “Что-то еще не видно признаков урагана, о которых говорил этот старик Ной!”» Вартимей, внезапно прозревший («первое, на что он уставился, был Сам Сын Божий») помчался в Иерихон, «крича: “Я хочу увидеть свою жену и рассказать ей обо всем” — новообращенный всегда хочет поговорить с друзьями о своем спасении — и вот бежит он по улице и встречает человека, тот уже почти прошел мимо, но вдруг поворачивается и спрашивает:

— Вартимей, ты ли это?

— Да.

— Я так и подумал, но я просто глазам не поверил!

Ты что, прозрел?

— О! Я встретил у городских стен Иисуса из Назарета, и попросил его о милости.

— Иисус из Назарета! Что? Он здесь?

— Еще бы. Прямо здесь, в Иерихоне.

— Я *должен* увидеть Его! — и он помчался по улице...»

А вот и Закхей (Моуди сказал бы «Захей»), забравшийся на смоковницу. И еще одна сцена встречи Иисуса с нуждающимся. «Грех, мрак и темнота ушли. Свет, мир, радость заполнили душу».

Моуди обладал талантом полностью покорять своих слушателей. «Слушая его, вы забывали о человеке, который говорит, таким полным было его обращение, вас захватывала его искренность, сила и мощь. Он приводил много примеров из личного опыта, но никогда не выпячивал вперед свою личность... Он был полностью поглощен посланием, которое проникало в умы, сердца и сознание слушателей».

На ливерпульском собрании для мужчин должно было присутствовать много атеистов. Перед богослужением Ф. Б. Мейер наблюдал в кабинете, как молился Моуди, и был потрясен его излияниями, свидетельствующими о его «сердечном бремени». Моуди произнес проповедь. Большое количество народа осталось после собрания. Моуди сошел с возвышения, забрался на стул «и выступил с потрясающей речью. Он проклинал грех и бичевал человеческие пороки, это было ужасно. Казалось, он сражается с невидимой силой. Под впечатлением этих пылающих слов лица людей бледнели по мере того, как они убеждались, что нарушили закон Божий. Тогда он начал приглашать их принять Благоую Весть, нежно и искренне, волнующе; и, еще до того, как он закончил, аудитория была полностью покорена. Один мужчина встал и сказал:

— Мистер Моуди, я хочу стать христианином.

И тут же поднялось еще сорок — пятьдесят человек...»

Призывы Моуди распространились по Англии, в которой, по сути, христианское мышление было вполне сильным, и только самые грязные представители общества ничего не знали о Библии. Он соприкоснулся с официальной английской религией в тот момент, когда она

очень сильно в этом нуждалась. Как он выразился: «Церковь умирает от своей собственной респектабельности», — она почилa на лаврах.

К 1870-м гг. евангельское пробуждение проникло в каждую щелочку и трещинку и стало влиять на мировоззрение даже тех, кто, подобно представителям оксфордского движения или новомодным агностикам, отрицал подобное влияние, и многие тысячи простых людей жили согласно законам Евангелия, но сами не осознавали этого. Вера и этика — революционные понятия в восемнадцатом веке, не были необходимы ни для продвижения по службе, ни для доброго имени человека. Плотские грехи следовало прятать под маской духовности. Золотое правило изменилось: «Не дай себя раскрыть». Более того, возникла притворная щепетильность, как реакция на былой разврат, и в век неравенства полов это отразилось в викторианском презрении к «падшим женщинам», в то время как их соблазнители или патроны, если соблюдали разумную осторожность, процветали, никто их не порицал и не осуждал.

Моуди разорвал эту ширму лицемерия.

Еще более распространено было разбавленное христианство: люди верили, что хорошие попадут на небеса, а плохие — в ад, и использовали страх перед адом для поддержания общественных устоев, но ничего не знали о благодати. Моуди, борясь с ними, провозглашал жизнь вечную как дар Божий недостойным. Он не отрицал вечной кары, ждущей тех, кто откажется от дара, «но я верю, что магнит, извлекающий со дна ямы, — это любовь Иисуса». Он презирал аккуратные выкладки моралистов. «Когда блудный сын пришел домой, благодать встретила его и обняла. Закон кричал: Побей его камнями! — благодать сказала: Обними его! Закон сказал: Ударь его! — благодать сказала: Поцелуй его! Закон преследовал его и надевал на него цепи. Благодать сказала: Отпусти его, пусть он идет!

Закон говорит мне, как я увечен; благодать приходит и выпрямляет меня».

Моуди объявлял, что Бог любит людей больше, чем они Его, что спасение — не заслуженная награда за усердное старание быть добродетельным, но рождение свыше покаявшегося грешника к жизни во Христе. «*Мгновенное спасение*», — называл он это, и повторял снова и снова. «Он проповедовал так, — рассказывает Дэйл, — что производил примерно такое же впечатление, как Лютер, и тоже был очень критичен. Он превозносил благодать как Божий дар... Его радость была заразительна. Люди выпрыгивали из тьмы на свет — и начинали жить по-христиански».

Так происходило во времена Уэсли и Уайтфилда, а в Ольстере и некоторых районах Шотландии — еще и в пятьдесят девятом году, но в последние годы подобное случалось только с отдельными людьми или среди ограниченного слоя, вроде бедноты, ответившей на призыв генерала Бута и образовавшей Армию Спасения. Моуди нес радость всем слоям общества. В каждом из городов этот порыв из тьмы на свет сначала происходил со средним классом, потом — с бедными, потом — с богатыми и аристократией. Так было в провинции, и, для того, чтобы движение стало всенародным, Моуди должен был завоевать Лондон.

Дэйл увидел, что «внезапное изменение затронуло практически каждого, с кем я говорил», после собрания в Бирмингеме. «Люди поднимались на галерею взволнованные, беспокойные, чувствуя, что в глазах Бога они — во тьме», и после пятнадцати — двадцати минут разговора «лица их начинали светиться от радости, и они исполнялись не только Богом, но и ликованием... Потом они несли эту радость к себе домой и на работу. Ее невозможно было утаить».

Девять лет спустя Дэйл рассказал одному другу, что благодаря Моуди к его собственной церкви

присоединилось двести человек, три четверти которых «благополучно устояли». А через тридцать пять лет еще один обращенный из Бирмингема, некий Чарльз Э. Браун, описывал свои собственные впечатления как типичные для того времени. «Одинокий и несчастный... озлобленный», он пришел вместе с толпой в Бингли-холл, услышал Моуди и «ничего не ощутил. Я был тогда упрям. Но в этом человеке было некое очарование, которое заставило меня прийти и на следующий вечер. Речь, которую он говорил в тот вечер, — о ложных препятствиях, которые стоят между душой и Христом, — заставила меня отказаться от всех таких “препятствий”. После этой речи перед громадным собранием в восемнадцать тысяч человек я отдал свою жизнь Иисусу Христу. Я был одним из множества людей. Я жил недостойно, возможно, я самый недостойный из всех христианских служителей; но, после молитв моей матери и писем учителя воскресной школы, последнее влияние, заставившее меня отдать свою недостойную жизнь Иисусу Христу, исходило от Духа Божьего, Который действовал через Д. Л. Моуди».

18: Докеры и герцогини

Констебль Лондонской городской полиции Джордж Линг из подразделения «А», или Вестминстерского, двадцати трех лет, который должен был нести дежурство в момент подготовительного приема Моуди и Сэнки 8 марта 1875 г., подумал, что это «весьма кстати»; нельзя сказать, чтобы это много для него значило, но его отец, живший в Норфолке, просил высылать ему газетные статьи о проповедниках.

Его пост в Эксетер-холле располагался у подножия широкой лестницы, и он ясно слышал через дверь голос Сэнки. Поэтому «мне захотелось прийти на собрание, чтобы послушать проповедников. В результате я обратился». Позже он станет личным телохранителем

королевы Виктории, прослужит долгие годы и будет проводить служения в Виндзорской ИМКА, а во время визитов королевы в Осборн, — библейские занятия для мужчин в Коувсе.

Джордж Линг был одним из тысяч людей, испытавших преобразование во время лондонской миссии Моуди и Сэнки в марте — июле 1875 г.

Многочисленный комитет, организовавший посещение столицы — состоявший из священнослужителей, членов парламента, военных высоких рангов — наводнил Лондон объявлениями и, для начала, арендовал Зал сельского хозяйства в Айлингтоне — который потом станет основным местом обитания лондонского среднего класса — на десять недель за пятьдесят фунтов в неделю. Это помещение, предназначенное для ежегодной ярмарки призового скота, могло вместить по планам его подрядчика, мистера Шармана, более пятнадцати тысяч сидячих мест.

Толпы людей, которые начали стекаться на первую службу, во вторник 9 марта за два часа до начала, увидели, что в западной части зала возведена ступенчатая конструкция, которую «Иллюстрейтид Лондон Ньюз» представил как «нечто вроде гигантской школы». На помосте, обтянутом красным сукном, слева располагались места для участников и почетных гостей; в центре — «нечто вроде кафедры или подставки для чтения»; справа — хор из почти двухсот добровольцев. По всему залу висели красные полотнища с надписями: «Покайтесь и веруйте в Евангелие», «Дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе», «Должно вам родиться свыше», «И воспоят пути Господни». Газовые рожки в люстрах и на стенах, в три ряда вдоль стен и двух — трех полукруглых арок в центре, наполняли набитое народом помещение не столько светом, сколько дымом, что мешало тем, кто сидел на галерее, видеть происходящее. Оказалось, что громадный резонатор на помосте работает плохо, и через

десять дней большое количество толстой гальванизированной проволоки подвесили под потолком, чтобы потом заменить ее холщовым навесом.

В семь тридцать Моуди и Сэнки вышли на помост. Первые слова Моуди вызвали оживление:

— Давайте встанем и споем во славу Божью. Давайте восславим Его за все, что Он *собирается совершить* в Лондоне.

Все хором спели славословие.

Служба проходила по знакомой схеме, описанному в «Дэйли Телеграф» как «переплетение учения и песен, старание избегать всего, что может привести к монотонности, и постоянное предоставление всем возможности принять участие». Корреспондент «Дэйли Телеграф» — которому, вероятно, досталось плохое место, ибо он описал Моуди как высокого и крепкого мужчину с «неинтеллектуальным выражением лица», — с облегчением обнаружил, что «в общем и целом он настолько не похож на пустослова, говорящего условности, насколько только можно вообразить». Далее он с неосознанным снобизмом уверяет читателей, что в Моуди мало американского — разве что его странный и гнусавый западный выговор, а Сэнки вообще можно было бы спокойно принять за англичанина.

Если не считать два отдельных инцидента, шестнадцать или семнадцать тысяч человек слушали в тишине, не нарушаемой ничем, «кроме периодического кашля, который постоянно слышишь, если в Англии собирается много народа». Моуди говорил в своем обычном стиле, чуть-чуть приглаженном со времен Эдинбурга, однако, вполне индивидуальном, «прямолинейном, быстром», — замечает «Таймс» в неожиданно доброжелательной статье, — «полном американского юмора, который за частую воспринимается как немного вульгарный», потому что он описывал почтенных библейских персонажей, «словно они — герои

американских историй, услышанных в Чикаго»; голос его был «сильным и ясным», и он рассказывал слушателям, «что значит стать лучше и надеяться на лучшее в этом мире и мире ином».

Так, незаметно, вечер дошел до своего апогея. Моуди говорил: «Бог поручил всему миру молиться о Лондоне. Должно быть, Бог припас для Лондона что-то очень хорошее; Сын Человеческий идет сюда, чтобы искать заблудших и спасти их. И я молюсь о том, чтобы Пастырь Добрый вошел в этот зал сегодня вечером, вошел в сердца многих, и вы услышали Его негромкий голос: “Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною”. О друзья мои! Откройте двери, пусть Небесный Посетитель войдет. Не отворачивайтесь больше от Него. Не говорите вместе с Феликсом: “Уходи пока, я позову за Тобой, когда мне будет удобно”. Пусть это будет благоприятное время для вас. Пусть этот вечер станет вечером вашего спасения. Примите дар Божий сегодня, откройте сердца свои и скажите: “Добро пожаловать в мое сердце!”»

Моуди предупредил своих сторонников: «Мы должны ждать, что будет оппозиция. Если вы думаете, что великие дела можно вершить, не встречая сопротивления, вы очень сильно ошибаетесь. Сопротивление будет свирепым... Нам будут говорить много неприятных вещей, а, как говорится, ложь успеваешь обежать полмира, пока правда только обувается!»

Несмотря на доброжелательный тон статей в «Таймс» и еще нескольких газетах, другие издания выплеснули на проповедников целое море брани.

Убежденные тори в лондонских клубах и тетушки девиц из высшего света читали «Морнинг Пост»: «Их учение дико, необоснованно и сомнительно... Моуди и Сэнки — дым, уносимый ветром...» Извозчики и владельцы баров, пролистывая «Морнинг Эдвейтайзер»,

узнавали, что «тысячи слушателей с ужасом и стыдом внимали безграмотному проповеднику, который превращает в костюмированное шоу то, что для них свято». Акцент Моуди называли «вульгарно-американским». Слово «вульгарный» вообще широко использовалось в лондонской прессе, его относили и к акценту Моуди, и к его проповедям. «Сэтерди Ревю» решило, не присматриваясь, что это «один из наиболее вульгарных пустословов», миссия которого заключается в том, чтобы «принизить религию до уровня дешевого зрелища, кукольного театра с Петрушкой». «Пение мистера Сэнки так же вульгарно, как проповеди мистера Моуди», — уверяла «Вэнити Фэйр», публикуя одну из своих знаменитых карикатур.

«Панч» назвал их «комиками-проповедниками» и опубликовал длинное стихотворение, которое начиналось словами:

*В Айлингтон-холле «пробудители»-янки
Благочестивая пара Д. Л. Моуди — Айра Д. Сэнки
Привлекают, как сообщается, громадные собрания
Эксцентричными молитвами и забавными увещеваниями.*

*Их манеры странным образом расходятся с
молитвами:*

Чем серьезнее молитвы, тем манеры уморительней.

*Они благовествуют свое предвзятое учение На
разговорном сленге и в торговых выражениях.*

*В американских фразах формулируют Писание И
шуточки вставляют в благовествование.*

Мистер Панч не имел в виду ничего дурного и на следующей неделе принес несколько корявые извинения.

Распространялись ругательные ярлыки: «Где бы ни появлялся этот толстый старый оратор, везде его знают как чувственного и лицемерного, искажающего факты эгоиста». Говорили, что Сэнки начал свою карьеру как менестрель для ниггеров, но обнаружил, что на благовестии можно больше заработать, что оба разбогатели

на продаже сборников гимнов, подписках на покупку органов, подарках от поклонников, а также репортажах и картинках, которые за пенни продают на улице. Вернувшись в «края неразменного доллара», они «взглянут на свои роскошные дома, купленные на английское золото, и, радостно подмигивая, воскликнут: “Я думаю, мы обдурили египтян!”» Моуди пришлось вступить в особо суровую борьбу с репортерами, он отказывался от фотографирования, отвергал соблазнительные предложения и отворачивался от любительских камер на треножнике, покрытых черной тканью. Никем не санкционированные портреты были настолько основаны на игре воображения, что один искренний почитатель Моуди поспешно выпустил памфлет «Мистер Моуди — не еврей». Что же касается «Духовных песен», Моуди и Сэнки использовали поступающие проценты для оплаты личных и семейных расходов, пока, 1 января 1875 г., не было выпущено расширенное издание, которое должно было разойтись громадным тиражом. Проповедникам этого хватило бы до конца их дней. Лондонский комитет отказался взять деньги. Моуди объявил, что они с Сэнки просили «передать право на все сборники гимнов одному из выдающихся горожан, мистеру Хью Мэтсону, который вложит средства в те объекты для благотворительности, в какие захочет».

Баптисты и кальвинисты строгих правил выпускали брошюры («Этот Голиаф свободы воли... мистер Моуди засекает *не* доброе семя»). Даже Сперджен, который публично поддерживал Моуди, в глубине души был обижен, потому что тот не воспринял его «весьма диктаторского» совета атаковать Английскую церковь. В Ист-энде Сперджен до прибытия Моуди «распространял баптистские листки», призывая обращенных пройти повторное крещение. Это, говорил Моуди Уиттлу в 1876 г.,

вызвало сопротивление, и «в баптистских церквях обращенных было мало».⁵

Однако, несмотря на навешивание ярлыков и критику, посещаемость Зала сельского хозяйства, слегка упавшая во второй вечер, постепенно стала расти, пока зал не наполнился целиком, то есть приходило по 20 000 человек ежедневно, кроме субботы, когда проповедники отдыхали; в воскресенье встречи проводились рано утром и поздно вечером, чтобы не пересекаться по времени со службами в церквях. Вероятно, цифры преувеличены на несколько тысяч, однако ежедневная посещаемость все равно остается беспрецедентной, а для Лондона 1875 г. — просто фантастической.

Часто приходил слушать Моуди лорд-канцлер нового правительства Дизраэли, Кэйрнс, родом из Ольстера: это был второй по значимости из людей, способствовавший благоприятному мнению о Моуди в Британии, «потому что люди говорили: раз лорд-канцлер пришел меня послушать, надо бы им тоже сходить». Глэдстоун, недавно отстраненный от власти и теперь возглавивший оппозицию, частным образом беседовал с Моуди, а один или два раза сидел на возвышении вместе с мирянами и священниками разных деноминаций, поддерживавшими его. Один из высших чинов евангельской церкви говорил, что «Глэдстоун, по мнению Моуди, — обращенный человек, истинный кроткий христианин». Один молодой шотландец слышал, как Глэдстоун сказал:

— Я благодарю Бога, что дожил до этого дня, и вижу, как Он благословляет церковь Свою на земле, подарив ей человека, который способен проповедовать Благоую Весть Христа так, как он это делает!

На что Мэтью Арнолд, стоявший рядом, ответил:

⁵ Этот неожиданный штрих к портрету Сперджена взят из беседы Моуди с Уиттлом 3 мая 1876 г. в Августе, Джорджия, описанной в неопубликованном дневнике Д. У. Уиттла.

— Мистер Глэдстоун, я бы отдал все, чтобы только поверить в это.

Глэдстоун завидовал этому человеку, голос которого вечер за вечером

раздавался над всем залом без всяких механических ухищрений:

— Хотелось бы мне иметь вашу глотку, мистер Моуди!

— А мне бы как хотелось иметь вашу голову!

Пожилой лорд Шафтсбери, к своему удивлению, не был приглашен «вступить в их комитет, или подписаться [?]⁶, или как-то выразить свое отношение», его только попросили о финансовом вкладе. Он не получил приглашения и на подготовительную встречу в Экзетерхолле. «Я буду ждать, пока меня не позовут. Я не буду никуда вторгаться и не буду навязчивым».

Он радовался на расстоянии, сидя у себя дома на Гросвенор-сквер, первым сообщением, однако, был озадачен ими: «Судя по тому, что я читаю и слышу, они “проповедуют Благою Весть”, но, я думаю, Весть несовершенную — они проповедуют Христа, но не “Христа Распятого”! Отчего же они так угодны Богу? *Сейчас* почти невозможно добиться такого влияния и силы, если не сверхъестественным путем». Он немного беспокоился, не сделают ли они «условия для жизни вечной» слишком простыми: «Они разбрасывают спасение повсюду, чуть не на голову слушателям».

25 марта он пишет: «Успех Моуди и Сэнки не только не прекратился [?], но и усилился. Он кажется все более и более невероятным. И это в наше время, когда массы безразличны, но на них можно произвести впечатление. Они слушают сонно, но не возражают. Они не ищут, но, наверное, нашли. Просто поразительно: “нужный человек в нужное время”». На следующий день, в страстную пятницу, Шафтсбери впервые посетил проповедь и с

⁶ Почерк Шафтсбери в дневнике очень трудно понять.

удовольствием отметил, что они «проповедуют Христа Распятого». «Чрезвычайно глубокое впечатление; и тем более глубокое, что все это так несовершенно». На следующей неделе в своем особняке в Дорсете он исписывал в дневнике страницу за страницей. Пение Сэнки, такое простое, «проникало в самые глубины души, и, казалось, очищало ее от всего, кроме мысли о добром, нежном, кротком Пастыре». Голос Моуди был «некрасивым и плохо поставленным», произношение — простонародным, Шафтсбери критиковал его за то, что истории его «часто граничили с “юмором”, почти заставляли рассмеяться!» (Такая мастерская недоговорка вызвана старомодными правилами приличия). Казалось, ничего особо привлекательного не было, скорее, даже, было нечто отталкивающее, «но результат оказался потрясающим, эффективным, трогательным, наводящим на размышления... Дух Святой может работать даже несовершенными орудиями. Разве не это произошло сегодня?»

Далее он пустился в размышления. Епископы рассуждают направо и налево «о гомилетике и убеждении масс — и вот два простых, необразованных человека с другого берега Атлантики...» Они не получили специальной подготовки, не имеют никаких особых навыков, не рукоположены; с другой стороны, они неплохие люди: «Они спокойны, не фанатики, даже не эксцентричны. Они не пытаются устрашить или возбудить чувства; избегают противоречий и страстей!» И тысячи людей, самых разнообразных, «рабочих, торговцев, банкиров и юристов, священнослужителей и мирян в равной степени чувствуют их силу и не могут это объяснить». Шафтсбери повторяет, что здесь, должно быть, «что-то сверхъестественное». Бог избрал глупцов, чтобы смутить мудрых. Он обмакнул перо в чернильницу (они уже выходили из пользования, но он по-прежнему писал пером), склонился над страницей, вспомнил об

одном из знаменитых трактарианских проповедников того времени и написал: «Моуди за час делает больше, чем Кэнон Лиддон за столетие!»⁷

Позже Шафтсбери отдал должное влиянию и мудрости Моуди. На обсуждении, проведенном комитетом и сторонниками Моуди 7 апреля, именно мнение Шафтсбери оказалось самым весомым.

Шафтсбери заметил, что Зал сельского хозяйства, как правило, не привлекает ни «низшие слои общества», ни высшие его слои. («Сэтерди Ревю», злословя, утверждала, что зал был наполнен «самодовольными, сытыми, респектабельными представителями среднего класса, уверенными в своем духовном благополучии»). Для бедных было сколочено большое временное сооружение в Ист-энде на Боу-коммон. Для богатых на следующей неделе должны были начаться библейские чтения в здании Королевской оперы на Сенном рынке, но Шафтсбери, «граф бедняков», «в самом искреннем и впечатляющем обращении к мистеру М., который этим занимался, вызвав общую поддержку всех присутствующих», призвал проводить там и вечерние собрания. «В Опере ваши проповеди будут услышаны массой народа, который устремится туда вечером из университетских клубов, а также морских, военных и других клубов по соседству. Там будет множество интеллектуалов и людей высокого общественного положения, так Благая Весть станет им ближе, будут там также торговцы и владельцы магазинов, а также их служащие, которые не могут или не хотят ездить в Айлингтон».

⁷ Лиддон из церкви святого Павла огорчился бы, прочитав эти строки. Год спустя, в канун Духова дня 1876 г., в проповеди для Оксфордского университета он отдал дань Моуди и Сэнки несмотря на то, что последние, по его мнению, «очень мало знали о тех... священных путях, которыми благодать проникает в жизнь человека и укрепляет душу».

Моуди не согласился. Он хотел продолжать выступления в Айлингтоне сверх программы до конца мая, а потом перебраться на юг Лондона. Зачем покидать зал, в котором помещается двадцать тысяч человек, ради пятидесяти тысяч зала Оперы? В глубине души он страшился предстать перед светскими львами. Он даже не мог себе этого представить: «Ах, вы слышали? Какие вульгарные янки, очень забавные, правда?»

На самом деле, популярность библейских чтений в Ист-энде заставила его оставить Зал сельского хозяйства коллегам 9 мая.

Начав работать в восточном Лондоне, Моуди объявил, что каждый вечер будет проходить *две* службы благовестил: в Боу, в семь тридцать, и на Сенном рынке, в девять. В зале на Боу-коммон, чудовищном, недавно построенном здании, освещенном газовыми рожками, с железной крышей и посыпанным опилками полом, он каждый вечер выступал перед восемью — девятью тысячами человек, которых любил больше всего; ему казалось, что он вернулся на Иллинойс-стрит. В половине девятого они с Сэнки прыгали в карету и скакали так быстро, как только могли по дороге Майл-энд, через Сити, мимо Трафальгарской площади к Сенному рынку; с востока на запад, из мира трущоб и развалин — в мир роскошных особняков и парков, от докеров к герцогиням. Артур Киннерд (впоследствии 11-й лорд Киннерд), которому тогда было двадцать восемь, сказал Уиллу Моуди в 1900 г.: «Ничто не свидетельствует лучше о способности вашего отца приспособливаться к обстоятельствам... из Боу, беднейшей части Ист-энда, он ехал в совершенно противоположные по характеру и среде места, — и тут же находил верный тон, подходящий к обстоятельствам». Святой Иаков, Майская ярмарка и Вестминстер были совсем рядом, Бельгравия — недалеко; это было сердце модного Лондона, гордого собой, застегнутого на все пуговицы, все еще довольно

изысканного, привилегированного, довольного и богатого. Сцена Оперы (заново отстроенной после пожара в 1867 г. и разрушенной в 1892 г., а после восстановленной как Театр Ее Величества) служила возвышением для помогающих Моуди мирян и священников, кафедра Моуди стояла в центре, аудитория же, за исключением оркестровой ямы и самых верхних галерей, была разделена на ложи. Возмущенный арендатор лож мистер Лидер пытался добиться запрета на использование театральных лож в нетеатральных целях от Королевской канцелярии. Ему были уплачены расходы и возмещен заявленный ущерб, однако, частные ложи самого мистера Лидера и нескольких его друзей были заперты и пусты.⁸

«Невозможно описать, что творилось на Сенном рынке, — писал очевидец. — Он был буквально забит каретами аристократии и олигархии; пожалуй, за право войти на западе дрались более свирепо, чем на востоке города». «Когда мы добрались до Оперы, — пишет другой, — мы обнаружили, что снаружи стоит громадная толпа. Нам удалось добыть место в уголке самой верхней галереи, с такого расстояния мистер Моуди казался крохотным, но каждое его слово, даже произнесенное шепотом, было слышно... Меня поразило то воздействие, которое произвело на слушателей пение мистера Сэнки». Герцогиня Сатерленд «настаивала на том, чтобы ездить слушать Моуди каждый день». Моуди гостил у Сатерлендов в замке Данробин в высокогорьях Шотландии, герцогиня была главой рода, а также — королевской статс-дамой, герцог владел самыми обширными в Европе земельными территориями. «Да благословит вас Бог, — писал герцог Моуди. — Я никогда не забуду того, что услышал от вас. Если бы вы знали,

⁸ Автор вынужден с сожалением заметить, что движение за то, чтобы прекратить выступления Моуди в Опере, было передано в суд его родственником (братом деда его супруги), Дж. У. Читти, королевским адвокатом, впоследствии главным судьей.

какова моя жизнь, я даже не могу вам этого рассказать, если бы вы знали, как ужасна моя история, вы бы помолились обо мне». В другой записке герцог благодарит бывшего фермера из Нортфилда «за всю радость и силу, которую дал мне через вас дорогой наш Господь, и я молю, чтобы ваше дело становилось все более и более благословенным».

Герцогиня собирала знакомых и родственников в своем роскошном «Стаффорд-хауз» (теперь «Ланкастер-хауз») и везла их в герцогской карете по Пэлл-Мэлл на Сенной рынок. Некоторые терпеть этого не могли: «Религиозное рвение и низкопоклонничество герцогини вызывали отвращение», — сухо заявила на званом обеде леди Баркер.

«Встречи Моуди и Сэнки заметно выделяются среди событий этого сезона», — замечал один из приезжих. Почти все хотя бы раз там побывали, по высоким или низким причинам; об этом говорили на балах, в парках и на прогулках верхом на Роттен-роу. Моуди произвел на аристократов впечатление, потому что не обращал внимания на предрассудки, привилегии и титулы. От англичанина они такого бы не потерпели.

На одно из первых библейских чтений пришла принцесса Уэльская, ошеломляюще прекрасная тридцатилетняя Александра, которая вошла в королевскую ложу за несколько минут до начала службы. Сэнки ворвался в комнатку за кулисами с вытаращенными глазами, нервно поправляя галстук и бакенбарды:

— Моуди, приехала *принцесса Уэльская!*

Моуди, беседовавший с молодым английским помощником, взглянул на Сэнки:

— Да будет она благословенна. Я сейчас выйду. Так вот, Инглис, я говорил вам, что...

Инглис «подумал про себя: “Какие они разные, эти два человека. Сэнки — весь взбудораженный приездом принцессы. Моуди воспринимает это, как само собой

разумеющееся»⁹. Когда мы поднялись на возвышение, я следил за ними. Мистер Моуди качался на стуле, как фермер из Новой Англии. Потом он встал в своем твидовом костюме с набитыми бумагой карманами и, как обычно, сказал:

— Гимн номер такой-то, давайте встанем и споем его».

Принцесса, которая, кажется, уже знала гимны, посетила собрания еще два или три раза, и сказала своему сверстнику, евангельскому христианину лорду Рэдстоку, что Моуди ей очень помог.⁹

Одна из камеристок, графиня Гейнсборо из Доуэйджера, решила написать королеве.

19: Кульминация британской кампании

пл. Гайд-парк 17, 26 апреля 1875 г. Частное

Мадам, я подумала, что Вашему Величеству угодно будет послушать этих американских проповедников, которые так занимают умы людей в последнее время — и привлекают такие толпы слушателей. Я не сомневаюсь, Вашему Величеству было бы очень интересно, и, если Вам угодно, то почему бы нет? Есть Королевская ложа, куда Вы могли бы отправиться частным образом... Имею честь быть преданной и покорной слугой Вашего Величества,

Ф. Гейнсборо.

Виндзорский замок, 27 апреля 1875 г.

Дорогая Фанни, вчера я получила ваше письмо по поводу Моуди и Сэнки, «американских проповедников». Мне не подобает ездить в общественное место слушать их, или что-либо подобное, потому что, как вы знаете, я *теперь не езжу в места, где большое скопление народа.*

Но, как бы то ни было, хоть я и уверена, что это хорошие и искренние люди, это тот *тип* религиозного представления, который вряд ли мне понравится. Сенсации

⁹ Его сын, последний лорд Рэдсгок, рассказал мне это в 1952 г.

и волнение, свойственное пробуждениям, — не та вера, которая *может быть длительной* и не захватывает, я полагаю, полностью ума или сердца, хоть иногда может быть и полезна.

Королева завершает свое неосознанно ироническое письмо словами: «Красноречивая простая проповедь, с ясным практическим учением, мне кажется, гораздо более способна послужить *реальному и длительному благу*, и такую проповедь можно услышать в любой протестантской церкви, и официальной, и раскольнической, если служители искренни».¹⁰ Единственным из семьи Моуди, кому удалось видеть королеву, так и остался маленький Уилли, который еще в семьдесят третьем году на Йоркском вокзале пролез за ограждение к королевскому поезду и за свою дерзость был награжден улыбкой царственной особы.

Рядом с особняком леди Гейнсборо располагался лондонский дом богатого чайного плантатора, которому было за пятьдесят, у него были бакенбарды в стиле Франца-Иосифа, и относился он к Моуди не с предвзятостью королевы, но со смесью изумления и почти спортивного обожания: «В этом человеке есть что-то хорошее, иначе его так не оскорбляла бы пресса».

Эдуард Стадд сделал свое состояние в Северной Индии. Он владел славным загородным домом под названием Тедуорт-холл в Уилтшире, разводил гончих и обожал скачки. Недавно он купил лучшую лошадь, какую только встречал, записал ее на участие в скачках и послал сообщение другому плантатору по имени Винсент, заядлому игроку: «Ставь все деньги на мою лошадь». Через несколько дней он встретил Винсента в Лондоне:

— И сколько ты поставил на мою лошадь?

— Нисколько!

— Ты — самый большой дурак, какого я когда-либо встречал. Разве я тебе не говорил, как она хороша? Ну

¹⁰ Цитируется с позволения по «Переписке Королевы Виктории», опубликованной Джоном Мюрреем.

ладно, пойдем ко мне обедать. Моя семья вся за городом, после обеда куда-нибудь ходим — куда ты захочешь.

Стадд не знал, что прошлой осенью Винсент, приехавший на гонки «Панчстоун» в Дублин, опоздал на пароход, плывущий обратно домой. Бродя по городу, он увидел театральную афишу о том, что два американца выступают, как ему показалось, с представлением, и он зашел посмотреть...

Обед у Стадда закончился, хозяин зажег сигару.

— И куда мы теперь пойдем развлекаться?

— В Оперу.

— Что? Это там эти ребята, Моуди и Сэнки? Нет, сегодня не воскресенье. Пойдем в театр или на концерт.

— Нет, ты человек слова. Ты сказал, что мы пойдем туда, куда я захочу.

Мрачные и раздраженные, они добрались до Сенного рынка, и Стадд с облегчением увидел, что они приехали поздно, все места были заняты. Винсент достал из кармана визитку, на которой написал: «Выйди ипусти нас. Со мной богатый спортсмен, который никогда больше не придет, если мы сейчас не найдем места», — и послал ее знакомому, сидящему на возвышении. Вскоре Стадд уже шел вслед за Винсентом через гримерную, они поднялись на сцену и оказались прямо под носом у Моуди.

До конца речи он глаз с Моуди не сводил.

— Этот парень рассказывает прямо обо мне! — воскликнул он. — Я должен прийти снова его послушать, — так он и сделал, и приходил каждый вечер, пока не обратился.

Позже он спросил Моуди:

— Я буду с вами откровенен. Теперь, когда я христианин, надо ли мне прекратить играть на скачках, охотиться, стрелять, ходить в театры и на балы?

— Мистер Стадд, вы откровенны со мной, а я откровенен с вами. Скачки — это азартная игра, а азартная

игра — это обман. Я не думаю, что обманщик может быть христианином. Что до всего остального, как хотите.

Стадд настаивал: действительно ли Моуди рекомендует ходить в театр?

— Мистер Стадд, у вас есть дети, есть люди, которых вы любите. Теперь вы спасены, вы хотите, чтобы они тоже спаслись. Бог пошлет вам несколько душ, а как только вам удастся завоевать чью-то душу, вас перестанут беспокоить все прочие вещи.

Стадд прожил после этого всего два года, но на его похоронах говорили, что за два года он сделал больше, чем некоторые христиане — за двадцать. Он перестал ездить на скачки, превратил свой Тедуорт-холл в место для собраний, писал своим друзьям о спасении их душ и только смеялся, если они грубо отвечали ему; говорил о Христе со своим портным и человеком, у которого покупал сигары. «Все, что я могу о нем сказать, — заявил его кучер, — это то, что тело осталось прежним, а человек внутри стал другим».

Трое старших сыновей Эдуарда Стадда учились в Итоне. Моуди и Сэнки были приглашены в этот оплот привилегированных, колыбель государственных деятелей. Последовавший за этим переворот свидетельствовал о том, насколько глубоко они проникли в британскую жизнь.

Причиной послужил не Эдуард Стадд; буря в стакане воды поднялась в субботу 12 июня, когда Квинтин Хогг и член парламента Джон Грэм, оба в прошлом учившиеся в Итоне, а у Грэма там учился и сын, обратились к старому ректору Гудфорду с официальным обращением от Глэдстоуна.

Несколько старших мальчиков хотели послушать Моуди и Сэнки, поэтому Грэм решил соорудить палатку на Южной поляне, частных землях неподалеку от колледжа, и пригласить ребят бесплатно на службу во вторник, 22 июня. Ректор сказал, что не против (позже он будет это отрицать). Старший преподаватель, доктор Хорнби, сказал,

что не может санкционировать мероприятие или связывать словом себя или школу, но «я не вижу, почему мы не должны позволять мальчикам пойти послушать проповедь здесь по соседству в указанный день». Другими словами, пожалуйста, но как частное мероприятие.

За три дня до назначенного вторника в Итон приехал другой отец, Эдуард Кнэтчбулл-Хьюгссен, член парламента, позже Вице-секретарь по колониальным вопросам, приверженец строгой религии. Он увидел палатку; услышал, что в ней собираются провести собрание «под присмотром сорока полицейских» и с негодованием отнесся к идее, чтобы учащиеся Итона посещали «полудраматические представления, недавно вызвавшие такое возбуждение в Лондоне».

Эдуард Кнэтчбулл-Хьюгссен был внучатым племянником Джейн Остин и сам тоже писал. В предыдущем году вышел его «Шепот сказочной земли», в 1875 г. была опубликована «Куча-мала». Он тут же решил уничтожить ужасного американского дракона, который был опасен, так как мог сокрушить стены Итона.

Он набросился на ректора, лорда Литтлтона (Председателя правительственного совета) и старшего преподавателя. Он написал в «Таймс» и в «Морнинг Пост»: «Я всегда полагал, что религиозное обучение, которое дается в Итоне, полно и достаточно»; письма были опубликованы в понедельник 21 июня, и власти Итона забросали телеграммами за и против собрания. Охотник на драконов обеспечил себе поддержку семидесяти четырех коллег — членов парламента, все они были выпускниками Итона и отцами, и все вместе они выступили с нотой протеста, на которую старший преподаватель спокойно ответил: «Я никогда не слышал, чтобы в подобном тоне говорили даже о Виндзорской ярмарке былых дней или современных Виндзорских гонках и беге с препятствиями».

В пять часов вечера того же понедельника маркиз Бат («прекрасно замороженный образчик безупречного,

бесчувственного и погруженного в себя английского аристократа») взял слово в палате лордов, чтобы спросить у лорда Литтлтона, санкционировали ли ректор и старший преподаватель визит Моуди и Сэнки, ибо, как он заявил, «ничто не может быть более губительно для школьной дисциплины и ничто не может сильнее повредить их доброй репутации наставников!» Лорд Литтлтон ответил весьма уклончиво, выступили еще два члена правительства, лорд Шафтсбери упрекнул Бата, заявив, что, «когда решается вопрос такой важности, который так занимает мысли всей страны, палата должна получить исчерпывающую информацию». Герцог Ричмондский, председатель палаты, потребовал прекратить препирательства и перейти к текущему делу: они обсуждали Билль о бедных (о борьбе с нищетой).

На следующее утро газеты издевались над инцидентом: «...обсуждалось с таким пылом, словно от этого зависят судьбы Европы... Такое благородное волнение... Теперь мы в самом деле надеемся, что руководство нашей замечательной школы не превратит себя во всеобщее посмешище... и оставит в покое мальчиков и проповедников».

Сэнки повязал свой лучший галстук; Моуди, который считал, что спор, связанный с Итоном, полезен, так как теперь все аристократы примут ту или иную сторону, набил карманы бумагами, и оба сели на Виндзорский поезд.

В школе велись такие отчаянные споры, что полиция Букингемшира заявила, что не будет нести ответственность за порядок в палатке, и Грэму с Хоггом пришлось отказаться от ее использования. Мэр Виндзора согласился предоставить для собрания заднюю часть Виндзорской ратуши — и сам уехал на одиннадцатичасовом поезде. Уехал он, впрочем, недалеко, потому что в час к нему присоединился шеф полиции, который сообщил: «Мальчики Итона купили много яиц! Там будут

нарушения спокойствия!» Мэр послал телеграмму. Незадолго до трех, когда мальчики уже начали собираться, полицейские повесили на дверь объявление: «Сегодняшнее собрание отменяется».

Какой-то торговец льняным полотном предложил для собрания свой большой сад, располагавшийся напротив. Именно там, в этот солнечный июньский день, в тени каштанов, Сэнки пел, а Моуди — проповедовал, взобравшись на стул перед ста пятидесятью мальчиками, четырьмя преподавателями, двумя — тремя сотнями родителей и бывших выпускников, а также городским населением. Все молча слушали. «Таймс» заявила, что «невозможно придумать», как мог бы Моуди причинить ребятам «хоть малейший вред».

Эдуард Стадд ничем не выделялся среди присутствующих. Сыновья его: Кайнестон, Джордж и Чарли, — тоже. И никто еще не знал, что эти четверо послужат передаточным звеном между тем, что сделал Моуди для одного народа, и тем, что он сделает для всего мира.

Лорд-канцлер, пресвитерианин, убедил архиепископа Кентерберийского, А. К. Тэйта, оказать Моуди и Сэнки «какую-нибудь официальную поддержку». Священникам официальной церкви и раскольникам в ходе кампании начинало нравиться работать вместе, и, хоть многие англикане держались в стороне, другие уговаривали архиепископа поддержать Моуди. «Поговорив с приходскими священниками, придерживавшимися разных точек зрения», Тэйт написал Кэйрнсу длинное послание, которое должно было быть опубликовано.

Архиепископ, человек широких взглядов, писал о своем «глубочайшем интересе к движению, которое... удостоилось такого чудесного благословения, что собрало воедино большие массы народа посредством простого выражения великих евангельских истин». Он молился о том, чтобы движение это «принесло благословение многим

душам», и радовался тому, что оно «шло в таком масштабе и с таким видимым успехом». Однако он не собирался давать «никаких непосредственных санкций». Его основное возражение касалось «исповедания грехов и моральных наставлений после собраний», о которых он тщательно расспрашивал многих (как утверждают биографы), но, вероятно, составил себе неверное представление. Далее, тем не менее, он цитирует Моисея: «О, если бы все в народе Господнем были пророками...» — и завершает прозрачным намеком на то, что священники должны «помогать всем, кто способен пробудить людей своими проповедями».

Кэйрнс был разочарован, доктор Дэйл из Бирмингема — возмущен. Но надо сказать, что «действительно в первый раз архиепископ так смело высказался в поддержку действий нерукоположенных проповедников», и это было самое доброе официальное высказывание о проповедующих мирянах со времен 1662 г. Отношение Тэйта к Моуди сильно отличалось от отношения его предшественников к Уэсли и Уайтфилду, хоть они и были англиканами. Письмо архиепископа было очередной вехой на пути к объединению.

Лондонцы отдали Моуди и Сэнки свои сердца. Мальчишки на улицах насвистывали, а шарманщики играли «Держите форт»; это выражение стало поговоркой.

В последние недели в разных местах проводились одновременно массовые службы за счет их участников, Моуди и Сэнки выступали то тут, то там. Им пришлось отказаться от плана уделять по месяцу на каждый район столицы, потому что «люди стекались отовсюду туда, где работали американцы», и одно время Моуди из-за этого даже сомневался в результативности лондонской кампании, но потом он понял, что сомневался зря.

Любая попытка как-то оценить эти четыре с половиной месяца с помощью статистики ничего не дает. Цифра 2 530 000 человек, которой энтузиасты определили

посещаемость, так же бессмысленна, как и общая стоимость кампании: 28 396 фунтов 19,6 пенса. Здесь не учитываются те службы, которые проводились бесплатно, а также существенная роль помощников, которые оплачивали расходы из собственного кармана; первая же цифра не учитывает, что огромное количество людей посещала службы неоднократно. Однако нет смысла сомневаться в том, что Моуди видело и слышало, по меньшей мере, полтора миллиона жителей Лондона, задолго до того, как вещание на подобные аудитории стало возможным, благодаря использованию радио и телевидения.

Так же обманчиво и статическое исчисление обращенных, практика, на которую Моуди жаловался. Каждое письмо от священника, в котором утверждается о кратковременности воздействия проповедей на его приход, можно уравновесить другим, содержащим противоположный, благоприятный отзыв.¹¹ Многие зависело от церкви, которая либо ободряла, либо отвергала новообращенных, чье духовное здоровье в последующие годы уже не зависело от Моуди, хотя ему хотелось бы, чтобы вера людей обладала устами, ногами и руками, чтобы она быстрее — как можно быстрее — развивалась.

Миссия достигла наивысшего размаха. «На собеседованиях Моуди я соприкасался с такими глубинами горя, — говорит Драммонд, — что мне хотелось пойти и переодеться». Основная ценность заключалась в самой атмосфере, в духе происходящего. После кампании в Ист-энде докеры стали меньше ругаться, а герцогини больше не стеснялись говорить о Боге; но не только: после визита

¹¹ Доктор Уильям Дж. Маклафлин в своих «Современных пробуждениях» (1959) цитирует критический комментарий одного из служителей Ист-энда от ноября 1875 г., копию которого он обнаружил «среди бумаг Моуди из собрания миссис Эммы Моуди Пауэлл из Восточного Нортфилда», но не уделяет внимания благоприятным отзывам трех других служителей, сделанным в тот же период и также находящимся в бумагах миссис Пауэлл.

Моуди английская религия стала более теплой, более личной. Когда в конце семидесятых среди образованных слоев английского общества обрел максимальную силу рационализм и критицизм, когда началась борьба между наукой и религией, тысячи людей по всей Англии, которые без труда отказались бы ради агностицизма от безрадостной, формальной веры, были вместо этого уверены в своей дружбе со Христом.

Моуди подхватывал и поддерживал уже идущие или зарождающиеся движения: доктора Барнардо, бригады чистильщиков сапог, школы оборванцев, миссии «спасения», крестовые походы за трезвость, ИМКА, детские миссии. Он ободрял всех, кто стремился к «практической святости», что привело в июне 1875 г. к Первому кесуикскому съезду. Приходские миссии Английской церкви продержались следующие шесть лет; убедив

Хэя Эйткена оставить свою жизнь в Ливерпуле и все время работать проповедником, а также, отправившись в палату общин и убедив нескольких богатых сторонников выписать чеки на расходы, Моуди фактически явился основателем Миссионерского общества приходских церквей, которое действовало многие десятилетия.

На прощальном приеме в честь Моуди и Сэнки лорд Шафтсбери, который отсутствовал на их встрече пятью месяцами раньше, сказал: «Я многие годы общался с жителями этого города и могу вам сказать, что везде, куда бы я ни пошел, я нахожу следы влияния этих людей, чувства, которые они пробудили; и я надеюсь, что этот отпечаток останется навсегда». Через тридцать четыре года Юджин Сток, секретарь Миссионерского общества церквей, который пятьдесят лет управлял делами в Лондоне, писал об этой «чудесной миссии» 1875 г.: «Английская церковь даже не представляет себе, чем ей обязана; религия стала *реальной*, и масса мужчин и

женщин попали под это влияние; теперь это все уважаемые миряне и священники, даже епископы».

Заключительная служба состоялась в большом временно возведенном здании на юге Лондона 13 июля. После кратких каникул, которые Моуди провели в Уэльсе, а Сэнки — в Швейцарии (где «около 500 прекрасных швейцарских певцов пели гимны у меня под окнами»), они отплыли из Ливерпуля 4 августа. «У меня на глаза наворачиваются слезы, когда я думаю обо всех вас, — писал Моуди Хичкоку в Чикаго. — Я буду счастлив снова пожать тебе руку. Я думаю ты не представляешь себе сколько я думал о тебе в последние два года и теперь я еду к тебе я так тоскую по дому и хочу снова тебя увидеть».

Влияние этих двух лет на Моуди было почти незаметным. Его физическое здоровье не пошатнулось под «ужасным давлением, которого он, казалось, никогда не чувствовал», как писал в Лондоне Драммонд. Он по-прежнему был очарователен и весел. Успех его не испортил. Близкий друг, Д. У. Уиттл, вскоре после возвращения Моуди в Америку поражался, что «единственная перемена, которую я в нем нахожу, — это рост сознательности, он говорит более убежденно и весомо. Он прекрасно осознает, что все — от Бога. Когда я молился с ним наедине, я обнаружил, что перед Богом он кроток, как ребенок. На работе, перед людьми, он дерзок, как лев. Никаких колебаний. Никакого страха. Никакого стеснения». Он не истощил себя, напротив, приобрел большую проницательность, больше знаний, потому что всегда старался извлечь из всех ситуаций как можно больше пользы, сознательно и бессознательно. Одна шотландка, миссис Барбор, которая познакомилась с ним в Эдинбурге в самом начале декабря 1873 г., наблюдала его в Лондоне летом 1875 г. «Он отказался от многих неожиданных вещей, которые раньше то и дело говорил. Он стал намного спокойнее и прекрасно владеет собой; меньше “хорохорится”, но по-прежнему пылок и

искренен». В Британии Моуди обрел зрелость. Слава его стала всемирной.

В молодом еще возрасте тридцати восьми лет он достиг опасного порога известности. Но миру еще предстояло увидеть, до каких высот он может подняться.

Часть третья

ПЕРЕДЕЛКА АМЕРИКИ 1875 —1881

20: Нортфилдские цыплята

Нортфилдские цыплята вдовы Моуди оказались для Д. Л. Моуди столь же судьбоносными, что и корова миссис О'Лири, по легенде вызвавшая Чикагский пожар.

Семейства Моуди и Сэнки прибыли в порт Нью-Йорка 14 августа, не подозревая, какой будет реакция соотечественников. «Нью-Йорк Таймс» по-прежнему утверждала, что они были посланы в Англию шоуменом Барнумом; тысячи людей согласились бы с пожилым священником епископальной церкви из Филадельфии, неким мистером Порталом, заявившим на одном из лондонских приемов: «Америка была изумлена и *шокирована* тем, какой популярностью они здесь пользовались. Они обязаны успехом отчасти жизнерадостности, отчасти своей музыке». Другие служители в то время посылали срочные приглашения или умоляли посетить свои города при посредничестве таких мирян, как Фаруэлл, Уэйнамейкер и Стюарт, пересекших Атлантику, чтобы присоединиться к лондонской кампании.

Моуди и Сэнки обрели международную известность, стали американскими знаменитостями. Пароход «Испания» встречала орда репортеров, но Моуди смог сказать им о планах на будущее лишь одно: «Прямо сейчас я собираюсь в Нортфилд, в Массачусетс, навестить свою мать».

Семейство Моуди прибыло в Нортфилд 16 августа. На Южном вокзале их встречал Джордж, в стареньком дилижансе, запряженном усталой фермерской лошастью, а Сэмюэль вез следом багаж на телеге. Они пересекли реку Коннектикут по железнодорожному мосту, поднялись

вверх по холму и по вязовой аллее во всем ее летнем великолепии достигли маленького дома Бетси.

Бетси, почтенная семидесятилетняя женщина в белом чепце вдовы, искренне гордилась своим Дуайтом, толпами народа, которые он привлекал, славой, которую он приобрел, пусть даже он якшался теперь с английскими графами. Однако содержание проповедей она не одобряла. Она собиралась остаться до самой смерти приверженкой унитарянства.

Моуди разместились в маленьком дощатом домике, где уже жила Бетси и ее неженатые братья, Эдвин и любимый Дуайтом Сэмюэль, рыжебородый, невысокий, слабый здоровьем эпилептик, городской сборщик налогов, пользующийся популярностью, который был немного поражен тем, как проходили пробуждения Моуди. Моуди проводил с ним очень много времени. Они вместе катались верхом. Моуди, один или вместе с детьми, бродил по тем самым славным холмам и долинам, где некогда пас коров, собирал ягоды и каштаны, и позже, в Нью-Йорке, унылой зимой, он часто будет вспоминать «приятные часы проведенные нами прошлым летом в старом доме и наши дети будут проводить там лето нет места на земле лучше старого дома в Нортфилде». Моуди встречался с родственниками. «Однажды в дождливый день, — пишет один из Холтонов, кузен и ровесник Уилли, — к нам во двор въехал мужчина с большой темной бородой и спросил отца. Он ехал в крытой повозке, укутанный в дождевой плащ, застегнутый до самой шеи, а поводья держал через специальные отверстия в плаще. Он казался при этом беспечным и радостным, как ребенок».

Это недолгое время Моуди использовал как отдых для тела и души. Тело его («Он весит 110 кг, но плотный и крепкий», — заметил Д. У. Уиттл девять месяцев спустя) нуждалось в физических упражнениях и свежем воздухе, душа жаждала спокойных занятий и отдохновения, прежде чем снова устремиться в Чикаго или куда-то еще, куда

могло его занести в будущем. Джейбез Сандерленд, молодой служитель Первой приходской церкви, которую посещало семейство Бетси, раньше бывший баптистом в Чикаго, а теперь ставший унитарием, вспомнил старого знакомого и пригласил выдающегося горожанина произнести проповедь в воскресенье. Джейбез отличался весьма либеральными взглядами и позволял иногда читать проповеди своей жене, которая поднималась на кафедру в вызывающих ярко-зеленых перчатках.

Моуди отказался. «Те, кто верит в унитарянство, оскорбляют Христа, а кто оскорбляет Христа, тот оскорбляет и меня». Однако приглашение подстегнуло его. Его семья, его родственники, соседи, все селение — все были «холодными унитариями... Сердце мое стремилось привести их ко Христу». «Ортодоксальный», то есть веривший в Троицу служитель, Т. Дж. Кларк, не спешил пригласить Моуди в свою Вторую приходскую церковь, так как не хотел нарушать спокойствия нортфилдской веры, однако ему пришлось неохотно согласиться на проведение дополнительной службы в старом четырехугольном здании церкви воскресным днем 5 сентября.

Бетси пришла — из гордости, хотя не склонна была менять свои убеждения. Пришел Сэмюэль. Пришли все. «Мы пришли рано, но церковь была уже полна, — вспоминает член одной семьи с другого берега реки. — Служители стали сдвигать ряды и заполнять их так плотно, как только могли. Мистер Моуди находился на кафедре и руководил пением гимнов». Через несколько минут помещение забилося до отказа — в буквальном смысле слова, негде было яблоку упасть. Джордж Моуди торопливо прошел по проходу и что-то прошептал на ухо Моуди, пока продолжалось пение. После завершения очередного куплета Моуди поднял руку. Он очаровательно улыбнулся и сказал самым обычным тоном:

— Церковь полна. Мест больше нет, а снаружи еще много народа. Я буду проповедовать снаружи на ступеньках, чтобы все могли услышать. Сейчас мы продолжим пение, а вы пока выходите наружу, начиная с задних рядов.

Они сели на траву прямо на пыльной улице, маленький мальчик забрался на яблоню, и, только увидев громадную толпу возле старого белого здания, наблюдательные горожане поняли, как умело и вовремя Моуди предотвратил панику и толчею. Перед следующим собранием пресвитеры установили снаружи дополнительные скамьи.

Сэнки водрузил свой маленький орган на узкую платформу, сделанную для того, чтобы посетители церкви могли выходить из своих повозок, не замочив ног в уличной грязи, и спел «Девяносто девять». В воздухе в тот летний полдень не было ни дуновения, и отчетливо произносимые слова песни разносились над водой так далеко, что некий мистер Калдуэлл, живший на расстоянии не менее полутора километров отсюда, на противоположном берегу реки Коннектикут, и категорически не пожелавший посетить службу, сидя в своем дворе, чудесным образом услышал далекое пение — и обратился.

Темой проповеди Моуди был Закхей. Жители Нортфилда никогда не забудут тот «спокойный воскресный полдень». У. Т. Холтон, сын кузена Моуди Джонатана, у которого была ферма на другом берегу Коннектикута в Джилле, помнил все подробности и через семьдесят лет. «Солнце освещало далекие холмы на той стороне реки; было совершенно безветренно, ни листка не шевелилось на деревьях; ни звука не нарушало тишину, кроме негромкого бормотания людей, обсуждавших собрание и проповедь. Знакомый город и лица соседей казались лишь немногим более реальными, чем сцены, которые так ярко обрисовал проповедник... Эти сцены так

занимали наше воображение, что мы долго находились под властью их чар, потом, когда толпа постепенно рассеялась, мы осознали, что надо проехать еще несколько километров, чтобы вернуться в наш старый дом».¹²

Сэнки, Уиттлу и Блиссу, вызванным Моуди для совещания по поводу планов на будущее, пришлось в течение двух недель принимать участие в специальных службах и прочих мероприятиях. Однажды четверо друзей переправлялись через реку на плоскодонном пароме, чтобы отобедать с дядей Сайрусом, и Моуди велел Блиссу и Сэнки петь, пока он помогает паромщику Стеббинсу тянуть канат. Уиттл пишет в своем дневнике: «Мне показалось, что мы движемся слишком медленно. После третьей или четвертой песни Сэнки обернулся и обнаружил, что паромщик тянет нас вперед, а Моуди — назад». Моуди хотел, чтобы Стеббинс послушал душеспасительные гимны. Да и сам он любил слушать Сэнки и Блисса, и хохотал до слез, когда его уловка обнаружилась. Блисс запел свой гимн «Держи к берегу, моряк», «и, наблюдая за Моуди, [мы] достигли земли».

По главной улице бродили массы любопытных приезжих, мечтающих хоть краешком глаза увидеть великих проповедников. В Ортодоксальную церковь стекались люди со всего района — в специальных поездах из Брэттлборо, в повозках и телегах. (Но городской кузнец «возненавидел меня и плохо обо мне отзывался. Кузнец этот устраивал встречи всех представителей оппозиции».) Бетси твердо стояла на своем, уверенная, что сможет противостоять своему сыну в эти суматошные дни. Она собиралась остаться унитарянкой до самой смерти. Моуди

¹² У. Т. Холтон утверждает, что этот волнующий эпизод с церковью произошел летом 1875 г., но Эва Стеббинс Кэллендер, которая тоже была тогда ребенком, не уточняет, к какому именно году того периода он относится. Сын Джорджа Моуди Эмберт (которому в 1875 г. было двенадцать) тоже не приводит точной даты. Есть также сомнения в правоте Сэнки, который относит историю с обращением, благодаря песне, раздававшейся над рекой, к первому же воскресенью.

отчаянно молился за нее на холмах, один или с друзьями. Некоторые песни и библейские истории поколебали щит ее убеждений, но она не подавала вида, пока однажды, в один из последних вечеров, Моуди не пригласил тех, кто желает принять Христа как Сына Божьего и поверить в Него как Спасителя, встать, «чтобы мы могли помолиться о вас». Бетси встала. Моуди был так тронут, что смог лишь попросить кого-то провести молитву.

В последний вечер встал и Сэмюэль.

Чувство, которое его охватило, не было преходящим. Любовь стала изливаться из него, подобно воде из прорванной плотины. Ему немного осталось жить, но в это время «мой долгожданный брат... принимал активное участие в религиозных собраниях. Он беседовал со слабыми братьями и ставил их на ноги. Он обращал души по обоим берегам реки Коннектикут, по обеим сторонам долины». Когда в Нортфилде образовалось отделение ИМКА, он стал его президентом.

Теперь, когда Бетси и Сэмюэль любили Моуди не только ради его самого, но и за его работу, ему еще больше захотелось укорениться в Нортфилде. Нортфилд, бывший всегда центром холодного, хоть и мирного унитаризма, превратился в очаг «величайшего пробуждения, которое когда-либо случалось с этом районе штата. К следующей зиме, — вспоминает У. Т. Холтон, — на многие километры вокруг в школах, а часто и в частных домах проводились молитвенные собрания; возникли массы активных работников, проповедников и певцов». Во время следующего пребывания в Нортфилде, следующим летом, Уиттл замечает: «В этом городе за последний год была проделана чудесная работа... Все, от мала до велика, любят Моуди и верят в него. Он очень радуется результатам своих трудов в родном городе. Свидетельства обращенных доставляют ему наслаждение, и он собирает для работы их пронзительные, глубокие истории. Здесь его корни, он такой же, как и все они».

Моуди нуждался в ощущении корней. Он был способен помочь Чикаго, потому что в воображении своем видел за обширными городскими трущобами долины, реку и холмы Нортфилда, не сухого унитариянского, но искупленного, активно служащего делу Христа. Этой мечте было суждено сбыться, и Нортфилд будет значить для него больше, чем он мог себе представить в 1875 г.

Однако, несмотря на все эти чудесные достижения, он опять поселился бы в Чикаго, если бы не цыплята Бетси. Они перебирались через забор и клевали зерно на поле Элиши Александра, большой дом которого располагался к северо-западу, выше по склону холма. Дядя Лиша, как его все называли, дальний родственник Бетси, на два года моложе ее, был помощником шерифа, преуспевающим торговцем и основным кредитором городского населения, — короче, важным человеком. Ему надоела эта ситуация. Ему не хотелось, чтобы вдова Моуди воровала его зерно, и он дал ей это понять.

Моуди пересек лужайку в повозке и предстал перед дядей Лишей.

— Я хочу купить этот кусок поля.

— Нет. Я могу продать только весь участок целиком.

— Сколько акров?

— Двенадцать.

— И почему?

— Ну, — протянул Александр — он представил себе длительный торг, который протянется месяцы, и решил начать с цифры побольше, — три тысячи пятьсот за все, вместе с домом и амбарами.

— Беру!

Сначала Моуди собирался перепродать ферму, оставив себе только полоску поля, облюбованную цыплятами. Но потом, поразмыслив, он решил оставить себе все, чтобы, если в следующие несколько лет им придется работать на востоке, этот дом мог бы стать их базой, их летней резиденцией. Дом находился у дороги, из

него открывался великолепный вид на реку и на гору Брэттлборо; он был построен в типичном новоанглийском стиле — выглядел солидно, но не напыщенно.

Моуди оказался способен купить поместье, потому что Эдуард Стадд послал ему лично в дар пятьсот фунтов стерлингов, что составляло примерно две с половиной тысячи долларов. Моуди дважды возвращал чек Стадду, наконец, тот стал вопрошать Фаруэлла: «Как мне вручить эти деньги Моуди, не оскорбив его?» В конце концов, в третий раз Моуди не захотелось обижать Стадда. Этот Эдуард Стадд, англичанин из Индии, сыграл важную роль в жизни Моуди: в 1875 г. был этот чек, в следующем десятилетии — его сыновья.

Неизвестно, откуда взялась оставшаяся тысяча долларов (и еще две с половиной, затраченные на перedelку дома), но, так как Моуди два года служил бесплатно, вряд ли можно было ему позавидовать.

Настал период Великого Самоотречения.

Авторский гонорар от продаж «Духовных песен» в Британии составил в первую половину 1875 г. немногим более 5600 фунтов. Английский поверенный, Мэтсон, решил передать доходы американцев на какую-нибудь благотворительную деятельность в Англии, и, после обсуждения этого с Моуди, Фаруэллом и Сэнки в Лондоне, было установлено выделить из фонда средства для церкви на Чикаго-авеню, руководители которой покинули ее два года назад. Церкви было отправлено 27 000 долларов. Авторские гонорары за издание самого популярного в Британии молитвенника были огромны, а Морган и Скотт уже выпустили первый маленький сборник проповедей Моуди (его разговорная речь была слегка приглажена Драммондом, имя которого не упоминалось).

Моуди сказал: «Я не хочу, чтобы у кого-либо возникли основания утверждать, что мы зарабатываем на проповеди Благой Вести». В сентябре 1875 г. в Нортфилде Сэнки, Блисс и Моуди пригласили к себе Уильяма Э.

Доджа-младшего, нью-йоркского бизнесмена и филантропа, и попросили его создать трест, которому должны были перечисляться все авторские проценты. Сначала доверенные лица выделяли деньги в ответ на достойные, но случайные запросы: «Если вы сможете продержаться несколько месяцев, мы уплатим долг, — говорил Моуди Фаруэллу, помогавшему чикагской ИМКА, в октябре 1875 г. — Я думаю, что мы достаточно заработаем на молитвенниках».

В следующие десять лет трест получил более 357 000 долларов — а в те времена даже один доллар имел значение; к моменту же смерти Моуди доходы от издания гимнов составляли около полутора миллионов долларов.

Когда Моуди отказался от мысли сделать карьеру в бизнесе, он совершенно не обращал внимания на свое материальное положение. Однако деньги сами текли ему в руки. Он отказывался от денег, что было весьма смело, потому что в Америке после Гражданской войны деньги решали все. Моуди даже не принимал ежегодной зарплаты для содержания жены и детей, только купил для Эммы пожизненную страховку в 1500 долларов в год на случай своей смерти, а также принимал время от времени дары от богатых друзей, скромные сборы от американских кампаний, в конце же восьмидесятых — кое-какие доходы от издания книг, поступавшие прямо в руки миссис Моуди — она вела все семейные счета, управляла домашними делами и делами на ферме. Моуди не был нищим, его дети учились в колледже, он постоянно был щедр к своим родственникам; но время от времени он испытывал заметные денежные затруднения, несмотря на то, что в Фонд продажи молитвенников постоянно поступали громадные суммы.

Для Сэнки принесенная им жертва была более болезненной. Выросший среди роскоши, он вынужден был отказаться от хорошей зарплаты и права на пенсию, от многообещающих предложений; и вот Бог дал ему такое

неожиданное богатство. Сэнки любил деньги, любил красивую одежду и домашний уют. Моуди никогда не обращал внимания на быт и свою одежду. Моуди всегда нашел бы себе работу; Сэнки же мог потерять голос. Однако он тоже отказался от всей выручки.

Поверенный сказал Полу Моуди, что его отец, «казалось, не интересовался, что происходит с деньгами и совсем не беспокоился о них». Пол считал, что Моуди «боялся денег». Моуди никогда не забывал о том, как отчаянно делал карьеру, и, любя выступать в роли благотворителя, не осмеливался подвергать себя искушениям богатства. В 1884 г. Моуди говорил Уиттлу о богачах Чикаго, Маршалле Филде, Лейтере «и других людях нашего возраста, которые преуспели в бизнесе и разбогатели»: «Что бы я ни думал о них и мирском влиянии их и их семей, я так благодарен Богу, что Он избавил меня от всего этого. Что бы я делал с этими деньгами? На дело Христово я могу выделить из Фонда молитвенников не меньше, чем любой из них».

Однако страх был не так силен, как равнодушие. Деньги были преходящи. В любой момент Христос мог вернуться, чтобы воцариться во славе; Моуди ждал Его изо дня в день. «Действительно, Бог использовал весть о втором пришествии Христа, чтобы вырвать меня “из мира”». Но еще более важной причиной была неприязнь Моуди к торговле душ, когда речь идет о спасении. Ему казалось, что это невысказано — разбогатеть на христианском служении. Когда его представили пожилому темнокожему проповеднику по имени «дядя Джонни» Вэссер, последний воскликнул:

— Как я рад видеть человека, которого Господь использовал, чтобы привести так много душ ко Христу!

Моуди ответил:

— Вы абсолютно правы, дядя Джон: именно человека, которого *использовал Бог*, — он наклонился, взял в горсть немного земли, и она просыпалась у него между

пальцев, — этот Д. Л. Моуди был бы не больше, чем эта горстка праха, если бы его не использовал Бог.

В первые десятилетия двадцатого века, когда массовое благовестие будет переживать печальную «коммерческую» фазу своей истории, люди будут вспоминать с тоской о Моуди и Сэнки с их бескорытием.

Они не рекламировали это. Прошло семь лет, прежде чем Джейн Маккиннон узнала об этом факте: «Я считаю, что это просто восхитительный поступок, отказаться от такого состояния, насколько я могу судить». Один известный адвокат из Нью-Йорка выразился гораздо более прямолинейно. Поверенные, которым необходимо было мнение юриста, выбрали Чарльза Ф. Саутмейда, не только из-за его репутации, но также из-за его ненависти к христианам; при упоминании Моуди и Сэнки он «назвал их всеми возможными нехорошими словами и заявил, что они наживались на своих собраниях».

Просмотрев бумаги, он снова вызвал поверенного:

— Мистер Коффин, — сказал он, — я забираю назад свое обвинение в мошенничестве, но вместо этого скажу: это проклятые дураки, не способные удержать в руках деньги!

21: Всеамериканские волнения

«Через неделю мы поедem на восток, — писал Сэнки Хичкоку в Чикаго из Нью-Касла, Пенсильвания, 13 октября 1875 г., — и я не знаю, когда мы сможем побывать в твоem городе, хоть и очень любим тебя». Он спрашивает, можно ли продать его «мебель, столы, диван и т. д.», а «постельное белье, картины и т. п.". просит выслать в Нью-Касл. «Причина этого переезда в том, что мы стали религиозными *бродягами*, и вряд ли когда-либо сможем иметь где-нибудь *дом*».

Еще когда Моуди и Сэнки были в Нортфилде, началось то людское брожение, которое предвещало

четыре года активной кампании. «Вода всегда течет с высоких гор, а высокие горы — это крупные города, — говорил Моуди. — Если мы сможем взволновать их, мы взволнуем всю страну». Не все были уверены, что проповедники добьются успеха в своем отечестве: газеты Нью-Йорка относились к проекту скептически.

Америка нуждалась в религиозном пробуждении. Через десять лет после завершения Гражданской войны Север был развращен поисками легкой наживы и погоней за богатством. Политическая коррупция все сильнее душила общественную и муниципальную жизнь с каждым годом правления президента генерала Гранта, который сам был неподкупен, но слишком уступчив. Приток иммигрантов увеличивался, и состав населения постоянно изменялся. Американцы, как новоприбывшие, так и старожилы, стремились к новой технологической утопии, отвергая старую мораль. Эта бешеная гонка резко оборвалась после биржевой паники на Уолл-стрит в 1873 г., и наступившая к 1875 г. экономическая депрессия позволила людям немного передохнуть и прислушаться.

Моуди, заставивший себя не начинать кампании с Чикаго, потому что «я боялся, что служители не объединятся», принял приглашение на месяц в Бруклин. Пессимисты сразу же были огорошены тем, как жители Бруклина ринулись на Клермонт-авеню. «Нью-Йорк Херальд» сообщала, что «на улице осталось двенадцать — а может, и двадцать тысяч человек, которые не поместились в здании». По завершении службы компаниям, которые занимались извозом, пришлось посылать к зданию множество дополнительных дилижансов, и, «хотя кареты прибывали с интервалом в минуту, тысячам людей пришлось идти домой пешком». «Здесь все идет хорошо, — писал Моуди Фаруэллу. — Молись обо мне каждый день. Мне никогда не нужна была помощь друзей так, как сейчас».

Вскоре уже говорилось, что Моуди «удерживал в молчаливом внимании и глубоком волнении самые крупные аудитории, к каким только обращались в Америке до сегодняшнего дня». Моуди знал, что многие приходят слушать его из любопытства. Обитатели Нью-Йорка устремлялись через Бруклинский мост, чтобы поглазеть на последнюю диковину, кроме того, «в своем эгоизме верующие христиане, жаждущие острых впечатлений», не давали возможности проникнуть на проповеди тем, кто не ходил в церковь, и Моуди казалось, что его основная цель не достигнута. Однако ситуация в Бруклине показала, что священники могут объединиться, чтобы «продолжать работу ревностно, согласно и мудро».

С конца ноября 1875 г. по январь 1876-го проповедники работали в Филадельфии. Приглашение подписало сто восемьдесят служителей. Опять наблюдались громадные толпы и усиление влияния церкви; согласно оценке ИМКА, сделанной в 1905 г., это была «величайшая кампания религиозных собраний, наблюдавшихся в Филадельфии в девятнадцатом веке». Вероятно, самый известный из обращенных там — С. Д. Гордон, в будущем автор «Тихих бесед о молитве» и других бестселлеров. «Собрания Моуди, — писал один филадельфиец английскому другу 18 января 1876 г., — проходят на расстоянии ружейного выстрела от моего дома. Двери открываются примерно за полтора часа до начала, и через десять минут зал уже полон — 12 000 человек. Иногда места резервируют для тех, кто не спасен, или компаний, приезжающих из окрестностей на поезде. Помещение всегда полно. Это чудесно».¹³

Каждую пятницу Моуди проводил специальные собрания для алкоголиков, которых в семидесятые годы было довольно много в каждом американском городе. Он проводил собрания для женщин. Он очень любил молодежные собрания. 4 декабря Моуди писал Генри

¹³ Письмо Роберта Пирселла Смита к Уильяму Кауперу-Тепмлу.

Драммонду в Шотландию: «Работа с молодежью в этой стране проходит прекрасно. Я рад, что побывал в Англии и узнал, как произвести впечатление на молодых. Не приедете ли вы сюда, чтобы помочь нам? Вы нам так нужны, что мы готовы оплатить все расходы. Я думаю, на этих берегах вы сможете привести ко Христу несколько тысяч душ, если приедете. Мне вас очень не хватает, я даже не могу передать, как вы мне нужны здесь, приезжайте, если можете». Драммонд принял разумное решение снова прервать занятия в колледже.

По особой просьбе Моуди съездил на день в Принстон. Он признавался, говоря о приеме, оказанном ему студентами: «Я не видел еще в Америке ничего более приятного, чем то, что я увидел в Принстоне. У них настоящее пробуждение Святым Духом. Президент колледжа сказал мне, что никогда ничего подобного в Принстоне не видел...»

В Филадельфии Моуди был таким же целеустремленным и решительным, как и в Британии. Работа поглощала его полностью. Один из работников чикагской церкви подошел к сцене после завершения вечернего собрания, когда начали задавать вопросы. «Я потрогал мистера Сэнки за плечо, и он, не обращая никакого внимания на собственную солидность, обнял меня. Я немного поговорил с ним, потом приблизился к мистеру Моуди и потрогал его за плечо. Моуди обернулся и тут же проникновенно сказал:

— Побеседуй с этой женщиной!»

В воскресенье 19 января на собрании присутствовал президент Грант и члены его кабинета, которые были в городе в связи с подготовкой к юбилейной выставке. Моуди не пытался знакомиться с президентом; он был простужен и хрипел, но, даже если бы и чувствовал себя хорошо, все равно не стал бы искать этого знакомства.

Когда он был занят, его это захватывало с головой. Вернувшись в поместье Уэйнамейкера, где жили Эмма с

детьми (все эти годы учеба Уилли и Эммы-младшей продвигалась весьма хаотично), Моуди мог ненадолго расслабиться. «Мне больше всего запомнилось, — пишет один из Уэйнамейкеров, — как мистер Моуди и мой отец изображали медведей, играя с детьми. Это было так весело! Они становились на четвереньки и гонялись за нами. Мы визжали, кричали и убегали. Просто сумасшедший дом».

Кампания в Нью-Йорке, которая проходила с 7 февраля по 19 апреля 1876 г., была подготовлена не менее тщательно, чем филаделфийская. В момент ее завершения можно было сказать, что Моуди «сегодня не имеет себе равных, как дома, так и за рубежом».

Он приехал в Нью-Йорк всего за день до начала кампании, но специальный комитет из мирян и служащих заранее знал, что должно быть сделано, и кампания была организована с деловой ловкостью истинных жителей Нью-Йорка. Они арендовали «Ипподром Великий Рим» Барнума, располагавшийся на Мэдисон-авеню, где потом будет находиться Мэдисон Сквер Гарден. «По одну сторону от него, — описывает современник, — находятся богатые дома, фешенебельные проспекты и большие отели, по другую — жилища среднего класса, а чуть подальше — лачуги бедняков, гнездилища порока и разврата». Решили, что для начала Ипподром слишком велик. «Мы организуем два больших зала, переходящие один в другой, — сообщил другу председатель комитета Уилльям Э. Додж, — один тысяч на восемь — девять, а другой — на шесть». Были подготовлены помещения для собеседований, и внутри, по последнему слову техники, был установлен электрический телеграф, с помощью которого можно было регулировать освещение, отопление и вентиляцию.

Хор тысячи людей пел в течение получаса, прежде чем маленькая задняя дверца отворилась и Д. Л. Моуди выступил вперед. «Я сказал: *выступил?* — тридцать лет спустя пишет Джеймс М. Грей. — На самом деле, показалось, что он одним шагом преодолел расстояние

между дверью и кафедрой! Мистер Сэнки не торопился, он заставил нас поволноваться, пока усаживался за инструмент, прежде чем дотронулся до клавиш — и наши сердца растаяли; но мистер Моуди был подобен метеору! Он вырвался на небольшое возвышение, поднял руку, наши головы склонились в молитве, и мы произнесли “аминь”, сами того не осознавая... Какой он был пружинистый, энергичный и кипучий! Как он был полон жизни и духа!»

При своем весе он до сих пор был мускулистым, но не толстым. Он упражнялся каждый день, хоть в Нью-Йорке у него не было возможности заниматься на свежем воздухе. В прессе его описывали как «невысокого, крепко сложенного, широкоплечего, с круглой головой, утопленной в плечи, черными, весело искрящимися глазами, густой, но не длинной бородой и усами». Немногие правильно описывают цвет глаз Моуди — серый; большинство называет их карими, даже те, кто подходил к нему близко: его серые глаза отражали свет и окружающие предметы.¹⁴

День за днем отклик Нью-Йорка на проповеди усиливался. «Тон и характер этих проповедей преодолел все предрассудки, — писал Уилльям

Э. Додж из своего дома на Мэдисон-авеню одному английскому знакомому 3 марта, — несомненно, что все мыслящие люди считают: они от Бога.

На большое количество людей, которые не ходят в церковь, ничто никогда не производило такого впечатления. Наши служители вдохновились, равнодушные христиане [?] покорены, и многие беспечные пришли ко Христу. Не думаю, что в каком-либо из мест, которые посетил мистер Моуди, проводилась более истинная и обширная работа. Он пребывает сейчас со

¹⁴ Глаза его были, несомненно, серыми, это подтверждается не только воспоминаниями миссис У. Р. Моуди, но и записью в паспорте, сделанной собственной рукой Моуди в 1891 г.

мной, и я нахожу в его самозабвенной преданности делу и кротости большую поддержку и воодушевление».

Послание было тем же, что и в Британии — Моуди говорил, что его кредо содержится в пятьдесят третьей главе Исаии — метод, соответствующий американскому темпераменту. Газеты торопливо передавали смесь из последних новостей — о толпах, которые каждый вечер стекались на Ипподром, о хоре из тысяч голосов, пении Сэнки, зажигательных речах Моуди.

Моуди думал о каждом отдельном слушателе. Когда он глядел на ряды лиц, его помыслы, молитвы и слова были обращены к последующему собеседованию, он никогда не забывал того времени, когда занимался «индивидуальной работой», и не мог перенести мысли, что кто-то из мужчин или женщин может отказаться от личных отношений с Христом. Моуди уже вырос из привычки швырять в людей текстом: «Его вопросы быстро позволяли понять, искренен его собеседник или лицемерен и нечестен. Он с поразительной быстротой мог обнажить умственную и моральную сущность человека, разоблачить его заблуждения, изъяны в его нравственной жизни, порочность, нежелание верить и отчуждение от Бога». «Очевидно, мистер Моуди предпочитает собеседования с людьми», — пишет Дж. Э. Рэнкин (автор гимна «Бог с тобой, доколе свидимся!»). «В чем он нуждается больше всего? В компетентных мужчинах и женщинах, которые наставляли бы собеседующих». Моуди научил Нью-Йорк приему, который Рэнкин назвал «возможностью для мирян... Дал людям возможность лично приводить души ко Христу».

Как и в Британии, ценность кампании невозможно оценивать с точки зрения количества новообращенных, скорее она заключается в навыках, приобретенных мирянами; вдохновении, обретенном служителями; возросшем влиянии не только благовестия, но и всего христианского общества, а также идеи единства христиан.

Моуди не пришлось выдвигать идею объединения, за нее сражались Бичер и другие, но Моуди доказал, что единство должно существовать не само по себе, не в вакууме. Единство должно находиться в контексте служения.

В конце кампании «Нью-Йорк Таймс», которая так долго выступала против Моуди, заключила, что «работа, проведенная мистером Моуди этой зимой в нашем городе, имеет громадное значение для нравственности общества и отдельных людей. Пьяницы стали трезвенниками, порочные — добродетельными, те, кто искал мирских радостей и добивался эгоистичных целей, — бескорыстными, неблагородные облагородились, нечистые очистились, молодежь поставила перед собой более возвышенные цели, старики проснулись ото сна. Новая надежда пробудилась в сердцах сотен людей, страждущие обрели новое утешение, в нашей корыстной жизни возникли лучшие принципы, — и все благодаря трудам этого простого человека». До конца своей жизни, путешествуя, Моуди встречал людей, обращенных в Филадельфии и Нью-Йорке в 1875 — 1876 гг. Когда в декабре 1896 г. зашла речь о «незначительной длительности хороших результатов», пастор пресвитерианской церкви Веры на 46-й Западной улице Джеймс Х. Хоадли, писал Моуди, что, «пересматривая статистику собственной церкви, я обратил внимание, что в 1876 г. в церковь пришло 139 человек. Из них 121 заявил о своей вере во Христа. Большая их часть пришла ко Христу под влиянием ваших великих собраний пробуждения. С тех пор отступились от веры очень немногие из них. Никогда с тех пор к нам не приходило за один год столько людей».

После завершения нью-йоркской кампании Моуди отправился на юг, куда уже перебралась Эмма с детьми, потому что климат Нью-Йорка очень плохо отражался на здоровье Уилли, и 22 апреля они уже были в Августе, Джорджия. Здесь была в разгаре кампания Д. У. Уиттла. У Уиттла — «человека сурового и решительного, но

обладавшего нежностью и кротостью Джона Элдена и Уиттиера», — была жена и шестилетняя дочь Мэй, на год младше Уилли: они оба родились в Чикаго, а теперь играли вместе. Предполагалось, что Моуди будет отдыхать, но он тут же включился в кампанию, неизбежно оттеснив Уиттла на задний план. Уиттл упрекал себя за слабое искушение воспротивиться этому вмешательству: «Я считал, что Моуди обладает громадным могуществом как человек Божий, это Уайтфилд нашего времени, им руководит Бог, и Бог велел ему прибыть сюда и выступать, поэтому было бы очень мелочным думать в подобной ситуации о себе».

Прогуливаясь с Уиттлом по берегам реки Саванна в лучах весеннего солнца, Моуди признался, что не все идет хорошо. «Я не знаю, поеду ли я когда-нибудь еще в Англию. Я совершенный банкрот, что касается проповедей и материалов — я все использовал. Мне надо позаниматься, составить новые проповеди, но, я думаю, пройдет три или четыре года, прежде чем я смогу туда поехать — если вообще смогу. Вам с Блоссом лучше подождать с поездкой до следующего года, и вы должны как можно больше заниматься».

Моуди в душе чувствовал себя «банкротом». В тот самый момент, когда его влияние в Соединенных Штатах достигло максимума, ему казалось, что он рискует стать духовно несостоятельным.

Он продолжал рано вставать, чтобы читать Библию и молиться, потому что мог спать минимальное количество времени, в любое время дня и ночи. Он завел систему карточек и конвертов, в которые вкладывал материалы по проповедям — заголовки, «заметки и рассказы, вырезанные из газет или набросанные на бумажках», которые служили как примеры. На конверте он записывал место и время произнесения проповеди. Как писала в Британии Джейн Маккиннон: «Особенность его проповедей заключалась в том, что, даже если человек

слышал несколько раз одно и то же обращение, оно всегда воспринималось его сердцем и сознанием как новое».

Однако он постепенно растрачивал свой духовный и интеллектуальный капитал. Это была не единственная опасность. Уиттл сумел указать еще на одну. Моуди говорил о своем страстном желании единства «в представлении людям Благой Вести». Уиттл замечает: «Мне кажется, М. думает исключительно об успехе своего непосредственного дела и, возможно, рискует ради него пренебречь принципами, он возвеличивает то, что ведет к немедленному результату... Его помыслы заняты только триумфом дела Христа. Он не хочет замечать расколы, зависть, все, что может помешать успеху, все, что мешает двигаться вперед сплоченными рядами». Уиттл был шокирован, когда Моуди сказал, обсуждая известный скандал, вызванный сплетней о прелюбодеянии Генри Уарда Бичера с миссис Тилтон:

— Надеюсь, что, если он виновен, об этом никогда не узнают, потому что это произведет ужасное впечатление.

Однако Уиттл был уверен, что «если бы М. знал, что он *действительно* виновен, он считал бы себя обязанным восстановить справедливость и, не колеблясь, сделал бы это».

Была и еще одна опасность, которой Уиттл не заметил: у Моуди не было пристанища. Дом в Нортфилде был приобретен как летняя резиденция. У него была собственная церковь в Чикаго, но он не мог заставить себя снова поселиться там. Если бы Моуди не нашел, где бросить якорь, он исчерпал бы свои силы за несколько лет работы в качестве странствующего проповедника. Место, которое он избрал бы для проживания, будь то Нортфилд или Чикаго, определило бы его дальнейшую судьбу.

Его влияние было огромно. Косвенный, но многозначительный намек на это можно найти в письме Фаруэлла Мак-Кормику, написанном в июне 1876 г. Мак-Кормик в то время выделял средства на предвыборную

кампанию вице-президента. Фаруэлл писал ему, что те 5000 долларов, которые он выделил на дело Моуди в Чикаго и широко разрекламировал, сделали больше пользы, «чем все деньги, которые ты вложил в руки политиков, дергающих за ниточки».

Моуди, который говорил репортерам: «Я человек, которого больше всего переоценивают в Америке», — считал себя «лишь устами, которые выражают вслух ту глубокую и таинственную волну религиозного чувства, которая нахлынула на нашу страну. Все несчастья и разочарования этого года, реакция на скептицизм и эгоистичную алчность нашего времени, глубокое религиозное чувство, которое лежит в самой основе американского характера, и вечные потребности человеческого сердца подготовили умы людей к глубинному религиозному преображению или толчку». Через газеты, которые часто печатали его проповеди полностью; через издания избранных проповедей, которые часто выпускали без разрешения, не выплачивая авторских гонораров; через «Жизнеописания», против которых он выступал в принципе, пытаясь пресечь данную практику, несмотря на то, что одно из них было вполне правдивым и уважительным, хоть и неточным, послание Моуди пропитало всю страну вдоль и поперек. В бревенчатых хижинах Аппалачей; в вагонах поселенцев, достигших в то лето самых дальних районов Монтаны; на техасских ранчо, где жизнь была тяжелой и порочной и священника видели не чаще двух раз в год; в мрачных трущобах Детройта, Питтсбурга или Кливленда, страдающих от безработицы; в рыбацких деревушках Атлантического побережья; на южных плантациях, в роскошных аллеях, где жили миллионеры, — везде читали проповеди Моуди и пели песни Сэнки, которые дарили утешение, вдохновение, увещание, которые открывали взгляд на небеса посреди земной рутины.

Неизбежно возникли подражатели. «Тех, кто хочет быть как Моуди, становится все больше, — жалуется служитель-методист из Нью-Йорка в сентябре 1876 г. — Объявляются собрания Моуди и Сэнки, на которых читаются проповеди Моуди, используются молитвенники Моуди и Сэнки, и т. д., потом кто-то вырывается вперед, как брат Моуди, или пытается спеть соло, как брат Сэнки, — они пытаются подражать, но это никогда не удается».

Еще худшим злом были те, кто эксплуатировал прославленные имена. «Наверное, вы обратили внимание, — говорил собранию Моуди, — что у двери стоит человек, продающий наши с мистером Сэнки фотографии. Я должен сказать, что это — настоящее жало в нашей плоти. Эти портреты также похожи на нас с мистером Сэнки, как на любого из вас». Искусство фотографии только зарождалось, и только те, кто посещал собрания знали, как выглядят проповедники; чтобы их можно было сфотографировать, они должны были позировать сидя, не шевелясь. Моуди пытался преследовать мошенников по закону, «и мы не можем этого сделать. Я надеюсь, мне никогда не придется говорить об этом снова, я всегда чувствую себя дураком, когда приходится говорить о себе».¹⁵

Из Августы Моуди и Уиттлы перебрались в Атланту, а на следующий день, повторяя в обратном направлении марш Шермана (Уиттл с возбуждением показывал им места сражений и укреплений), добрались до Чаттануги, где одна дама устроила истерику, умоляя Моуди спеть «Девяносто девять». Вернувшись с пикника на горе Лукаут с клубникой и молоком, они обнаружили «большое

¹⁵ Через год или два Моуди уполномочил своего шурина, Флеминга Х. Ревелла, опубликовать свои проповеди, и это положило начало возникновению издания «Ревелл», к 1890 г. ставшему одним из крупнейших в Соединенных Штатах. Все предыдущие сборники Моуди были пиратскими изданиями.

количество служителей и христиан, которые упрашивали М. выступить в пресвитерианской церкви».

Вторую половину мая они работали без выходных. Двигались на север, потом — на запад: Нашвилл, Сент-Луис, Канзас, Омаха, Каунсил-Блаффс, Айова; некий поспешный тур по всему Среднему Западу, оставляющий за собой множество просветленных душ. Джеймс Дж. Батлер, ровесник Моуди, бывший с визитом в Сент-Луисе, умиротворенный сидел на собеседовании после собрания. Моуди подошел ко мне и спросил:

— Вы христианин?

— Да, сэр! — ответил я, ожидая, что он скажет мне что-нибудь приятное и сердечное. Но нет. Он лишь указал мне на другого человека, неподалеку:

— Поговорите с этим человеком о его душе.

Я поговорил. Мне больше ничего не оставалось. Если этот человек получил такое же благословение, как и я, сейчас он должен быть счастлив».

В Де-Мойне служители решили отменить все воскресные службы и созвать всех прихожан к Моуди, в местный клуб. Моуди отказался. «Я не могу так! Вы должны проводить службы в своих церквях. У вас должны быть службы, а собрание мы проведем позже, в половине третьего, чтобы не мешать службам».

Вот пример того, как вольно Моуди обращался с комитетами. «Мне часто приходится делать нехорошие вещи, — признавался он другу. — Комитет старается, что-то готовит, я вижу, что это мне не подходит, и говорю, что сделаю все по-другому. Мне кажется, это ужасно, но мне приходится так поступать». Его грубость могла обидеть кого-нибудь. Уиттл описывает, как Моуди принимал делегацию: «Кое-кто из комитета расстроился, потому что М. проигнорировал их и проводил собрания, как заблагорассудится. Присутствовало около пятнадцати человек. Моуди ведет себя спокойно, полностью выслушивает все их жалобы и обиды, потом все объясняет

и улаживает, и предлагает то, что считает лучшим так, что служителям кажется: они придумали это сами».

Так и продолжалась кампания на Среднем Западе до 27 мая, когда Моуди и Сэнки наконец-то прибыли в Чикаго после почти трех лет отсутствия.

22: Дилемма Моуди

Фаруэлл гадал, не ослабел ли интерес Моуди к служению. «Не скажете ли вы бедному грешнику, получит ли он привет из Чикаго...» — в шутовском тоне писал он в марте предыдущего года. В душе он знал, что для Моуди «собственная церковь стояла на втором месте после всепоглощающей идеи заставить весь мир почувствовать силу христианского союза, активно работающего для масс».

Моуди называл свою церковь «своей первой любовью. В последние годы я редко молю за самого себя, но все чаще думаю и молюсь о моей дорогой церкви в Чикаго». Когда же один из диаконов этой церкви приехал в Филадельфию, Моуди привел его в поместье Уэйнамейкера, «где он более двух часов расспрашивал о членах церкви, каждом поименно, как у них дела». На том самом месте, которое он нашел на Чикаго-авеню перед тем, как покинуть Европу, стояло теперь новое здание, все еще в долгах, несмотря на проценты за издание молитвенников, но обеспеченное кое-какими средствами за счет умелых просьб Моуди и бескорыстных пожертвований прихожан. Вечером 1 июня 1876 г., в проливной дождь, церковь была открыта, и Моуди произнес проповедь, формальное же посвящение состоялось 16 июля.

Старые трущобы были уже перестроены до неузнаваемости, однако по-прежнему полны копоты и пропитаны вонью скотных дворов; шумные, кипящие, многонациональные трущобы, набитые оборванной ребятней, вопящей и ворующей; пьянство, погубившее в

Чикаго множество жизней, — все это подавляло Моуди. Словно говоря, что в конце концов Чикаго должно обрести в нем надежную опору, он отложил кампанию в Бостоне и принял сперва приглашение в Чикаго. Фаруэлл организовал комитет для возведения на углу улиц Монро и Франклина так называемой «скинии», за счет своего предприятия; в конце кампании он купит это помещение и превратит его в универсальный магазин.

Летом Моуди на два месяца вернулись в Нортфилд, и Эмма была «очень занята», как она писала Джейн Маккиннот 11 сентября. «Мы живем в своем собственном доме, как вы, вероятно, слышали. Это восхитительное место с прекрасным видом, однако, здесь очень трудно найти прислугу, и мне приходится выступать во всех ролях одновременно. Каждый день с момента переезда в собственный дом у нас гости, и мы с мужем очень этому рады, но почти все мое свободное время уходит на его срочную переписку». Отпуск слегка подпортили британские газеты, интересующиеся, действительно ли Моуди и Сэнки поссорились в Нью-Йорке из-за денег. «Это все злостная клевета, — писала Эмма, — мистер Сэнки и мистер Моуди никогда ни из-за чего не ссорились... Я никогда не видела, чтобы газетная статья так огорчила Моуди».

Моуди наслаждался жизнью в собственном доме и поездками верхом в компании Сэма, который, несмотря на слабое здоровье и эпилепсию, был весь полон планов, касающихся духовного и материального благополучия Нортфилда. Снова казалось, что Моуди обосновались здесь, а не в Чикаго. Драма этих критических лет, 1875 — 1876 гг. — колебания Моуди, который не мог решить, где осесть, отчасти вызваны первой вспышкой славы в родном краю. Он едва осознавал эту нерешительность, так как весь был поглощен окружающей обстановкой и собственными возможностями. И еще меньше осознавал он последствия,

которые возникли бы, если бы он сделал неправильный выбор.

Моуди приехали в Чикаго в субботу 30 сентября и поселились у сестры Эммы и ее мужа, Холденов. Моуди «спокойно принялся за работу, веря, что Бог благословит нас».

В восемь часов утра в воскресенье в Скинии собралось шесть тысяч учителей воскресных школ, пятьсот певцов и сто служителей. Моуди занял свое место и «посвятил полминуты молитве». После исполнения гимнов, молитвы и сольного пения Сэнки Моуди «встает и начинает весьма резкую проповедь на тему “Остановите катящийся камень”. Его речь, — утверждает Уиттл, — искренна, проста, незатейлива и практична, он так просто держится, как если бы обращался к учителям собственной школы. Его речь захватывает и вдохновляет, и когда он завершает проповедь так же внезапно, как и начал, кажется, что времени прошло совсем мало. Потом он молится, произносит благословение и заканчивает собрание».

Чикаго забыл времена Безумца Моуди. Чикаго был восхищен своим великим проповедником. Казалось, что эта кампания пройдет так же, как любая другая: в первое же воскресное утро на службу собрался полный зал, Фаруэлл-холл был битком набит, тысячам людей пришлось возвращаться, потому что они не поместились; первая служба благовестия в понедельник тоже привлекла массу народа, «Компания омнибусов Чикаго» вынуждена была пустить специальные конные экипажи, которые каждую минуту подвозили желающих до трамвая. Один ученый профессор-богослов писал: «Мне кажется совершенно невообразимым, что публика так прекрасно принимает человека, у которого нет никакой подготовки. Он не умеет читать по-гречески; на самом деле у него есть трудности с пониманием некоторых частностей Писания и в английском переводе, однако, он лучше, чем кто-либо из

тех, кого я слышал, способен объяснить слушателям суть текста Писания».

Уиттл обедал с Моуди в первый четверг и обнаружил, что тот настроен «необычайно торжественно». Моуди сказал:

— Я мог бы помолиться сегодня: «О Боже, испытай меня!», — но, когда дело доходит до слов «испытай меня», я боюсь. Я не знаю, выдержу ли я *испытание*. Готов ли я отложить свою работу, чтобы его пройти? Готов ли я вынести тяготы?

На следующий день, в пятницу 6 октября, Моуди за обедом снова был «очень серьезен и думал об испытании его Богом». Вечером он пригласил служителей церкви на Чикаго-авеню в дом Бревурта на чаепитие перед собранием. Уиттл немного задержался, он забирал почту Моуди из ИМКА — гору писем и одну телеграмму. Он передал почту Моуди. Моуди, «сидя за столом, распечатал телеграмму, прочел. Лицо его исказилось от боли, он встал и сказал: “Сэм умер”. Потом сел, закрыл лицо руками и заплакал. Через несколько минут он обратился ко мне:

— Уиттл, тебе придется провести собрание сегодня вечером. Я больше не могу оставаться с вами, — с этими словами он вышел».

Уиттл в трепете отправился в Скинию — и обнаружил Моуди в прихожей, окруженного служителями. Он собирался на Восток хоронить брата. Уиттлу единодушно предложили вести собрание и «продолжать дело».

Моуди отсутствовал неделю. Во время отсутствия он посылал им письма, словно все еще пытался умиротворить и Чикаго, и Нортфилд — каждое из этих мест неумолимо влекло его к себе.

Он написал в церковь на Чикаго-авеню из гостиницы, где остановился потому, что никогда не нанимал общественного транспорта по воскресеньям: «В последнее время я думаю о вас больше, чем обычно... Чтобы быть

благословенной, любая церковь должна отказаться от всяких разногласий, всякой взаимной критики, всей холодности и раскольнических настроений и прийти к Господу как один человек; если церковь будет жить той силой, что описана в тринадцатой главе Первого послания к коринфянам, я уверен, что ежедневно многие будут приставать к стаду Божьему». Матери он писал после похорон, пока ожидал транспорта в Спрингфилде: «Сегодня ночью, когда я сидел здесь, в три часа меня охватило странное чувство одиночества. Но, *дорогая* мама, я знаю, что тебе будет его не хватать больше, чем кому-либо из нас... Вам с Эдвином будет одиноко, я уверен в этом, но все мы будем молиться за вас, чтобы Бог дал вам силы и поддержал вас... Я должен теперь прощаться, я надеюсь, что смерть Сэмюэля приблизит всех нас ко Христу еще больше, чем раньше; я чувствую, что сейчас я ближе ко Христу, чем когда-либо — передай всем, что я их *люблю*, и скажи, что Бог сделал мое сердце больше, чтобы в нем вместились еще больше любви».

Смерть Сэмюэля вызвала у Моуди желание сделать для Нортфилда то, о чем мечтал Сэмюэль. Но Моуди посвятил себя Чикаго. Он любил оба места. Пастору церкви на Чикаго-авеню он писал: «Я надеюсь, что вы будете учить людей любить. Я уверен, что именно здесь — ошибка многих церквей. Мы должны думать прежде всего о любви».

Служение в Чикаго продолжалось во время всей долгой избирательной кампании семьдесят шестого года, до Рождества и начала 1877 г.

Один служитель-пресвитерианин, вспоминая ее через двадцать четыре года, писал: «Это чудесное пробуждение... Такая огромная посещаемость, и множество поющих голосов, звучащих подобно мощи океана... Такая мощная вера и отвага предприимчивости. Подумать только, что нужно сделать, чтобы привлечь аудиторию в десять тысяч человек, и как горек мог бы быть провал после всей

подготовки!» Кампания близилась к завершению. Это было странное время для Моуди: смерть Сэмюэля; тяжелый приступ скарлатины у двенадцатилетней Эммы; миссис Моуди ее врач объявил, что у нее больное сердце и положение ее опасно, «она в любой момент может умереть» (но Дуайту она этого не рассказала). А в ужасную ночь 29 декабря Филип Блисс, который, по словам Моуди, был похож на свои гимны — «полон веры и радости — за все годы, что я его знал и работал с ним, я никогда не видел его в подавленном настроении», — ехал на Тихоокеанском экспрессе неподалеку от Аштабьюлы, Огайо, когда снежная буря сокрушила мост и поезд рухнул на лед и загорелся, около сотни человек погибло. Блиссу удалось выбраться из поезда, но там осталась его жена. Не удалось найти ни косточки, ни пуговицы, чтобы опознать тело.

Все эти несчастья сделали Моуди, по словам Уиттла, «очень добрым и нежным». Но, когда кампания завершилась 16 января 1877 г., ответа на невысказанный внутренний вопрос у него еще не было: где обосноваться и что делать? И, что еще важнее: хватит ли ему сил еще на несколько лет?

28 января, за неделю до сорокалетнего юбилея Моуди, началась бостонская кампания. Неудача в Бостоне могла уничтожить влияние Моуди на Америку. Но, напротив, завершив работу там 1 мая, он обрел новое видение.

Унитарии, либералы-интеллектуалы, снобы и ирландские католики противостояли ему. Друзей у него в Бостоне осталось немного; лучшим из них был А. Дж. Гордон, благочестивый пастор-баптист из церкви на Кларендон-стрит, крупный солидный мужчина, чье гладко выбритое лицо выделялось среди украшенных баками лиц религиозных деятелей. В Бостоне оставалось несколько старых друзей молодости, но Кимбелл давно переехал в Сан-Франциско, Керк умер за три года до того, дядья

Моуди Холтоны отошли от дел. Девяносто приходов объединились, чтобы наполнить народом специально построенную скинию, за которую еще не до конца было уплачено, когда началась кампания. Это было «самое маленькое из всех великих зданий, возведенных для собраний пробуждения Моуди и Сэнки, хоть и одно из наиболее симпатичных».

«Бостон — необычное место, — предупредили Моуди. — Вы не сможете вести себя здесь так, как везде». Моуди не обратил внимания на это предупреждение.

«Христианство, — восклицал Моуди в первый вечер, — вынуждено было защищать себя довольно долго, особенно здесь, в Новой Англии. Настало время вести открытую войну. Помните, как во время войны некоторые генералы держали свои армии в обороне, пока не запутались? Я думаю, что здесь, в Новой Англии, довольно много христиан просто спит на своих покрытых подушечками скамьях. *Сейчас* настало время пробудиться и двигаться вперед сплоченными рядами. Мы не хотим оставаться в обороне, надо переходить в наступательные действия. Надо заходить во все эти магазины спиртного, бильярдные залы, игорные притоны, чтобы говорить о Христе и небесах. Если они не хотят приходить в Скинию, чтобы услышать Благоую Весть, надо приходить к ним домой и проповедовать там. И вскоре будут охвачены сотни». Не так уж давно «Санди Таймс» («самая колкая газета в Новой Англии») жаловалась, что «народные массы в Бостоне, несомненно, начинают проникаться благочестием». Воскресные газеты активно «освещали ход пробуждения», «Глоуб» даже оправилась от финансового кризиса, печатая так называемые дословные репортажи. «Мы никогда не продавали 25 000 экземпляров быстрее, чем вчера».

Все вокруг пели. У беспризорников был свой вариант «Держите форт»:

Держите вилку, ложка рядом,

*И на подходе нож.
Вопи припев соседу в ухо,
Устраивай галдеж.*

Фотографиями торговали, как и раньше (по пять центов), а кто-то слышал крик торговца игрушками на Тремонт-стрит:

— Фигурки Моуди и Сэнки! Два цента за штуку!

«Санди Таймс» открыла еженедельную критическую рубрику, которую вел бывший учитель воскресной школы, печатавшийся под псевдонимом И. Э. М. Камминг и утверждавший, что «каждый человек должен спасти себя сам». Некоторые из его шуток и нападок были меткими и забавными, другие — просто пошлыми. Он мог написать, что Моуди «поет богохульства» или утверждать, что Моуди, прочитав «Искусство обманывать мир» Барнума, убедился в том, что «публика — это осел, которого можно кормить колбасками». «Моуди — христианин не только повелевающий животным магнетизмом, но и крепкого телосложения. Честно говоря, слабым жиденьким грешникам его не сокрушить». И. Э. М. Камминг выражал свое удивление тем фактом, что «общественность Бостона, самая музыкальная на свете», готова «смирно сносить муки, слушая то ужасное неблагозвучие дикого и величественного голоса» Сэнки, который, писал автор статьи, начал свою карьеру с того, что отразил нападение апачей, исполнив «Каким будет урожай».

Бессмертный поэт Уолт Уитмен, гуманистические и гомосексуальные тенденции которого не способствовали благосклонному отношению к Моуди, прибыл в своем сером костюме из Кэмдена, Нью-Джерси:

*Не за обращением, в конечном итоге,
А чтоб увидеть лично, что за человек этот Моуди,
Моуди, который в прошлом, часто и многократно,
повергал жителей других городов в религиозное
безумие,*

Моуди, магнит религии, изобретатель легенд,
чудесных
и мифических, главный сказочник года в 101 штате.
А также послушать пение Сэнки, громогласного и
безголосого, увидеть,
как он сокрушает кабинетные органы, послушать его
режущие ухо святые завывания.
О чудный певец, чудесный губитель кабинетных
органов!

Я славлю Сэнки, соловья Израиля,
И со мною споют другие, чтобы вкусить от Сэнки и
счастья.

О Сэнки, люблю тебя, мой друг, за голос, которого у
тебя нет, да и не важно, ты заменил его
громкостью, ты поешь ужасно, неустанно и
навязчиво, не обращая внимания на ритмы и
мотивы, но размашисто, смело, шероховато,
немузыкально и неохватно, оглушая людей и песней
вознося грешные души к вечному благословию.

Так что не из-за нехватки веры, но по всем этим
причинам, иду я в Скинию.

Уитмен написал еще шесть строк в пародии «Поездка
в Индию»:

Подожди мгновение, о Моуди, потерпи, человек из
Чикаго, краткую неуловимую минутку,

Держи форт, о Сэнки, ибо я, Уолт, на подходе...

В последней строфе видно, как он отмечает
проповедь Моуди, стараясь ее забыть:

Я слышал Моуди и доволен

Но за спасением к нему не приду.

Я не так представляю себе Спасителя.

Я не верю в него

Ни в его Бога

Ни в его метод убеждения грешников, ни в его
истории, похожие на ложь.

Я, Уолт, говорю, что он невежественный шарлатан, заблуждающийся энтузиаст, и что Бостону он очень скоро надоест.

Бостону, однако, он не надоел. Даже образованному Бостону. Когда знаменитый оркестр Томаса давал благотворительный концерт для фонда «Старый Юг», зал был наполовину пуст, в то время как Моуди и Сэнки слушало шесть тысяч человек.

Один из священников евангельской церкви говорил, что Моуди и Сэнки приравнивали бостонскую кампанию к эдинбургской. У Моуди появились новые друзья, например, Филлипс Брукс, знаменитый деятель епископальной церкви, ростом под два метра, автор «О, малый город Вифлеем», который однажды вечером проповедовал вместо отсутствующего Моуди. Моуди, как обычно, провел большой двухдневный Христианский съезд. Он попытался получить доступ к студентам Гарварда, но не удалось.

Для будущего Моуди оказался решающим тот фактор, что он не оценивал свой успех исключительно на основании количества спасенных грешников или излеченных пьяниц. Во время кампании он жил в доме Генри Фоула Дьюранта. Дьюрант основал колледж Уэллесли для девочек. Дьюрант говорил. Моуди слушал. Казалось, что любимый Моуди покойный Сэмюэл тоже присутствовал там.

23: Школа на холме

Однажды, в последнее лето жизни Сэмюэля, в 1876 г., два брата поехали в окрестности Уарвика посмотреть на скот. Возвращаясь домой, они увидели домик у дороги, а рядом — калеку, и остановились ненадолго. Инвалид вслух читал по-гречески Новый Завет своим юным дочерям, которые, слушая, плели соломенные шляпы. Хорас Пармели Сайкс лежал на своей кушетке, облокотившись на

подушку; рядом лежали грудой сочинения Фомы Кемпийского, мадам Гийон, «Путешествие Пилигрима» и «другие потрепанные книги в том же духе». Сайкс закончил колледж и школу для избранных, но теперь был парализован и зависел от скудных заработков дочерей, Дженни и Джулии, которым не мог дать такого образования, как хотел бы.

Моуди спросил:

— Как вы живете?

Сайкс улыбнулся:

— У нас нечасто бывает жареная индейка или сливовый пудинг, но мы живем неплохо!

— Мы просто берем то, что дает нам Бог, — сказала миссис Сайкс, которая показала из дома, вытирая с рук мыльную пену.

— У нас есть *настоящий* дом, — добавила одна из дочерей.

По дороге домой Моуди и Сэм спорили. Этот старый калека учил дочерей греческому, но какое будущее им предстоит, если они не могли получить другого образования, кроме как в маленькой районной школе? Они могли выйти замуж за фермеров или работать на фабрике. Сэм мечтал о школе для девочек в Нортфилде; он уже говорил с Д. Л. об этом проекте. Теперь он начал на нем настаивать.

Потом Сэм умер. Но осталась его мечта — его завещание. Но Моуди мог бы и не исполнить этого завещания — со всеми вытекающими отсюда последствиями — если бы не оказался в гостях у Генри Фоула Дью-ранта в Бостоне в начале 1877 г.

Дьюрант, выдающийся юрист из Бостона, который оставил адвокатуру ради христианского служения после смерти своего единственного сына, был одним из старых друзей Моуди, «он был со мной до того, как я стал широко известен». Незадолго до того он открыл в Уэллесли, своем поместье в северо-западном пригороде Бостона,

первоклассный колледж, где девочки из семей с небольшим достатком могли получить «образование не хуже, чем в Гарварде». Он перенял идею знаменитой Семинарии Маунт Холиоук Мэри Лайон: каждая девочка должна была принимать участие в работах по хозяйству, он говорил, что ему нужны не белоручки, а труженицы. Плата за обучение составляла 250 долларов в год, половину платили семьи, другая была за счет колледжа. Каждый учитель должен был обладать не только педагогическими навыками, но и «жить по-христиански».

Дьюрант и его колледж повлияли на решение Моуди организовать подготовительную семинарию «для молодых женщин со скромным материальным положением, которые могут получить христианское образование только в подобной школе».

Вопреки одной из своих знаменитых поговорок: «Не жди, когда тебе подвернется что-либо для переделки. Иди и переделай что-нибудь», — Моуди не стал воплощать мечту в жизнь со свойственной ему обычно импульсивностью. Бостонская кампания закончилась весной 1877 г. Переезд в Нортфилд был отложен до следующего года, отчасти из-за сомнений Моуди, хватит ли ему средств, отчасти из-за объема работы.

Осенью, зимой и весной 1877 — 1878 гг. Моуди и Сэнки проводили более краткие миссии в городах Новой Англии. Моуди поместили тринадцатилетнюю Эмму (волосы которой, остриженные во время скарлатины, «уже отрасли и опять кудрявятся») в «маленькую семейную школу в Амхерсте». «Мы оставили Эмму во вторник утром, и она казалась вполне счастливой, — писала миссис Моуди свекрови из Манчестера в Нью-Гемпшир 9 ноября 1877 г. — Я думаю, что буду скучать о ней больше, чем она обо мне. Миссис Стирнс отзывалась о ней очень хорошо, она говорит, что Эмма не создает ей никаких проблем и очень сознательно занимается. Уилли я пометила в школу здесь, в Манчестере. Здесь я не нашла

частной школы, поэтому отдала его в общественную хорошему учителю... Собрания проходят здесь хорошо, более активно, чем в Берлингтоне, Д. Л. очень доволен, особенно искренностью здешних служителей».

Противодействия практически не было. «Они вызвали такую сильную симпатию, — писала “Хартфорд Релиджиоз Херальд” во время кампании, — что симпатия эта все преодолела и пересилила... Настали времена, когда, хотя бы на сезон, религия вышла на первое место». Кампания завершилась впечатляющим двухнедельным пребыванием в Ньюхейвене, «городе больших вязов», и Йеле. В отличие от Гарварда, тысяча сто йельских студентов отнеслись к Моуди с уважением. Миссис Моуди писала 1 апреля 1878 г. миссис Маккиннон в Шотландию: «Было построено здание специально для собраний, оно вмещает около шести тысяч человек, и первая неделя собраний прошла очень успешно, за что мы благодарим Бога. Я уверена, что мистер Моуди рад был бы видеть вас и вашего мужа в комнате для беседований или же любого христианина — “шотландца с Библией в руках”. Я по-прежнему *слежу* за домашним хозяйством, пишу и занимаюсь всякими *мелочами*».

В начале следующей осени, в 1878 г., близкий друг Дьюранта Х. Ф. Н. Маршалл, торговец, удалившийся от дел, который помогал организовывать бостонскую кампанию, прибыл в Нортфилд, чтобы помочь Моуди в организации школы.

Они обнаружили на дороге за фермой Бетси Моуди обшарпанный дом, в котором когда-то была таверна, а теперь развалина эта вместе с навесом, прудом, могилой Парсона Дулиттла и пятнадцатью акрами земли, прилегающими к землям Моуди, принадлежала городскому жестянщику. Они тут же решили, что нашли подходящее место для школы. С жестянщиком поторговались, сговорились о цене в две с половиной тысячи долларов, привели его в дом Моуди, подписали

бумаги, выдали чек — все это так быстро, что жестянщик не успел и опомниться. В последующие месяцы Маршалл постепенно скупал участки бесплодной песчаной и холмистой земли вокруг долины, в итоге получилась площадь в сотню акров.

Моуди к тому времени снова отлучился, в середине октября он побывал с кратким визитом в Чикаго, потом отправился в Балтимор, где семейство сняло на зиму дом.

Зимой 1878 — 1879 гг. наступил кризис в совместной деятельности Моуди и Сэнки.

Они никогда не оповещали об этом публично, это не упоминается ни в одной из биографий и вообще не было бы известно, если бы Моуди не рассказал об этом Уиттлу в 1884 г.

Планы, связанные с созданием школы, привели к тому, что Моуди еще глубже осознал: чтобы не исчерпать свои возможности, он должен заниматься самообразованием. Последние два года он каждое утро проводил в библиотеке, но до осени 1878 г., когда школа стала реальностью, он не отдавался занятиям в полную силу: Нортфилдская семинария, еще не родившись, спасла своего основателя от преждевременного заката. Моуди думал, что они с Сэнки поищут какой-нибудь город, где можно будет проводить менее интенсивную работу, и он сможет одновременно заниматься. Сэнки, напротив, согласно письму миссис Моуди к миссис Маккиннон, «призывал мистера Моуди снова поехать куда-нибудь в Европу, а не оставаться здесь». Моуди привел личную, волнующую причину, по которой они не могли путешествовать: «Следующей весной мы ждем прибавления в семье». Более того, он не был готов снова предстать перед Европой, пока не углубится в свои книги и в Библию.

Сэнки хотелось снова вращаться среди английской знати. Если Моуди не поедет, он поедет один и будет петь.

Моуди старался его разубедить, но Сэнки настаивал. Они расстались.

Сэнки пересек Атлантику, полный радужных ожиданий, Моуди же принял внезапное решение отправиться в Балтимор на радость тамошних служителей, которые думали, что отсутствие Сэнки временно. Но Сэнки вышел из игры.

Казалось, это был конец сотрудничества Моуди и Сэнки. Конец, также, школьного проекта, который не пошел дальше основания дневной школы для девочек в Нортфилде: Моуди не мог оплатить создание пансионата, потому что, хотя Сэнки и не пожелал тратить деньги, вырученные от издания гимнов, — их несогласия никак не были связаны с финансами, очевидно, Моуди не мог тратить на свои проекты большую часть общих денег. Уже было выделено 5000 долларов на содержание преподавателей колледжа Уэллесли, при наборе которых планировалось отдавать предпочтение выпускницам будущей Нортфилдской семинарии; отсюда же была взята часть денег для приобретения недвижимости. (Большую часть стоимости земли уплатил Маршалл, у которого школа должна была ее затем выкупить.)

Поездка Сэнки в Англию закончилась провалом.

— Он написал мне, — говорил Моуди Уитглу, — что, если я приму его обратно, я могу распоряжаться деньгами, как захочу. Я уладил этот вопрос и занялся школой.

Моуди и Сэнки воссоединились. Сэнки купил летний дом в Нортфилде и принялся всей душой участвовать в школьном проекте; он полюбил сельскую жизнь, хоть не очень был к ней приспособлен. Как-то он поехал кататься в дождь и «был сброшен с седла, упал на дорогу и так и сидел на ней, держа в руке зонтик». В другой раз он свалился в ручей, «переезжая через него по поваленному дереву в горах Кэтскилл», что повеселило Моуди. Моуди «получал удовольствие, подшучивая над Сэнки. Сэнки не оставался в долгу».

Балтиморская кампания отличалась от прочих во всех отношениях: она «совершенно не была подготовлена», отсутствовал Сэнки, и весть ее ход был совершенно новым. Моуди чувствовал, что массовые собрания на стадионах или ипподромах, несмотря на громадный интерес к ним, недостаточно глубоко повлияли на повседневную жизнь церкви, потому что публика, как бы проповедник не старался, имела тенденцию относиться к пробуждению как к какому-то отдельному событию. Поэтому в Балтиморе он провел всего несколько собраний в крупных залах городского центра. Большая их часть проходила в помещениях церквей, Моуди работал поочередно в разных районах, тесно сотрудничая со служителями выбранной церкви.

Чтобы много заниматься во время кампании, ему потребовалась строгая самодисциплина. «Мы провели здесь в своем доме всего два месяца этой зимой, но вполне прижились, — писала миссис Моуди, которая, несмотря на астму и свои “небольшие затруднения с сердцем”, чувствовала себя превосходно, к миссис Маккиннон в начале декабря. — Мистер Моуди занимается и работает на собраниях, дети — в школе, я занимаюсь различными делами, отвечаю на переписку мужа, на разные приглашения, помогаю ему, в чем могу, кроме того, делаю прочие вещи, которых не так уж много, однако, к вечеру я устаю. Мистер Моуди установил себе *строгое* правило заниматься по шесть часов в день. Кроме этого он ежедневно, кроме понедельника и субботы, проводит днем библейские чтения, а вечером читает проповеди с последующими собеседованиями. В воскресенье он произносит по четыре проповеди, не говоря о собраниях, так что вы видите, он приехал сюда в Балтимор не для отдыха, как утверждают некоторые, но для *занятий*».

Во время этих месяцев в Балтиморе Моуди с каждым днем все прочнее обосновывался в Нортфилде. Кроме того, и Чикаго много значил для него: «Мне хотелось бы, чтобы

вы часто мне писали, как у вас дела и все о церкви, — просил Моуди молодого помощника Роберта Эйтчисона, по прибытии в Балтимор. — Я хотел бы видеть, что церковь использует во благо свое влияние на Чикаго». Он отправлял регулярно длинные письма на Чикаго-авешо; но бесконечные послания, нацарапанные на одном дыхании без пунктуации, шли и на север Джорджу Моуди, управляющему поместьем и школьными землями: «... Послал ли ты индейку Сайксам мне хотелось бы чтобы ты дал пару граблей для снега из погреба (маленьких) Джозефу Лайману еще я обещал ему семян но забыл до отъезда теперь насчет телки Уилли есть ли какая-нибудь надежда идет ли у вас снег взошла ли трава к северу от дома и рожь на школьном участке сколько индеек вы забили на Благодарение пиши нам все новости что ты сказал в южной церкви и что они ответили и что они сейчас делают я всех люблю у нас все очень хорошо твой брат Д. Л. М".

Телушка, которая принадлежала Уилли, фигурирует практически во всех письмах: «Есть ли надежда насчет телки Уилли или нам придется ее заколоть на мясо?.. Р. S. Ты мне ничего не пишешь про телку Уилли»... 15 февраля Моуди сообщает свои планы на год: «Я хочу посадить в этом году зерновые в далтоновском углу и овес между зерном и сад... почему ты мне не пишешь про телку Уилли...» «Уилли беспокоится о своей гусыне, — читал многострадальный Джордж через месяц, — он хочет чтобы у нее было подходящее место для яиц и весной появились маленькие».

Но они переписывались не только о делах фермы. Джордж наконец оставил унитарийскую церковь, но отказался от назначения на пост президента нортфилдской ИМКА. Моуди призвал его «не дать людям спорить, пусть президентом станет Джон Фишер, если есть какое-то предубеждение против Моуди, не надо допускать несогласий в церкви, они рано или поздно наступят, но это

очень опасно в такой момент, мы должны делать все, что сможем, чтобы сохранить мир; если и возникнут проблемы в церкви, то не из-за нас...»

Балтимору Моуди понравился. С 28 октября 1878 г. по 25 мая 1879 г. он произнес двести семьдесят проповедей.

Однажды вечером в Институте Мэриленд, когда Моуди выступал на массовом собрании, какой-то преступник или подозреваемый укрылся в толпе. Детектив Тодд Б. Холл, не желавший поднимать панику, отказался бы от преследования, если бы привратник, бывший владелец пивной, знакомый с обоими, не предложил:

— Если вы подождете до конца службы, я помогу вам его поймать.

Детектив так увлекся, слушая проповедь Моуди, что, забыв о преступнике, отправился сразу же в городскую ратушу «и сказал начальству и прочим сотрудникам, что я решил жить по-христиански, прося их поддержать меня, так как жизненных трудностей у меня было много». Вернувшись домой, он признался жене в своих изменах и попросил у нее прощения. «Потом мы встали на колени и помолились, прося Бога помочь мне жить праведно и хранить Ему верность. Когда я поднялся на ноги, жена моя, к моему удивлению, подбежала ко мне, обхватила меня за шею и поцеловала со словами:

— Ничто не разлучит нас. Если ты решил жить по-христиански, я тоже буду так жить, и Христос будет моим Спасителем».

«Ах, как счастлива была наша семья, — писал Тодд Б. Холл в 1900 г., — какое умиротворение мы испытали... Двадцать лет милостью Божьей я жил такой замечательной жизнью, продолжая при этом работать детективом, и стал благословением для многих несчастных, мною арестованных, когда рассказывал им то, что мне рассказал Моуди».

Интересно, видел ли детектив Холл клочок бумаги, в который были завернуты золотые часы, подвешенные к дверному замку методистской епископальной церкви на Бродвее в первую среду марта, после того, как мистер Браун объявил, что потерял часы на службе Моуди в церкви в предыдущую пятницу.

Адресованное «мистеру Д. Л. Моуди» и мистеру Ститту, служителю, письмо гласило: «Дорогой сэръ, пожалуйста отдайте эти часы владельцу. Я украл их у него в вашей церкви. Попросите его простить бедного вора. Иисус простил мне мои грехи и я нехочу ничего ворованного. Иисус Христос искупил все грехи и простил разбойника на кресте, он прощает и меня. Да славится имя его, его кровь очищает меня от греха. Христианин».

Моуди отправились в Нортфилд в конце весны, вместе с новым членом семейства: Пол Дуайт Моуди родился 11 апреля 1879 г., через десять лет после Уилла.

На месте снесенного жилища жестянщика началось строительство актового зала, 21 августа в присутствии большой компании Моуди собственноручно заложил первый камень, не специально купленным серебряным мастерком, а старым рабочим мастерком своего отца.

Моуди подсчитал, что если колледж Уэллесли мог установить ежегодную плату в 250 долларов, школа могла установить плату в 100 долларов, половину требуемого на содержание и обучение. Выпрашивая значительные суммы денег, помимо выручки от продажи молитвенников, Моуди подчеркивал, что школа будет строиться на трех основных принципах: изучение Библии будет занимать значительную часть расписания; каждая девочка будет приучаться к домашнему труду и участвовать в поддержании порядка, что снизит стоимость содержания школы; и в-третьих, невысокая плата за обучение.

По совету Дьюранта директором школы была назначена молодая женщина из колледжа Уэллесли,

Харриэтт Таттл. Когда она приехала в Нортфилд, актовый зал еще строился.

— Похоже на тюрьму, — заметил один из присутствующих.

— О нет, вы ошибаетесь, — возразил один из друзей Моуди, — это учреждение строится именно для того, чтобы учить людей, как избежать тюрьмы.

Фундамент помещения для спален еще не был заложен. Моуди не мог дождаться того момента, когда оно начнет строиться; он использовал часть своего Поместья, место за каретным двором, для постройки нескольких помещений.

Тем временем миновало лето, листья кленов стали красно-золотыми, и Моуди отправился на запад, на зимнюю работу. 3 ноября прибыли первые ученики. Выпало рекордное количество снега — его слой достиг полуметровой толщины, судя по воспоминаниям сына Джорджа Моуди Эмберта, которому пришлось спускаться на санях вниз по холму, чтобы затопить два больших паровых котла. Дженни Сайкс, живущий на холме, получила высший балл на вступительном экзамене.

«Переехали ли дети в новое школьное здание? — спрашивал Моуди у матери в письме из Сент-Луиса 24 ноября, — Нравится ли им там, и нравятся ли им учителя и т. д. и т. д. и т. д". Во время всей зимней кампании Моуди и Сэнки (проходившей по балтиморскому образцу) Моуди думал о Нортфилде, особенно в первые недели, когда с ним не было семьи, оставшейся в Чикаго у миссис Ревелл. «Я обнаружил, что мне их очень не хватает, и они в Чикаго не очень хорошо себя чувствуют, я думаю, им будет полезно приехать на зиму сюда». Он был не менее чем раньше предан массовому благовестию, но эти девочки в Нортфилде... «Мистер Маршалл приехал сюда в субботу, и, конечно, мы задали ему массу вопросов о Нортфилде, — писала миссис Моуди в январе 1880 г. — Дети скучают по нашему дому... Д. Л. очень занят и чувствует себя

хорошо». Моуди же писал брату Эдвину: «Как ты думаешь телка Уилли когда-нибудь вырастет в корову есть ли какие-нибудь признаки его это очень волнует».

Наконец, весной 1880 г., Моуди смог увидеть начало работы школы. Было зачислено сто девочек. Несмотря на все промедления, мечта претворялась в жизнь.

Моуди говорил об этой мечте на официальной церемонии открытия первого пансиона во время летних каникул. Заметив, что «отсутствие образования всегда было моим большим недостатком. Я буду страдать от этого всю жизнь», — он продолжил:

— Я надеюсь, что и тогда, когда нас всех уже не будет в живых, школа эта продолжит существовать и нести благословение миру, здесь будут учиться проповедники, которые понесут язычникам Благою Весть, и она будет давать людям силу приводить души ко Христу.

«Слова этой молитвы, — сказал один человек из Бостона, — огнем пылали в наших сердцах». Моуди поблагодарил Бога за то, что Он вдохновил создание школы, за друзей, которые помогли материально... «О Господи, я молю о том, чтобы сюда приходили только те учителя, которые получили наставления Духа Святого; и только те учащиеся, сердце которых ощутило прикосновение Духа. О Боже, мы принадлежим Тебе, это здание — Твое! Мы посвящаем его Тебе. Бери его, храни и благослови, в силе Своей!»

24: Оба берега реки

Моуди никогда не забывал о том, как в свое время чуть не деградировал, превратившись в суматошного организатора учреждений. «Чикагский пожар был поворотным моментом в моей жизни. Я так привязался к Фаруэлл-холлу и к работе в разных комитетах, я хотел, чтобы мои предприятия процветали, потому что они — мои, я забыл о Господе, душа моя была отягощена, и

работа — неплодотворна. Пожар был откровением, я смог взять шляпу и выйти наружу!»

И вот снова, через восемь лет после пожара и последовавшего за ним эпохального опыта, он снова посвятил себя основанию учреждений. Что, если эта деятельность опять помешает ему «проповедовать Христа и работать для душ»?

Моуди осознавал эту реальную опасность, однако был уверен, что, основывая школу, исполняет божественный наказ. По пути в Чикаго и Сент-Луис он провел небольшую кампанию и съезд в Кливленде, штат Огайо.¹⁶ Однажды утром, в ту самую неделю, когда первые девочки начали заниматься в Нортфилде, он посетил молитвенное собрание в одной из кливлендских церквей. Собрание началось кратким обращением местного представителя методистской церкви, с которым Моуди еще не был знаком, Генри Бернса Хартцлера, на тему «Молитва о церкви». Моуди сидел прямо напротив выступающего, в своей характерной позе, со склоненной вперед головой, словно она была слишком тяжела для короткой шеи, борода падала на грудь. Хартцлер говорил «о совершенной необходимости присутствия Духа Святого для успеха церкви и т. п.". «Вдруг», — обратил внимание Хартцлер, — Моуди «поднял голову, посмотрел на меня, как молнией пораженный, и снова принял прежнюю позу. После собрания он подбежал ко мне, схватил меня за руку и повел в кабинет пастора. Он сказал резко:

— Я хочу, чтобы вы приехали в Нортфилд следующим летом. Вы приедете? Я хочу устроить собрание, чтобы взывать к Богу. Вы мне нужны».

¹⁶ Генри Драммонд, у которого было несколько свободных дней перед отплытием в Шотландию, отказался от возможности пообедать с Лонгфеллоу и Оливером Уэнделлом Холмсом в Бостоне, чтобы устремиться в Кливленд, где он обнаружил своих старых друзей ничуть не изменившимися: «мистер Сэнки, как всегда, в безупречном костюме с черным галстуком, мистер Моуди — с постоянно мятым воротничком».

Моуди внезапно перестал бояться. Как мог он сомневаться, что Господь укажет ему выход? Школа не заставит его забыть о Боге; напротив, она станет источником все большего благословения, все более глубокой радости для него самого и для сотен, может, даже тысяч других людей. Холм с круглой вершиной станет горой преображения, на которой они увидят Иисуса. Он подарил библейские чтения своим нортфилдским землякам, долгими летними вечерами сидящими во дворах; в городе регулярно проводились молитвенные собрания; но теперь все будет иначе.

Погруженный в зимнюю кампанию, он ничего не делал для этого, пока не вернулся в Нортфилд и не настало лето. 2 июля 1880 г. он вскользь упоминает о своем проекте в благодарственном письме за присланный чек: «Я должен сказать, что надеюсь провести христианскую конференцию здесь где-то в конце августа — начале сентября, мне бы очень хотелось, чтобы вы приехали». «Я очень хочу, — писал он Фаруэллу, — чтобы вы приехали и вместе с нами обращались к Богу несколько дней... Приезжайте и привозите с собой столько жаждущих христиан, сколько сможете».

В первые дни августа он разослал приглашения на «Молитвенный созыв», который должен был состояться в период с 1 по 10 сентября, «темой которого будет не столько изучение Библии (хоть мы и будем ежедневно искать в Писании наставления и обетования), сколько торжественное посвящение наших жизней Богу, мольбы об обетованиях и новом даровании божественной благодати». Приглашение было адресовано «всем христианам, алчущим близкого общения с Богом и силы для выполнения Его работы». Хартцлеру он написал: «Так вы приедете? Я ХОЧУ вас видеть больше, чем кого бы то ни было в этой *стране*, и *не* говорите мне НЕТ, но приезжайте, давайте вместе взывать к Богу».

Моуди установил большую палатку на холме, который скоро будет известен как Круглый. Размещать прибывших предполагалось в недавно достроенном пансионате, Ист-холле, были поставлены кровати в актовый зал, люди наполнили Поместье, было снято несколько квартир в городе. Некоторые расположились в палатках в тенистых уголках. Ежедневно приходило бесчисленное количество посетителей из соседних поместий, так что на основных собраниях число участников достигало трехсот. Присутствовали представители всех тридцати семи штатов; Моуди призвал канадцев, британцев и других заокеанских гостей, оказавшихся на тот момент в Америке. (Специально из-за океана в тот раз еще никто не приезжал, это будет на следующих конференциях.) «Он попытался, — пишет один из участников, С. Ф. Хэнкок из Кливленда, в письме 1896 г., — собрать всех христиан, каких смог, и объединиться в одной искренней мольбе о возвращении силы Пятидесятницы. Для этого собрание должно было пасть ниц перед Богом... Первый съезд, нортфилдский, *par excellence* соответствовал моим душевным устремлениям».

— Не думайте сейчас о своих семьях, о своей работе и церквях, — умолял Моуди. — Не молитесь ни о чем и ни о ком, кроме самих себя. Прислушивайтесь только к собственному сердцу.

Никакой официальной программы у него не было, он попросил Хартцлера вести конференцию, «но я отказался, говоря, что ему предопределено вести ее. Он настаивал, чтобы я повторил то обращение, что произнес в Кливленде...» День заднем росло ощущение божественного присутствия, пока на одном из малых собраний все участники, двадцать шесть человек, сидящие на соломенном полу палатки (стульев не было), не встали в круг, взялись за руки и торжественно поклялись «хранить верность Богу и друг другу». Расчувствовавшись под

влиянием момента, один человек предложил поклясться до самой смерти ежедневно молиться друг за друга.

— Нет, — сказал Моуди, — молитесь, но не превращайте сладостную привилегию в тяжкую обязанность.

Моуди старался держать конференцию в определенных рамках, подавляя чрезмерные всплески эмоциональности.

— Ах! — вздыхал один из участников. — Мне хотелось бы получить здесь столько силы, чтобы хватило на всю оставшуюся жизнь!

— А вы не пробовали съесть столько завтраков, чтобы хватило на всю оставшуюся жизнь?

— Я пять лет прожил на горе Преображения! — заявлял другой.

— А сколько душ вы привели ко Христу в прошлом году?

И, к смущению собеседника, Моуди сказал:

— Нам не нужен *такой* опыт преобразования. Если человек поднимается так высоко, что уже не видит бедных грешников внизу, значит, что-то пошло не так.

Однажды теплым сентябрьским днем, во время беседы в большой палатке, полог которой был откинут, чтобы впустить внутрь ветерок, Моуди ударил ладонью по шести. Один служитель епископальной церкви («напыщенный и официозный») в первом ряду уже во второй или в третий раз за день высказывал свое мнение.

Моуди резко заявил:

— Братья! Кто из вас уже настолько возрос в благодати, что готов выслушать о своих ошибках?

Многие подняли руки.

Моуди уставился прямо на служителя из первого ряда, высоко поднявшего руку:

— Брат, за три дня ты уже выступил тринадцать раз. Возможно, заткнув рот двенадцати другим добрым людям.

Молодой человек пылко защищался. Тут вдруг «поднялся человек из внешнего круга с кислым лицом истинного янки и резко упрекнул Моуди в грубости».

Моуди покраснел. Он кротко выслушал тираду, потом закрыл лицо руками. Сквозь пальцы проговорил:

— Братья, я признаю свою вину, в которой упрекает меня наш брат. Но, братья, *я-то руки не поднимал!*

Однажды вечером в Ортодоксальной церкви произошел тот знаменитый случай, о котором Э. С. Миллэйнс в 1907 г. написал как «о величайшем деянии Моуди, свидетелем которого я когда-либо был».

Моуди, стоя на возвышении, начал говорить о высоких требованиях, которые должны предъявляться к «истинному служителю Иисуса Христа». Он изобличал недостатки и яркими красками рисовал образ нерадивого священника, слова его «пронизывали нас насквозь». Вдруг с первого ряда поднялся симпатичный студент Ньютонской богословской семинарии («он был откровенен и непринужден, но не груб»):

— Мистер Моуди, я не так уж много видел таких служителей, как вы описываете!

— Проживете подольше, молодой человек, так увидите! — отрезал Моуди. — Подождите, пока у вас борода не вырастет!

И он продолжил свое обращение.

Эта реплика, вспоминает Миллэйнс, «была не злой, но ранила. Я думаю, что все в часовне опечалились, молодой человек расстроился. Но Моуди говорил слишком хорошо, и в помещении царил такая атмосфера любви и молитвы, что одна фраза не могла испортить собрания». По мере того как Моуди развивал свою тему, неприятный момент был забыт. Моуди закончил речь. Помедлил. Затем он сказал:

— Друзья, я должен признать перед вами всеми, что совершил ошибку в начале собрания. *Я* глупо ответил

нашему юному брату. *Я* прошу у Бога прощения. *Я* прошу прощения у брата.

И, еще до того как кто-либо понял, что происходит, самый знаменитый в мире проповедник сошел с возвышения, ринулся к никому не известному юноше и схватил его за руку. Как сказал еще один присутствующий: «Этот железный человек доказал, что освоил произношение самых сложных на свете слов: “Я не прав”».

Во время этой первой Нортфилдской конференции — присутствующие решили провести следующую подобную конференцию через год и отвести на нее весь август — письма и телеграммы поступали на нортфилдское почтовое отделение бесконечным потоком, в ответ на просьбу Моуди, чтобы симпатизирующие мероприятию присылали свои «приветы, поздравления и просьбы о молитве».

Моуди откладывал в сторону эти письма до девятого дня. По свидетельству Хартцлера, «более трех тысяч просьб о молитве накопилось на письменном столе Моуди», и, вероятно, на нескольких стульях вокруг него. В два последних дня, когда съезд подошел к своей кульминации, Моуди прочел их на запоминающихся молитвенных собраниях, слава о которых пронеслась по всем Соединенным Штатам и достигла заокеанских стран.

У самого Моуди было только одно конкретное прошение. В последний день он объявил, что в Нортфилде, помимо Семинарии, будет также открыта школа для мальчиков.

За несколько месяцев до того в Поместье Моуди зашел пожилой джентльмен необычной наружности. Хайраму Кэмпбу было семьдесят лет, одет он был (вспоминает Уилл Моуди) в «черный сюртук из тонкого сукна, брюки странного покроя, старомодные сапоги под брюками, белую рубашу со свободными рукавами и старинным воротничком, строгий черный галстук, черный бархатный жилет, на котором красовалась золотая цепь с часами, дважды обернутая у него вокруг шеи, и

широкополую черную фетровую шляпу, из-под которой торчали волосы, белые, как снег». Борода его тоже была седой. Хайрам Кэмп был основателем Часовой компании Ньюхейвена, которая производила миллионы «долларовых часов» и дешевых никелированных будильников, тикавших на запястьях, стоящих на каминных полках большинства американцев и будивших массу народа от Калифорнии до мыса Код. Эта фирма действительно могла претендовать на звание «величайших в мире производителей часов».

Хайрам Кэмп был старым весельчаком, умелым рассказчиком, знатоком лошадей и охотно оказывал покровительство. Будучи президентом компании, он лично раздавал зарплату каждую субботу. После Ньюхейвенской кампании 1878 г. он стал пылким почитателем Д. Л. Моуди. И теперь он приехал в долину реки Коннектикут просить у Моуди совета.

Они сидели в библиотеке. Кэмп сказал, что семья его уже обеспечена средствами, теперь он хотел бы заняться благотворительностью. Что посоветовал бы мистер Моуди, спросил он со своим протяжным акцентом.

— Вы не к тому человеку пришли. Я не могу ничего посоветовать. Почему бы вам самому не распорядиться своими деньгами? Вы получали удовольствие от их зарабатывания. Теперь попытайтесь научиться отдавать.

Эта памятная беседа так и продолжалась: Кэмп задавал вопросы, с тягучим акцентом янки, а Моуди отвечал на них, тоже с акцентом янки, но скороговоркой.

— На что мне выделить деньги? — тянул Хайрам.

— В какую церковь вы ходите?

— Кон-гре-га-ци-о-на-лист-скую.

— Почему бы вам не дать деньги своей собственной церкви? Есть масса специальных организаций. Они хорошо управляются с деньгами и приносят пользу.

— Мне хотелось бы выделить деньги на что-нибудь конкретное.

— Хорошо, вот вам конкретное. Мне хотелось бы открыть школу для мальчиков. Я не могу добавить ко всем моим заботам еще и школу с совместным обучением. Организуйте школу для мальчиков так же, как я организовал школу для девочек. Это нечто конкретное, вы сможете видеть, как она будет расти.

Кэмп заразительно засмеялся:

— Я слишком стар. Боюсь, я уже утратил контакт с молодежью. Но я могу сказать вам, что я сделаю. Если *вы* организуете такую школу, я дам вам на это двадцать пять тысяч долларов.

— *Что?*

Моуди попался. Он не собирался открывать школу для мальчиков прямо тогда. Но он уже думал о такой возможности, потому что в предыдущем ноябре, когда была выставлена на аукцион славная ферма на противоположном берегу реки, Х. Ф. Н. Маршалл приобрел ее, дав Моуди право выкупить ее в течение года за ту же цену. Владельцем фермы был не кто иной, как Эзра Перпл-младший, сын кредитора Бетси, того, который в 1841 г. вломился к ней в спальню после рождения близнецов, требуя денег. Моуди, бывший тогда подростком, поклялся отомстить «старому медведю» и заявил, что когда-нибудь купит его ферму. После смерти «старого медведя» ферма была разделена на две части. Моуди владел теперь северной половиной. Южная, меньшая по размерам, была продана младшим из сыновей «старого медведя» его двоюродному брату, Джону

Перплу. Чтобы проектируемой школе хватило места, необходимо было приобрести все поместье Перплов, около двухсот семидесяти пяти акров.

Хайрам Кэмп участвовал в Нортфилдской конференции и слышал, как утром последнего дня, в понедельник 10 сентября 1880 г. Моуди объявил об анонимном пожертвовании 25 000 долларов на основание школы для мальчиков. На следующее утро Моуди

спустился в конюшню около четверти пятого, запряг в повозку Серую Нелли и исчез в облаке пыли со своей привычной скоростью (местные шутили: «Отчего Д. Л. так хорош? Потому что гонит с такой скоростью, что и дьявол не угонится»)¹⁷.

Еще не было пяти, когда он стучал в дверь своего двоюродного брата Джонатана Холтона, ферма которого граничила с поместьем Перплов. Джонатан доил коров. Моуди попросил кузена срочно приобрести ферму у Джона Перпла, пока не распространился слух о школе и он не сообразил, что к чему, Моуди вынул из кармана два заранее подготовленных бланка соглашения, которое должны были подписать покупатель и продавец, Джонатан забрался в повозку и укатил.

К полудню договорились о цене, соглашение было подписано, а через десять дней Моуди привез Хайрама Кэмп и еще троих друзей посмотреть на место. Они осмотрели здания, поднялись на вершину холма, с которого можно было обозревать участок до самой реки. К северо-востоку простирался Нортфилд со своими вязами и Нортфилдскими горами на заднем плане, к северу — зеленые холмы Нью-Гемпшира. Они погуляли по холмам, перебрались через забор и углубились в лес, потом присели на мох в тени большого дерева, и Моуди рассказал им о «старом медведе» Перпле, и, как вспоминает один из друзей, «восхищенно отзывался о том, как Бог распорядился событиями, говоря, что считает происшедшее с фермой чем-то вроде “поэтической справедливости”». Под тихой сенью леса они «по очереди молили Бога принять и благословить их новый замысел».

Вернувшись в Нортфилд, они стали обсуждать название школы, и Кэмп перед отъездом в Ньюхейвен

¹⁷ Однажды Моуди с такой скоростью вез П. П. Блисса на собрание в Гринфилде, что, «когда они прибыли, мистеру Блиссу было плохо, и ему пришлось на время прилечь, чтобы быть в состоянии петь» (У. Т. Холтон, рукопись).

предложил название «Гора Ермон»: эта упомянутая в Библии гора находилась на дальнем берегу реки, она «о имени Твоем радуется», а в великом, хоть и кратком псалме о единстве, сто тридцать втором, сказано, что «там заповедал Господь благословение и жизнь на веки».

«Гора Ермон», как и Нортфилдская семинария, строилась в отсутствие Моуди. В октябре семья уехала на зиму, на этот раз — очень далеко от Нортфилда, на Тихоокеанское побережье.

Сначала Моуди принялся за спасение погрязшей в долгах, забывшей о своих целях и находящейся в упадке ИМКА Сан-Франциско. По-прежнему утверждая свою систему ценностей, он принялся за пробуждение церковей «Дикого Запада». К 9 февраля 1881 г. он мог написать Сайрусу Х. Мак-Кормику в Чикаго: «Вы будете рады узнать, что наша работа на Тихоокеанском побережье угодна Богу». Посещение нескольких церковей «резко возросло». «Работа идет очень хорошо. Но меня волнует, как это будет продолжаться после моего отъезда...» Так как «среди бизнесменов и особенно молодежи здесь очень мало христиан», а Мак-Кормик, со своими комбайнами, был «широко известен всему побережью», Моуди просил его выслать 10 000 долларов для основания фонда на строительство здания ИМКА. Мак-Кормик отвечал: «У меня и здесь слишком много дел, чтобы удовлетворить ваши потребности», — однако позже сдался и помог собрать 82 000 долларов. К моменту отъезда Моуди в конце марта ИМКА превратилась в «место спасения молодежи», появились новые работники и новое рвение.

Когда наступила весна 1881 г. и путешествие через горы стало не опасным, а только тяжелым, Моуди с семьей и командой отправился на восток. В Чикаго в разговоре со старым другом Б. Ф. Джэйкобсом, учителем воскресной школы, Моуди поделился своими мыслями:

— Джэйкобс, иногда я думаю, не больше ли смысла в твоей работе, чем в моей... Я сражаюсь за спасение людей,

которые выросли в грехе и закоснели в нем, в дурном окружении, с дурными привычками. Возможно, мне удастся достучаться до одного из десяти. И я не уверен, что этот один исправится. Я не уверен, что после того, через что они прошли, его раскаяние и победа над грехом будут искренними. Ты, Джэйкобс, работаешь с молодыми, у которых привычки еще не сформировались. Ты бросаешь семена в самую драгоценную почву. О, не оставляй этого занятия! Эти семена взойдут. Я не знаю, будет ли хотя бы один из десяти моих обращенных приносить какую-то пользу, работая для Христа, но ты можешь не только приводить их к Иисусу Христу, но и увидеть, как благословенно служение Ему. Девять из десяти твоих воспитанников устоят в вере и будут преданны Богу и Иисусу Христу.

Семинария, в которой уже занималось более ста девочек, оправдывала свое существование. Северный дом «Горы Ермон» был расширен, была приглашена смотрительница, вдова проповедника, работавшего в Турции. Школа на тот момент предназначалась для обучения маленьких мальчиков, от восьми до пятнадцати, и учителем была назначена женщина, Мэри Луиз Хэммонд.

Заявки на поступление в школу накапливались, их уже было больше ста. Мэри Хэммонд вспоминает, как отвечала на них под руководством Моуди, «и дорогая миссис Моуди сидела рядом (в его библиотеке) и незаметно помогала. Вы знаете, она всегда была “уравновешивающей силой”. Помню очень хорошо, как я прочитала вслух письмо какой-то матери, которая пространно описывала хулиганства своего отпрыска и т. д. и т. п., и как она хочет, чтобы он жил под одним кровом с мистером Моуди и т. д.... Моуди отверг заявку:

— У нас не исправительная школа.

Другая писала, что мальчик у нее не особо одаренный, но она хочет его прислать, потому что не знает, что еще с ним можно сделать. Она даже не вложила марку

для обратного ответа, и Моуди велел бросить это письмо в мусорную корзину, глядя на свою жену, словно говоря: как можно быть *такими*? Я вспоминаю, как она предлагала время от времени ответы, которые могли бы подсказать матерям найти какой-нибудь другой выход, потому что для их детей не подойдет школа “Гора Ермон” — и при этом это были мудрые предложения».

Первый мальчик прибыл 1 мая. Это был мальчик из бедной семьи по имени Томми Томкинс. 12 мая Моуди писал своему племяннику Эмберту, которому было уже почти восемнадцать, он занимался в Бостоне на курсах, чтобы стать школьным интендантом: «Твой отец вчера выводил овец на пастбище я купил 25 старых и 25 ягнят для школы мальчиков и мы сегодня перегнали к ним коров с Южной фермы и от меня так что у нас здесь 8 коров и будет 75 кур. Одна из индюшек что ты купил высиживает яйца и я собираюсь завести гусей чтобы было веселее. У нас завтра вечером уже будет несколько мальчиков... и ждем еще ребят на следующей неделе».

Уроки начались 1 июня, когда прибыло 13 ребят. Программа была примерно такой же, как и в Семинарии, мальчики занимались ручным трудом на ферме и обрабатывали землю. В глубине души мисс Хэммонд казалось, что им будет трудно: «Я знала, что большая часть мальчиков — городские, они не привыкли быть весь день на солнце, на жаре и холоде, я часто боялась последствий». Моуди ничего не боялся. Он часто приезжал в школу на Серой Нелли, и мальчики «мчались вниз по склону холма и кричали, когда видели его. Любой из них мог пробежать через десять акров вспаханного поля, чтобы открыть ему ворота, если его серая кобыла выбирала этот путь». Для Моуди, его повозки и Серой Нелли было все едино: пахота, пастбище или дорога. Иногда он прерывал работу, чтобы отвести ребят поплавать в реке. Его страсть к холодной воде невозможно было утолить, шла речь о плавании или питье — во время еды он выпивал по четыре — пять

стаканов воды. Он присутствовал на занятиях, устраивал мальчикам соревнования, привозил массу посетителей со второй Нортфилдской конференции посмотреть на новую школу, стоящую на склоне холма между двумя деревьями гикори.

Для Моуди мальчики и девочки были как родные, и атмосфера в школе сильно отличалась от обычной атмосферы публичных школ — с белеными стенами, однообразными столами и плохим питанием; к тому же, плата была невысокой.

Хайраму Кэмпбу Моуди писал 12 июля 1881 г.: «Если бы вы... могли увидеть мальчиков за занятиями, работой или игрой, вы бы поняли, насколько приятнее отдавать, чем получать, и вы бы уже не жалели тех усилий, которых стоило вам заработать 25 000 долларов».

Пока Моуди и Серая Нелли сновали взад-вперед между Семинарией и «Горой Ермон», его волновало только одно: он понимал, что Чикаго отошел для него на задний план. Во время кампании 1876 г. Моуди поговаривал об открытии «школы для подготовки проповедников, помощников пасторов и т. п.". — но ничего для этого сделано не было.

Однако нортфилдские школы работали. Моуди теперь мог откликнуться на непрерывные приглашения снова посетить Великобританию, и 22 сентября 1881 г. Моуди и Сэнки с семьями отплыли из Нью-Йорка.

Благодаря основанию школ и тому влиянию, которое они оказали на жизнь основателей, Моуди смог превратить свой второй визит в Британию, в 1881 — 1884 гг., в событие не просто национального, но всемирного масштаба.

Часть четвертая

СИЛА ХРИСТИАНСКОГО СОЮЗА 1882 —1899

25: «Данил» в Кембридже

Джон Эдуард Кайнестон Стадд из колледжа «Тринити», Кембридж, старший сын Эдуарда Стадда из Тедуорт-холла, сидел в клубе Питта 2 февраля 1882 г. и писал письмо. Снаружи ветер приносил клочья соломы с болот.

Кайнестону Стадду было двадцать четыре года. Он прекрасно играл в крикет. Его младший брат Джордж («Дж. Б".) был капитаном команды; следующий брат, Чарли («Ч. Т".), которому исполнился всего двадцать один год, был чемпионом крикета, известным всей Англии, лучшим крикетистом лета 1882 г., великолепный У. Дж. Грэйс отзывался о нем как о «самом блестящем члене» семьи. Ч. Т. станет капитаном Кембриджской команды в следующем году, а Дж. Э. К., хоть и старший брат, станет его преемником в 1884-м (он позже начал заниматься), однако, семейный рекорд так и не будет побит. Положение игрока крикетной команды в Кембридже в восьмидесятых годах девятнадцатого века было чрезвычайно почетным и престижным, и, несмотря на смерть отца, Стадды были весьма богаты.

Кайнестон Стадд писал: «...Мы уже просили (в прошлом октябре) мистера Моуди приехать сюда, если он будет в Англии, в особенности если поедет на юг. Когда он в прошлый раз был в Англии, триста студентов подписали обращение к нему с просьбой приехать. Сейчас мы легко можем найти, может, и больше людей в университете, готовых подписать подобное обращение. Мы боимся, что в следующем семестре от приезда мистера Моуди не будет

большой пользы, потому что все будут заняты учебой и спортом...» Стадд был президентом Кембриджского христианского союза, образованного несколько лет тому назад, и, помня, как его отец стал «игроком на поле христианства», по формулировке Чарли, он решил организовать визит Моуди в Кембридж.

13 февраля Моуди ответил из Глазго своему другу, действовавшему в качестве посредника: «Несколько дней тому назад я получил ваши добрые письма, а также другие, из Лондона и Кембриджа. Спасибо большое. Я очень заинтересован и благодарен вам за приглашение посетить Кембридж, особенно я рад тому, что одно из писем пришло от сына моего большого друга, мистера Стадда». Последовала дальнейшая переписка, и Моуди с Сэнки приняли приглашение посетить Кембридж на восемь дней в ноябре 1882 г., подписанное студентами, преподавателями и священниками.

Один из подписавших сделал это неохотно. Хэндли Моул, будущий епископ Даремский, благочестивый и образованный директор нового Богословского колледжа Ридли-холл, возглавлявший многочисленные мероприятия благовестил в Кембридже, восхищался Моуди, но боялся, что самая нетерпимая и трудная аудитория в мире «не проникнется». В 1882 г. в Кембридже было около трех с половиной тысяч студентов, почти все — из влиятельных семейств, воспитанные в духе сухой религии в английских общественных школах. Многим не приходилось усердно заниматься, потому что не надо было зарабатывать на жизнь. Несмотря на то что многие студенты были «благочестивы» и унаследовали традицию ежедневных молитвенных собраний, продолжавшуюся двадцать лет, и существование Христианского союза, нахальные интеллектуалы или заядлые спорщики могли не принять Моуди благосклонно.

После обеда в субботу 4 ноября, в прекрасный осенний день, Моуди и Сэнки прибыли в Кембридж на

поезде на вокзал Сент-Пэнкрас, вместе с миссис Моуди и маленьким Полом (войдя в часовню Королевского колледжа, маленький Пол спросил:

— А где комната для собеседований?)

— Никогда и нигде, — говорил потом Моуди, — я не волновался больше, чем в Кембридже. Я никогда не имел возможности получить университетское образование и нервничал, думая о встрече с людьми из университета.

Прошел год с тех пор, как Моуди и Сэнки с семьями высадились в Ливерпуле, где «даже офицеры таможни, — пишет миссис Моуди, — подходили, чтобы пожать руки Д. Л., когда он сошел с корабля, и говорили ему, как рады снова его видеть в своей стране. На вокзале подошла дирекция железной дороги, чтобы поприветствовать его и сказать, как полезно было его пребывание в Ливерпуле... Мы получили массу приветственных писем».

Проповедники начали работать в Нью-Касле, потом провели шесть недель в Эдинбурге («Собрания здесь проходят замечательно, и Д. Л. очень ободрился»), а в начале 1882 г. — пять месяцев в Глазго.

На этот раз они обычно не гостили в частных домах, но снимали жилье. Юная Эмма, которой было семнадцать, продолжала брать уроки у своей двоюродной сестры, Фанни Холтон, которая также была няней Пола, в то время как Уилли, «симпатичный молодой человек, преданный отцу», был отдан в школу. Пол, которому не было еще трех лет, в Эдинбурге тяжело заболел. «Наш дорогой маленький друг был действительно тяжело болен, — писал Моуди брату Джорджу, — я даже несколько дней боялся, что он не выкарабкается, ни один доктор не понимал, что с ним, но сейчас он поправляется». Болезнь Пола заставила Моуди начинать работу в Глазго без семьи. От этого его тоска по дому усиливалась. «В Америке мне нравится гораздо больше, чем в этой стране, — писал он мрачным январским днем, — мы редко видим здесь солнце, тут так пасмурно и темно большую часть времени, но сейчас дни

уже становятся дольше, и я чувствую себя менее одиноким». Он регулярно переписывался с Нортфилдом, где, несмотря на расходы, уже установили телефон — прибор, который в Глазго видели редко. Моуди отвечал на письма мальчиков и девочек. «Мне хотелось бы, чтобы вы сказали мальчикам: я рад получать весточку от них время от времени», — писал он учителю Джорджу Крэйджину.

Джейн Маккиннон, которая была в восторге оттого, что ее старые друзья снова в Шотландии, обнаружила, что борода Моуди стала покороче, волосы поредели, но в них по-прежнему было очень мало седины. «Это был все тот же простой, прямолинейный и чувствительный человек... Мы подумали, что он стал спокойнее — возможно, сказывалась разница между тридцатью семью и сорока пятью годами. Но... он был полон силы, не всегда природной. Казалось, что он стал ближе к небесам».

Джейн продолжает: «На этот раз мне очень недоставало его маленьких странностей — отчасти свойственных американцам, отчасти индивидуальных — которые так привлекали и забавляли нас. Я осмелюсь сказать, что он стал лучше, но лишился части той уникальности и пикантности, которую мы так любили». Она обратила внимание, что Моуди «кажется, носит с собой маленькую библиотечку; хотя представить себе не могу, как он находит время для чтения». Кроме того, ей показалось, что он «уже не такой шутник, как прежде»: видела бы она, как в 1883 г. в одном ирландском отеле Моуди, Сэнки и Уиттл гоняли крысу (и заодно друг друга) кочергой!

Возвращение в Глазго через восемь лет привело к новому всплеску популярности Моуди. «Кристиан» сообщала, что толпа «забила улицы на многие часы, и собрания сопровождалось таким возбуждением, что проводить собеседования даже не пытались... в других движениях пробуждения возбуждение бывало полезно, но в этом — наоборот. Вместо того чтобы воспользоваться

ситуацией, мистер Моуди молил о вечере, исполненном тихой силы и божественного шепота». В течение нескольких месяцев кампании, которая велась с размахом и участием объединенных церквей, Моуди не пытался взять на себя такой груз, как в 1874 г. «Д. Л. — писала миссис Моуди Эдвину в Нортфилд 19 апреля, — работает усердно, но чувствует себя *очень хорошо*, голова у него болит о гораздо меньшем, чем обычно. Сейчас он проповедует в очень бедном районе Глазго, среди людей, каких вы в жизни не видали. У вас бы сердце кровью обливалось, если бы увидели всю глубину здешнего безобразия, и большей частью оно вызвано пьянством... Жители Нортфилда вряд ли могут представить себе порок, который царит в беднейших районах больших городов. Фанни и Эмма отправились на побережье подышать свежим воздухом — думаю, это ветер прямо с Северного полюса...»

Шотландская миссия проходила менее зрелищно, чем в 1873 — 1874 гг. «Сейчас не было таких очевидных внешних результатов», писал Джон Мак-Нейл. С одной стороны, то ревностное благовестие, которое в 1874 г. было чем-то новым и потрясающим, теперь превратилось во многих приходах в привычную зимнюю процедуру. К тому же масса энергии, которая могла бы быть потрачена на благовестие, уходила на сражения с резкой критикой, которая в то время была очень сильна.

Начало лета 1882 г. они провели в Северной Шотландии. Моуди получал приглашения из всех частей Великобритании — «столько за всю жизнь не объедешь» — и согласился, после двухнедельного отдыха в

Швейцарии, провести ряд коротких миссий в провинциальных городках Уэльса и Англии, с сентября по апрель 1883 г. Путь его был отмечен возникновением зданий ИМКА и миссий, которые создавались почти в каждом из посещаемых им городов.

Но время показало, что самым важным событием этого периода, как для самого Моуди, так и для всего мира, стало недельное приключение в Кембридже.¹⁸

При посещении Кембриджа планировалось охватить служением город и университет.

Утром в воскресенье 5 ноября, на массовом молитвенном собрании, в котором участвовали представители церкви и верующее студенчество, Моуди выступил с речью, которая показалась Хэндли Моулу «просто восхитительной и призывающей силу Духа для служения»; сидевший же в двух рядах позади Моуди Дж. Э. К. Стадд «упал духом, когда услышал, что он говорит не так, как мы, что у него не такой, как у нас, акцент, я побоялся, что студенты, всегда озорные и готовые осмеять все, что угодно, поведут себя плохо». Ухудшало ситуацию еще и то, что 5 ноября был днем Гая Фокса, и, хотя традиционный ежегодный костер и фейерверки, а также драки городских хулиганов с полицией, должны были состояться в понедельник, настроение молодежи напоминало пороховую бочку.

Когда Кембридж наполнил звон многочисленных часов колледжей и церковью, бьющих восемь, новое

¹⁸ В октябре он предпринял двухнедельную поездку в Париж. Среди британских городов, которые он посетил, можно назвать Суонси, Кардифф, Плимут, Бристоль, Портсмут, Брайтон, Ливерпуль, Бирмингем. Интересно ранее не публиковавшееся свидетельство из частного письма четырнадцатилетнего Томми Бьюэса, младшего из двенадцати детей адвоката, из Плимута к сестре Эви, от 29 сентября 1882 г.: «Я пишу тебе, чтобы сообщить хорошие новости, которые ты будешь рада слышать. Я был на одном из собраний Моуди и Сэнки во вторник, и теперь я спасен. Он говорил о девятом стихе третьей главы книги Бытия. Где ты? Он сказал, что это — первый вопрос, который в Библии Бог задает человеку, и это первый вопрос, который люди должны задать себе, и есть еще два вопроса: куда ты идешь? и что ожидает тебя в вечности? Я не думаю, что он мог бы выбрать вопросы лучше. Спасибо тебе большое, что ты молилась обо мне...» Томми станет преподобным Т. К. Бьюэсом (1868 — 1949). (Письмо предоставлено его сыном, преподобным Т. К. Ф. Бьюэсом.)

уродливое здание Хлебной биржи, похожее на пещеру и служившее местом всех важных собраний в жизни города, начало наполняться шумными студентами. «Они входили, болтая, смеясь, толкались из-за мест рядом с друзьями». Семьдесят человек, невзирая на насмешки, согласились петь в хоре («Я бы и за двести фунтов на это не пошел», — высказался один из прибывших), было исполнено несколько гимнов, воспринятых, как представление в Мюзик-холле. Несколько шалопаев попытались соорудить пирамиду из стульев. В окне взорвалась петарда. Всего пришло семьсот студентов, большей частью младших.

Хор допел. Открылась дверь. Хэндли Моул, Джон Бартон, викарий церкви Святой Троицы, профессор Бэбингтон (профессор ботаники; он серьезно простудился из-за любви Моуди к сквознякам) и другие преподаватели и священники вывели на сцену Моуди и Сэнки. Раздались свист и крики. После исполнения «Иисус, Возлюбленный моей души» Бартон произнес молитву. Некоторые «дурно воспитанные молодые люди», как назвала их миссис Бартон, узнав о происшедшем, ответили криками: «Слушайте! Слушайте!»

Сэнки запел «Девяносто девять», которой всегда удавалось успокоить и тронуть аудиторию; «студенты, — вспоминает он, — слушали первый куплет в полном молчании, но после начали сильно стучать об пол тростями и зонтиками, крича: “Слушайте! Слушайте!”» После каждого куплета раздавались возгласы: «Бис!» Когда они погубили «Человека скорбей», Сэнки чуть не заплакал. Два или три преподавателя успокаивали наиболее шумных, стараясь поддерживать порядок, в то время как Моуди вежливо заметил, что это не политический митинг. «Это богослужение, и подобное поведение здесь неуместно».

Он приготовил проповедь на свою любимую тему, подходящую для открытия — Даниил в львином рве, тема веры и человеческой отваги. «Его обрывистое произношение “Данил” оказалось последней каплей, —

вспоминает юный Барклэй Бакстон из колледжа Тринити, — для тех хулиганов, которые пришли позабавиться, и они начали кричать “Данил, Данил”, каждый раз, когда звучало злополучное имя». Шутники приветствовали воплями американизмы или небританские интонации; неосознанное «клокотание, которое звучало в его горле перед произнесением благочестивых реплик» тоже было осмеяно. Раздались взрывы оглушительного хохота, издевательские выкрики: «Браво!»

Университетский еженедельник «Кембридж Ревю» сообщил, что «большинство слушало богослужение с большим вниманием и недвусмысленно выразило свое неудовольствие меньшинством». Однако заткнуть рот шутникам не удалось: «Мы пришли сюда разлечься, и, клянусь Юпитером, мы получили удовольствие!» Моуди обратил внимание на одного особо элегантного молодого человека в первом ряду, который из всех сил дурачился и явно возглавлял остальных. Поколение менее темпераментное и более равнодушное, которое предпочло бы ни во что не вмешиваться, поразилось бы, видя такую самозабвенную травлю Моуди студентами 1882 г. Если бы он утратил самообладание, история той недели и всех последующих была бы иной. Юный племянник Моула заметил, что «Моуди был явно огорчен», но истории и учение продолжались, хоть и не все могли их слышать: в Хлебной бирже была плохая акустика, чего не мог преодолеть даже голос Моуди.

Моуди хотел завершить собрание сразу же после заключительного соло Сэнки. Джон Бартон прошептал ему:

— Созовите молитвенное собрание. Попросите тех, кто хочет помолиться, задержаться на несколько минут.

Осталось четыреста человек, многие — из спортивного интереса и любви к честной игре, среди них — те, кто больше всех шумел, теперь они казались «тихими, тронутыми и явно раскаивавшимися в своем

недавнем поведении». Моуди снова произнес краткую речь, так же добродушно и снова про «Данила».

Члены Христианского союза разошлись по домам «с тяжестью на сердце». Их противники смеялись.

— Если необразованный человек *хочет* учить университетских, то он заслуживает осмеяния, — заявил элегантный юноша из первого ряда, Джеральд Лэндер, входя в Главные ворота колледжа Тринити. Моуди и Сэнки вернулись в отель в сопровождении Стадда.

— Ну что, Сэнки, — бодро сказал Моуди, сняв пропитанный потом воротничок, — что-то у меня нет особого желания снова предстать перед этой толпой.

Стадд пишет, что «мистер Сэнки был очень расстроен тем, как было принято его пение. Каковы были чувства мистера Моуди — не знаю, но это был человек очень смелый и решительный». Стадд помолился вместе с проповедниками о рвении и вере в предстоящие дни.

Утром в понедельник Моуди принесли визитку: «Мистер Джеральд Лэндер, колледж Тринити».

— Пусть войдет, — сказал Моуди.

— Я хочу принести извинения, сэр. И передать письменные извинения других.

— Заходите! — Моуди сердечно пожал ему руку.

Миссис Бартон говорит, что некоторые из «наиболее джентльменски настроенных молодых людей (хоть они и не разделяли мнений мистера Моуди) были так возмущены грубым поведением своих товарищей, что заставили их принести письменные извинения мистеру Моуди». Джеральду Лэндеру было поручено доставить их. Он пошел — как английский джентльмен, осознавший, что переступил границы приличия.

Они долго беседовали. Лэндер согласился, что в доказательство своей искренности он должен посетить следующее собрание. Если бы Моуди обладал способностью предвидеть будущее, он увидел бы, как этот молодой человек, сейчас интересующийся только скачками

и картами, станет епископом, проповедником в Южном Китае.

Под вечерние университетские молитвенные собрания был приспособлен гимнастический зал в Маркет-пэсседж, недалеко от Большой церкви Святой Марии, вмещавший пятьсот человек. Вечер понедельника был сырым. Когда «мы собрались в спортзале, — пишет У. Х. Стоун, студент, обращенный во время кампании Моуди в Сwonси за два месяца до того, — это зрелище способно было утратить самых отважных». В зале едва набралась сотня человек, среди которых было семьдесят хористов. Но Лэндер, кроткий и внимательный, сдержал обещание. Так как народа было мало, Моуди смог в конце собрания подойти к каждому по очереди. Моул отмечал в своем дневнике на следующий день: «Прошлым вечером на университетском собрании пять человек заявило о своей готовности принять Христа. Да позволит им Господь *устоять* и продолжать жить по-христиански!»

Во вторник Хлебная биржа наполнилась народом за час до начала, но в спортзале Моуди снова почувствовал себя «наткнувшимся на кирпичную стену». Одна пожилая леди, которая гостила у профессора Бэбингтона, предложила:

— Почему вы не соберете молитвенное собрание для матерей?

Моуди обычно приглашал матерей для молитвы об их сыновьях. Он никогда не пытался просить их молиться о сыновьях других матерей.

Утром в среду, пока колледж переваривал сдержанное, но красноречивое послание протеста от Стадда, появившееся в «Кембридж Ревью», Моуди в конце городского собрания «с невероятным тактом и чувством» собрал около ста пятидесяти матерей. Он вспоминал потом это молитвенное собрание как уникальное: «матери, одна за другой, плача, молились о молодых людях университета». Вечером в среду, пишет Дж. Э. Морган,

студент, сын одного из первых друзей Моуди в Великобритании, он «превзошел нас силой веры и показал нам, как мало веры у нас».

Спортзал постепенно наполнялся. Моуди, по мнению Моула, говорил «очень сильно — это был поразительный контраст с тем печальным выступлением в воскресенье вечером». Моуди чувствовал, что молитвы матерей не остаются без ответа. Он решил доказать это.

— У меня нет помещения для собеседований с вами, джентльмены, — заявил он, — но я уверен, что многие из вас готовы и жаждут принять Христа. Когда у вас трудности с математикой или классическими языками, вы, не колеблясь, обращаетесь к своим наставникам. Разве же будет неразумно, если вы придете со своими душевными проблемами к тем, кто способен помочь вам? Мы с мистером Сэнки будем рады поговорить с каждым, кто поднимется на вот эту свободную галерею. Давайте помолимся молча.

Галерея представляла собой возвышение «в самом центре зала на виду у всех», на нее вела дребезжащая металлическая лестница. Никто не мог добраться до этого импровизированного места для собеседований, не вызвав волнения среди своих друзей. В университетах, где эксцентричность часто высмеивалась, люди старались скрывать свои чувства, и трудно было сделать лучший выбор, чтобы предотвратить поспешное принятие решений.

Никто не шевельнулся. Моуди повторил призыв. «До третьего или четвертого призыва никто не отзывался», — пишет Стадд. Потом один из студентов колледжа Тринити, «среди ужасающего молчания», вышел вперед и, «чуть ли не скрывая лицо мантией, взбежал наверх через ступеньку». За ним последовали другие. Скоро спортзал наполнился лязганьем, люди один за другим поднимались наверх. Хор снова запел. Моуди сказал:

— Никогда еще студенты не казались мне такими симпатичными! — и повел Сэнки вверх по лестнице. Среди пятидесяти двух человек, поднявшихся на возвышение, был и Джеральд Лэндер.

«Кембридж, 9 ноября 82... Когда вы получите скот с карантина сообщите мне сколько это стоило у меня есть еще три но я не буду посылать их пока не узнаю сколько это стоит. Сколько вы выручили за шерсть и продали ли вы овец которые принадлежат школе для мальчиков... Случится ли так что у телушки Пола будет еще один теленок к весне я думаю это его обрадует и у пони Уилли может ли быть жеребенок это будет приятно Уилли но я не знаю может уже слишком поздно... Я надеюсь ты проследишь за Эмбертом и посмотришь чтобы он хорошо использовал удобрения...» В послании Моуди к Джорджу, написанном в четверг, ни слова не говорится о внезапной перемене духовного климата Кембриджа. «Никогда еще, — утверждает местная газета, — на памяти старейших обитателей не было в Кембридже столь грандиозных религиозных собраний». Люди всех слоев общества и всех возрастов стекались к Моуди в Хлебную биржу и спортзал. Из университета, из города, из поселений у реки и из других мест приходили самые неожиданные личности: заядлые курильщики, поклонники скачек, праздные гуляки — здесь они говорили и думали. Те, кто сопротивлялись Моуди, начали его уважать. Они признали, что в его проповедях есть «подлинная человечность».

Артур Бенсон из Королевского колледжа, отец которого стал за несколько недель до того архиепископом Кентерберийским, отправился в спортзал в четверг, «ведомый любопытством». Сэнки показался ему «громадным желчным»¹⁹ человеком, с черными волосами и

¹⁹ Сэнки, несомненно, растолстел, но никто больше не пишет, что он утратил внешнюю привлекательность. Бенсон описывает эпизод через двадцать два года, в почти художественном произведении. Имена Сэнки и Моуди не упоминаются. Рассказ этот содержится в книге

глазами, окруженными обвисшей, мешковатой, морщинистой кожей. Он плавно вышел вперед и занял место за маленькой фисгармонией, расположенной так близко к краю платформы, что, казалось, исполнитель и инструмент должны неизбежно перевалиться через край. Это было необыкновенно забавное зрелище. Страстно вращая глазами, он взял несколько простых аккордов — и необыкновенные перемены наступили в комнате. Сладким и мощным голосом, в котором изысканная простота сочеталась с неотразимым чувством, он запел “Девяносто девять”. Человек преобразился. Смертельная дрожь охватила слушателей, и я почувствовал, что мои глаза наполняются слезами; его отталкивающий физический облик куда-то исчез, остался лишь искренний импульсивный христианин, простая музыка которого проникала прямо в сердце».

В тот вечер обращение Моуди было посвящено «сеvu и жатве». Моул называет эту речь «благородным шедевром христианской праведности, мужества и мудрости; я считаю, что это был наиболее существенный вклад в моральное влияние, оказанное в тот период публичным благове-стием». Моуди «не произнес еще и нескольких слов, — пишет Артур Бенсон, — как я почувствовал, что вокруг не существует никого, кроме него и меня... С негодованием и жаром он изобличал грех, рисуя картину пустой, бессмысленной жизни с жалкими мирскими стремлениями — сугубо эгоистичную, без служения, без жертв, жизнь настоящим моментом, безвольное скольжение по волнам времени к ревущему водовороту смерти. Каждое произнесенное им слово пылало в моей душе. Казалось, что он разоблачил тайны, которые я

очерков А. К. Бенсона «Дом тишины», анонимно опубликованной в 1904 г., имя автора обнаружено позже. В первом издании Бенсон утверждает, что рассказ обнаружен в бумагах «дальнего родственника». Позже он признал, что рассказ основан на его собственном опыте.

скрывал в своем сердце, и обнажились, как перед Небесным Судьей, мои алчные и жалкие мысли. Мне казалось, что я не смогу дослушать его до конца — слова настигали меня, как удары ножа. Потом он внезапно сделал паузу и с невероятным достоинством и пафосом повел нас к стопам распятого Спасителя, указывая на Его кровоточащие руки и затуманенный взор, являющий Его безграничное сердце.

— Только *примите* Его, — вскричал он, — и в мановение ока вы будете принадлежать Ему — будете покоиться в Его руках — и все бремя греха и эгоизма упадет к Его стопам».

Бенсон не стал подниматься по железной лестнице, но «ринулся в ночь, как пораженный внезапным ударом... мне хотелось только бежать и остаться одному». Он не пытался поговорить с Моуди или с кем-то еще о своем душевном разладе, и «невыносимая депрессия» не покидала его долгие недели. Никогда больше, за свою почетную и долгую карьеру в Итоне и Кембридже, где он учил, писал, издавал и стал директором колледжа Магдалины, не обрел он того сердечного покоя, который предлагался ему в тот ноябрьский вечер.

Другие, как Артур Полхилл-Тернер, весельчак из колледжа Тринити, вынуждены были признать, что в жизни их «далеко не все в порядке». Тридцать человек вошло по лестнице, в том числе несколько «самых циничных и легкомысленных».

В пятницу и субботу к Моуди потоком текли посетители, и каждым вечером члены Христианского союза поражались и восхищались, глядя, как по железной лестнице поднимаются спортсмены и интеллектуалы, популярные и всеми любимые, раньше почти не думавшие о религии; и те, кто еще накануне смеялся, на следующий день показывали, как сами последовали совету Моуди: «Никто не может по-настоящему принять Христа в сердце своем, если не рассказывает об этом своим друзьям».

Последнее университетское собрание состоялось вечером в субботу в Хлебной бирже, наполненной до отказа.

В туманный сырой день 12 ноября 1882 г. состоялось, как пишет газета, «четыре таких собрания, каких город еще не видывал». Однако, несмотря на сильное влияние на город и окрестности, «успех, насколько можно судить, был более значительным и реальным среди университетских студентов, чем среди остальной публики».

Моул назвал все это «странным и беспрецедентным явлением в жизни Кембриджа». Стадд, на следующей неделе, «оповестил, что все, у кого есть причина выразить мистеру Моуди благодарность за его визит, имеют возможность расписаться в книге, которая будет лежать в определенное время у меня в комнате на столе, меня же самого там не будет». Среди подписей фигурируют «имена замечательных людей, которые впоследствии повлияют на судьбу мира». Моуди, в 1884 г., завершая свою вторую британскую миссию, сказал:

— Мы пользовались плодами кембриджской миссии во время всей лондонской кампании.

Моул в том же году заметил одному другу, с которым они завтракали среди студентов-богословов Ридли-холла:

— Я думаю, здесь нет ни единого человека, на жизнь которого не повлияла бы кембриджская миссия мистера Моуди.

В 1906 г. епископ Моул мог сказать: «...среди ряда подлинных, устоявших обращенных было немало людей, которые сейчас знамениты и обладают громадным влиянием. Я мог бы перечислить не один колледж, в котором заметно повысился уровень морали после недели пребывания Моуди».

Довольно экстравагантный комментарий, хорошо показывающий, какими были последствия визита Моуди, принадлежит выдающему исследователю Нового Завета, который в 1882 г. был новичком в Королевском колледже,

Джеймсу Хоупу Моултону, который в 1914 г., за год или два до своей гибели на фронтах первой мировой, писал Уиллу Моуди: «Я считаю, что эта неделя была самой значительной в религиозной истории этой страны на всем протяжении моей жизни, потому что именно тогда вне всякого сомнения родилось Студенческое христианское движение».

Все эти последствия уже наметились, когда Моуди вечером в воскресенье 12 ноября проповедовал почти двум тысячам университетских студентов по тексту из Евангелия от Луки: «Я возвещаю вам великую радость... Спасителя». Его выслушали «без тени несогласия или невнимания, его ни разу не перебили». В конце он сказал:

— И еще одно, последнее слово. Я никогда не забуду эту неделю, даже если вы забудете обо мне. Я благодарю Бога, что приехал в Кембридж, и перед тем, как завершить собрание, я прочитаю вам еще один стих: «Ищите же *прежде* Царства Божия и правды Его».

Его последними словами в тот вечер были:

— Поверьте в Благоую Весть и впустите Господа в свои сердца.

Хор исполнил «Я не молю ни о чем, кроме одного». Моуди помолился. Все склонили головы. Потом он попросил, чтобы те, кто ощутил благословение, встали на ноги и продолжили молитву про себя.

Поднялось двести человек. Моуди пробормотал:

— Боже мой, ради этого стоило жить.

26: Семена всемирного движения

Моуди был громаден, как гора. «Ему ничего не подходит из одежды, слишком уж у него широкая спина, слишком большое пузо и слишком короткая шея, — писал Уиттл после того, как они с Моуди и Сэнки ходили по магазинам в поисках плаща. — Мы ему говорим, что нужен землемер, чтобы сделать для него выкройку, так

широка его спина!» Тучным, однако, он не выглядел; тело его было массивным, но не жирным. Его шаг оставался упругим, и сам он был так же могуч, как и его бычья шея. Но он уже не мог так щедро растрачивать силы и энергию и свалился бы во время восьмимесячного пребывания в Лондоне, если бы не предпринял перед этим поездку на отдых в Нортфилд летом 1883 г.

К тому же Нортфилд нуждался в нем. Мисс Таттл покинула школу ради административной должности, следующая директор вышла замуж за одного из служащих, и Моуди снова обратился в колледж Уэллесли, где обнаружил Эвелин Холл, совсем юную, но очень способную женщину, которая оставалась директором школы с 1883 г. до самой своей смерти в 1911 г. Говорят, что это была единственная женщина, которая умела управлять Моуди — кроме его собственной жены. Моуди даже немножко ее побаивался. Для школы «Гора Ермон» были построены новые коттеджи, Моуди также организовал возможность для двенадцати мальчиков из Манчестера присоединиться к американским ребятам, число которых тоже возросло. Один пожилой джентльмен был назначен директором. Актовый зал пока не строился — не хватало денег.

Денег не хватало обеим школам. Фонд от продажи молитвенников рос, но летом 1883 г., как сообщил Моуди Уиттлу в частной беседе следующей зимой, «родственники Сэнки из Нью-Касла пристали к нему и убедили, что он должен выделить немного средств на свой родной город, а не отдавать все Нортфилду. Поэтому мы встретились с поверенными и ему выделили 20 000 долларов. Я не мог этому противиться, да и не хотел — мне всегда казалось, что он должен что-то сделать для родного города, но он сам никогда не думал об этом... Тем временем, я стеснен в средствах для развития моих школ. Я молюсь о деньгах и уверен, что они скоро будут мне даны». Сэнки дал Нью-

Каслу библиотеку, методистскую церковь и, к радости Моуди, здание ИМКА.

Работа со школами сделала отпуск Моуди еще более деятельным. Нортфилдский воздух, нортфилдские виды, нортфилдские друзья — Моуди наслаждался всем этим вместе с семьей. Первые сознательные воспоминания Пола об отце относятся к этому лету, «он был почти идеальным товарищем для очень маленького мальчика... Он замечательно обращался с детьми, по крайней мере, со мной, словно я был более или менее его ровесником. Он никогда не говорил со мной снисходительно, но льстил не тем, что спрашивал моего мнения и интересовался тем, что я думал и говорил».

Они приехали в Лондон в ноябре 1883 г. после краткой миссии в Южной Ирландии.

Восемь месяцев лондонской кампании 1883 — 1884 гг. были оценены Моуди как «во всех отношениях более успешные» по сравнению с кампанией 1875 г., и это непосредственное суждение было подкреплено долговременными результатами. Он пересмотрел свое мнение, что от посещения Лондона в семьдесят пятом году «было не много пользы», потому что в начале восьмидесятых по всему Югу и Западу Англии и в самом Лондоне «я обнаружил, что множество лучших работников было плодами этих трудов», но в 1883 — 1884 гг. он видел больше братских чувств, а также наблюдал подъем духовной жизни в церквях: «...английская церковь стала значительно живее, чем прежде. Количество служителей, как официальной, так и независимой церкви, которые сотрудничают с нами, все возрастает... меньше газетных сенсаций и больше собраний, собрания лучше, и работа носит еще более удовлетворяющий характер, чем когда-либо».

О лондонской кампании написана масса всего. Архивы и книги пестрят воспоминаниями и анекдотами. Два поколения спустя важность этого периода как

колыбели движения, выросшего из кембриджской миссии, стала совершенно очевидна.

Лондонский комитет под руководством своего секретаря, Роберта Пэтона — «бесценного человека, но немного упрямого: они иногда спорили с мистером Моуди, но Моуди прекрасно владел собой и умел контролировать других», — разработал новаторский план. Было специально построено два переносных здания на металлическом каркасе — их окрестили «жестяными скиниями». Первая была возведена в Айлингтоне на открытом месте среди жилищ среднего класса, каждое из которых было окружено собственным садиком. Через три недели Моуди, Сэнки и их помощники («караван») передвинулись на южный берег реки, где на частной земле в рабочем районе Уэндсуорт их ждала вторая скиния. Первая тем временем была разобрана и снова собрана — на это ушло около трех недель — в Ист-энде, «посреди ужасающей нищеты» Степни, для декабрьской миссии. Жестяные скинии, каждая из которых была рассчитана на 51 80 сидячих мест, с дополнительными местами на возвышении и просторной комнатой для собеседований внизу, показали Уиттлу, который проводил там часть служб, «похожими на три длинных загона для скота, размещенных бок о бок без перегородок. Внутри было три отдельных крыши, поддерживаемых колоннами». Каждая из деревянных и металлических деталей была пронумерована и ставилась при сборке на определенное место.

За восемь месяцев было охвачено восемь мест, большая часть — на окраинах Лондона. Работа внутри города, садах Темпл между Флит-стрит и набережной, принесла меньше пользы, несмотря на то, что каждый вечер собирались толпы народа. В некоторых районах послушать Моуди приходило громадное количество людей, и «Пэлл Мэлл Газетт» подсчитала, что за всю кампанию Моуди услышало около 2 200 000 душ.

Через несколько недель после начала лондонской кампании Моуди пережил тяжелый удар. У Уилли, уже почти пятнадцатилетнего, были слабые легкие. Любое заболевание детей заставляло Моуди «ужасно волноваться», и Пол помнит, как отец во время его болезни все время клал свою руку на крохотный лобик, чтобы поддержать его. Рука эта была «немногим легче словаря, но... я чувствовал только вес его любви». («Однажды он уселся на край кровати больного, и кровать сломалась».) Денег было мало, но Моуди решил, что Эмма с детьми должны отправиться в горы Зерматт в Швейцарии. «Сейчас мне очень тяжело покинуть Англию», — писала она 9 ноября миссис Маккиннон, которая через несколько дней после их отъезда видела Моуди в Айлингтоне, и он «выглядел уставшим... он сказал мне, что этот отъезд для него — самое тяжелое из испытаний». Он был «весьма расстроен перспективой провести всю кампанию без ее помощи и утешения, которое всегда несло ему ее присутствие».²⁰

Он принял настойчивое приглашение жить у Квинтина Хогга, который обитал теперь недалеко от Кавендиш-сквер, возле своего Политехнического института, «в красивом английском доме, построенном каким-то герцогом. Комнаты очень хороши, с чрезвычайно высокими потолками, — замечает Уиттл, — и каменными лестницами. Моуди предоставлена гостиная и спальня, ему выделены отдельный слуга и карета, в которой он может ездить, куда и когда пожелает». Хогг приглашал к себе политиков и крупных деятелей для «частной беседы об их душах». Среди них были великий либерал Джон Брайт, которого Моуди назвал «всего лишь унитарием».

Уиттл, самый дорогой и проникательный друг Моуди, радовался тому влиянию, которое тот оказывает «на этот класс людей... Если бы меня спросили, какова самая большая из угрожающих ему опасностей, я сказал

²⁰ Моуди ненадолго воссоединились в Бельгии на Рождество.

бы, что она заключается в стремлении наставлять богатых и влиять на них». Однако это не заставляло его «отказываться от убеждения в полезности этой деятельности». Уиттл говорил, что славит Бога «каждый раз, когда я думаю, что Он помогает Моуди быть таким здравомыслящим».

Несмотря на частое общение с плутократией, Моуди по-прежнему успешно обращался к низшим слоям общества.

Очень интересный факт обнаружился при попытке проследить судьбу новообращенных. В Уэндсуорте на собеседование пришло две тысячи человек. Через месяц после собрания регулярные посетители сообщали, что «обращения были *подлинными*, люди радовались, пребывая во Христе и отказавшись от греха». Почему же тогда при подобном успехе число членов местных церквей возросло лишь на горстку людей? Многие из этих двух тысяч рассеялись по району и за его пределами, но обнаружилось, что «большая часть новообращенных принадлежит к рабочему классу и они посещают службы в залах миссии, где чувствуют себя комфортнее, чем в церкви». Один чтец, присматривавший за зданием миссии при приходской церкви, считал, что это — «самое удовлетворительное свидетельство того, что работа приносит реальные результаты». Сам Моуди «выдвинул проект строительства “Зала благовестия” возле Железного здания», где расположился бы союз. В течение века там продолжали вести службы.

Среди лондонских рабочих было сильно влияние рационалистов, атеистов и «свободомыслящих». В Стрэтфорде, Ист-Энд, где нищета и скученность Степни уступала место длинным рядам заводов и безрадостным рабочим кварталам, Моуди ринулся в гущу воинствующих атеистов, которые получали удовольствие от джина и бесконечных споров, бросались кирпичами и камнями в представителей Армии Спасения, но взгляды их не были

разумно обоснованными: «они не знали, во что верят и во что не верят». Моуди был представлен президенту местного атеистического клуба, который «фыркал и шипел на меня, пока я говорил с ним, и рвался в драку». Этот человек послал Моуди записку, призывая произнести проповедь перед атеистами. Последовавший за этим знаменитый инцидент в четверг 31 января 1884 г. породил легенду о том, что из целого зала атеистов пятьсот приняло христианскую веру. Легенду эту все еще приводят в биографиях Моуди. На самом деле, судя по тому, что Моуди рассказывал через четыре дня во время ленча Джорджу Уилльямсу из ИМКА, профессору Симпсону, Роберту Пэтону и Уиттлу, все было менее сенсационно.

Первые ряды были зарезервированы для атеистов, и «их пришли сотни». Моуди проповедовал о том, что «их опора — не наша опора», говорил, что надежды атеистов пусты, описывал сцены на смертном одре, пытаясь уязвить их, задеть за живое: если бессмертия не существует, то и любовь, и привязанность к семье — лишь насмешка. Эта тема звучала для него в тот момент особенно проникновенно, так как он тосковал по собственной семье. «Один мужчина поднялся и хотел перебить меня, но я удержал внимание аудитории и пригласил их всех остаться на второе собрание, не разбегаться. Я меня есть нечто, что вам нужно, и вы все можете это получить. Многие из них остались». На втором собрании Моуди разъяснил четыре момента: *«Примите Его, поверьте в Него, доверьтесь Ему, держитесь за Него».*

— Кто принимает Его? — воскликнул он. — Кто скажет: «Принимаю»?

Несколько человек откликнулось. Один атеист прокричал:

— А я не принимаю!

Моуди, тронутый почти до слез, побормотал:

— Каждый человек в этом зале сегодня вечером должен сказать «принимаю» или «не принимаю».

Он рассказал о решении блудного сына: «Встану, пойду к отцу моему...»

— Человек должен сразиться со своей собственной волей, — сказал он, — битва идет внутри вас. Когда этот молодой человек сказал: «Встану», — он выиграл битву, он укротил свою волю, и сегодня вечером речь тоже идет об этом. Люди, среди вас есть один, сказавший: «Не приму!» Я хочу, чтобы каждый, кто считает: этот человек прав, — поднялся и сказал: “Я не приму Его”.

Никто не шелохнулся. Моуди продолжал:

— Благодарение Господу! Никто не говорит: «Не приму». Теперь кто скажет: «Принимаю», кто примет Христа как Спасителя?

Последовало долгое молчание. Потом «один из атеистов, — рассказывал Моуди, — закричал: “Я Его принимаю!”» Словно бомба взорвалась. Некоторые кипели от возмущения, когда я завершил собрание. Но этот оплот атеизма был уже сокрушен. Я встретился с человеком, который решил принять Христа, это был механик, очень умный человек, теперь он полностью обратился к Богу».

Через десять дней Моуди получил приглашение на чай домой к президенту клуба атеистов. «Улица была взволнована, люди стояли в дверях, чтобы посмотреть, действительно ли я приду». Во время чаепития Моуди сказал:

— Если бы я жил здесь в Стрэдфорде, я не пытался бы переубедить вас, я попытался бы мягкостью завоевать вашу привязанность и уважение.

— Это вам уже удалось.

Этот человек пришел в скинию к Моуди, «кроткий, как агнец». Моуди усадил его на возвышении и произнес замечательную проповедь.

К сожалению, как это часто бывает в реальной жизни, неизвестно, что стало с этим человеком потом.

В Нью-Кроссе, в юго-восточной части Лондона, где Моуди проповедовал в конце февраля, собиравшиеся

толпы были почти невообразимыми. Однажды вечером неуправляемая толпа пыталась в конце собрания вломиться в зал, откуда уже выходило пять тысяч человек, так что инспектору полиции пришлось вызвать конную жандармерию. Моуди перепрыгнул через изгородь, пересек площадь, взобрался на один из omnibusов там, где заканчивалась толпа, и велел извозчику медленно ехать. Внезапно люди услышали громогласный голос Моуди. Они повернулись к omnibusу, который небыстро двигался прочь, а Моуди вещал с него, как с кафедры, пока давка не прекратилась.

Пребывание в Нью-Кросс сопровождалось не только успехом, но и сложностями. «Плимутские братья» установили свою палатку сбоку от жестяной скинии, чтобы улавливать тех, кто не помещался внутри. Приходская церковь устраивала «ритуальные служения» по другую сторону. И те, и другие просили Моуди поддержать их. «Святые люди убеждают меня пять минут поприсутствовать на одном из их собраний, чтобы я засвидетельствовал, что не выступаю против них, а друзья генерала Бута призывают оказать помощь Армии Спасения... Пришлось мне покататься на этой неделе!»

Сэнки свалился в первый же день, и в течение недели Моуди полагался только на своих американских помощников, Джорджа К. Стеббинса и Джеймса Мак-Грэнена с женой (для друзей: Мака и Эдди). Когда Сэнки вернулся, он был «не в духе», не хотел быть на второстепенных ролях и петь на переполненных собраниях. Местный руководитель хора путал гимны, несколько артиллеристов из депо Уилуича вызвались добровольцами в качестве мужского хора, «и это было самое жалкое зрелище, какое я когда-либо видел. Они сбивались и вынуждены были трижды начинать сначала. Некоторые слушатели не могли смотреть на них от стыда, другие смеялись. Когда я выходил на сцену после пения, я

казался себе человеком, который пытается насвистывать на кладбище».

В завершающую субботу в Нью-Кроссе, 2 марта, Моуди заметно устал. С самого начала работы в Сент-Пэнкрасе, где недалеко от Мидлендского железнодорожного вокзала была возведена скиния, от шума поездов и от жара, исходившего от не пропускавших воздух стен, у него так сильно разболелась голова, что он пил невероятное количество чая и потом страдал от бессонницы. Кампания продолжалась и напряжение усиливалось: Сент-Пэнкрас, Кенсингтон (где будет построена «Олимпия»), Хэмпстид. Он находил некоторое отдохновение, развлекаясь с детьми Хогга, а также подшучивая над своими компаньонами. Смех всегда был его спасительной отдушиной. Во время ирландской кампании предыдущей осенью, когда они с Сэнки и Уиттлом жили одни в отеле, «каждый вечер перед тем, как отправиться спать, М. за ужином веселился, весь содрогаясь от смеха и с невероятным энтузиазмом воспринимая все забавное. В этом он был непринужденным, как ребенок». Он всегда знал меру, никогда не подшучивал над тем, что свято, и, если к нему приходили посетители, всегда был способен быстро и «совершенно естественно» перейти к серьезному разговору.

Моуди устал, но все равно составлял полную противоположность Сперджену, который был всего на три года старше, но уже чувствовал себя «разбитым от перенапряжения» и слишком старым для своих лет. Сперджен, несомненно, нес на своих плечах более тяжелую интеллектуальную нагрузку, он подготавливал новые проповеди к каждому воскресенью и каждому четвергу, и произносил их — по воскресеньям дважды, перед аудиторией в шесть тысяч, а по четвергам — перед аудиторией в три тысячи человек. Помимо того, Сперджен участвовал в спорах, в отличие от Моуди. «Сперджен пишет о себе “реформатор и проповедник”, я же просто

проповедник. Я не хочу иметь ничего общего с реформами. Я принимаю все, как есть, просто работаю, чтобы мы все вместе несли людям Благоую Весть». Здоровье Сперджена подрывало также неумеренное курение.²¹

Сдержанность Моуди была одним из секретов его успеха: «Если бы я все время находился в таком возбужденном состоянии, как генерал Бут, я уже давным-давно бы умер». Однако он признавался, что, «когда надо столько всего сделать, я иногда беспокоюсь из-за ерунды», и принял близко к сердцу слова одного выдающегося лондонского священника, руководившего большим приходом: «Никто не должен взваливать на себя столько христианской работы, чтобы она его изнашивала и делала раздражительным». Моуди признал:

— Я знаю, вы превосходите меня, потому что живете в мире и покое, мне хотелось бы больше походить на вас.

Но он со здоровым скептицизмом относился к заявлениям перфекционистов, и одному человеку, который хвалился своей безгрешностью, ответил весьма резко:

— Хотел бы я побеседовать с вашей женой!

В апреле к нему приехала дочь. Здоровье Уилли пошло на поправку, скоро семья должна была воссоединиться, и в мае состоялась последняя фаза кампании, в Кройдоне, неподалеку от «Стеклянного дворца».

Леди Эшбертон, жена банкира, предоставила в распоряжение Моуди свой расположенный неподалеку особняк с парком в сто восемьдесят акров, вместе со слугами и обстановкой. Из этого величественного дома 10

²¹ Один человек пытался найти оправдание курению. Моуди сказал ему:

— Библия одобряет вас.

— Что?

— В самом деле. «Нечистый пусть еще сквернится».

мая он писал Уилли на континент²²: «Ты увидишь по дате этого письма что три четверти мая уже прошло и осталась мало до момента когда мы вернемся в наш дорогой дом.

Я написал им подготовить твой сад и я думаю что все будет готово когда мы приедем домой я купил несколько Шаров и мы сможем поиграть когда приедем домой и погулять по зеленым полям и увидеть что там делается будет очень много перемен в нашей части города мистер Маршалл собирается построить два дома так что у нас будут большие перемены и еще кое-что интересное у меня есть голуби и прекраснейший Павлин я привезу их с собой и я надеюсь что мы сможем держать его

Ты должен заботиться о Маме и не разрешай ей сидеть по ночам долго с Полом Можешь ли ты позаботиться о нем ночью если она заснет и он просыпается утром рано и она не высыпается у нее будет болеть голова я боюсь не позволяй Маме перетруждаться смотри чтобы она не уставала и высыпалась если у нее нет времени ночью пусть спит днем и води Пола погулять...»

Через одиннадцать дней он встретил семейство в Лондоне, «это был один из счастливейших дней в моей жизни». Однако им не везло: Пол приехал больной коклюшем.

Сэнки отплыл домой из-за болезни, пять вместо него остались Стеббинс и Мак-Грэнены. Во время лондонской кампании Сэнки постигли две потери: его болезненный старший сын был похоронен на кладбище в Мэрилебоуне, а потом в далекой Пенсильвании умер его отец. «Меня поразило, насколько Сэнки предан Господу, — писал Уиттл, — когда я беседовал с ним этой зимой. Смерть его отца стала для него благословением и еще сильнее приблизила его к Богу, Христос и Благая Весть дороги ему,

²² Я привожу правописание оригинала как образец письма Моуди домашним в более поздний период времени. Пунктуация полностью отсутствует.

как никогда. Его молитва сегодня утром была *очень* искренней и благословенной».

Никакой помощник не мог полностью заменить Сэнки. Моуди не хватало его в садах Темпл. Из дома Киннердов в Мэйфейре, куда они переехали из Кройдона, миссис Моуди писала 27 мая: «Мой муж начал работу в последнем районе. Он прекрасно держится, но я думаю, внутри он очень напряжен и будет очень рад, когда мы закончим тут работать, хотя выглядит он хорошо». В этот период лондонской кампании среди молодежи расцветало замечательное движение, плоды деятельности которого для мира будут очень велики.

27: Студенты-добровольцы

В ноябре 1882 г., когда Моуди покинул Кембридж и отправился в Оксфорд, где повторилась та же история — провал превратился в триумф, только с менее значительными последствиями, — несколько обращенных студентов Кембриджа почувствовало себя призванными отправиться благовествовать в дальние страны. Моуди очень мало говорил о «работе за границей» — если вообще говорил что-либо, — в Кембридже или где-либо еще. Однако через неделю или две Хупер из колледжа Тринити начал думать об Африке, Тиндейл-Бискоу из колледжа Иисуса — об Индии, а Артур Полхилл-Тернер из Тринити-холла — о Китае.

Вскоре после завершения пребывания в Кембридже Моуди проводил собрания в похожем на мечеть соборе экзотически-восточного павильона в Брайтоне, где жил генерал-майор в отставке по фамилии Хоуст. У него был сын Уилльям, который занимался богословием у Моула в Ридли-холле и находился дома на каникулах, гостил там также отставной артиллерист Эдуард Диксон, типичный военный, совсем не интересовавшийся религией. Уилльям увлек Диксона с собой в собор, где, как пишет Диксон,

«мистер Моуди чрезвычайно искренне и прямолинейно проповедовал священные истины о суде Божьем над нераскаявшимися грешниками... и душу мою охватило сильное чувство моей греховности».

Диксон ходил на все последующие собрания, пребывая в нерешительности. Он боялся, что став христианином, он вынужден будет от многого отказываться. В последний вечер, стоя в задних рядах собора, он сдался, ощутил спокойствие и уверенность в спасении и, когда Моуди стал вызывать вперед тех, кто хотел бы побеседовать, радостно вышел вперед. Не прошло двух недель, а он уже отказался от должности и решил стать проповедником. Отец пытался его отговорить. К весне 1883 г. он прочел присланные Уилльямом из Кембриджа материалы о Внутренней китайской миссии, в то время неизвестном, но отважном отряде первопроходцев; а летом, когда Моуди находился в Нортфилде, Хоуст написал ее создателю, Джеймсу Хадсону Тэйлору, невысокому человеку необычной пронизательности и чрезвычайной смелости, — и в ответ получил совет подождать.

Моуди тоже начинал задумываться о заморских миссиях. На Чикагском съезде в сентябре 1883 г. он обратил внимание присутствующих на чудовищное несоответствие: в мире были миллионы христиан, но проповедовать в заморские страны отправилась лишь горстка, располагавшая скудными средствами.

Студенты Кембриджа во время лондонской кампании стояли в первых рядах. «Женщины просто в обморок падали, — вспоминает Джейн Маккиннон, — когда эти молодые люди, спортсмены из Кембриджа и Оксфорда демонстрировали свою веру!» В Уэндсуорте один студент из Кембриджа, который считал себя непригодным для работы с новообращенными, сказал одному из лондонских извозчиков, что «заплатит ему по обычному почасовому тарифу, если тот пойдет послушать проповедь мистера

Моуди, пока студент постережет его лошадь». И в течение двух часов, по словам Моуди, «в тот холодный и туманный лондонский вечер этот джентльмен держал лошадь извозчика, чтобы дать ему возможность пойти и узнать Благоую Весть».

В миссии Клэпхема работали два кембриджца постарше, Уильям Кэсселс, куратор, и Стэнли Смит, преподаватель, который в 1882 г. был членом команды гребцов университета; он был обращен мальчиком во время кампании семьдесят пятого года. Когда началась неделя работы Моуди в Кембридже, он устремился туда, чтобы «изо всех сил пожать руку доброму старому Моуди». Кэсселс и Смит редко встречались после университета, но обнаружили, что их многое объединяет: «после собраний, — писал позже Смит, — мы гуляли рука об руку и душевно беседовали о Господе и Китае». Смит в свободное время принимал участие в кампании. Моуди обратил внимание на то, как у него это хорошо получается, пригласил его на чай во время кенсингтонской миссии и сделал предложение: т. к. в Британии они не располагали средствами, Моуди собирался открыть специальный класс при школе «Гора Ермон», сформировать группу из молодых рабочих и учить их для работы в миссиях за рубежом. Стэнли Смигу предлагалось взяться за это дело. В тот же вечер Хадсон Тэйлор ужинал со Стэнли и его родителями в их доме в Мэйфей-ре, а вечером Стэнли Смит написал в своем дневнике: «Я решил поехать в Китай с Хадсоном Тэйлором в качестве проповедника, и поехать туда через Америку, чтобы посмотреть на школу Моуди».

Смит так и не побывал в школе «Гора Ермон». Но он окажет на нее сильное косвенное влияние, которое будет очень важно и для всего мира.

Ни один из молодых людей не пользовался благосклонностью Моуди больше, чем Дж. Э. К. Стадд, теперь капитан кембриджской команды, «способный и

многообещающий, очень популярный, и настоящий христианин».

Следующий из братьев Стаддов, Дж. Б., был похож на старшего, но Ч. Т., будучи во время начала кампании на вершине славы благодаря игре в крикет, был христианином лишь номинально. В декабре Дж. Б. тяжело заболел, и рано утром, сидя у постели больного, Ч. Т. увидел, как пусто его существование: он жил только для игры, славы и удовольствия. Когда брат поправился, Ч. Т. Стадд поспешил на собрания Моуди, тогда проходившие в Стрэдфорде: «Там я снова встретил Господа, и Он дал мне радость спасения».

Ч. Т. стал активным христианским работником, его популярность, обаяние, сила, целенаправленность и энтузиазм составляли редкую смесь, которая придавала вес его словам. На одном из дополнительных собраний кампании его и Дж. Э. К. услышал молодой студент-медик Уилфред Гренфелл. Перед этим Гренфелл зашел на одну из служб Моуди в Степни. На возвышении стоял пожилой мужчина, который завел такую длинную молитву, что громадная аудитория начала терять терпение. Гренфелл тихо стал пробираться к выходу, но тут прозвучал голос с американским акцентом. Моуди «по-доброму, но с большой ловкостью» воскликнул:

— Давайте споем гимн, пока наш брат заканчивает молиться!

Это предложение, в котором проявилось всегдашнее внимание Моуди к обстоятельствам, заставило Гренфелла остановиться: «Меня привлекла его практичность».

Обращение после пения «тронуло меня... Оно было обращено прямо к моему сердцу... Это было настоящим». Через несколько недель один из братьев Стаддов, — скорее всего, Дж. Э. К., — завершая собрание, попросил тех, кто готов принять Христа, подняться. Гренфеллу «вопрос, о котором шла речь, показался очень актуальным, но я поразился, насколько трудно мне было

встать. Тогда внезапно поднялся один юноша в форме речного моряка. Его поступок показался мне таким замечательно смелым, я прекрасно понимал, что это значит для него, — и тут же обнаружил, что сам стою...» Через двадцать лет Гренфелл писал зятю Моуди с Лабрадора: «Каждый раз, когда я вижу имя Моуди, я невероятно волнуюсь. Вы знаете, что причиной моего обращения была его деятельность в Степни много лет назад». «Он заставил меня начать использовать мои способности в работе, — пишет Гренфелл в одной из своих книг, — и религия стала для меня увлекательнейшим делом, передо мной открылось новое поле деятельности с массой возможностей».

Летом Ч. Т. Стадд почувствовал, что он «должен идти на крикетное поле и рассказывать людям о Господе Иисусе... Игра меня больше не интересовала. Мне хотелось вести души к Господу». Под его руководством члены команды слышали Моуди, и некоторые из них один за другим сообщили Стадду, что принимают Христа. Моуди приглашал этих молодых спортсменов к себе по субботам в один из богатых домов на окраине Лондона. Моуди, по словам Киннерда, «мог отдаваться игре с таким же рвением, с каким он отдавался работе, и вы можете представить себе, что £му не нравилось проигрывать. Обычно он старался сделать так, чтобы в его команде оказался кто-то из братьев Стадд или мистер Стил!²³ Никогда не забуду вид его мощной фигуры во время игры в лапту, от которой он обычно получал громадное удовольствие».

Кампания завершилась. Пока Моуди знакомился с состоянием дел в Нортфилде и Чикаго и готовился к новому раунду американской осенне-зимней кампании, в Британии обращенные им Стэнли Смит, Д. Э. Хоуст, Артур Полхилл-Тернер и его брат Сесил, Монтагью Бошамп и Уильям Кэсселс один за другим вызвались проповедовать

²³ Аллан Джибсон Стил (1858 — 1914), подающий.

в Китае. Известие о том, что богатые, знатные спортсмены собираются стать миссионерами было настоящей сенсацией. «Кембриджская семерка» пронеслась по университетам Англии и Шотландии, призывая студентов к активной вере и деятельности, в особенности в заморских миссиях. Они пожаловались, что посеял Моуди. Кульминация наступила на большом собрании в Лондоне 4 февраля 1885 г., накануне отплытия Семерки. Призыв к служению звучал громче, чем когда-либо.

Эта история поразила воображение американцев. Это отразилось в третьей Нортфилдской конференции, которая состоялась в августе 1885 г.

Моуди решил, что 11 августа, день в середине конференции, будет днем «молитвы о всемирном благовестии». Основное обращение к тысяче собравшихся произнес Аргур Т. Пирсон из Филадельфии, признанный авторитет, книга которого «Кризис миссий» вышла в следующем году.

Пирсон заявил, что настало время действовать. Надо составить обращение ко всей церкви: «Давайте соберем екуменический совет, где будут представители всех церквей благовестия, с тем, чтобы запланировать всемирную кампанию и провозгласить Благоую Весть всем в кратчайшие сроки! Надо распределить обязанности и разделить поле деятельности так, чтобы затраты средств и кадров были минимальными. Надо воззвать ко всему миру, набрать работников и обеспечить накопление пожертвований, чтобы привести ко Христу миллионы».

Моуди вскочил на ноги. С энтузиазмом он призвал конференцию голосовать за то, чтобы одобрить проект. Затем был сформирован маленький комитет, в который кроме него вошло еще шесть человек, для разработки «Воззвания к ученикам всего мира». Через три дня документ был зачитан, одобрен конференцией и подписан комитетом.

«Весь мир, — гласило “Воззвание”, — теперь доступен, и самые отдаленные народы приветствуют проповедников». В 1885 г. такое заявление казалось лишь чуточку преувеличенным. Быстрые пароходы пересекали океаны, знамя белых людей развивалось в дальних уголках Африки, Индия мирно жила под властью викторианской короны, заключались договоры, обеспечивающие свободное продвижение в Китай, — мир двигался в сторону покоя и прогресса под руководством Запада. Да, врата Тибета были еще наглухо закрыты, Новая Гвинея — практически не изучена, в Уганде в тот самый год убили проповедника и обращенных, — но разве могли такие мелочи остановить решительных людей? «Однако церковь Божья не торопится исполнить волю божественного провидения. Почти тысяча миллионов людей на земле еще не слышали Благой Вести; полностью не охвачены целые регионы».

Нортфилд призывал к «немедленному продвижению Благой Вести во все не охваченные ею районы», к «молитве о новом наделении силой Духа... Если всего лишь десять миллионов из четырехсот миллионов тех, кто называет себя христианами, будут систематически трудиться в этом направлении, в ближайшие пятнадцать лет каждый из них донесет послание Благой Вести сотне душ, и к 1900 г. все население земного шара будет ею охвачено». Они призывали к организации экуменической конференции (она состоялась через три года в Лондоне) в выражениях, сформулированных в стиле Моуди: «Какое зрелище предстало бы перед ангелами и людьми, если бы верующие разных деноминаций, забыв обо всех различиях, послали своих избранных представителей, чтобы систематически и согласованно отправлять работников во все уголки земного шара».

Черновой вариант «Воззвания» был составлен в Поместье, купленном благодаря дару Эдуарда Стадда. Одним из семи подписавшихся был Дж. Э. К. Стадд.

Одним из проголосовавших за принятие был участник конференции, выпускник Принстона по имени Лютер Т. Уишард, тридцати одного года.

Лютер Уишард, основатель «ИМКА студентов колледжей», еще до 1882 г. дважды просил Моуди проповедовать в колледжах, но не преуспел. Моуди «обошелся со мной сурово... если он боялся принимать приглашение, то отвергал его слишком резко». Несмотря на то что в 1873 г. он произвел впечатление на студентов Эдинбурга, в 1876-м — на студентов Принстона, а в Ньюхейвене — на ряд студентов из Йеля, Моуди чувствовал себя неуверенно из-за отсутствия высшего образования. В декабре 1884 г. Уишард «снова начал к нему приставать» во время кампании в Цинциннати. «Он по-прежнему был очень скромн, не доверял своим силам и боялся, однако признался мне, что, если бы он был уверен: его хотят слышать сами студенты, а не кто-то, желающий им блага, — он бы всерьез рассматривал подобные приглашения. Достать приглашения, подписанные студентами, оказалось нетрудно. В Принстоне, Гарварде, Йеле и Дартмуте подготовили прошения... под ними подписались многие тысячи».

Моуди ненадолго остановился в Гарварде. Принстон, Дартмут и Йель услышали его в 1885 г. В Йеле в часовне Баттелл «он явно чувствовал себя неуютно оттого, что пришлось участвовать в формальном богослужении и соблюдать установленный порядок, — писал один из местных, Корнелиус Х. Пэттон Уиллу (в 1925 г.). — Вечером все было иначе. Часовня была забита народом, и ваш отец полностью контролировал происходящее. Он произнес свою знаменитую проповедь на тему “Что посеешь, то и пожнешь”, — ту самую, которая в Кембридже вывернула наизнанку А. К. Бенсона. Она так и не утратила своей свежести и актуальности. Тысячи людей, слышавших ее, могли бы согласиться с вердиктом Сэма Хиггинботэма: «Я никогда не видел проповедника,

который изображал бы *грех* как нечто настолько ужасное, но это было не главное. Главным было то, что любовь и благодать Бога так велики, что могут преодолеть всю мою греховность». Студент из Йеля слушал молча, затем последовала сцена, повторяющая историю с железной галереей в Кембридже.

При всем желании Моуди не мог много проповедовать в колледжах. Он выражал свое восхищение одинокими тружениками, возглавляемыми Уишардом, которые работали «в 1200 американских колледжах, училищах и подготовительных школах». Летом 1885 г. Моуди попросил Дж. Э. К. Стадда пересечь Атлантику для года колледжей в 1885 — 1886-м.²⁴ Дж. Э. К., окруженный ореолом спортивной славы и знаменитый как брат Ч. Т. Стадда из Кембриджской семерки, пользовался громадным влиянием. В Корнелле его услышал один одаренный студент-юрист по имени Джон Р. Мотт, «неверующий... Я послушал его и обратился», после жестокой душевной борьбы, «благодаря понимающим и искренним советам английского гостя».

Нортфилдская конференция свела вместе Уишарда, Стадда и Моуди. Однажды Моуди привез их в школу «Гора Ермон», которая теперь уже окончательно оформилась как средняя школа для старших мальчиков; при ней было также училище для молодых людей. Были сооружены соответствующие здания, и строились новые, потому что британцы выделили в качестве авторского гонорара за молитвенник не менее двадцати тысяч фунтов.

²⁴ В 1927 г. сэр Кайнестон Стадд сообщил Уиллу, что он присоединился к Моуди в Бриджпорте, Коннектикут. «У вашего отца в то утро были проблемы, потому что ему нужно было на собрание, но ему должны были прислать большого щенка сенбернара. Встретить щенка было некому, поэтому вызвался я. Пока он вел свое собрание, я прогуливался со щенком, которому вовсе не хотелось со мной гулять, по улицам города. Я думаю, он заметил меня, и можете представить себе, как он восторгался и радовался при виде выпускника Кембриджа, волочащего по улице собаку».

— Смотрите-ка, сколько напел Сэнки! — говорил Моуди.

Пока они ехали через лагерь, Моуди выдвинул предложение:

— Уишард, как ты думаешь: это подходящее место, чтобы провести тут конференцию генеральных секретарей городских отделений ИМКА?

— Идеальное.

— Почему бы тогда не привезти сюда следующим летом пятьдесят — сто человек? Их можно поселить в этих маленьких домиках, где живут рабочие. Я бы устраивал им каждый день библейские чтения, мы провели бы библейскую конференцию.

Уишард не стал ничего ему отвечать: «У меня были более грандиозные планы».

Зимой Уишард встретился с Моуди в Атланте, и Моуди снова предложил организовать на «Горе Ермон» летние каникулы для двухсот секретарей городских ИМКА. Уишард ответил:

— Мистер Моуди, вместо двухсот секретарей почему бы вам не пригласить двести студентов колледжей из этой страны и из Канады?

Но «прежний дух недоверия, — пишет Уишард, — снова овладел им... Да, пожалуй, это хорошая идея... он не знает... он об этом подумает». Казалось, Моуди пытался избежать своей судьбы.

Через десять дней юный Уишард присоединился к Моуди в университете Вирджинии, чтобы помочь ему вести собрания благовестия, и ничего не говорил о своем предложении, пока они не отправились на вокзал. Моуди ответил отрицательно:

— Я боюсь, что ничего не получится из летней конференции для студентов колледжей. Они захотят поехать домой отдохнуть.

— Так пусть отдохнут в Коннектикуте.

Моуди сказал, что у него нет хороших ораторов, которые могли бы привлечь внимание студентов.

Уишард отменил это возражение:

— Внимание студентов привлекаете вы. Они вас знают. Вы недооцениваете свои интеллектуальные способности. Вам есть что сказать студентам колледжей этой страны...

Моуди сдался. Уишард ринулся к поезду и по прибытии в Нью-Йорк тут же начал рассылать приглашения.

На целый месяц, с начала июля по начало августа, в Нортфилд прибыло двести пятьдесят студентов из сотни колледжей. 7 июля Моуди взобрался на возвышение «деловым шагом, с величественным видом и начавшими седеть волосами и бородой» и велел петь гимны один за другим. «Я хочу, чтобы здесь звучало как можно больше музыки. Музыка и Библия — два важнейших средства воздействия на мир, и я всегда старался использовать пение не меньше, чем проповеди. Меня спрашивают, какая у меня программа. Я ненавижу программы, и программы у меня нет. Поэтому мне не приходится ее нарушать. Если вы хотите знать, что будет дальше, то я не могу вам сказать. Знаю лишь одно: мы хорошо проведем время. Мы хотим взволновать вас, заставить вас полюбить Библию, а тех из вас, у кого есть голос, — полюбить музыку. Если я увижу, что вы засыпаете, пригревшись на солнышке, я велю выступающему остановиться, и мы споем... Мы будем вести непринужденные беседы. Если захотите задать вопрос, говорите; мы здесь собрались именно для того, чтобы вы победили все сомнения и, вернувшись назад, вдохновляли своих друзей истиной».

Моуди пригласил несколько выдающихся лекторов, но, как и предсказывал Уишард, студентам больше нравилось слушать Моуди. Один из них писал: «Порывистый, радостный, непринужденный мистер Моуди необыкновенно волнует меня, и, я уверен, других делегатов

тоже», — а Джон Р. Мотт сказал, что в проповедях Моуди «было нечто подлинное, что глубоко трогало студентов колледжа. Их поразила его прямолинейная честность и абсолютная искренность», а также «отсутствие притворства», откровенность и непосредственность. «Он разогнал тучи, скрывающие религиозные истины, помог установиться ежедневным, личным и практическим отношениям с Богом, сделал их реальным опытом».

Моуди с каждым днем был все более доволен ходом конференции: много времени уделялось плаванию и игре в бейсбол, прогулкам в Поместье, где он мог демонстрировать своих уток, гусей, цыплят, павлинов и пони, а также забавный амбар, построенный маленьким Полом из ящичков и досок. Моуди вызывал студентов на соревнование: он заставлял их навьючить на себя столько балласта, чтобы они сравнялись в весе, и бегать наперегонки. Обычно он обгонял их на 25 — 30 метров.

Значение конференции оказалось гораздо большим, чем ожидали Моуди и Уишард, она привела к кульминации то движение, что зародилось в Кембридже почти четыре года тому назад.

Одним из делегатов был сын выдающегося проповедника в отставке, Роберт Уайльдер, который в 1883 г. основал Принстонское общество иностранных миссий, и пятеро студентов, его члены, подписали Заявление: «Мы все желаем и жаждем, с позволения Бога, стать проповедниками за рубежом». Уайльдер и его семья молились о том, чтобы из американских университетов вышли тысячи проповедников-добровольцев. В начале конференции на «Горе Ермон» это желание изъявили только двадцать пять участников. Уайльдер, чуткий и спокойный, каждый вечер собирал их под деревом, чтобы помолиться об увеличении количества добровольцев.

Всех, с кем он беседовал, он призывал стать проповедником, и опыт Джона Р. Мотта можно считать типичным: «Моя первая встреча с Робертом Уайльдером

состоялась во время заплыва в реке Коннектикут... Мы начали разговаривать в воде и продолжили по дороге обратно в школьный лагерь, и еще до завершения разговора он призвал меня стать миссионером». Еще свежи были воспоминания о Кембриджской семерке, времена были самые благоприятные. Уайльдер отправился к доктору Пирсону и попросил его произнести обращение к миссионерам. Моуди устроил специальное вечернее собрание, на котором выступил Пирсон: набросав на доске грубый план осуществления своего предложения, он, как писал его сын, «призвал молодежь церкви отдать жизнь за то, чтобы охватить весь мир Благой Вестью при жизни этого поколения».

«Я видел, как спокойно и без принуждения, — писал через несколько дней присутствующий на конференции журналист, — желание проповедовать распространилось среди участников. Каждый задавал себе вопрос: “А я?” — и отвечал на него сам, с помощью Библии и Бога». На третьей неделе Уайльдер спросил Моуди, могут ли на конференции выступить девять «заморских» студентов и один американский индеец. Моуди посоветовался с Уишардом, тот восторженно одобрил идею.

«Встреча десяти народов» ознаменовала рождение Студенческого добровольного движения. «Делегаты, — писал Уайльдер, — удалились в свои комнаты или под сень деревьев, молясь о наставлении». О своем желании нести служение за морем заявило сто человек.

Начавшееся на «Горе Ермон» добровольческое движение пронеслось по всей Америке.

Уайльдер и Джон Форман проехали по всем университетам, следуя примеру Кембриджской семерки. «Сейчас среди студенчества процветает дух миссионерства, к которому проявляется сильный, могучий и здоровый интерес», — писала в следующем году одна из газет. Летом 1887 г. в Нортфилде собралось четыреста молодых людей. «Сейчас в городе больше народа, чем

когда-либо, — писал Моуди дочери, которая находилась в Европе. — Улицы полны, кто-то спит в амбарах, на берегу реки и в лесу стоят палатки, и на круглом холме позади нашего дома их не меньше шести... Некоторые произносят славные речи. Лучше всех — Драммонд... Перед нашим домом устраивают фейерверки, как мы видели у Денни в 84-м... Прошлым вечером ребята из Гарварда, Йеля и Принстона развели костер на берегу реки перед домом и пригласили нас с Уилли. Они пели песни, рассказывали истории, мы прекрасно провели время». С тех пор студенты приезжали на десять дней каждый год за месяц до общей Нортфилдской конференции Моуди и, по предложению Мэй Уиттл, позже он организовал и конференцию для учащихся женских колледжей.

Моуди никогда не пытался возглавить Студенческое добровольное движение. «Моя задача — организовать движение». Опять его гений породил на свет устойчивое движение, развивать которое могли другие.

«Добровольцы» рассеялись по всему земному шару, их девизом было: «Охватить мир Благой Вестью при жизни этого поколения». В 1891 г. Уайльдер приехал с этой идеей в Британию, чтобы развить движение, у истоков которого стояла непосредственно Кембриджская семерка. Роберт Э. Спиэр и Джон Р. Мотт последовали за Уайльдером, и список миссионеров из американских и европейских университетов постоянно рос, а христианская Благая Весть достигала все новых тысяч людей в Африке, Азии, Южной Америке. Церкви не удалось провести полную евангелизацию мира к 1900 г., как предполагало Нортфилдское воззвание, но добровольцы девяностых искренне верили, что это действительно возможно сделать при жизни их поколения, и когда они состарятся в сороковых или пятидесятых годах двадцатого века, каждая живая душа на земле будет знать о Благой Вести, и, по словам Уайльдера, «ответственность за происходящее будет лежать не на

христианской церкви или отдельных христианах, а на каждом человеке».

Из Студенческого добровольного движения выросло Студенческое христианское движение и, в свое время, Межуниверситетское сообщество. Джон Р. Мотт, после десятилетий служения для студентов, сказал, что «Гора Ермон» стала «источником, из которого излился поток, принесший университетам и колледжам мира больше благословения, чем когда-либо народы получали под животворным влиянием Духа Божьего».

Моуди с самого начала волновала «всепоглощающая идея — заставить весь мир почувствовать силу христианского союза, активно работающего для масс». Теперь он обладал экуменическим видением. Его задача и призвание расширились, от города до народа, от Чикаго до Британии и Соединенных Штатов; потом от народа — до «всего населения земного шара». Город, страна, мир.

Как далеко бы ни отошло экуменическое движение от своих истоков, его источником был Нортфилд, с его Воззванием 1885 г., и экуменические конференции проповедников в Лондоне в 1888 г. и в Нью-Йорке — в 1900, а также «Гора Ермон» с ее «Добровольцами». Потоки слились в одну реку в 1910 г. в Эдинбурге под председательством Мотта.

Какими путями бы ни шло экуменическое движение в последующие десятилетия, его дедушкой был Д. Л. Моуди со своим стремлением «к славной цели всемирного благовестия», выразившейся в Нортфилдском воззвании.

28: Мучительное рождение Библейского института

Работу с женщинами в церкви Моуди организовывала мисс Эмма Драйер. Встречаясь с ним в Чикаго, она все время просила его основать Библейский институт как центр благовестовательной деятельности в окружающих трущобах для обучения тех, кто никогда не занимался в

колледже. Она заявляла, что Моуди, имея в виду этот проект, заставил ее бросить работу в государственных школах перед самым Чикагским пожаром, а потом уехал в Европу и обо всем забыл. В 1876 г. и снова во время краткого визита в 1883 г. Моуди действительно публично заявлял о существовании подобного плана, но из него пока ничего не получилось, за исключением того, что мисс Драйер была отобрана горстка молодых женщин, которые проживали в доме на Уоррен-авеню на иждивении у миссис Сайрус Мак-Кормик.

Несколько жителей Чикаго, которые симпатизировали мисс Драйер — хоть и не понимали, будет ли институт «орденом диаконис» для городской работы или школой «для подготовки работников заграничных миссий» — еженедельно собирались для молитвы о том, чтобы «приехал мистер Моуди и сделал что-либо сообразно их нуждам». Священник, который временно занимал кафедру в церкви на Чикаго-авеню, Чарльз Э. Блэнчард, организовал по просьбе мисс Драйер бесплатные вечерние курсы, чтобы доказать Моуди, что «дело пойдет», и, наконец, 22 января 1886 г. Моуди занялся проектом.

Он заявил на публичном собрании, что для благовестия среди масс Чикаго надо собрать 250 000 долларов, из которых 50 000 долларов пойдет на здание, а остальное — на подготовительную школу для работников, «которые смогут служить посредниками между проповедниками и народом. Их следует обучать Слову Божьему, чтобы они могли ответить на любой вопрос, который им зададут». Он неподражаемо описывал потребности и возможности, пока собрание не заразилось его энтузиазмом. Когда он закончил, его просили говорить еще.

— Что же мне еще сказать? Я двадцать пять лет задаю себе вопрос, что можно сделать для рабочего класса. Люди спрашивают, не могу ли я перебраться сюда. Мне

кажется, что нет. У меня очень много дел, которые заставляют меня скитаться по миру. О! — воскликнул он, забыв под влиянием момента о своем дорогом Нортфилде. — Я хотел бы вернуться сюда и жить здесь. Я люблю Чикаго. Я люблю его жителей, но я должен продолжать работать. Но я обещаю: если работа будет вестись, я буду возвращаться каждый год и помогать, как смогу.

Юный Сайрус Х. Мак-Кормик, сын старого покойного друга Моуди, вскочил на ноги:

— Я даю пятьдесят тысяч долларов!

— Лучше бы сто!

— Нужно будет подумать, — Мак-Кормик засмеялся.

Через несколько часов он обещал сто тысяч. Моуди сказал собранию:

— Давайте соберем деньги, а я приложу усилия и использую свой опыт.

Однако ничего не случилось. В тот 1886 год, полный индустриальных кризисов и кровопролитий, собственный завод Мак-Кормика был центром майских «сенных бунтов», и мечта Моуди о Библейском институте не приблизилась к своему воплощению.

Моуди вернулся в Чикаго для четырехмесячной кампании в январе — апреле 1887 г. Она проводилась по схеме, состоятельность которой оправдалась в Балтиморе и Сент-Луисе — он работал по районам при посредничестве местных церквей.

В разгар кампании он пригласил Фаруэлла, Мак-Кормика и еще четырех человек на празднование своего пятидесятилетия (в возрасте 51 года он описывал, как чувствует себя: «Мне кажется странным, что я такой старый; я чувствую себя так же, как и в 30»). К юбилею было приурочено основание Чикагского общества благовестия — «для обучения, наставления и поддержки христианских работников». Новое общество должно было построить Библейский институт и управлять им. Письмо, пришедшее из Китая, подстегнуло амбиции Моуди,

возникшие в момент основания Студенческого добровольного движения: Институт будет готовить к служению не только в Америке, но и за морями. Ч. Т. Стадду исполнилось двадцать пять, и он унаследовал часть отцовского состояния, которую, не задумываясь, тут же отдал. Пять тысяч фунтов он послал Моуди, выражая надежду, что они будут потрачены на благоверие в районе Тирхут в Северной Индии, где это состояние было сделано. Моуди, не медля, написал в ответ в чисто американской манере, которая заставила Стадда думать, что идея родилась исключительно благодаря его дару: «Я сделаю лучше: я открою школу, в которой будут учить мужчин и женщин, чтобы они смогли потом ехать за море и благовествовать».

Но проект снова застопорило.

Чикагское общество благоверия начало работать в городе, была приобретена палатка для летних собраний, работники стали посещать бары, тюрьмы и трущобы. Однажды вечером, когда прихожане церкви на Чикаго-авеню собирались, чтобы послушать Моуди, один помощник наткнулся на него снаружи у северо-западного угла здания.

— Это ты, Моррисон? Видишь этот участок? Давай помолимся, чтобы Господь послал нам его для школы.

Моуди произнес одну из своих коротких, практичных, почти детских молитв, и снова вошел внутрь. Участок остался незанятым. Возникли новые трудности и задержки, вызванные мисс Драйер, которая по непонятной причине, казалось, мешала всем практическим шагам, пока в июле Моуди не отказался от должности президента Общества благоверия: «Никогда ничто не было так близко моему сердцу, как это общество, но уже шесть месяцев мне приходится сталкиваться с самыми дорогими друзьями как никогда прежде, и я устал от всего этого. Сейчас мне кажется, что Бог закрывает передо мной дверь в Чикаго и

открывает какие-то другие пути, и здесь он все устроит как-то по-другому, да славится Его благодать».

Самоотвод Моуди вызвал в Чикаго недовольство, но миссис Мак-Кормик подумала, что он хочет сам обладать всей полнотой власти. Миссис Моуди разубеждала ее в письме на девятнадцати листах; потом и сам Моуди телеграфировал: «Скажите поверенным пусть строят здание как знают когда оно будет готово я приеду». 15 октября 1887 г. он писал из Монреалья: «Я обнаружил, что комитет пал духом и не знает что делать, и они думают, что я стою у них на пути, и если это так, то я уйду. Я хочу работать впереди или позади, снаружи или внутри, и я уйду, только, ради Господа, пусть они как-нибудь продвинулись с работой в этом сезоне».

Почти год спустя участок еще не был куплен, когда «в первый день октября я отправился в Индию» из Чикаго.

Маккинноны, которым доводилось жить в Индии, давно уже агитировали Моуди совершить эту поездку. Во время круиза Моуди по морю и озерам Шотландии в августе 1882 г. один индийский служащий, который поднялся на борт в Холи-Лох, «стоя на сходнях, держал мистера Моуди за руку, умоляя его посетить Индию. Мистер Моуди сказал, что не хочет говорить “нет”, но не может обещать». Члены Студенческого добровольного движения убедили его. На второй Конференции в 1887 г. «мы с Форманом, — пишет Роберт Уайльдер, — подошли к нему и заявили:

— Бог дал через вас великое благословение студентам Северной Америки и Великобритании, и мы верим, что сейчас Бог хочет, чтобы вы отправились в Индию и поговорили с тамошними студентами.

Он выслушал нас внимательно, но ничего не ответил». Японским студентам он сказал:

— Мне хотелось бы увидеть весь мир, за который умер Христос.

Позже он послал за Уайльдером в Чикаго и «задал мне много вопросов об университетах, где они расположены и т. п. Он не думал, что выдержит индийский климат. Однако он не скрывал, как сильно его тянет в Индию».

1 октября 1888 г. миссис Моуди, Эмма и Пол приехали из Чикаго в Терлингтон, Небраска, где в доме Харвеев «папа нас покинул, — писала миссис Моуди Уиллу в Йель, — и мы по нему скучаем. Трудно было отпустить его, но я думаю, что все будет хорошо». Он достиг Сан-Франциско, где местные служители зарезервировали ему место на поезде и напомнили, что в прошлом году он обещал организовать кампанию на Западном побережье, «они говорят, что задержат меня и заставят сдержать слово... поэтому я обязан остаться». Нетрудно было отговорить его от путешествия, сопряженного с морской болезнью и жарой (которая вызывала у него головные боли), и он телеграфировал об этом своей жене, которая испытала глубокое облегчение: «Меня так утешило, что папа не поедет так далеко от нас... Разве ты не рад, что папа не едет в Индию этой зимой?»

Моуди послал вместо себя Джорджа Пентекоста, умелого помощника, еще не показавшего своей ахиллесовой пяты, а сам поехал в Канаду, с Джорджем Стеббинсом в качестве певца. Из Виктории, Британская Колумбия, он писал 13 октября: «Погода здесь как в мае в Нортфилде, река Саунд полна всевозможной рыбы, здесь замечательная рыбалка: корюшка, треска, лосось, сельдь, пикша и т. д. сразу через бухту видна гора со снежной вершиной на территории Вашингтона это Скалистые горы говорят они большие и красивые но конечно не такие как в добром старом Нортфилде». «У меня здесь много работы, — писал он Уиллу на следующей неделе, — и все служители очень довольны и все работают вместе и я думаю что после моего отъезда работа тоже будет идти хорошо». «Иногда мне бывает одиноко, — признавался он

в начале декабря, находясь в Портланде, Орегон, — и если бы не работа я бы сошел с ума не видя солнца больше 4 — 5 дней в месяц». В Сан-Франциско к нему приехала на Рождество семья, за исключением Уилла. При переезде через Скалистые горы все простудились. «Люди добры к ним и делают все чтобы доставить им удовольствие. Работа здесь идет хорошо и я гораздо лучше себя чувствую чем когда был здесь в 81».

Об этом периоде рассказывают множество историй. В Британской Колумбии был молодой торговец опиумом, которому Моуди велел бросить это занятие. «Торговец сказал:

— У меня жена и маленький ребенок, и вся обстановка моего дома куплена на нечестно заработанные деньги. Если я стану христианином, мне придется отказаться от обстановки, и моя жена узнает об этом.

— Пусть лучше ваша жена все узнает и у вас не будет мебели.

Он сказал:

— Может быть, вы пойдете поговорить с моей женой? Я не знаю, что она ответит.

Я пошел поговорить с ней, и, когда я ей все рассказал, у нее на глаза навернулись слезы, и она заявила:

— Мистер Моуди, я с радостью откажусь от всего, только чтобы мой муж стал настоящим христианином!»

В Портланде был некий судья Уильямс, который поразил трехтысячную аудиторию своих земляков:

— Мне семьдесят три года, я просидел на судебском месте сорок три из них, я принял множество важных решений, но величайшее из всех было принято сегодня утром, когда я наконец-то впервые, в присутствии брата Моуди, преклонил колени, прося о прощении моих грехов, и радость наполнила мое сердце. Друзья, простите меня, я не знал, как надо жить, а теперь знаю. Теперь мы с моей семьей будем служить Господу.

В Сан-Франциско был профессиональный фотограф, еврей по имени Джордж Б. Римап, который хотел прибавить Моуди к своей коллекции артистов, политиков и т. п. Моуди с благодарностью отклонил предложение бесплатно попозировать и заявил, что приехал в Сан-Франциско не фотографироваться, а спасти душу Римана. «От такого ответа мистер Римап рассвирепел», — вспоминает давний знакомый фотографа, бывший свидетелем происшествия. Каждый день Римап читал в газетах рассказы о собраниях и «становился все более и более нервным». Когда он увидел сообщение о том, что подошел последний день пребывания проповедника в городе, он вместе со своей женой, которой тоже было любопытно, отправился «поглядеть на этого Моуди... Они послушали проповедь и заинтересовались, но глубокого впечатления на них она не произвела. Потом объявили встречу после собрания, и Римап сказал жене:

— Ну что, раз уж пришли в цирк, посмотрим, что за кулисами!

Им встретились два искренних христианских работника, которые рассказали им о Христе. Они встали на колени и помолились...» Римап стал «одним из наиболее проникновенных баптистских проповедников на всем Тихоокеанском побережье, люди его очень любили».

В начале марта 1889 г. семейство Моуди двинулось на юг, в Лос-Анджелес. «Меня очень воодушевляет то, как до сих пор идет работа, и я надеюсь, что буду в хорошей форме до 25 числа сего месяца и смогу поехать в Ио-Семит, если успеем, если нет, я отправлю туда семью». Им помешали сильные дожди. Моуди оставил семью в Колорадо, потому что у миссис Моуди началась простуда, и поспешил в Чикаго.

Он больше не мог выносить промедлений. Библейский институт должен был появиться на свет.

Преыдуцим летом в Нортфилде тридцатишестилетний пастор из церкви Моуди в Чикаго

Чарльз Ф. Госс ехал вместе с ним в повозке по «прекрасной и тихой долине», когда Моуди начал беседовать с ним о своих планах, связанных с Институтом. «Его глаза горели, лицо сияло. Вдруг он остановил лошадь, снял шляпу и заявил с радостными интонациями в голосе, взволновавшими меня:

— Меня ужасно волнует этот проект! Давайте помолимся Богу о том, что бы мы смогли сделать все для его воплощения в жизнь!

И эта молитва должна была достигнуть небес! Она была проникнута такой духовной силой, что могла пронестись через бесконечность. Я ощутил неопиcуемый трепет».

Моуди велел Чикагскому обществу благовестия организовать в апреле 1889 г. краткие курсы для подготовки служителей и мирян обоих полов, «нечто вроде Нортфилдской конференции», и эта затея пользовалась «большим успехом. У нас собралось более 500 служителей со всего Северо-Запада». В первом обращении Моуди заявил, что «ключевые моменты этого собрания — Слово и Дело», как будет и с действующим постоянно институтом.

Во время съезда Моуди ринулся организовывать великое предприятие, которое занимало его воображение в течение трех лет. Для Госса это была «самая впечатляющая демонстрация умственных и духовных сил, какие я когда-либо видел. Его рвение, интенсивность его чувств, его сила воли, его вера были подобны природной стихии». Для Моуди эти апрельские и майские недели «были самыми мрачными 40 сутками в моей жизни». Он стучался в кошельки богачей, пока не собрал 185 000 долларов, миссис Мак-Кормик дала ему еще 25 000 долларов и сделала жест, который облегчил его участь — выделила такую же сумму мисс Драйер, чтобы она получила возможность работать самостоятельно, не завися от Моуди.

Он купил три дома возле церкви, чтобы устроить там спальни для женщин. Кроме того, он приобрел тот участок,

о котором молился, «и теперь я возвожу здание, в котором разместятся 200 молодых людей... Таким образом мы можем разместить 250 человек: 50 леди и 200 молодых людей». Все это время он выступал перед съездом, принимал участие в миссионерской работе на улицах, организовал три палаточных центра для работы Общества благовестия следующим летом. Семья, вернувшаяся из

Колорадо и живущая у Холденов, видела его редко и нерегулярно. Он спал мало, иногда урывками, когда выдавалось время, и очень много ел. «Однажды вечером он ворвался ко мне, — вспоминает Госс, — после дня непомерных трудов и воскликнул:

— Есть у тебя что-нибудь поесть?

Перед ним поставили громадное блюдо свинины с бобами (которую он очень любил). Он сел, пробормотал под нос молитву, и, ни слова не произнося, опустошил блюдо так быстро, как только мог подносить пищу ко рту. Однако во всем этом была некая неопиcуемая грациозность! Часто он ел жадно, но не как животное и не как гурман».

К 10 мая, когда съезд закончился, Моуди уже знал, что Библейский институт откроется осенью.

Он не сомневался в том, что это необходимо. Прося Уитгла, который был в Британии, поехать в Глазго и попросить чек на 1000 фунтов у Кэмпбелла Уайта, он писал: «Настало время контролировать служителей и вдохновлять их но я планирую обучить мужчин и женщин того слоя общества, которые на три четверти не ходят в церковь, и я склонен думать, что я преуспею в этом и я получу группу таких людей вне церкви. Я никогда не возлагал больших надежд ни на одно из моих предприятий». Как он сказал одному репортеру в следующем году: «Существует определенная группа людей, которые никого не станут слушать, кроме своих же... Образованные работники-миряне нужны нам больше, чем думают многие... Я не хочу, чтобы они заменили

служителей. Я не думаю, что эта работа будет мешать работе богословских семинарий».

Возвращение в Нортфилд в середине мая ознаменовалось прелестным происшествием.

Моуди заказал пони для десятилетнего Пола. «Мы вовремя вернулись домой, и дядя Эд доставил пони и тележку Пола на вокзал. Пол ничего не знал об этом, пока он не переехал через мост, лошадь Эммы остановилась — и там была упряжка Пола, во всей красе. Я сказал ему, что это его подарок. Видели бы вы нашего дорогого друга! Несколько мгновений он стоял и смотрел, потом бросился ко мне и поцеловал меня. Я велел ему забираться в тележку и ехать домой. Сэм [Уолкер] поехал с ним, и он добрался домой задолго до нас». Это был «черный пони, — вспоминает Пол, — маленький, но очень добрый, и я с готовностью и энтузиазмом учился падать с его спины. Все лето мы были неразлучны. Его звали Топпи...»

События нортфилдского лета 1889 г. — школы, конференция студентов и общая Конференция — добавили остроты постоянным сообщениям из Чикаго и ответным посланиям («Вот увидите, нам удастся разжечь пожар, который охватит весь город»). Кульминация пришлась на возвращение Моуди в Чикаго во время второго краткого съезда, начавшегося 26 сентября, для открытия Библейского института. Новое здание, где должны были располагаться спальные помещения для мужчин, еще не было достроено, и организаторы использовали часть женских помещений, в то время как первые ученики-мужчины квартировались по соседству. Директором «Библейского института Чикагского общества благовестия» Моуди назначил Ребена Арчера Торрея.

Память и способности Торрея были так же примечательны, как его внешность — в тридцать четыре года его волосы и борода были почти такими же седыми, как у Моуди в пятьдесят два, а взгляд у него был пронизывающий, как у пророка. В отличие от Моуди, это

был выходец из богатой семьи, выпускник колледжа, в молодости много грешивший и даже пробовавший совершить самоубийство перед обращением. Торрей хорошо знал труппы: он работал в городской миссии Индианаполиса, когда Моуди призвал его в Чикаго. Торрей был интеллектуалом, начитанным, получившим богословское образование в Йеле, Лейпциге и Эрлангене, он каждый день читал Новый Завет на греческом и Ветхий — на древнееврейском. Моуди не хотел, чтобы директором школы для простых людей был простец.

Был и еще один момент, который делал Торрея особо привлекательной кандидатурой для Моуди: он учился научной критике. «Были времена, — говорил он, — когда я считал себя таким мудрым, что думал: Библия — умная книга, так как соглашается со мной». Он ездил в Германию учиться критической философии — и после этого вернулся к вере «в Библию, в Библию целиком как Слово Божье: полностью достоверное откровение от Самого Бога, откровение о Нем Самом, Его воле, Его замыслах; а также о человеке, его природе, способностях, обязанностях и судьбе».

Институт, первый в своем роде, был многим обязан Торрею и его умелому осуществлению планов Моуди: бесплатное образование и низкая плата за проживание, смесь систематического библейского учения с практикой служения, «ежедневные занятия и ежедневная практика»; было отведено время и для занятий музыкой; расписание было составлено таким образом, чтобы студенты могли начинать занятия в любой момент.

«У меня нет проблем с мисс Драйер я думаю буря миновала и мы плывем при попутном ветре теперь. Собрания идут хорошо и все хорошо». «Я получил сегодня 1000 фунтов от Питера Маккиннона, — писал Моуди Уиллу 9 ноября 1889 г., — это замечательно так здорово иметь таких славных друзей я думаю мои тяжелые дни в Чикаго подходят к концу у меня все хорошо но это было

трудно я так благодарен что все позади а не впереди потому что мне не хотелось бы такого в будущем».

Новое здание было открыто 18 января 1890 г., а через три недели, начиная месячную миссию в Бруклине, Моуди писал другу: «Мне кажется старый корабль вышел в открытое море давайте же пустим пар поднимем паруса и отправимся вперед».

К концу этого года во всех школах Моуди было в общем более тысячи студентов. 31 декабря он писал Маккиннонам: «Наконец-то я достиг того, о чем мечтал двадцать лет, и я всегда буду вспоминать этот 1890-й как год, когда я добрался до вершины холма, и вы помогли мне...»

Нортфилд, «Гора Ермон», Чикаго: «Работа моих школ не так уж и повлияет на следующее столетие, но *когда меня не будет, останутся другие великие мужчины и женщины*».

29: Через мрачную пропасть и морскую пучину

Дети Моуди никогда не сомневались в том, что их отец — лучший на свете. «Он был всегда таким шутником — чего только не творилось в доме...» Они играли в прятки, и Моуди скакал вверх-вниз по лестницам с фонарем в руке. Однажды Эмма, которой было тринадцать или четырнадцать, играла в комнате с подругами, когда отец вдруг подошел к открытому окну — и в следующее мгновение среди кричащих девочек уже бегал, визжа и вереща, поросенок.

В первые годы пребывания в Поместье Моуди много времени уделял оформлению лужайки перед домом, пытаясь придать ей типично английский вид. «У него уже почти получилось, — вспоминает Мэй Уиттл, впоследствии ставшая женой Уилла, — когда в один прекрасный день Пол и Уилл как-то выпустили лошадей из конюшни, и они пронеслись галопом вдоль и поперек

лужайки. Мистер Моуди был вне себя! Это был единственный раз, когда ему пришлось просить у мальчиков прощения за то, что он им сказал. О да, у него был горячий нрав, но мой муж и Пол говорили, что, если он терял самообладание, говоря с ними, то уже лежа в постели они слышали его тяжелые шаги, он входил в комнату, клал свою тяжелую руку мальчикам на лоб и говорил:

— Простите меня, я вел себя не так, как учит Христос.

Для них это было величайшим примером христианского поведения. Мистер Сэнки так не умел. У него было трое сыновей, и я любила мистера Сэнки, но он всегда был прав, а они — всегда неправы».

Отношение Моуди к собственным детям было двойственным, что вносило скрытое напряжение. Он хотел, чтобы у них было то, чего не хватало в детстве ему: образование, путешествия, игрушки и увлечения, — но чтобы при этом они воспитывались на трудностях и самоотречении. Правда, трудности не шли дальше того, чтобы заставлять Уилла, а позже и Пола, на летних каникулах час или два в день заниматься прополкой огорода, причем Моуди пытался убедить их, что это следует делать босиком. Обычно прополка прекращалась быстро, потому что Моуди хотел, чтобы дети вместе с ним получили удовольствие от кур, пчел, лебедей, павлинов, фазанов, оленей, а также прочей живности и предметов, каким-то образом попавших в окрестности Помесья и фермы. Во время каникул Моуди был для своих сыновей «толстым бородатым Питером Пэнном, мальчиком, который никогда не вырастет».

Ему хотелось также, чтобы его дети выросли настоящими христианами, но он заранее хотел спасти их от передозировки. Поэтому семья никогда не молилась перед завтраком: «Не стоит мучить голодное семейство, заставляя вдыхать аромат кофе и бекона во время

молитвы»; и юные Моуди выросли в атмосфере веры, но их никто не принуждал к благочестивым беседам, кроме того, Моуди не разделял распространенного убеждения, что детей должно быть видно, но не слышно. Несмотря на то что они были отпрысками всемирно известного религиозного деятеля и взрослые верующие постоянно ожидали видеть в них пример образцового воспитания, у детей Моуди было нормальное детство.

Письма Моуди к Уиллу, когда тот был ребенком, полны веселой болтовни, лишь изредка, например, в день, когда Уиллу исполнилось пятнадцать и отец послал ему из Лондона множество поздравлений и хрустящую пятифунтовую банкноту, он добавил: «Желаю тебе, чтобы в душе твоей был такой же мир, как и у твоего отца, чтобы ты занимался благословенной работой и вел души ко Христу», или: «Как мне хотелось бы, чтобы ты все больше и больше принимал сторону Господа». В отрочестве, омраченном частыми болезнями, Уилл неуклонно двигался в сторону веры, а счастливым нортфилдским летом 1886 г. он казался истинным христианином.

Но искра теплилась недолго, и уже в начале декабря, почти восемнадцатилетний Уилл написал из школы «Гора Ермон» (где он занимался после того, как она была реорганизована в среднюю) письмо отцу, из которого было ясно: он взбунтовался против веры своих родителей.

Ответ Моуди из Бингемтона, Нью-Йорк, от 8 декабря 1886 г., проливает свет на его характер, демонстрируя не только глубину его любви и искренности, но и живое ощущение Христа как личного, близкого Друга.

Моуди пишет: «Держу в руке твое письмо, и я рад, что ты сообщил мне это, потому что будет лучше для тебя приходить ко мне со своими заблуждениями, чем скрывать их. Конечно, я очень огорчен тем, что у тебя возникло искушение курить. Я надеялся, что это никогда не будет искушением для тебя, но большее всего мне оттого, что у тебя нет желания познать Христа. Иногда у меня так

тяжело на сердце, так печально, когда я думаю, что ты с таким предубеждением относишься к тому, кто столько сделал для твоих родителей. Все, что у нас есть, — от него, и ты сам, как я думаю, спасся от ранней смерти, благодаря молитве. А теперь, когда тебе даны силы и здоровье и ты можешь делать добро, ты отворачиваешься от вернейшего и лучшего друга, какой у тебя только может быть. В жизни не смогу понять, отчего у тебя такая неприязнь ко Христу.

Иногда я думаю, что это моя вина, если бы я был более последователен, ты не испытывал бы такой неприязни к тому, что так дорого моему сердцу. Прошлый сентябрь был для меня счастливейшим временем, потому что я думал, что ты действительно начал двигаться по направлению к Царству Божьему, но, вернувшись домой, я обнаружил, что ты еще более равнодушен, чем раньше, и в сердце моем поселилось отчаяние. Я не говорил об этом с тобой, потому что боялся, что это еще сильнее настроит тебя против того, кого я люблю больше всего на свете, и, если я когда-то сказал или сделал что-то, неподобающее отцу-христианину, я прошу у тебя прощения, я готов скорее умереть, чем стоять у тебя на пути.

Мне стыдно оттого, что я проповедую другим, а мой сын не верит в благую весть, которую я проповедую. Вчера вечером мне трудно было проповедовать после чтения твоего письма, мне казалось, что я слышу голос, говорящий мне: “Взгляни на свою собственную семью”. Я всегда думал, что, если отец и мать оба христиане, а их дети — нет, значит, что-то явно не так, и я до сих пор так думаю, так прошлым вечером я говорил родителям, и какой урок преподнесла мне сама жизнь — я старался не насаждать религию в доме, и, когда я думаю, что пренебрег своими обязанностями по отношению к трем своим детям, мне хочется умереть. Я старался сделать вашу жизнь в доме как можно приятнее, и я делал все, что в моих силах, чтобы вы были счастливы. Я думал, что когда я открыл школу, это окажет благотворное влияние на город, на мою

собственную семью, и день и ночь мои помыслы и молитвы были направлены на то, чтобы мы объединились в Духе, но теперь мне кажется, что ты ненавидишь то, что я люблю. С каждым днем пропасть между нами становится все мрачнее и глубже, и я боюсь, что через 5 лет между нами не будет ничего общего. Если ты избрал мир своей долей, однажды ты умрешь печальным и разочарованным, я в этом уверен. Дорогой Уилли, мир обманет тебя и никогда не даст тебе радости. Этот год ты не был счастлив, и твое недовольство усиливается, это ранило твоего отца и твою мать гораздо сильнее, чем ты можешь себе представить, пока не станешь сам отцом.

Я надеюсь, что нет *греха*, который мешает тебе прийти ко Христу, но иногда я боюсь, что есть в твоей жизни что-то, о чем я не знаю, но я молю Бога показать тебе, что это, исповедаться в этом и отречься от этого. Я никогда не молился за тебя так, как молюсь сейчас. Я думаю, это кризис в твоей жизни, и теперь, дорогой Уилли, прими это в том же духе, в каком я написал — твой отец Д. Л. Моуди».

Как только это письмо было отослано, Моуди узнал, что Уилл опять заболел, и рождественские праздники были омрачены его болезнью и последовавшей за ней депрессией. Когда Моуди поехал в Чикаго для основания Общества благовестия, он ежедневно посылал сыну полные любви записки. «Мне хотелось бы быть с тобой, — писал он 7 января 1887 г., — и подбодрить тебя. Ты не должен отчаиваться, может быть, тебе станет гораздо лучше, когда все это закончится». Уилл выздоровел к весне, и отцу пришлось упрекать его за то, что он часто дразнил Эмму, которая была очень обидчива. Ей исполнилось к тому времени двадцать три года, и она собиралась совершить поездку в Европу с дядей, Флемингом Х. Ревеллом, будучи очень легкой на подъем. В октябре 1887 г. Уилл поступил в Йель.

По дороге в Чикаго Моуди заехал в Йель, мысль о том, что сын его поступил не в христианский колледж, сильно его огорчала. «Я боюсь, что испортил тебе настроение, приехав к тебе вчера вечером, но я был так обеспокоен, что не мог держаться бодро. Сегодня у меня был хороший день, но я волнуюсь так, что ты не представляешь себе. Если бы я не любил тебя так сильно, все было бы по-другому, но при мысли, что ты можешь умереть неспасенным, мне так тяжело. Я надеюсь, что ты примешь дар Божий».

Невольно мрачный вид отца поразил Уилла, и он немедленно написал матери, которая ответила ему: «Насчет папы. Я не думаю, что он изменился. Я думаю и знаю, что он беспокоится о тебе, так же, как и я. Его тревожит не то, что ты учишься в Йеле. Он не говорил со мной об этом, но я знаю, что мысль о том, что ты учишься в колледже, не уповая на помощь Христа, вызывает в нас обоих такую тревогу, что мы обычно только о тебе и молимся. Я боялась “давить” на тебя, ведь это так могло показаться, однако, часто я не могу вынести мысли о том, что ты остаешься неспасенным... Я знаю, что папа молится, и я тоже молюсь о том, чтобы Дух Божий наставил тебя и помог полностью отдаться Христу, не для того, чтобы доставить нам удовольствие, но чтобы это было “твоим сознательным служением”. Ты знаешь, что должен делать, — так сделай это, не вполсилы, но полностью. Я буду молиться о тебе. Помощь Того, Кто сильнее тебя, понадобится тебе не только после смерти, но и при жизни».

Они были очень сплоченной семьей. «Если ты скучаешь о нас так же, как мы о тебе, тебе, наверное, очень одиноко», — пишет Моуди Уиллу после возвращения последнего в Йель в январе 1888 г. В другом письме, от марта месяца, когда миссис Моуди покинула Нортфилд, чтобы присоединиться к мужу в поездке, говорится: «Я думаю, что ты очень скучаешь без матери, но твоя потеря — моя находка, я очень скучаю по каждому из вас, а после

того, как я пробыл один несколько недель, мне совсем одиноко». Эта близость, эта постоянная забота заставляла Моуди пронизывать письма медицинскими советами («И еще, Уилли, будь осторожен, не выходи потный на сквозняки»). Но еще больше его тревожило то, что Уилл, очаровательный пылкий юноша с прекрасными манерами и чувством юмора, не полюбит Христа, столько драгоценного для его родителей. Желанный Библейский институт в начале 1888 г. еще рождался в муках, душа Уилла тоже не торопилась родиться свыше; но в обоих случаях попытка подтолкнуть процесс могла привести к нежелательному аборту.

Летом 1888 г., когда Уиллу было девятнадцать, Моуди увидел, что мрак рассеивается. Уилл начал «приобретать интерес к Сыну Божьему», медленно, но верно. В последующие четыре года его вера постепенно становилась все более зрелой. Он добровольно отказался от докторского звания, чтобы посвятить себя подготовке к должности административного помощника отца в управлении школой, но только когда Мэй Уиттл, его подруга детства и юности, вернулась из Европы в 1893 г. (они были помолвлены и поженились в 1894 г.), Уилл полностью включился в размеренную, мирную и безупречную христианскую жизнь, к радости своего отца. Благодаря годам сомнений его послушание стало только серьезнее, а вера глубже.

Тему отчаянного письма Моуди к сыну, написанного в 1886 г., продолжает постскрипtum другого его послания, приуроченного к двадцатипятилетнему юбилею Уилла в 1894 г.: «...на твои 25 лет я молился о тебе, и я думаю, что в последний год ты доставил мне самую большую радость, чем когда-либо в моей жизни. Мне хотелось только одного от тебя — чтобы ты занялся христианской работой, и теперь настало время, когда я получил ответ на свои молитвы, и я не смогу [?] отблагодарить за такую радость. Я думаю, Мэй будет тебе хорошей помощницей. Ты

никогда не узнаешь, пока у тебя самого не будет сына, что значит желать чего-то для него, и молиться 25 лет, и не видеть ответа, и потом получить его, тогда ты поймешь, какую радость ты подарил своему отцу в 1893 г".

Именно Уилл был с Моуди в момент кораблекрушения в Атлантике.

Летом 1891 г. на Нортфилдской конференции Моуди вручили великолепное приглашение в Шотландию — свиток длиной более 45 метров с двумя тысячами подписей жителей 50 городов и представителей всех церквей.

Моуди ничего не обещал, и, когда он неожиданно прибыл в Лондон в ноябре со всем семейством и Сэнки, его пунктом назначения была Индия. Но врачи и британские друзья, бывавшие в Индии, решительно отговорили его: «Они утверждают, что у меня там будет удар».

Вместо этого он решил совершить тур по Шотландии, отправив семью на континент. Проведя поспешные консультации со служителями Эдинбурга, Моуди выразил «большое желание работать не только в больших городах, но и в сельской местности». 23 ноября они с Сэнки начали работу на северо-западе Шотландии.

Шотландцам он после семилетнего отсутствия показался чудовищно толстым: как шутили некоторые, «он мог поставить Библию на подставку, которой наградила его природа, и носить ее всюду с собой между двумя пуговицами пиджака». Борода его из седой превратилась в белую, ему было пятьдесят четыре, и он выглядел стариком, но взгляд оставался по-прежнему ясным, и сила тоже была прежней. «Я надеюсь, что Господь поможет мне в Англии, как прежде, — писал он матери в день ее восьмидесятисемилетнего дня рождения в феврале 1892 г. — Это великое счастье — жить так, как я жил в последнее время». Из Пэйсли он писал Питеру Маккиннону: «я воодушевлен я счастлив когда работаю мне хотелось бы чтобы вы были в добром здравии как я и чтобы вы были со мной этой зимой я помню те великие времена в ирландии

англии и шотландии 18 лет назад сейчас я посетил более 50 городов и почти в каждом из них нахожу плоды служителей которые были обращены в то время».

Семья поехала в Венецию и Рим. «Пол в восторге, ему кажется, что это замечательное приключение. Эмма изучает путеводители и помогает нам, а Уилл участвует в оплате счетов, в делах и учит итальянский». В январе они отправились в Египет, который тогда был знаменитым зимним туристическим курортом, в особенности рекомендуемым тем, кто был слаб грудью и страдал от невралгии, а Уилл побывал еще и в Палестине. В начале апреля Моуди встретил их в Париже и решил, после некоторых колебаний, принять предложение Маккиннонов посетить Святую Землю в качестве их гостя, они оплачивали все расходы. «Эмма ехать не хотела, Уилл только что там был, поэтому вечером мы с Полом и мистером Моуди выехали в Рим», — писала миссис Моуди своей матери 8 апреля. Моуди очень понравился Рим и Святая Земля, «хоть морские путешествия ему все более и более ненавистны» (в Яффе по возвращении им пришлось карабкаться на пароход с маленькой лодочки, «и, хотя штормило, мы замечательно повеселились. Д. Л. был слишком возбужден или напуган, чтобы вспомнить о морской болезни...») В день Пасхи он проповедовал на службе, организованной Церковным миссионерским обществом на предполагаемом месте распятия. «Я проповедую тридцать лет, — начал он, — но никогда не ощущал такого трепета перед Богом, как сейчас».

Вернувшись в то лето в Британию, Моуди работал там, где еще не бывал, и после отъезда миссис Моуди в Америку в августе со всей семьей, кроме учившегося в Германии Уилла, предпринял десятидневную кампанию в Скинии Метрополитен²⁵, недавно лишившейся Сперджена.

²⁵ Будущая королева Мария посетила проповедь вместе с матерью. Много лет спустя ее сын (теперь герцог Виндзорский), встретив в Чили человека, связанного с «Горой Ермон», заявил:

Потом он поехал в Ирландию — его племянник Эмберт писал домой из Дублина: «Собрания великолепны, представляете! Все только и говорят о дяде Д.!» Уилл присоединился к отцу в ноябре в Лондоне. Они купили билеты на первоклассный лайнер северогерманской фирмы «Ллойд», называвшийся «Спрея».

Перед отплытием Моуди согласился проконсультироваться с сэром Эндрю Кларком, кардиологом с Харли-стрит, который подтвердил недавно установленный диагноз: легкая сердечная недостаточность. Кларк спросил, как часто Моуди проповедует.

— Обычно трижды в день. По воскресеньям — четыре или пять раз.

— И сколько дней в неделю?

— Шесть, в последнюю зиму семь.

— Вы сумасшедший, сэр, просто сумасшедший! Вы себя убиваете!

— Ну знаете, доктор, обычно я беру выходной в субботу. Этот год — исключение. Но позвольте спросить вас, сколько часов в день работаете вы?

— О, шестнадцать или семнадцать.

— И сколько дней в неделю?

— Каждый день, сэр, каждый день.

— Тогда вы еще больший сумасшедший, чем я! И вы убьете себя раньше.

Так и произошло: он умер ровно через год после консультации.

Уилл с отцом взошли на борт «Спреи» в следующую среду, 23 ноября, и тут же услышали приветливый голос с американским акцентом:

— Как, Моуди! Как я рад вас видеть!

Это был однорукий генерал Оливер Отис Хоуард, который давным-давно призвал Моуди проповедовать перед своими войсками. У Моуди была «славная каюта», — пишет леди Киннерд, пришедшая их проводить. Моуди

— Моей матери Моуди показался славным парнем!

«ужасно боялся морской болезни», и она, цитируя слова популярного гимна Сэнки, коварно спросила, собирается ли он «петь всю дорогу... Уилл был неутомим: он хотел, чтобы у отца не было ни малейших затруднений, и казался очень счастливым, когда окружал его всевозможными удобствами».

Первые два дня Моуди провел в размышлении, лежа на своем месте; несмотря на шутливый тон, он принял близко к сердцу предупреждение врача.

Он пришел к выводу, «что не надо так много работать». В особенности он хотел пересмотреть свои планы на пятимесячную грандиозную кампанию благовестия в Чикаго, которая должна была состояться после Международной, или Колумбовской ярмарки грядущим летом 1893 г. Он уже со всеми договорился, молился об этом, пригласил на помощь европейских проповедников, нанял себе секретаря — молодого студента-юриста Перси Фитта, еще не зная, какую радость это доставит его семье, — велел Торрею и Институту готовить здания. Международная ярмарка должна была стать «величайшей в столетии возможностью», она должна была привлечь миллионы людей из всех американских штатов и из-за рубежа в Чикаго, и без того заполоненный иммигрантами и, несмотря на церкви и пылких христиан, заслуживающий свою репутацию порочного города.

На «Спрее» Моуди принял решение свернуть кампанию, приуроченную к ярмарке.

На третье утро, в субботу, Моуди, оба сидевшие в каюте из-за плохой погоды, «вздروгнули от ужасного толчка и грохота». Уилл побежал на палубу и вернулся со словами:

— У нас пробоина. Мы тонем, отец.

Моуди оделся и вышел на палубу. Пассажиры кричали, что их каюты наполняются водой. Офицеры и команда поддерживали дисциплину и созывали всех, из первого класса и пассажирского, а также перепуганных

восточноевропейских эмигрантов из третьего класса, в главный салон. Дрейфующий корабль накренился на корму. Он «перекачивался с борта на борт, угрожающе качаясь» на высоких волнах, три задних отсека были затоплены, потом команде удалось вовремя задрать люки, но откачать воду не удалось.

В полдень капитан Уиллиджрод объявил пассажирам, что корабль не тонет и они будут дрейфовать, пока их не подберет другой пароход. Наступила ночь, но в поле зрения не появилось ни корабля. Они были одни в открытом океане, радио тогда еще не существовало; они жгли огни и пускали ракеты — бесполезно; корабль медленно дрейфовал по морским просторам, «это была ужасная ночь, самая мрачная в нашей жизни — несколько сотен мужчин, женщин и детей ждали своей гибели, которая казалась такой близкой... Никто не мог заснуть». В эти долгие часы в душе Моуди происходила борьба. Он больше не чувствовал морской болезни — с того дня с ней было покончено навсегда, мысли его были ясны.

Он слышал голос Господа: «Неужели ты на самом деле собирався сдать, сбавить темп? Тогда я заберу тебя к Себе. Если ты не будешь выкладываться весь, ты Мне не нужен».

«Никто на земле, — рассказывает Моуди, — не знает, через что я прошел. Я думал, что моя работа окончена, что я никогда больше не смогу проповедовать Благую Весть о Сыне Божьем. В эту темную ночь, первую ночь после аварии, я поклялся, что, если Бог пощадит мою жизнь и даст мне вернуться в Америку», он проведет кампанию после Международной ярмарки со «всей силой, какую Он даст мне». Он должен работать, пока не свалится, сколько бы ни осталось: год, пять лет, семь. Пусть слабое сердце само заботится о себе.

Настало воскресенье, штормило, небо было в тучах, в океане — ни судна. Пассажирам разрешили передвигаться свободнее. Тридцать лет назад незрелый еще Моуди

завопил бы: «Все — на молитвенное собрание!» Но в это воскресенье, чувствуя, что подобные призывы вызовут панику, так как напомнят, что конец близок, он ничего не стал делать до вечера. С разрешения капитана («Конечно! Я сам приду!») генерал Хоуард и Моуди провели службу в столовой, присутствовали практически все пассажиры. «Держась одной рукой за колонну, чтобы не упасть, потому что корабль качался», Моуди прочел 90-й псалом, слова которого: «Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих», — приобрели особую жизненность, «это звучало как божественное обещание». Один из пассажиров переводил на немецкий. Потом Моуди произнес молитву.

Моуди не боялся смерти. «Между моей душой и Спасителем не было ни облачка. Я знал, что все мои грехи прощены, и, если я умру, я проснусь на небесах». Но он думал о своей дорогой Эмме, своих двух детях, находившихся в Америке, своих школах, своих друзьях, «и понимание того, что, может быть, через час я лишусь всего этого, всего земного, меня подавляло... Я не мог этого вынести. Мне нужно было утешение, и утешением стала молитва».

Моуди молился в накренившемся салоне, и молитвы его отдавались эхом в мыслях присутствующих, они порождали надежду, что Бог прекратит шторм, что они попадут домой целые и невредимые, но прежде всего — пусть будет то, что Ему угодно! «Да свершится воля Твоя!»

Сердца присутствующих снова исполнились покоя и отваги. Мир наполнил и сердце самого Моуди: «Теперь мне было все едино: что Нортфилд, что небеса». Он лег в постель и крепко заснул.

Около трех часов утра его растолкал Уилл.

— Отец, выйди на палубу! — в голосе Уилла звучал восторг. Вдали они увидели огни, которые, подпрыгивая на волнах, приближались.

На спасение к ним пришло канадское грузовое судно «Озеро Гурон» (капитан Фрэнк Кэри, оно шло из Монреаля в Ливерпуль), которое заметило мачтовые и кормовые огни «Спреи». «Дважды мы пытались взять их на буксир в темноте, — рассказывает пассажир “Озера Гурон”, — каждый раз нам это почти удавалось, но сила волн была такой, что веревка рвалась, как хлопковая нить. Тогда капитан сказал: “Подождем до утра!”, и пять часов мы курсировали вокруг беспомощного корабля».

На рассвете ветер и волнение на море утихли, «словно Бог приказал стихии, как много лет назад в Галилее», и один из офицеров «Спреи» смог перебраться на «Озеро Гурон», чтобы посоветоваться с Кэри, который сказал, что попробует взять корабль на буксир, а при необходимости примет пассажиров «Спреи». «Операция по закреплению буксира была завершена быстро, и около девяти мы начали путешествие в Ливерпуль, а громадный корабль тащился за нами. Шесть дней мы так плыли без всяких происшествий, делая по 130 миль (235 км) в день. По виду пароходов, проплывавших мимо нас в обоих направлениях, было видно, что они попали в непогоду, но нас шторм не застал».

Когда вдали показались холмы Ирландии, Уилл сказал отцу, что всегда сомневался, возможен ли непосредственный ответ на молитву, «но теперь я больше не сомневаюсь!»

30: Несравненный Моуди

Кампания, приуроченная к Международной ярмарке, проходила с 28 мая по 31 октября 1893 г., и, судя по записям в архивах Библейского института, в ней приняло участие 1933 240 человек из всех штатов, представители практически всех национальностей.

Моуди — творец, душа и мозг всей операции, выступал на сотнях собраний, невзирая на жару чикагского

лета, словно сердце его было здоровым, как у спортсмена. В отличие от всех прочих кампаний, чикагская кампания 1893 г. спонсировалась и руководилась не местным комитетом, но им самим через Библейский институт. «Я думаю, что было бы совершенно невозможно повернуть эту работу без Библейского института». С Моуди работало двести двадцать студентов, мужчин и женщин, а также выросшее число служителей в качестве вспомогательных «войск»: «Если нам нужно было бросить “подразделение” в какую-то часть города, мы могли использовать пятьдесят дополнительных людей, заполнить район плакатами и билетами, — и здание наполнялось». Кампания укрепила и упрочила молодой еще институт, воспитала по образу и подобию его президента.

Церкви Чикаго, расслабившиеся с наступлением жаркого лета и неприязненно относящиеся к ярмарке, оказали слабую помощь, но кампания Моуди собирала толпы. Город планомерно подвергался «евангелизации». Моуди арендовал палатку цирка Форпо на два воскресенья и испытал смесь восхищения с негодованием, когда увидел выпущенную владельцем афишу: *«Ха! Ха! Ха! Три грандиозных шоу! Утром — Моуди. Днем и вечером — Форпо»*. Он арендовал также «Таттерсаллс» недалеко от скотного двора, где обычно проводились политические собрания и шоу про Дикий Запад, сказав: «У нас есть кое-что получше, чем Буффало Билл, и аудитория у нас будет больше».

Моуди мог несомненно утверждать во время завершения ярмарки: «Тысячи людей явно искренне обратились ко Христу... Огонь запылал во многих частях нашей страны после этой летней кампании».

В 1893 г. начался шестилетний период неустанной деятельности.

Моуди был похож на жонглера, одновременно подбрасывающего в воздух шесть или семь мячей. Дж. Х. Харвуд, старый друг из Чикаго, «ожидал в любой момент

услышать, что он внезапно скончался», но Моуди не думал об этом. Он не покоился на лаврах, его не удовлетворяла слава и достижения; отношение Моуди к себе и своим предприятиям можно выразить двумя его любимыми фразами: «Мы должны расти, или упрямся в стену» и «Давайте пробиваться во всех направлениях». Если что-то занимало его, он отдавался этому без остатка. Библейский институт, нортфилдские школы, комитеты кампаний благовестия, — какой проект ни возьми, казалось, что именно *это* интересует его в первую очередь. Никто из его коллег, даже Уиттл, и уж, конечно, не Сэнки, не понимал его до конца. Он хотел, чтобы Уилл написал его биографию после смерти, «потому что многие друзья будут думать, что знают меня лучше всех, — но это не так». Его доступность, симпатия, откровенность и искренность заставляли многих советоваться с ним в момент трудностей и считать его своим близким другом. Джордж Ф. Пентекост за глаза отзывался о нем дурно, и после его смерти обвинял в предательстве друзей: «Когда они переставали быть ему полезны или становились у него на пути, он забывал о них или даже отбрасывал в сторону», — но Пентекост был несправедлив. Сам он достиг определенной известности благодаря сотрудничеству с Моуди, но его гордость, нелюбовь к трудностям и неумение сдерживать свой нрав стали для него препятствием во время пребывания в Нортфилде, где у него был собственный дом. Моуди никогда не бросал друзей, когда они расходились во взглядах, он просто хранил верность Христу. Чарльз Ф. Госс, бывший пастор церкви на Чикаго-авеню, очень милый человек, но слишком социалистически настроенный, оставался близким другом Моуди даже после того, как они перестали работать вместе, и в краткой биографии, написанной Госсом, Моуди изображен очень правдоподобно. Тем не менее портрет этот все равно не полный.

Моуди был подобен многогранному драгоценному камню, который под воздействием игры света принимал то один, то другой цвет.

Религиозные деятели во все века в основном соответствовали трем типам: святого Петра, святого Павла или святого Иоанна. В Моуди было много от каждого типа. Он был импульсивен, полнокровен, темпераментен и по-человечески нетерпелив, как Петр; целеустремлен, упорен, ориентирован на централизованную церковь и применение стратегии при благовестии, как Павел — хоть у него и не было Павловой учености; он, как Иоанн, любил, жаждал всего духовного и неустанно рос в вере.

Несколько лет прошло по одному образцу. Каждый месяц Моуди появлялся в Чикаго, налетая, как смерч. «В пятницу я буду говорить вечером в церкви, и я хочу, чтобы подготовили билеты и провели всю работу... Пусть поработает пресса, и все мужчины и женщины из Института, и пусть дадут знать, что я буду в городе единственный вечер. Надо разнести пригласительные билеты во все дома на расстоянии двух километров от церкви...»

Он задерживался в Институте, беседовал с работниками и администрацией, принимал проницательные решения. «Он просто по наитию понимал, что правильно, что неправильно, что правда, что ложь, что надо сделать — в любой ситуации, — думал Харвуд, — его интуиция работает молниеносно и почти всегда безошибочно». «Кажется, ему нужно только, — писал Чарльз Ф. Госс, — чтобы ему изложили проблему как можно более ясно, и он тут же видит решение».

Никто не сомневался, что Институт очень много значил для его президента. Фраза: «Мы должны превратить Институт в мощную силу», — звучала постоянно. Во время поездок Моуди находил подходящих кандидатов для обучения и повергал в отчаяние работников, настаивая, что «мы должны брать всех, кто приходит, если они стоят

того... Я не хочу, чтобы мы отсылали людей из-за недостатка мест... Я хочу, чтобы у нас было 1000 студентов, и мы все должны стремиться к этой цели».

А. Ф. Гэйлорд, управлявший делами до 1891 г., получал от Моуди поток обрывистых, кратких писем, нацарапанных знакомым размашистым почерком на бумаге с символом отеля или, еще чаще, на обратной стороне писем, которые сам Гэйлорд ему посылал. Если Моуди на ум приходила какая-то идея, он тут же посылал ему записку, иногда по несколько в день. Так из Чарльстона и Саванны в марте 1896 г. Гэйлорд получил восемь писем за шесть дней.

Переписка Моуди по масштабам восьмидесятих годов девятнадцатого века достигла невообразимых размеров. «Он постоянно что-то писал, — вспоминает Перси Фитт, приближенный к нему секретарь, а с 1894 г. муж Эммы. — Он всегда писал свои письма собственноручно. Я никогда не видел, чтобы он диктовал стенографу». Приходящие к нему письма он открывал тут же, многие вручал миссис Моуди, а менее важные мог передать кому-то из членов семьи или гостей Нортфилда, а, находясь в поездке, — местному другу, секретарю или сопровождавшему его певцу. Если кто-то из них спрашивал его, что отвечать, он смотрел поверх очков, водруженных на кончик носа, и, как вспоминает Пол, «шутливо фыркал:

— Я тебе дал, ты и отвечай! Не собираюсь заводить собаку и лаять за нее!»

На письмо давался ответ, решение принималось — и все заканчивалось. «Он никогда не медлил, — говорит Фитт, — он не любил забивать себе голову проблемами», и, несмотря на разочарования, финансовые трудности, проблемы, «он никогда не терял веры и присутствия духа... В его присутствии невозможно было чувствовать себя расстроенным или отчаявшимся. Если он сам не видел выхода, то всегда мог помолиться». Гэйлорд говорит, что

«молитвенная жизнь Моуди произвела на меня большее впечатление, чем что бы то ни было».

Он всегда искал новые возможности для распространения Благой Вести. «Что, если послать “Фургон благовестия” в города Запада (Ближнего) и нагрузить их книгами, чтобы они проповедовали и продавали книги. Они могли бы поехать в города, где нет книжных магазинов, и продавать достаточно для того, чтобы им хватало на дорогу. Вечером они могли бы проповедовать, а днем ходить по домам и продавать книги». Это письмо, отправленное Торрею из Балтимора 8 марта 1893 г., было толчком к зарождению Ассоциации распространителей литературы при Библейском институте, которая позже превратилась в издательство «Моуди Пресс».

Осенью 1894 г. Моуди обнаружил, что во всем штате Висконсин был только один магазин религиозной литературы, и идея была реализована. Ему говорили, что люди мало тратятся на литературу, хотя то, как расходились сборники его собственных проповедей, авторизованные и пиратские, свидетельствовало об обратном. В начале 1895 г. он с помощью Ревелла выпустил 100 000 экземпляров «Пути к Богу» — нечто вроде «Мира с Богом» Билли Грэма; потом была подготовлена для распространения целая библиотека религиозных книг, в дешевых, но красиво оформленных бумажных обложках, и организована Ассоциация распространителей.

Не успели работники Института погрузить книги в «Фурунны благовестия» и отправиться на Запад, как Моуди узнал, что в Америке не менее семисот пятидесяти тысяч людей попадает в тюрьму, а некоторые отбывают длительное заключение в суровых условиях, неблагоприятно влияющих на душу, при этом исправительные дома есть только в крупных штатах. Моуди давно волновала судьба заключенных. Он

проповедовал в ряде тюрем; в 1895 г. в Сент-Луисе был избран на должность шерифа бывший каторжник Валентин Берк, который полжизни провел в тюрьмах и обратился в 1880 г., прочтя в газете заметку о проповеди Моуди про тюремщика из Филипп. Моуди наводнил Библиями и прочей религиозной литературой каждую тюрьму и каждый государственный исправительный дом. Когда началась испано-американская война и Моуди присоединился к деятельности ИМКА на военной базе во Флориде, он велел Ассоциации распространителей «сосредоточить силы на распространении литературы в армии и на время оставить заключенных... Сейчас я собираюсь усиленно проталкивать книги в военные лагеря».

Книги Моуди быстро стали известны. В джунглях американских издательств в девяностые годы девятнадцатого века царил жестокий ожесточенный бой, и Моуди настаивал на том, чтобы работники ассоциации вели себя безупречно: «Я скорее сверну все это, чем дам кому-либо возможность говорить, что мы *нечестны*». Услышав о том, что работники «Фургон благостия» дурно обращаются с лошадьми, он был искренне опечален: «Если эти люди так жестоки, ими должен заняться мистер Торрей, это позор, что молодые люди, которые посвятили себя такому делу, способны на подобные поступки...»

Моуди никогда не писал книг. После 1893 г. его проповеди, наставления и рассказы о библейских персонажах записывал Фитт: «Я так хорошо узнал его словарный запас и обороты речи, что мог воздать ему должное и воспроизвести подлинный колорит его выступлений». Моуди читал, а потом подписывал каждую статью и книгу.

Издания Моуди уже были известны по всему земному шару, как вскоре обнаружил Джон Р. Мотт. В 1902 г. Мотт мог сказать, что «нет такой страны в Европе, Азии или Африке, где бы слово мистера Моуди не приносило

плодов. Наряду с Библией и, возможно, книгами Буньяна, его труды переведены на множество языков».

«Я надеюсь, что Бог использует книги, чтобы пробудить народы», — писал Моуди в 1896 г. Судя по астрономическим цифрам книжных тиражей, Бог их, несомненно, использовал.

В начале осени и на Рождество Моуди посещал Нортфилд, наставало время «возвратиться в самый прекрасный дом на земле».

«Он объездил эту землю из конца в конец, — говорит один из чикагских конгрегационалистов, — обратив множество людей от земных интересов и жажды богатства и процветания к проблемам собственного спасения и заботе о жизни вечной». С 1893-го по 1899 г. он много путешествовал по Северной Америке, от Канады до Мексики, больше не задерживаясь месяцами в одном городе. Пару раз ему случилось оставаться на одном месте несколько недель, как, например, зимой 1896 — 1897 гг. в Нью-Йорке и Бостоне, но большей частью он охватывал за сезон большую территорию, проводя в каждом городе два — три дня, и вряд ли оставался к тому времени крупный город, который не слышал Моуди.

В своих поездках «он по-спортивному относился к трудностям, смеялся над ними», — пишет Пол. Моуди любил удобства, но не роскошь, и предпочитал останавливаться в маленьких недорогих отелях. Он наслаждался видами, всегда впитывал, как губка, информацию о местной жизни и людях, расспрашивал их о семьях, работе и интересах. Ему случалось выходить из себя — терпеливость никогда не была его сильной стороной. «Мне так стыдно, — признавался он после того, как накричал на официантов. — Некоторые из присутствующих меня знали, и я опозорил своего Учителя». Однажды, когда он ехал в поезде с одним из певцов, Д. Б. Таунером, какой-то пьяный с подбитым глазом узнал Моуди и начал орать гимны.

— Давай уйдем отсюда, — сказал Моуди, но Таунер знал, что свободных мест в поезде не было. Когда пришел проводник, Моуди указал ему на пьяного. Проводник очень спокойно подошел к пропойце, обмыл и перевязал ему глаз и уложил, пьяный заснул.

— Таунер, — сказал Моуди через некоторое время, — какой это ужасный урок для меня! Вчера вечером я проповедовал, обличая фарисейство, и призывал людей брать пример с бодрого самарянина, и сегодня утром Бог предоставил мне возможность на практике доказать истинность того, чему я учил, — а я повел себя, как тот священник и левит!

И до конца тура Моуди неоднократно публично рассказывал эту историю, обличая самого себя.

В кампаниях девяностых годов с Моуди участвовал Таунер или другие певцы, потому что здоровье и физическое состояние Сэнки не позволяли ему работать.

Но никто не мог сравниться с Сэнки. В расцвете сил Сэнки мог петь в течение всей кампании практически без перерывов, теперь же Моуди приходилось везти с собой двух, а то и трех певцов. Кроме того, никто не обладал такими необъяснимыми и неуловимыми особенностями, которые заставляли слушателей говорить: «Я предпочел бы Сэнки с его сорванным голосом величайшей примадонне мира!» Сэнки приходилось прилагать все больше усилий, он стал, по свидетельству Пола, «немного тяжеловесным и помпезным, в нем появилась некая вычурность, над которой смеялись некоторые легкомысленные люди, и моего отца это всегда задевало... Их взаимная привязанность никогда не ослабевала». Сэнки пережил Моуди на шесть лет, перед смертью он совершенно ослеп, но слухи о том, что в конце жизни он утратил веру, не подтверждаются никакими источниками.

Голос Моуди с годами не утратил своей силы: «Спасибо Богу, — пошутил он однажды, — когда Всемогущий создавал меня, он расположил голову так

близко к телу, что шеи у меня очень мало, зато глотка луженая!» Он по-прежнему потрясал аудиторию. «Хронически мятые» воротнички остались в прошлом, теперь он следил за своей одеждой. Он выступал в черном или темно-синем костюме, скрадывающем полноту, без всяких украшений и часов: «он хотел, чтобы ничто не отвлекало внимание слушателей», — говорил Уилл. Его взгляд и речь, как и раньше, обладали потрясающей властью; в девяностые годы девятнадцатого века, когда ему было за шестьдесят, он достиг своего расцвета.

Он держал в руках аудиторию, до отказа набившую зал и подготовленную пением. «С первого мгновения и до последнего, — писал Чарльз Госс, хорошо знавший его в этот период, — было очевидно, что для него все это — дело, а не представление, развлечение или демонстрация ораторского искусства. Он выступал, чтобы убеждать людей, и ни для чего иного. Ничто не могло произвести большего впечатления, чем его решительность в достижении намеченных результатов. В каждом его движении сквозила высшая, ужасающая решимость».

Иногда он неосознанно достигал подлинных высот ораторского искусства. Госс слышал в Детройте его проповедь об Илии, «когда мне показалось, что в помещении творится нечто сверхъестественное... Во время заключительного фрагмента мы просто воочию увидели колесницу, спускающуюся с небес, и старика, который на нее поднимается, пылающая колесница пронеслась в неподвижном воздухе; и когда проповедник страстно воскликнул: “Отец мой, отец мой, колесница Израиля и конница его!” — охватившее слушателей возбуждение стало почти невыносимым». Те, кто находился рядом с Моуди на возвышении, были заражены его надеждой, его радостью победы. «Разве не был он готов увидеть, как жадные откажутся от сребролюбия, обманщики отдадут обратно нечестно нажитое добро, развратники прекратят прелюбодействовать, пьяницы выбросят свои чаши,

пленники освободятся, склоненные выпрямятся? И, когда слова изливались бурным потоком из его уст, он знал, что вершится дело вечности. Он срывал с людей маски и заглядывал в самую глубину их душ. Он видел среди них Христа».

Надежда Моуди, его вера в то, что никто из присутствующих не может быть настолько глуп или ожесточен, чтобы не принять Божью любовь, с годами не ослабевала, а росла, поэтому он ничуть не удивлялся, когда видел, как мужчины и женщины, по словам одного «ермонита», «легко встают и выходят вперед, чтобы исповедовать веру в Христа». И Моуди снова устремлялся в комнату для собеседований. В тишине, нарушаемой только бормотанием «индивидуальных работников» и «страждущих душ», Моуди разгуливал между ними, как врач на поле боя или месте обвала в шахте. Одна женщина-журналист попыталась воспользоваться паузой, когда он утирал пот со лба, чтобы задать ему вопрос о планах на будущее. Моуди обычно вежливо обращался с прессой, но тут «он набросился на меня, как раненый лев, и прорычал:

— Мне некогда разговаривать о себе. Мне надо заняться этими душами, — и снова ринулся работать».

«Люди слетались к нему, как мошкара на свечу, — говорит Госс о Моуди во время кампании. — Иногда они пытались приблизиться к нему под самыми дикими предложениями». Его влияние казалось гипнотическим, но, когда Госс спросил у Моуди, не кажется ли ему, что у него есть некий магнетический дар, Моуди отверг подобную идею:

— Нет, насколько я знаю! Если бы я считал, что обязан своим влиянием этому, я завтра же бросил бы проповедовать. Вся моя сила — от Духа Божьего.

Кампании как ничто отразили единство христиан. «Я все более и более убеждаюсь в важности поддержания отношений и совместной работы с церковью», — пишет Моуди в частном письме того периода. «Надо сделать все

возможное, чтобы побудить церкви к более активной деятельности», — говорил он перед началом своей кампании 1897 г. в Бостоне, где он призывал всех служителей к сотрудничеству, «посредством проведения собраний благовестия в собственных церквях». «Если бы церковь была сплоченной, она преодолела бы мир», — это было его постоянной темой. Он хотел, чтобы церкви работали вместе, и сожалел, что существует множество деноминаций, вытесняющих одна другую, в то время как в Америке есть еще обширные районы, где церковью очень мало. Любое проявление раскольниковства в поддерживающих его кругах строго подавлялось: Хартцлер и Пирсон в его отсутствие основали в Нортфилде «Срочный фонд для миссионеров», который должен был работать независимо от каких-либо деноминаций. Фонд просуществовал до возвращения Моуди в Нортфилд.

Его стремление к сотрудничеству превосходило воображение его друзей, которые были шокированы, когда он выделил средства на строительство римско-католической церкви для нортфилдской ирландской колонии, и пришли в ужас, когда он принял от друга, ставшего католиком, приглашение на встречу с архиепископом Корриганом из Нью-Йорка, которому сказал, что «хочет видеть весь Нью-Йорк преданным Христу, и это будет нетрудно, если все церкви предпримут попытку одновременно... Архиепископ мог организовать это в римско-католических церквях, а другие церкви последовали бы его примеру».

Он не хотел ничего говорить об общественных проблемах. Но его интересовали политические и международные события, и он регулярно читал газеты. Он хотел, по словам его последнего секретаря, Х. У. Поупа, «знать, что происходит в мире. Ему нравилось держать руку на пульсе событий». У него были свои мнения, но не хватало времени на детальное изучение светских проблем, и он критиковал — иногда чересчур резко — тех

проповедников, которые тратили время на кафедре «на обсуждение тем, которые лучше освещены в газетах и журналах».

И он был прав, следуя своему инстинкту. В девяностые годы, период промышленной конкуренции, Америка была кипящим котлом экономических и политических теорий. Если бы Моуди высказал свое мнение, он оказался бы в роли застрельщика. Его взгляды на экономику были типичны для того времени, и, по свидетельству Пола, он относился с неизбежным «тайным восхищением» к промышленным воротилам, многие из которых были его знакомыми — «к людям, которые достигли вершин в каком-либо роде деятельности». Но он любил и простых людей и, когда видел, что их притесняют, активно протестовал.

Его Благая Весть была отчасти общественной, потому что касалась человека как такового. «Мистер Моуди, проповедуя христианскую религию, проповедует... человеческое братство, — утверждала “Харпере Уик-ли” в 1896 г. — Он выступает против анархии, против жадности, ненависти и принуждения. Он — враг сектантства и любого рода враждебности между классами. Его задача — воспитать сознание и пробудить духовную сторону человека».

Влияние Моуди на общественную жизнь Америки — как и Великобритании — было огромно. Его юный друг-миссионер Роберт Э. Спизэр был прав, когда сказал (в 1931 г.): «Результат его работы в любом обществе проявился в более дружелюбной и здоровой общественной жизни, в более справедливых и гуманных экономических отношениях, в росте помощи несчастным и нуждающимся. Царство Божье становилось ближе».

31: Нортфилд

Возвращение Моуди в Нортфилд всегда было поводом для радости. Зимой все девочки в Семинарии ставили свои масляные лампы на окно, «чтобы все здание было ярко освещено», летом они собирали в лесу цветы и украшали Поместье и крыльцо Моуди гирляндами. Воспитанники «Горы Ермон» переплывали через реку, и все хором пели приветственные песни.

Каменистые поля и леса вокруг Семинарии и «Горы Ермон» превратились в ухоженные городки, усыпавшие склоны холмов долины реки Коннектикут. Моуди старался не вмешиваться в частную жизнь людей, но ежедневно поддерживал связь с директорами, мисс Холл и Генри Франклином Катлером, который стал директором в 1890 г. в возрасте двадцати восьми лет: это был человек глубоко верующий и всепонимающий, он продолжал работать в школе до 1932 г. и внес решающий вклад в превращение «Горы Ермон» в первоклассное учебное заведение.

«Я думаю, что дорогой “Ермон” никогда не был так дорог моему сердцу, — пишет Моуди Катлеру в 1892 г., — и пока я живу, я готов делать все возможное, чтобы укрепить школу, чтобы она приносила еще больше пользы, я убежден, что миру нужны настоящие люди, не великие, а настоящие и честные, люди, которых сможет использовать Бог». Когда он был в Нортфилде, он часто заходил в школы: «Он появлялся в дождливый день, похожий на Санта-Клауса, — бородатый, морщинистый, с добрым, круглым, улыбающимся лицом, в резиновых сапогах и плисовом плаще», — вспоминает один из «ермонитов». В начале каждого учебного года Моуди «сам призывал мальчиков посвятить себя Богу. И очень немногие могли сопротивляться его призыву... Каждый мальчик чувствовал, что мистер Моуди лично заинтересован в его благополучии и успехе», если же кого-то из мальчиков исключали за неуспеваемость, Моуди часто вмешивался:

«Дайте ему еще один шанс». Но если о ком-то говорили, что он ленится, он тут же реагировал со своим характерным фырканьем:

— Пусть уходит. У нас нет места для тех, кто не хочет работать.

Воспитанники школы никогда не забывали поговорки Моуди: «Школа не станет тратить сотню долларов на десятицентовых мальчишек».

Пол Моуди думал, что Семинария значит для него еще больше. «Мальчики были далеко, за восемь километров, кроме того, мисс Холл работала с ним дольше и пользовалась большим доверием». «Он очень интересовался жизнью девочек, — говорит Мэй Уиттл, которая поступила в Семинарию в 1885 г. в возрасте пятнадцати лет. — Они любили рассказывать ему обо всех своих проблемах. Он выгонял работников из школы, если считал их недостойными. Он проводил расследования. И всегда оказывался прав». «Мы все понимали, что он интересуется нами не только как “духовный консультант”, но был для нас как отец родной», — писала другая девочка.

Преподаватели иногда не очень радовались этим «отцовским» наклонностям Моуди, особенно, когда летом он прерывал занятия и устраивал, к своему великому удовольствию, так называемый «Горный день» — все отправлялись в Нортфилдские горы на пикник.

В восьмидесятые годы Моуди участвовал в шалостях и играх, он буквально сметал своих противников, а иногда жульничал, при перетягивании каната привязывая свой конец к столбу или дереву. В последние годы жизни он обожал подшучивать над своими друзьями. Дэн Сатерленд, который в молодости работал на ферме Моуди, рассказывает, как однажды в «Горный день» он привез Моуди к девочкам, собравшимся под высокими каштанами и яблонями на вершине, и ждал его чуть ниже по склону с «лошадью и старой повозкой. Моуди закричал мне:

— Иди сюда!

Я поднялся вверх.

— Как ты думаешь, ты смог бы забраться на это дерево и потрясти его?

— Конечно, — я залез на дерево, тряся его так, что каштаны валились на землю. Он же позвал девочек:

— Ну-ка, задайте ему!

Девчонки стали резво подбирать яблоки и кидать в меня. Ну и задали они мне жару! Я мгновенно взмолился о пощаде. Мистер Моуди был в восторге».

Школы умерли бы в младенчестве, если бы Моуди не обладал природной сообразительностью и не затратил громадное количество сил для сбора фондов, потому что деньги, вырученные за молитвенники, не могли полностью покрыть расходы, когда же поверенные предлагали Моуди более высокие проценты, он качал головой:

— Никогда в жизни!

Миллионеры давали Моуди деньги, потому что считали его подобным себе. «За всю свою длительную коммерческую деятельность я не встречал человека, который обладал бы лучшими деловыми и организационными способностями, чем Д. Л. Моуди», — сказал Питер Маккиннон Генри Драммонду. Это было время, когда делались громадные состояния, часто людьми безответственными и не умеющими тратить, которые, быстро переселившись из хижины во дворец, предавались нелепой расточительности и показухе. Моуди в глубине души верил в свое право использовать это богатство на благое дело. «Когда человек делает деньги прыжками, я тоже двигаюсь прыжками», — сказал он одному протестующему олигарху; Моуди сожалел, что «освященное богатство очень редко встречается в Америке», в отличие от Британии, где многие родились и выросли в роскоши и знали, как ее использовать.

Моуди с легким подозрением относился к предприятиям, которые поддерживались исключительно «верой» и не просили денег. Он не понимал обстоятельств,

которые убедили Хадсона Тэйлора не просить денег для работы Китайской внутренней миссии, хоть эти два человека с каждым днем все более привязывались друг к другу. Моуди, который никогда ни о чем не просил для себя с того дня, когда оставил бизнес, утверждал, что на самом деле он управлял школами, основываясь на вере: «У меня всегда есть средства, и я знаю, что они всегда будут. Я считаю, что это проявление веры, когда я иду к людям и говорю, что нам нужно для работы Господа, и прошу их дать мне это».

— Все дело — в вере, — говорил он поверенным, если они спрашивали, откуда взялись деньги. Множество раз благотворители внезапно вспоминали про Моуди, и он получал неожиданные чеки в самый критический момент. В 1897 г. во время серии проповедей в Чикагском зале, он в своей комнате уединенно помолился: «Господи, Ты знаешь, как я был занят, я проповедовал и мне некогда было идти просить денег. Мне нужно уплатить по счетам 3000 долларов, придется Тебе дать мне их». Днем во время собрания ему вложили в руку конверт, он открыл его — и обнаружил 3000 долларов от миссис Мак-Кормик. Она писала, что когда он зашел к ней поблагодарить, она подумала, что он нуждается в средствах для арендной платы за зал, и она выписала чек на 2000 долларов, но вдруг ощутила сильное желание увеличить цифру.

Моуди любил крупные пожертвования, которые помогали ему возводить школьные здания, но для оплаты каждодневных расходов он предпочитал получать много небольших сумм, что укрепляло бы и подогревало заинтересованность. «Значительную часть времени, когда у него не было других дел, — вспоминает Пол, — он подписывал буквально тысячи напечатанных писем с просьбами о деньгах». Он не хотел, чтобы его подпись тоже печатали, так письмо выглядело бы слишком безликим. «Он писал чернилами, чернила должны были

высохнуть, и вся комната, пол и мебель были завалены мириадами подобных писем».

Нортфилд гордился Моуди. Город и семья в равной степени радовались тому, что Нортфилд постепенно привлекает все более широкую известность как образовательный центр и место проведения конференций, среди природных красот. В 1894 г. был построен зал на две тысячи мест. Ф. Б. Мейеру показалось, что это слишком много.

— Вы думаете, он заполнится? — спросил он.

— Бог идет вперед, — ответил Моуди, — и я стараюсь не отставать.

Во время конференций Моуди помещал в конце подъездной аллеи громадную корзину яблок, которыми все могли свободно угощаться. «Участники конференции горазды были потреблять яблоки», — вспоминает Пол, обязанностью которого в детстве было следить, чтобы корзина всегда оставалась полной; он также тратил часы на приготовление мороженого «для орд, которые посещали вечернюю службу». Однажды он перестарался в типичной манере Моуди и заморозил его слишком сильно, так что, когда пришла пора подавать, «отец мой выглядел весьма озадаченным».

В Нортфилде, писал Драммонд, Моуди «собирает вокруг себя лучших людей... но, когда оттуда уезжаешь, помнишь только мистера Моуди», хоть он и не пытался доминировать. «Как нам приходилось год за годом уговаривать его выступить!» — Джон Р. Мотт пишет о студенческих конференциях. На Общей конференции служащих Моуди мог, представив выступающего, спуститься с возвышения и сесть внизу, «всегда с открытой Библией, — замечает Чарльз Блэнчард, — всегда с ручкой или карандашом в руках, и, если говорили что-то особо примечательное, он записывал это и использовал потом, не колеблясь». Читать ему теперь было трудно, и конференции стали для него основным источником

информации. Моуди всегда был готов научиться тому, что другой способен ему дать. «Он мог не обращать ни малейшего внимания на мои мнения по другим вопросам, — писал Уиллу пожилой президент Богословской семинарии Крозьер Уэстон, — но, когда я открывал Библию, столь для него драгоценную, у него на глазах появлялись слезы, и он просил:

— Повторите это снова, доктор!»

«Основная идея нортфилдской конференции — христианское единство... но понятно, что наряду с этим стоит и вопрос изучения Библии».

Богословские взгляды Моуди заключались, по словам Спиэра, в «простых основных постулатах евангельской традиции, это было сердечное веселеевское благовестие, ставящее во главу угла человеческую свободу, вкупе с кальвинистским почитанием Бога и Его воли, которую Моуди понимал и воспринимал как волю любви»; это было библейское богословие. Как это выражает доктор Джеймс М. Грей из Библейского института, будущий преемник Торрея: «Центром его богословия было восприятие авторитета и целостности Библии как Слова Божьего». Сэнки говорил, что одной из причин феноменального успеха Моуди было «то, что он абсолютно, всей душой верил в то послание, которое давал людям... Никакие сомнения не омрачали его веры в Слово Божье. Для него оно было всей полнотой истины, и единственной истиной». «Он постоянно обращался к Библии в духе маленького ребенка», — пишет доктор Уэстон. Проповедуя, он практически все время держал Библию в руке, «часто надевая очки, чтобы читать ее так, чтобы все слушатели почувствовали: это “слова Бога живого”».

Моуди уже был известен, когда немецкая богословская мысль породила мощный поток научной критики. «Шторм литературной критики обрушился на Библию, и многие испугались, но не Моуди», — говорил

Ч. И. Скоуфилд, бывший юрист с Юга, которого Моуди привез в Нортфилд в качестве пастора, позже он стал известен как издатель «Библии Скоуфилда». Критика изображала Библию как случайное собрание разрозненных документов, выражающих надежды и устремления древних людей; оппоненты самоотверженно защищались по каждой позиции. Моуди видел, что битва уже выиграна противниками.

Он полагался на обетования Библии и повиновался ее заповедям всю жизнь, он доказал, что Библия — Слово Божье, своей собственной жизнью и через влияние на жизни других людей, и никакая критическая теория не могла бы его разубедить. Он мог доверять Библии, как доверял некоторым людям, не нуждаясь в знании того, откуда пришел этот человек и кто он, в его биологических и психологических характеристиках. Моуди видел, какова власть Библии. И поэтому, говорит Спизэр, «он верил в эту живую Книгу, живое послание человечеству, такое же многогранное и разнообразное, как сама жизнь с ее проблемами».

«Если вы спросите, — сказано в одной из книг Моуди, — понимаю ли я откровение Писания, я скажу: “Нет”, — но вера моя склоняется перед вдохновенным Словом, и я, не сомневаясь, верю в великие деяния Бога даже тогда, когда разум мой слеп и понимание запутанно. Нам нужно быть уверенными, что Слово Божье дает нам — напоминает нам — слова Господа Иисуса». Моуди знал библейского Христа и верил в Него. «Я уверен, что Христос говорил это, — пишет он Уиллу по поводу возникших противоречий, — и станет ли слуга спорить с хозяином? Я надеюсь, ты найдешь в себе смелость противостоять любому, кто не будет проповедовать истину во всей полноте. Мне несимпатичен любой, кто попытается опровергнуть что-либо в Библии».

Моуди подчеркивал созидательную силу истины. Конечно, критика не могла повредить Благой Вести — это

люди меньшего калибра боялись, что такое возможно, что возобладает модная вера в господство человека, в его моральную эволюцию, исключаящую покаяние, — и поэтому Моуди уделял меньше внимания проблемам критицизма, чем обращению душ и борьбе за рост церквей. Возможно, он не видел, насколько сильно интеллектуальное давление, но понимал, что единственный способ борьбы с заблуждением — продвижение истины, которой жаждали простые люди. «Массы чрезвычайно устали от спекулятивного богословия на кафедре, — сказал он в 1897 г. — Вот почему наши церкви полупусты, и миллионы людей никогда туда не заходят. Люди недовольны.

Они алчут и жаждут получить подлинную Благую Весть, а получают разглагольствования и споры. Они уходят с пустотой и отвращением в душе — и больше не возвращаются».

Время показало, что Моуди был прав. Если бы священники меньше торопились опровергнуть последние критические теории, американские и британские церкви не пережили бы упадка в двадцатые — тридцатые годы.

Моуди отказывался переходить на личности. «Критики поднимают вопросы, которые не имеют никакого значения для духовной жизни, их оппоненты отвечают склоками и указывают на личные промахи», — сказал он, а после того, как Торрей невежливо обошелся в Нортфилде с Джорджем Эдамом Смитом, Моуди воскликнул, обращаясь к Уиллу и Перси Фитту:

— Это ужасно! Ужасно! Часто мне стыдно, что они ведут себя более по-христиански, чем мы!

Ему трудно было понять, как евангельский христианин, лично глубоко преданный Христу, может углубиться в анализ литературного происхождения Библии, когда мир нуждается в спасении:

— Какой смысл рассуждать, что было два Исаии, если большинство людей не знает ни одного? — спросил он у Дж. Смита.

Не более понятно ему было, зачем кто-либо, подобно Генри Драммонду в последние годы жизни, пытается примирить дарвинизм с библейским взглядом на происхождение жизни. Однако, если человек был предан Христу и Благой Вести, Моуди охотно принимал его. Он поддерживал Драммонда, хоть и жаловался, что «сейчас он учит вещам, которых нет в Писании».

Весть о безвременной смерти Драммонда в возрасте сорока пяти лет в 1897 г. застала Моуди в доме Госса в Цинциннати, и он «плакал, как ребенок».

— Это был самый хриstopодобный человек, какого я когда-либо встречал. Я никогда не замечал в нем ни одного недостатка, — повторял он, всхлипывая.

Сама его жизнь была для него лучшим доказательством силы Библии.

Гамалиэль Брэдфорд, агностик, который относился к Моуди с симпатией, но не вполне его понимал, попытался в тридцатые годы двадцатого века составить его биографию, в которой писал, что Моуди «сократил население ада на миллион». Моуди сформулировал бы это иначе (и не приводил бы цифр), он сказал бы, что Бог использовал его, чтобы привести многих ко Христу и жизни вечной, чтобы Христос умер за них не напрасно. Ни один человек в девятнадцатом веке не сделал большего для своих ближних, служа Богу и человечеству, и учрежденные им предприятия до сих пор остаются источником вдохновения.

Драммонд называл его «величайшим человеком из всех, кого я встречал». И еще: «Я не представлял себе до того, каким великим может быть человек, и думаю, что очень немногие понимали, каков он». Один из первых воспитанников «Горы Ермон», Джордж Л. Кэди, вспоминая свой опыт тридцать лет спустя, описывает его в

своей статье, может быть, с некоторым преувеличением, как «таким человеком, что трудно было сказать, где в нем заканчивается человеческое и начинается божественное, у Бога действительно была возможность вершить Свою волю его руками». Один англичанин, Т. Фармер Холл, писал о нем в 1899 г. как о «единственном друге, которому я абсолютно верил... Каждый раз, когда я слушал его, меня охватывало сильнейшее желание любить и познавать Христа... Это был редчайший человек, совершенный христианин (по моему мнению). Где бы он ни был, он думал об одном: как прославить Христа, любя Его и работая для тех, кого Христос любит, ради чьего спасения Он умер».

Вудро Вильсон, бывший тогда президентом Принстона, сидел в парикмахерской, когда вошел другой клиент и «сел на соседнее место. Каждое произнесенное им слово, хоть они совершенно не были похожи на наставления, отражало живейший личный интерес к человеку, который его обслуживал; когда меня подстригли и я собрался уходить, я осознал, что присутствовал на службе благовестия, потому что рядом со мной сидел мистер Моуди. Я специально заглянул в парикмахерскую после его ухода, чтобы посмотреть, какого рода впечатление он произвел на парикмахеров. Они негромко разговаривали. Они не знали его имени, но чувствовали, что их помыслы стали более возвышенными. И, выходя оттуда, я чувствовал себя так, словно покидал святилище».

32: Внуки

Поместье в Нортфилде никогда не казалось Моуди прекраснее, чем во время кратких каникул.

Летом он надевал на рассвете свой вызывающий «костюм шмеля» — желтые твидовые брюки и жилет, коричневый вельветовый пиджак, «пару старых резиновых сапог и до невозможности непрезентабельную шляпу» и

выходил на улицу, иногда, чтобы сидеть и заниматься с Библией, иногда — чтобы покататься по окрестностям. Он не стоял подолгу на коленях. Когда при нем упомянули, как Лютер ночь напролет молился, коленопреклоненный, Моуди сказал, что однажды попробовал, и, «когда проснулся, не мог разогнуться». Юный Пол, живший в отеле в одном номере с отцом, был шокирован чрезвычайной краткостью его молитв. Моуди молился везде и «все время, — говорит миссис У. Р. Моуди, — обо всем, что ни приходило в голову, но произносил не более дюжины слов, и я никогда не слышала, чтобы его молитва была длинной». Христос был так близко. «Каким мрачным был бы мир без Иисуса Христа!» — воскликнул он, когда они гуляли по Нортфилду с другом в одно прекрасное утро.

Обходя свою маленькую ферму и школьные уголья, он прежде всего навещал своих пухлых, перекормленных кур. «Отец любил их, не по отдельности, но в массе... он вел с ними бесконечные безответные разговоры... Возможно, после зимних массовых собраний его привлекало именно их молчание». На огороде росло множество овощей, и он любил наблюдать за их ростом. Были у него и коровы — в том числе несколько молочных, из Джерси, а также свиньи и пчелы, пытался он разводить и овец, но безуспешно. Дэн Сатерленд, которому наказывали выдаивать только половину молока, чтобы не задерживать семейную молитву, считал Моуди «фермером-любителем, скорее любителем, чем фермером», но он занимался этим для развлечения и раздавал очень много фруктов и овощей, объезжая задние дворы родственников и соседей «на самой неудобной из телег». «Много раз, — говорит дочь Джорджа Мэри, — мой дядя заезжал к нам во двор и звал:

— Идите сюда, у меня есть для вас кое-что!

И это были три — четыре корзины выращенной им клубники».

Фермерство было его хобби, придумывал он и другие развлечения: «Невозможно было предугадать, что он выкинет в следующий раз... Он без малейшего стеснения делал вещи, зная, что его будут за них ругать, любя, — пишет Пол. — Но он замечательно развлекался, как делая их, так и потом, защищаясь. Казалось, он получает наслаждение от возражений членов семьи, в особенности моей матери, которая прежде всего была практичной и любила порядок». У Моуди бывали приступы мегаломании, например, он мог заказать громадное количество фарфора, подумав, что в доме его не хватает; а Пол клянется, что его отец, который всегда очень нервничал, снимая с себя подтяжки («помочи»), купил оптовую партию — сто сорок четыре пары большого размера, и все белые.

Однажды горячность чуть его не разорила. Чтобы разрешить споры из-за амбара, он предложил 10 000 долларов за ферму, которая не была ему нужна и стоила не более 2500 долларов, с обязательством уплатить до следующей среды. «Не успел отец произнести эти слова, как тут же сам испугался». Сосед-янки подумал, что, если Д. Л. предлагает 10 000 долларов, наверное, ему она очень нужна и он мог бы заплатить на несколько тысяч больше, и осознал свою ошибку только потом, когда упустил свой шанс. «Отец почувствовал громадное облегчение». Пол наблюдал за тем, как сосед, сидя на диване в библиотеке, сбавлял и сбавлял цену, «а отец за письменным столом делал вид, что читает письма, и отказывался от всех предложений».

Каждый день Моуди навещал свою престарелую мать в ее коттедже до самой ее смерти в феврале 1896 г. в возрасте девяноста одного года. После своего обращения из унитариянства Бетси Моуди с большим интересом следила за работой сына и оставалась объектом паломничества для всех добродетельных и выдающихся посетителей Нортфилда. Более молодому поколению она

казалась слишком строгой. Не было никаких пирогов и сладостей, «казалось, она боялась испортить нас... абсолютно замкнутая... она сносила наши родственные поцелуи с видом мрачного стоицизма», — пишет Пол, а Мэй вспоминает, как сопровождала своего тестя: «Я сидела и смотрела на них; наверное, они сказали друг другу “добрый вечер” — но ничего более. Они просто сидели, не разговаривая, а когда он вернулся домой, сказал, что славно провел время у матери. Мне это показалось странным, но так уж они были близки, что могли просто сидеть рядом и вообще не разговаривать».

Вернувшись в Поместье, Моуди спешил поужинать, чтобы успеть до захода солнца. Он сидел на переднем крыльце, наслаждался живописным видом Великой реки, изгибающейся в форме буквы «S» и наблюдал за солнцем, медленно скрывающимся позади лесистых холмов.

Единственным человеком в мире, знавшим Д. Л. Моуди, была его жена.

«Тетя Эмма и дядя Дуайт были действительно *единым целым*, — говорит племянница Мэри, — никто из них не чувствовал себя *отдельным*». «Я никогда не видел ничего более идиллического, — писал Пол в конце жизни, — и не думаю, чтобы два человека, молодые или старые, могли бы быть больше поглощены друг другом». Эмма была «уравновешивающей силой» Моуди — седоволосая, спокойная и застенчивая, сдержанная, ничто не могло огорчить ее, кроме разлуки с мужем. Она обладала прекрасным чувством юмора, не таким кипучим, как у Моуди, но с некоторым оттенком мягкого сарказма, «который восхищал всех нас, но мы его побаивались». Дэн Сатерленд сказал, что он был «более в восторге от миссис Моуди, чем от мистера Моуди, честно говоря», и Полу было легче довериться ей. Моуди никогда не воспринимал ее любовь как должное. До самой своей смерти он заботился о ней, и только она могла заставить его править медленно и поехать по дороге, а не через поля.

Когда они встретились, он был «сырьем», которое она облагородила и отполировала, и его природная резкая прямота уступила место вежливости и приветливой общительности. «Только самые близкие и старые его друзья знали, до какой степени она на него повлияла. Ей не хотелось, чтобы об этом знали».

Артур Перси Фитт был «добрым ирландцем, крепким и сильным, он всегда приступал прямо к делу и был очень популярен в городе», — описывает его один из жителей Нортфилда.

Радость Моуди от помолвки Перси Фитта с Эммой прекрасно видна из письма-шутки, написанного в Провиденс, Род-Айленд, в отеле. Моуди позвал Эмму, чтобы та посмотрела на двоюродного брата, и обнаружил, что она собирается писать письмо своему нареченному. Моуди сделал это за нее: «Возлюбленный мой Перси, я не могу выразить словами, как сильно *я люблю тебя*, ты никогда не узнаешь на этом свете, как *я тебя люблю*. Твое последнее письмо заставило меня взлететь на облака от радости, но я полагаю, что дантист снимет меня обратно...»

Эмма и Перси поженились в мае 1894 г., Уилл и Мэй Уиттл — в августе. У. Р. Моуди с семьей поселились в маленьком домике на Горе Ермон, где Уилл работал в администрации.

В одно прекрасное раннее утро в августе 1895 г. из-за реки приехал на пароме всадник. Он заехал в дом майора Уиттла, а потом старая белая кобыла Оида проскакала по главной улице Нортфилда. Моуди услышал, «что я приближаюсь, и высунул голову в окно верхнего этажа.

— Хорошие новости? — спросил он.

— Да.

Моуди вывел наружу повозку.

— Вы слышали, что у меня родилась внучка? — окликнул он соседа, проезжая мимо. — Я везу ей подарок.

— Какой?

— Пончики!»

Он купил ей Библию: «В последние сорок лет эта вещь была самой дорогой для меня».

Рожденная в декабре 1895 г. Эмма Моуди Фитт сделала Моуди дважды дедушкой. Он посылал домой абсурдные письма. «Я только что слышал, что молоко, которым тебя поят дома, тебе не нравится, — писал он из Джорджии трехмесячной Эмме. — ...Это вина твоих родителей... Беги к мисс Джонсон или Флорри, они накормят тебя пончиками и мороженым, которые тебе понравятся, если не нравится бутылочка с молоком». Ирен он писал: «Когда наступит лето, я возьму Эмму и тебя к себе домой и покажу вам маленьких поросят, цыплят, уток, индюшек и множество всего... Я хочу, чтобы у тебя все было в порядке, пока я не вернусь, чтобы никто не беспокоил тебя во время сна, и ты была в хорошем настроении и смеялась оглушительно, и бегала по дому так, чтобы стены дрожали».

Когда погода была хорошая, Моуди редко выезжал из дома, не взяв с собой хотя бы одной внучки. 7 ноября 1897 г. появился на свет Дуайт Лайман Моуди-младший, и стало еще веселее. Никто не догадывался, что внуки ускорят последний кризис в жизни Моуди.

В 1898 г., в возрасте шестидесяти одного года, Моуди несло на гребне волны: кампании, учреждения, дом. Он предупреждал заболевшего Гэйлорда: «Ты должен бережно относиться к своей жизни. Когда человек начинает заниматься тем, чем занимаешься ты, он должен стараться прожить как можно больше, потому что сейчас каждый год стоит десяти годов твоей молодости», но сам Моуди не следовал своей собственной теории. Он не хотел давать поблажки своему слабому сердцу: «я попросил Господа, чтобы Он дал мне трудную работу» на зиму 1898 — 1899 гг.

Он отправился на Дикий Запад с миссис Моуди и Д. Б. Таунером в качестве певца, через Колорадо, Нью-Мексико, Аризону и по всей Калифорнии. В Денвере,

Колорадо, комитет, отправившийся навстречу, не мог отыскать Моуди: он «незаметно выбрался из заднего вагона поезда и теперь появился с чемоданом в руках, рядом с худощавым молодым человеком болезненного вида», с которым познакомился в поезде; и не обращал внимания на встречающий комитет, пока не посадил юношу на кэб до санатория. Денвер стремился слышать Моуди, но из Аризоны Таунер писал: «Нас окружает такая скверна, какой, мне казалось, в цивилизованных странах не бывает. Я был воистину удивлен, что мистер Моуди в таком почтенном возрасте мог пожелать здесь работать, потому как перспектив тут немного». В шахтерском городе Тусконе, где было шесть тысяч жителей, тридцать шесть пивных и четыре церкви, Моуди и Таунер вынуждены были сами раздавать приглашения.

30 ноября Моуди получил печальную телеграмму: маленький Дуайт умер после болезни, длившейся несколько месяцев. Моуди был в отчаянии. «Как мне хотелось бы быть с вами, чтобы утешить вас, — писал он Мэй, — но Господь вас утешит, сердце мое болит так, что не передать словами, когда я думаю о вас с Уиллом».

Он пригласил их на Запад вместе с трехлетней Ирен, и Уилл помогал проповедовать в окрестностях Лос-Анджелеса. Таунера сменил Стеббинс, и Моуди отважился пригласить петь женщину, мисс Боул, которую «Лос-Анджелес Таймс» назвала «чрезвычайно привлекательной» — «это настоящее сокровище, потому что у леди не только мощный голос, она еще способна больше “проливать слез”, чем любой исполнитель духовных песен на побережье».

Находясь в Лос-Анджелесе, Моуди получил приглашение в Австралию и Новую Зеландию. Он был вынужден отклонить его, но 15 831 подпись вселили в него уверенность.

Проведя три дня в Пасадене, Моуди начали продвижение на север. 1-го марта в Санта-Барбаре Ирен заболела воспалением легких. Моуди очень переживал и в

Стоктоне, и Сакраменто с нетерпением ждал телеграмм, которые Уилл, по его требованию, должен был высылать ему ежедневно. «Я получил сегодня телеграмму, что ей лучше, — писал он Торрею 11 марта, — но опасность еще не миновала, я хотел бы, чтобы ты помолился о них, если они потеряют ее, это будет ужасный удар, и сердце мое болит о них». «Если я не получу хороших новостей, — писал он 14 марта из Санта-Розы, — я завершу миссию и поеду туда... если они потеряют Ирен, я не знаю, что будет с ними, они так любят детей».

Температура спала, а миссия завершилась после шести дней пребывания в Сан-Франциско. Бремя любви и неизвестности оказалось слишком тяжелым для сердца Моуди.

33: Небеса открываются

По дороге на восток в апреле 1899 г. Моуди выступил перед своей собственной церковью в Чикаго, и наблюдавший за ним репортер не увидел «никакого признака старения: ни следа слабости, он такой же крепкий, как прежде».

Эта проповедь стала воистину его заветом на все времена. «Сегодня мне хотелось бы поговорить с вами о книге Деяний. Сейчас люди, кажется, думают, что могут держаться так далеко от Библии, как только возможно — лично я считаю, что чем ближе мы будем к апостольским временам, тем лучше... Человеческая природа за последние тысячу девятьсот лет не изменилась. Проповедовать Благою Весть, отличную от той, что пользовалась успехом во времена апостолов? О нет!» Он говорил о темных тучах, собирающихся на горизонте, предвидя охватившие весь мир мятежи и революции — до 1914 г. оставалось всего пятнадцать лет. «Что может спасти народ? Только сила пробужденной церкви, а церковь может пробудиться только если примет силу, которая знакома была когда-то

апостолам!» Он ответил шуткой на критику за то, что в его проповедях нет современных тенденций. «Если бы мое богословие отличалось от того, что я проповедовал тридцать лет тому назад, можно было бы связать его в узел и бросить в Миссисипи — пусть плывет в Мексиканский залив!»

За день до детройтской кампании он приехал в Нортфилд, «очень усталый, но нужно было пойти и посмотреть, как идут дела, подстегнуть их». Ирен болела туберкулезом. Моуди пригласил Уилла, Мэй и Ирен жить у себя. Началась августовская конференция. Немногие из присутствующих видели, что мысли Моуди постоянно были заняты Ирен, а в Чикаго Гэйлорд и Нортон удивлялись, почему их письма остаются без ответа. Каждый день он убегал из компании интересных выступающих, чтобы отвезти Ирен на прогулку. Он катал ее и ее мать необыкновенно нежно, «останавливался, произносил молитву и ехал дальше». Однажды он вернулся домой, держа на руках спящую Ирен, и не хотел сходить с повозки, пока она не проснется, но заснул сам.

Через день или два Дэн Сатерленд доил коров, «а мистер Моуди молился в зерновом амбаре, и я слышал отчетливо его слова: “Воля Господа, воля Господа”». Показывая Ф. Б. Мейеру ягненка Ирен, он не выдержал: «излил свое сердце в молитве, и мы преклонили колени в гостининой, моля Бога пощадить ее жизнь, если на то есть Его воля».

Ирен умерла 22 августа. «Он был с нами в комнате и сказал моему мужу:

— Уилл, у нас много работы. Пойдем, — вывел его наружу и заставил работать».

На похоронах Моуди неожиданно встал и заговорил об Илии, «который так много лет назад ждал в долине реки Иордан Божью колесницу, что заберет его домой. Колесница Божья снова спустилась с небес в долину реки Коннектикут вчера утром, около половины седьмого,

чтобы забрать домой нашу маленькую Ирен». Стоя на возвышении, оставшемся после конференции, рядом с Торреем, Мейером, Уилбуrom Чэпменом и юным Кэмпбеллом Морганом, «он выглядел изможденным и встревоженным», — подумала одна нортфилдская девочка. Гэйлору Моуди писал 11 сентября из Филадельфии: «Мне жаль, что я не отвечал, но моя дорогая маленькая внучка многие месяцы занимала почти все мои мысли».

Поездка в Филадельфию сама по себе была напряженной, потому что Джон Уэйнамейкер планировал зимнюю кампанию, подобную той, что проводилась двадцать три года назад, а в последний год или два Джон, близкий друг Моуди, состоял в тайной связи с женой другого человека. Открытого скандала не было. Уэйнамейкер остался выдающимся христианином, с энтузиазмом несшим Благую Весть. Моуди обнаружил факт прелюбодеяния и пригласил Уэйнамейкера вместе с женщиной к себе в гостиницу «Мюррей Хилл» в Нью-Йорке. Уэйнамейкер отказался оставить подругу. «Вот где было разбито сердце вашего дедушки», — сказала Эмма Фитт своей дочери, когда много лет спустя они остановились в отеле. С тех пор Моуди видел Уэйнамейкера редко, но что он мог сделать, если Филадельфия пожелала последовать призыву своего почетного горожанина и пригласить Моуди в январе 1900 г.?

Когда Моуди ехал в Чикаго на осенний съезд в конце сентября, он весил уже около 105 — 115 кг. «Я не хочу выступать в субботу днем», — к своему изумлению, прочел Гэйлорд во врученной ему записке, а в понедельник или вторник Моуди в последний момент велел Грею проповедовать вместо себя: «Я плохо себя чувствую».

Снова отправившись на Восток, он боролся с сильной простудой, выступил в Бостоне, проехал по всей Новой Англии и провел два дня в Нью-Йорке, где выступил очень сильно, даже миссис Моуди убедив в том, что он снова

чувствует себя хорошо, пока во вторую неделю ноября не настал день отъезда из Нортфилда в город Канзас, Миссури, где три выпускника «Горы Ермон» взбудоражили город и арендовали громадный зал для проведения восьмидневной кампании.

В предшествующее отъезду на Запад воскресенье Моуди проповедовал в часовне «Горы Ермон», подаренной ему на шестидесятилетие, а в самый день отъезда, незадолго до того, как Дэн Сатерленд отвез его на поезд, обратился к четырем сотням учениц Семинарии со своим излюбленным текстом: «Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое; испытай меня, и узнай помышления мои».

Он медленно вышел, а девочки пели благословение Нортфилда: «Да сохранит тебя Господь». Снаружи он стоял на ступеньках и слушал, пока не затихла последняя нота, и слезы катились у него по щекам.

Уэйнамейкер вел Моуди по улицам Филадельфии по направлению к вокзалу. «Я уговаривал его отложить поездку и вернуться домой, потому что мне казалось, что он плохо себя чувствует; но он твердо решил продолжать программу». Моуди глубоко вздохнул:

— Мне больше всего хотелось бы контролировать какой-нибудь из городов Атлантического побережья. Я думаю, если бы я мог овладеть Нью-Йорком или Филадельфией и отвести их к Богу, я повлиял бы на всю страну, до Тихого океана.

Он ехал на Запад один, потому что миссис Моуди была нужна в Нортфилде, где Мэй должна была родить через несколько дней, но он утешался, думая, что в Канзасе его ждут три мальчика из школы «Гора Ермон»: Чарли Вайнинг, который успешно работал в Объединенном национальном банке, Сид Бишоп, глава городской ИМКА, и Дэвид Бэйнс-Гриффитс, пастор, англичанин по происхождению. Моуди ненадолго задержался в Чикаго, проведая администрацию своего любимого Библейского института и выступил перед ним: «Он стоял перед нами в

лекционном зале, и когда закончил говорить, одна рука лежала на столе, другой он слегка жестикулировал, по лицу текли слезы; он сказал:

— Мне нужна сила! Молитесь обо мне, чтобы мне дана была сила Святого Духа. Это все, что мне нужно».

Репортеры Канзаса встречали поезд Моуди в субботу, 11 ноября 1899 г. Он хорошо выглядел и «говорил, что чувствует себя в форме, чтобы начать кампанию», но, когда Чарли Вайнинг пришел к нему в отель «Коатс-хауз», «он извинился, что не встает, пожимая мне руку, потому что очень устал. Днем мы с ним и Бэйнсом-Гриффитсом поехали кататься по городу; он был в хорошем настроении и шутил, но мне показалось, что он не был похож на себя». Вайнинг сказал другим «ермонитам», что они должны беречь Моуди от посетителей. «Мальчики решили, что лучше будет отвезти его в зал».

Зал «Конвеншн-холла», громадного здания, которое использовали для выставок лошадей, опер и балов, в течение двух воскресений был совершенно заполнен, а помещалось в нем около пятнадцати тысяч человек, «большая арена была похожа на долину, полную обращенных вверх лиц, а балконы были как холмы, покрытые бесчисленными людьми». Моуди «проповедовал с прежним пылом и рвением», голос его звучал так, «словно он говорит что-то личное кому-то в восьмом или десятом ряду, но слова без усилий достигали всех уголков помещения». На обеих службах он говорил по «моему старому тексту»: «Что посеет человек, то и пожнет». Потом он радостно заявил, что все это напоминает ему великие дни в Филадельфии в семидесятые годы.

Ночью в отеле, чувствуя себя одиноко, он отдался воспоминаниям и написал на бланке отеля письмо Джейн Маккиннон: «Я здесь совсем один думаю о прошлом и вспомнил вас и вашего доброго мужа и я так хочу увидеть вас обоих еще раз мне было бы приятно видеть вас всех и покататься по западному побережью еще раз интересно

понравилась ли бы мне ваша новая лошадь так же как старая.

Я не могу описать как мне не хватает дорогого Драммонда кажется невозможным что я больше не увижу его на земле и как мы хорошо проведем время когда попадем на небеса подумайте только сколько из нас ушли домой с 1873 когда мы встретились впервые я тоскую по ним иногда но я не могу прекращать работу которую Господь поручил мне и мне слаще работать теперь чем когда-либо и я думаю возникли источники которые будут вечно течь какая радость собирать урожай и помогать работе Бога».

В понедельник он сказал Чарли Вайнингу, что плохо спал, «но я не должен никому этого рассказывать, чтобы не проведали газеты». В тот день он неизменно стоял на кафедре, и боль в груди (он ничего не говорил о ней жене, потому что она могла запретить ему ехать в Канзас) усиливалась, пока он проповедовал. Потом он вернулся в свою комнату и был благодарен массажисту, присланному Вайнингом. Но массаж не помог. Моуди пытался сидеть в кресле прямо. «Ночь была ужасной».

Его певец, Ч. Ч. Кэйз, за завтраком «увидел, что он бледен и мало ест... Конечно, я знал, что, если он не выспится, то плохо себя чувствует», и наконец Моуди позволил ему позвонить доктору Шауферу, горчичный пластырь которого немного облегчил боль. «После этого он произнес шесть проповедей, но я видел, что с каждым разом он становится все слабее». Ему вручили телеграмму. Родилась Мэри Уиттл Моуди. «Спасибо за добрую весть, — телеграфировал Моуди в ответ. — Я уже чувствую, как сердце мое стремится к ней... Спасибо Богу за еще одну внучку». Скоро он уже торопливо царапал письмо новой внучке — как они все будут вместе играть. Вайнинг сидел около него ночью во вторник и среду, и Моуди спал гораздо лучше, а, проснувшись, болтал с Чарли о школе, Уилле и внуках. Теперь его возили в зал в карете.

Кампания достигла своего апогея. Моуди сказал Кэйзу, что она ему нравится «так, как никакая из прежних». Огромный интерес к его проповедям убедил его, что он еще может принести пользу, и он снова забыл об усталости и боли.

— Посмотрите на мир иной! — кричал он тысячам собравшихся и указывая привычным жестом на небеса. — Там нет смерти, нет боли, печали, старости, болезней, нет рабства, печальных взглядов и слез. Там есть только радость, мир, счастье. Никаких седин. Все молоды. Подумайте об этом! Жизнь! Жизнь! Жизнь без конца! Однако так много людей предпочитают жизнь на земле жизни на небесах. Не замыкайтесь в сердце своем, примите жизнь вечную. Только примите дар, возьмите его — и все. Принимаете?

После вечерней проповеди в четверг он был «весь в поту... Я никогда не видел его таким уставшим», — пишет Вайнинг, и по дороге на собеседование после собрания, в котором он не принимал участия, Моуди вынужден был передохнуть, прислонившись к воротам. В карете он сказал Бэйнс-Гриффитсу: «Дэвид, у меня нет больше сил», — и по возвращении в свой номер просидел на стуле два часа, не шевелясь. Ночью он бредил, но наутро убедил Вайнинга, что выдержит.

Только после обеда в пятницу он разрешил им телеграфировать в Нортфилд, организовать его возвращение домой и поручить Торрею завершить кампанию.

Доктор и миссис С. М. Нейл, полевые секретари Железнодорожного благовестия, предоставили в его распоряжение вагон-часовню «Посланник мира» и проводили его до Сент-Луиса. Моуди покинул Канзас в девять сорок пять вечера в пятницу, Вайнинг и врач были с ним в течение всего путешествия, которое длилось две ночи и день.

Ему тут же стало лучше. Семье посылали полные надежды телеграммы. В субботу вечером поезд достиг Детройта поздно, из-за неполадок с мотором, и Вайнинг боялся, что они не успеют пересесть на другой поезд. Когда машинист, который должен был везти их на следующем участке пути, узнал, что на поезде едет мистер Моуди и он болен, он послал им записку: «Скажите ему, что я обратился благодаря ему пятнадцать лет назад и всем ему обязан. Скажите мистеру Моуди, что за мотором — его друг, потерпите!» Они проделали путь из Детройта до Сент-Томаса через Канаду со скоростью 1,6 км в минуту, включая остановки.²⁶

Миссис Моуди и Уилл поехали на Запад, чтобы встретить Моуди, но разминулись с ним. Пол, поспешно приехавший из Йеля, прибыл в Гринфилд рано утром в воскресенье, «и почувствовал облегчение, когда он в своей характерной манере стал упрекать меня в том, что мои лошади — всегда самые медленные... и смеяться над моей осторожностью». В Поместье Моуди вынужден был сделать передышку перед тем, как подняться вверх по лестнице, потом взошел на нее со своей обычной скоростью, но от чая отказался и лег в постель.

Письма и телеграммы стали слетаться в Нортфилд. В воскресенье вся страна молилась за Моуди. «Даже грубый народ Адирондака, — писал один друг, — интересуется твоим состоянием. Как радостно знать, что люди вручили тебе свои сердца, по велению Божьему». Америка и весь мир с нетерпением ждали вестей о состоянии здоровья Моуди, радуясь тому, что «его болезнь не так серьезна, как мы боялись». Совершенно незнакомые люди писали ему. «Может быть, я не совсем согласна с вашими взглядами, — писала женщина из Грэнби, Массачусетс, — но я верю в вас от всей души. Ваша искренность, честность,

²⁶ Этот замечательный случай подтверждается в письме от директора Железнодорожной компании «Уэбеш», Перу, Индиана, к У. Р. Моуди от 24 ноября 1899 г., это ответ на его благодарность.

откровенность помогли мне больше, чем вы можете себе представить. В вас нет ни грамма притворства».

Моуди ненавидел быть прикованным к постели и с нетерпением считал дни в ожидании момента, когда сможет вернуться к работе, хотя бы ходить. Большую часть времени он сидел, любуясь своим излюбленным видом на долину, болтал с членами семьи, которые составляли ему компанию, спрашивал новости о мальчиках и девочках, понемногу каждый день играл с малышкой Эммой и планировал рождественские праздники, пытался смеяться или, по крайней мере, подшучивать над «неприятной, но действенной» заботой врача. Пол вернулся в колледж, и в начале каникул «мы все еще надеялись».

Для Моуди прошедшие шестьдесят два года казались только вступлением.

«Однажды вы прочитаете в газетах, что Моуди умер, — сказал он в Нью-Йорке жарким воскресеньем в августе 1899 г. — Не верьте! Я буду еще более живым, чем теперь... Я родился от плоти в 1837-м, я родился от Духа в 1855-м. Рожденное от плоти смертно, рожденное от Духа вечно». Его ждала не просто вечность, но вечность со Христом. Вечером 21 декабря, лежа в постели в Нортфилде, Моуди написал карандашом, по-прежнему твердой, почти не ослабленной болезнью рукой: «Видеть Его звезду хорошо, но видеть Его лицо будет еще лучше».

На рассвете следующего дня, 22 декабря 1899 г., в пятницу, Моуди пробудился от недолгого сна, которым забылся после тяжелой ночи, он становился все слабее.

Вдруг Уилл услышал «медленно и размеренно произнесенные слова:

— Земля отступает, передо мной открываются небеса!»

Уилл подбежал к отцу.

— Нет, это не сон, Уилл. Это прекрасно. Это как транс. Если это — смерть, то как она сладка! Бог зовет меня, и я должен идти. Не зовите меня обратно!

В этот момент вошла миссис Моуди.

— Отец, пришла мама!

Моуди сказал «слабым, но ясным голосом»:

— Мама, ты была замечательной женой, — и начал впадать в беспамятство, бормоча:

— Никакой боли, никакой долины, это блаженство.

Доктор Вуд, который дежурил ночью у постели больного, вошел и сделал ему укол. Эмма и Перси, Пол, Джордж Моуди собрались вокруг. В комнате становилось светлее, рассветало, снаружи лежал снег. Моуди пришел в себя и спросил, почему они собрались. По воспоминаниям миссис Моуди, записанным в тот же день, «потом он сказал:

— Что все это значит? Я, наверное, был в трансе. Я видел небесные врата. Представляете, это так замечательно, я видел детей!

Уилл спросил:

— Отец, ты правда их видел?

Он ответил:

— Да, я видел Ирен и Дуайта, — и когда Уилл заплакал, добавил:

— Ты не должен плакать, Уилл, ты должен работать.

Уилл произнес с тоской:

— Если бы только я мог уйти туда!

Но он возразил:

— Нет, Уилл, ты должен работать».

Он снова впал в беспамятство, а когда пришел в себя, разделил надзор за учебными заведениями между детьми. Когда Эмма спросила, чем будет заниматься ее мать, мелькнул проблеск прежнего юмора:

— Ваша мать — она как Ева, она мать всех нас!

— Не покидай нас, отец! — заплакала Эмма.

— Я не отказываюсь от жизни. Я останусь здесь, сколько смогу, но время мое подошло, и я готов.

Потом он сказал:

— Я думаю, что встану на ноги! Может быть, я не умру. Если Бог захочет, Он может совершить чудо. Я встану. Доктор, ведь я на стуле так же смогу умереть, как в постели?

Он отмахнулся от сиделки, которая хотела его укутать. Снова блеснул юмор, как последний луч летнего солнца:

— Я думаю, первое, что вы должны будете сделать, — это уволить доктора!

Он поднялся и сел на стул почти без посторонней помощи и несколько минут сидел неподвижно. Потом у него закружилась голова, и он позволил снова уложить себя в постель.

Вечность уже звала его. Ничто не могло его удержать. Прибыла колесница.

Основные источники

Рукописи и т. п.

БУМАГИ МОУДИ

В Чикаго:

(а) *Коллекция Уэшберна*. Ранние письма Моуди и др., собранные его младшей сестрой, миссис Франклин Брайант Уэшбюм, дочь которой передала их Библейскому институту Моуди.

(в) *Переписка Библейского института*. В основном переписка Моуди с Р. А. Торреем и А. Ф. Гэйлордом.

(с) *Переписка Ассоциации распространителей литературы*. В основном переписка Моуди и Уилльяма Норттона.

(d) *Разное*, в том числе много рукописных собственноручно написанных посланий от ранних чикагских друзей Моуди и фотокопии переписки Мак-Кормика.

В Нортфилде:

(а) *Собрание миссис У. Р. Моуди*. В основном ранняя семейная переписка, письма Моуди и его жены к У. Р. Моуди, письма от американских и британских друзей, в особенности соболезнования о смерти Моуди и письма, касающиеся его биографии 1900 г.

(в) *Собрание миссис Э. М. Пауэлл*. В основном семейная и прочая переписка Моуди, собранная его дочерью и расширенная миссис Пауэлл, в том числе переписка Моуди и Маккиннонов, рукописные «Воспоминания» миссис Маккиннон и дневник миссис Моуди 1873 — 1875 гг.

(с) *Школьная переписка*. Письма Моуди и других из архивов Нортфилдской семинарии и «Горы Ермон».

(d) *Дневники Д. У. Уиттла* 1875 — 1876, 1883 — 1884, рукописи из собрания миссис У. Р. Моуди.

(e) *Воспоминания Мэй Уиттл Моуди* (Mrs. W. R. Moody), записанные на пленку автором. (f) *Воспоминания мистера и миссис Дэниэль Ф. Сатерленд*, записанные на пленку автором.

Другие неиздававшиеся источники

Дневник 7-го графа Шафтсбери (рукописи из архивов Броудленда).

Мемуары Джона Бартона и его супруги (Предоставленные последней миссис Джесс Бартон из Кембриджа).

Higginbotham, Sam. *Recollections of D. L. Moody* (документ, с которым автор ознакомился в Ландоре, Северная Индия, 1929). Архивы «Горы Ермон».

Holton, W. T. *D. L. Moody as I Knew Him*. T/S, Архивы «Горы Ермон».

Powell, Elmer W. *Moody of Northfield: A Revelation*. T/S, 269 pp., с примечаниями автора. 1940. (Crozier.)

Были использованы также несколько неопубликованных трудов о Д. Л. Моуди.

Печатные источники

(Это *не* библиография, привести которую не позволяет объем, и список не охватывает все труды, которые были использованы автором.) L. = Лондон. N.Y. = Нью-Йорк. С. = Чикаго.

БИБЛИОГРАФИЯ

Smith, Wilbur M. *An Annotated Bibliography of D. L. Moody*. С. 1948 (очень полная; приводятся некоторые неопубликованные документы).

КРАТКИЙ СПИСОК ПРОПОВЕДЕЙ И ДРУГИХ РЕЧЕЙ МОУДИ

Addresses by D. L. Moody. L. 1875 (анонимное издание Генри Драммонда).

D. L. Moody's Addresses. Подписано им лично. L. and C. 1876.

New Sermons, Addresses and Prayers by Dwight Lyman Moody. (Неавторизовано, ed. Henry G Goodspeed.) С. 1877.

The Gospel Awakening: Sermons and Addresses of the Great Revival Meetings conducted by Moody and Sankey. (Неавторизовано. Copyright L.T. Palmer, 1877. 3rd ed. Scammell, St. Louis. 1878.)

Moody's Talks on Temperance. Ed. J. B. Dunn. N.Y. 1877.

Notes From My Bible. By D. L. Moody. N.Y. 1895.

Daily Gems: The D. L. Moody Year Book. Подборка сделана Эммой Моуди Фитт. С. n.d. *Echoes from Pulpit and Platform*. Ed. C. F. Goss. Hartford, Conn. 1900.

(Более подробный список кратких трудов Моуди, в том числе разных переизданий *Пути к Богу*, *Небесам* и т. д. смотрите в Wilbur M. Smith, выше. Многие из них до сих пор выходят в издательствах Moody Press и Fleming H. Revell.)

БИОГРАФИИ МОУДИ

(В хронологическом порядке. Список не полон, достоверность материала не гарантируется.)

- 1875 Daniels, W. H. D. L. *Moody and His Work*. L. and N.Y.
Clark, R. W. *The Work of God in Great Britain*. N.Y.
- 1876 Goodspeed, E. J. *The Wonderful Career of Moody and Sankey in Great Britain and America*. N.Y.
- 1877 Boyd, R. *The Life and Labors of Moody and Sankey*. Toronto. Daniels, W. H. *Moody, His Words, Works and Workers*. N.Y. Nason, E. *Lives of Moody, Sankey and Bliss*. Boston.
- 1900 Moody, W. R. *The Life of Dwight L. Moody*. N.Y. and L. Chapman, J. Wilbur. *The Life and Work of Dwight L. Moody*. Philadelphia and C. Davis, G. T. B. *Dwight L. Moody: The Man and His Mission*. C. Drummond, Henry. *Dwight L. Moody: Impressions and Facts*. (Статьи 1894 — 1895 гг., с личной благодарностью Джорджа Адама Смита.) N.Y. Fitt, A. P. *The Shorter Life of D. L. Moody*. C. (В первом издании стоит имя Пола Моуди как соавтора.) Goss, C. F. *Echoes From Pulpit and Platform*. Hartford, Conn. (с биографическим очерком).
- 1905 J. M[ackinnon]. *Recollections of D. L. Moody*. Priv Edinburgh.
- 1907 Farweli, J. V. *Early Recollections of D. L. Moody*. C.
- 1915 McDowell, John. *Dwight L. Moody, Discoverer of Men and Maker of Movements*. N.Y. 1923 Torrey, R. A. *Why God Used D. L. Moody*. C.
- 1927 Bradford, Gamaliel. *D. L. Moody: A Worker in Souls*. N.Y.
- 1928 Erdman, C. R. *D. L. Moody: His Message for To-Day*. N.Y.
- 1930 Moody, W. R. *D. L. Moody*. N.Y.
- 1931 Speer, Robert E. *D. L. Moody: Founder's Day Address*. Northfield.

- 1936 Day, Richard Ellsworth. *Bush Aglow*. Philadelphia.
 1937 Fitt, A. P. *Moody Still Lives*. N.Y.
 McDowell, John (ed.). *What D. L. Moody Means to Me*.
 Northfield.
 1938 Moody, Paul. *My Father*. Boston.
 1943 Powell, Emma Moody. *Heavenly Destiny: The Life Story
 of Mrs. D. L. Moody*. С.
 1962 Curtis, Richard K. *They Called Him Mr. Moody*. N.Y.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Периодические издания учреждений Моуди

- The Hermonite*, 1887 —
Moody Monthly {formerly *Institute Tie*, 1891, 1900 —
 1910.
Christian Worker's Magazine, 1910 — 1920.
Moody Bible Institute Monthly, 1920 — 1938.)
Mount Hermon Alumni Quarterly, 1902 —
Northfield Schools Bulletin, 1912 —
Northfield Echoes, 1894 —
Record of Christian Work, 1881 —

Было изучено также множество основных газет и периодических изданий Америки и Британии, составлены картотеки и собрания заметок. Особо следует упомянуть *Advance* (Чикаго,

1876 —), *Christian* (Лондон) и специальный выпуск *Congregationalist and Christian World* (Бостон) от 12 ноября 1914 г., посвященный Моуди. Очень много ценного материала можно найти в изданиях 1937 г., в честь столетнего юбилея Моуди.

ПАМФЛЕТЫ

- Chicago Young Men's Christian Association Ninth
 Annual Report*. С. 1867.
 'I. A. M. Cumming'. *Tabernacle Sketches*. Boston. 1877.

Dale, R. W. *Mr. Moody and Mr. Sankey*. L. 1875. *The Day of Salvation: A Reply to the Letter of the Archbishop of Canterbury*. L. 1875.

Kennedy, J. *Hyper-Evangelism, 'Another Gospel' though A Mighty Power*. Dingwall. 7th ed. 1875.

Manual of the Illinois Street Independent Church. C. 1867.

Moody, W. R. *The Story of the Northfield Schools*. [Northfield. 1930.]

Popham, J. K. *Moody and Sankey's Errors Versus the Scriptures of Truth*. L. 1875.

Varley, Henry. *Souvenir Account of Conversation with Mr. D. L. Moody in 1872*. Boston. 1902.

КНИГИ

Aberdeen and Temair, Lord and Lady. *We Twa*. L. 1925.

Anon. *Harriet Ford Cutler*. Northfield, n.d.

Benson, A. C. *The House of Quiet*. L. 1910.

Blanchard, F. C. *Charles Albert Blanchard*. N.Y. 1932.

Braithwaite, R. *Life and Letters of Rev William Pennefather*. L. 1878.

Brown, W. A. *Morris Ketchum Jessup*. N.Y. 1910.

Cook, Fredk Francis. *Bygone Days in Chicago*. C. 1910.

Cooke, Sarah A. *Wayside Sketches*. Grand Rapids, n.d.

Coyle, Thomas. *The Story of Mount Hermon*. Mt. Hermon. 1906.

Cuyler, Theodore L. *Recollections of A Long Life*. N.Y. 1902.

Dale, A. W. W. R. W. Dale. L. 1899.

Davidson, David. *Memories of A Long Life*. Edinburgh. 1890.

Davidson, R. T. and Benham, W. *Archibald Campbell Tait*. L. 1891.

Day, R. W. *A New England Schoolmaster*. Bristol, Conn. 1950.

DeRemer, Bernard R. *Moody Bible Institute: A Pictorial History*. C. 1960.

Dodge, D. S. *Memorials of William E. Dodge*. N.Y. n.d.

Farwell, Abby. *Reminiscences of John V. Farwell*. C. 1928.

Gammic, A. *John McNeill*. L. n.d.

Gibbon, H. A. *John Wanamaker.*, N.Y. 1926.

Gronfell, Wilfred. *A Labrador Doctor*. L. 1919.

Grubb, Norman. *C. T. Studd*. L. 1933.

Hartzler, H. B. *Moody in Chicago*. C. 1894.

Hogg, E. M. *Quintin Hogg*. L. 1904.

Howard, O. O. *Autobiography*. N.Y. 1907.

Hutchinson, W. T. *Cyrus Hall McCormick: Harvest*. N.Y. 1935.

MacEwan, A. R. *Life and Letters of John Cairns*. L. 1895.

McLoughlin, W. G. *Modern Revivalism*. N.Y. 1959.

Macpherson, J. *Henry Moorhouse*. L. n.d.

Mears, D. O. *Edward Norris Kirk*. Boston. 1877.

Morgan, G. E. *A Veteran in Revival*. L. 1909.

Morse, Richard C. *History of North American YMCA*. N.Y. 1913. *My Life with Young Men*. N.Y. 1918.

Moss, L. *Annals of the US Christian Commission*. Philadelphia. 1868.

Needham, G. *Recollections of Henry Moorhouse*. C. 1881.

Parsons, Herbert C. *A Puritan Outpost*. N.Y. 1937.

Phelps, William Lyon. *Autobiography with Letters*. N.Y. 1939.

Pierce, Bessie Louise. *A History of Chicago*. Vol. II. N.Y. 1940.

Pierson, D. L. *Arthur T. Pierson*. N.Y. 1912.

Pollock, J. C. *A Cambridge Movement*. L. 1953. *The Cambridge Seven*. L. 1955.

Runyan, W. M. *Dr. Gray at Moody Bible Institute*. N.Y. 1935.

Sankey, Ira D. *My Life and the Story of the Gospel Hymns*. N.Y. 1906.

Shanks, T. J. *Gems from Northfield*. C. [1881]. *D. L. Moody at Home*. N.Y. 1886.

Silverthorne, M. E. and Moody, P. D. *Life Story of Evelyn Hall*. N.Y. 1914.

Simpson, P. Carnegie. *Life of Principal Rainy*. L. n.d.

Smith, G. A. *Henry Drummond*. L. 1899.

Stebbins, George C. *Reminiscences and Gospel Hymn Stories*. N.Y. 1924.

Stuart, George H. *Life, written by Himself*. Philadelphia. 1890.

Trumbull, C. G. *Life Story of C. I. Scofield*. N.Y. 1920.

Varley, H. *Henry Varley's Life Story*. L. n.d.

Weisberger, Bernard A. *They Gathered At The River*. Boston. 1958.

Wells, J. *James Hood Wilson*. L. 1904.

Whittle, D. W. *Memoirs of Philip P. Bliss*. N.Y. 1877.

Wilder, Robert P. *The Great Commission*. L. 1936.

Willard, Frances E. *Glimpses of Fifty Years*. C. 1899.

Об авторе

Джон Поллок родился в 1923 г. в семье потомственного юриста. После военной службы в гвардии в Колдстриме он окончил Кембриджский университет (колледж Тринити) и был рукоположен в Английской церкви. В 1958 г. он отказался от сельского прихода, чтобы посвятить все свое время написанию книг. Джон Поллок и его жена Анна много путешествовали по миру с исследовательской целью. Они живут в Девоншире. В свободное время играют в теннис, любят пешие прогулки по долинам и горам.

Джон Поллок — один из наиболее известных христианских биографов нашего времени, автор, по меньшей мере, четырех классических произведений, среди которых «Учитель» и «Апостол». Он описал жизни таких известных проповедников, как Уайтфилд, Уэсли и Моуди; а также деятелей Реформации (труд об Уилберфорсе, вероятно, является одним из лучших его произведений) и воинов христианства (его последняя книга — о Гордоне из Хартума). Он — автор официальной биографии Билли Грэма, сейчас работает над четвертым томом. Четырехмиллионный тираж книг Поллока разошелся в Англии, их можно прочесть и в переводах на другие языки. В работе над биографией Моуди 35 лет назад Поллок использовал воспоминания, бумаги и помощь невестки проповедника, миссис Уилл Р. Моуди.